ЭМÉ ПЮШЪ

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ

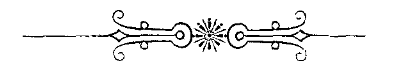
и

НРАВЫ ЕГО ВРЕМЕНИ.

Сочиненіе, удостоенное преміи Французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.

Переводъ съ французскаго

А. А. Измайлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л.
Гостиный дворъ 45.
1897.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется С. Петербургъ, 31 Января 1897 года

Цензоръ Протоіерей *А. Автономовъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Необычайно громкая слава, какою вполнѣ заслуженно пользуется имя святителя Іоанна Златоуста, освобождаетъ автора и переводчика отъ обязанности знакомить читателя съ его жизнью и дѣятельностью. Авторъ предлагаемаго труда предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ высокою личностью вселенскаго учителя. Только иногда въ бѣгломъ очеркѣ онъ обозрѣваетъ факты его жизни, и, если подчасъ довольно обстоятельно останавливается на извѣстныхъ моментахъ его дѣятельности, какъ напримѣръ, на его архіепископскомъ служеніи въ Константинополѣ и борьбѣ съ императрицей Евдоксіей, то дѣлаетъ это главнымъ образомъ потому, что такіе моменты существенно важны для нравственной характеристики изображаемой эпохи.

Появленіе предлагаемаго въ настоящемъ переводѣ труда французскаго ученаго вызвано предложеніемъ французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ „изслѣдовать по твореніямъ св. Іоанна Златоуста, каковы были нравы его времени, и разсмотрѣть съ нравственной точки зрѣнія способъ его сужденія о нихъ“. Тою-же Академіею изслѣ-

дованіе было удостоено преміи.—Такъ какъ „до настоящаго времени этотъ предметъ не былъ изслѣдованъ въ полномъ объемѣ и съ такими подробностями, какихъ оно заслуживаетъ“, то вполнѣ естественно, что, при выполненіи своей задачи, авторъ долженъ былъ встрѣтить весьма значительныя трудности. „Я не скрываю отъ себя,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—что трудъ, подобный моему, представлялъ особенныя опасности, потому что онъ въ одно и то-же время относился и къ области монографіи, и къ области общей исторіи. Я пытался, по мѣрѣ возможности, совмѣстить требованія той и другой. Судить, насколько мнѣ это удалось,—дѣло читателя; съ своей стороны, я прошу только помнить, что трудность заключалась въ самой природѣ предмета“.

„Мнѣ кажется, что общество IV-го вѣка по острому кризису, какой оно переживаетъ, по тому, что́ оно сохраняетъ отъ прошлаго и созидаетъ для будущаго, по невѣроятной спутанности вѣрованій и шаткости нравовъ, по контрасту крайней распущенности и благороднѣйшихъ порывовъ къ высочайшему идеалу, наконецъ, по индифферентности или суевѣрію однихъ и по пламенной и просвѣщенной вѣрѣ другихъ людей того времени—представляетъ живѣйшій интересъ для всѣхъ тѣхъ, кто интересуется исторіей, психологіей и моралью. Но всего болѣе мнѣ хотѣлось высказать въ этой книгѣ то глубокое удивленіе, какое одушевляло меня по мѣрѣ того, какъ я болѣе и болѣе узнавалъ личность человѣка, который изъ всѣхъ христіанъ своего вѣка былъ, безспорно, самымъ вѣрнымъ евангельскому духу“.

О полной возможности выполненія труда, предпринятаго на основаніи однихъ твореній св. Златоуста, безъ постояннаго сопоставленія его показаній съ показаніями другихъ писателей, о новизнѣ своей работы, о трудностяхъ, пред-

ставлявшихся при изученіи этой отдаленной эпохи, и, наконецъ, о планѣ своего изслѣдованія,—авторъ довольно обстоятельно говоритъ въ предпосланномъ своей книгѣ введеніи. Въ первой половинѣ этой вступительной статьи онъ задается цѣлью „прежде чѣмъ начать новое изслѣдованіе, вкратцѣ обозрѣть предшествовавшіе труды и высказать мнѣніе какъ относительно главныхъ издателей твореній св. Златоуста, такъ и относительно главныхъ его историковъ". Но такъ какъ всѣ разбираемые труды, за единственнымъ исключеніемъ, не сдѣлались еще достояніемъ русской богословской литературы, то и критическая оцѣнка ихъ можетъ представлять интересъ только для весьма незначительной части русской публики, знакомой съ этими произведеніями въ оригиналѣ. И переводчикъ едва ли подвергнется упреку за то, что онъ счелъ себя вправѣ ограничиться только приведеніемъ второй половины введенія, излагающей взгляды автора на сущность своей работы и представляющей безспорный интересъ для всякаго.

„Творенія св. Златоуста изобилуютъ любопытными свѣдѣніями о нравахъ его времени. Въ этомъ отношеніи съ нимъ нельзя сравнить ни одного церковнаго оратора. Такъ какъ его проповѣдь является чисто практическою и житейскою, то мы не найдемъ у него ни одной бесѣды, ни одного трактата, гдѣ бы онъ прямо не обличалъ какого-либо порока, наиболѣе общаго руководимой имъ паствѣ. Притомъ, здѣсь не можетъ быть рѣчи о безплодной тратѣ краснорѣчія. Онъ вступаетъ въ безпощадную борьбу съ пороками и является слишкомъ хорошимъ моралистомъ, чтобы не знать, что первое средство уврачевать нравственный недугъ—хорошо узнать и ярко изобразить его, проникнуть въ его глубокія причины, дать почувствовать его непосредственныя и отдаленныя слѣдствія. Такъ онъ понимаетъ свою задачу, такъ и

выполняетъ ее съ глубокою проницательностью человѣка, привыкшаго читать въ сердцахъ, съ высокимъ краснорѣчіемъ одного изъ даровитѣйшихъ, когда либо существовавшихъ ораторовъ, съ пылкою ревностію христіанина, не останавливаемаго никакимъ личнымъ соображеніемъ. Но и это еще не все. Св. Златоустъ—урожденецъ Востока, сиріецъ, а сирійцы, какъ замѣтилъ Монфоконъ,*) ссылаясь на выраженіе бл. Іеронима, особенно любили пользоваться сравненіями: это былъ одинъ изъ обычныхъ пріемовъ ихъ риторики. И у св. Іоанна сравненія, дѣйствительно, весьма часты и не только намѣчены бѣглыми чертами, но въ большинствѣ случаевъ охотно имъ развиты и доведены до подробностей. Отсюда новый источникъ точныхъ свѣдѣній и картинныхъ описаній. Безспорно, сирско-эллинская цивилизація IV-го вѣка оживаетъ передъ нами въ бесѣдахъ св. Златоуста гораздо лучше, чѣмъ въ рѣчахъ Ливанія или въ его довольно безсодержательной перепискѣ, и гораздо ярче, чѣмъ въ трудѣ Амміана; хотя, правда, и историкъ, и софистъ сообщаютъ намъ многое о своемъ отечествѣ, о той Антіохіи, которую они оба любили благоговѣйною любовью. Сверхъ того, св. Іоаннъ, предлагающій намъ сколько одушевленную, столько же и точную картину, не только даетъ намъ разсказъ, но и произноситъ свой судъ. И если его вѣра и ревность необходимо дѣлаютъ его иногда нѣсколько пристрастнымъ, то превосходство его ума,—столь ярко блещущее сравнительно съ посредственностью Ливанія, что между ними невозможно никакое сопо-

---

*) Бернардъ Монфоконъ, монахъ Бенедиктинскаго ордена († 1741), болѣе двадцати лѣтъ трудившійся надъ изданіемъ полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста и оставившій въ высшей степени цѣнныя изслѣдованія о подлинности, времени и мѣстѣ написанія и содержаніи твореній св. Іоанна.

Прим. перев.

ставленіе,—и вмѣстѣ возвышенность его характера, отъ которой, безъ сомнѣнія, далекъ даже благодушный Амміанъ, при всей своей прямотѣ и честности,—придаютъ его сужденіямъ необычайную силу.

„Итакъ, изображеніе на основаніи свидѣтельства св. Златоуста нравовъ IV-го вѣка, въ частности—Антіохіи и Константинополя, равно какъ обсужденіе этого свидѣтельства и строгая оцѣнка его—до сего дня еще не были предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, хотя всѣ ученые, писавшіе о Златоустѣ, въ своихъ трудахъ пользовались случаемъ затрогивать существеннѣйшія черты. Правда, знаменитый издатель твореній св. Златоуста, Монфоконъ, написалъ спеціальную диссертацію подъ заглавіемъ: *„обычаи и обряды вѣка Θеодосія Великаго и его сына Аркадія"*, въ которой собралъ главные тексты изданнаго имъ писателя: о роскоши двора и богачей, о циркѣ, театрѣ и играхъ, о суевѣріяхъ, судахъ, бракахъ, общественныхъ дорогахъ, философахъ, похоронахъ и пр. Но въ этомъ рядѣ статей, не связанныхъ никакимъ планомъ,—что можно видѣть уже изъ сдѣланнаго нами перечня заглавій,—нельзя найти ничего, кромѣ очень сухого свода фактовъ. Это не болѣе, какъ указатель, или, если угодно, выборка текстовъ для примѣчаній къ словарю древностей, а вовсе не то изслѣдованіе, вмѣстѣ и историческое; и нравственное, какое Академія имѣла намѣреніе вызвать въ свѣтъ.

„Такое изслѣдованіе представляетъ нѣкоторыя особенныя трудности, которыя нужно выяснить. И прежде всего, трудность является въ необходимости оцѣнить свидѣтельство св. Златоуста. Очень большою распространенностью пользуется мнѣніе, что проповѣдникъ обыкновенно склоненъ къ преувеличенію, и что поэтому должно опасаться принять проповѣдническое слово буквально. Мы не знаемъ, нужно ли относиться съ такимъ недовѣріемъ только къ посредственнымъ пропо-

вѣдникамъ, или же и лучшихъ изъ нихъ слѣдуетъ признать менѣе правдивыми, чѣмъ мы склонны думать, но, во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о св. Златоустѣ, эта опасность является меньшею, чѣмъ относительно большинства другихъ. Онъ избѣгалъ общихъ мѣстъ и риторическихъ декламацій и живо интересовался тѣмъ дѣйствіемъ, какое ежедневно производилъ на своихъ слушателей. Мы не думаемъ, что онъ раздѣлялъ то мнѣніе, будто проповѣдникъ всегда долженъ усиливать тонъ („стучать, какъ глухой"), такъ какъ онъ всегда былъ чутокъ къ малѣйшимъ впечатлѣніямъ своей паствы, и по выходѣ ея изъ храма и нерѣдко въ самомъ храмѣ. Въ этой школѣ ему не нужно было много времени для убѣжденія въ томъ, что урокъ достигаетъ цѣли только тогда,когда онъ справедливъ и строго соразмѣренъ. Разъ допустивъ преувеличеніе, вызывающее улыбку, онъ подвергнется опасности уничтожить плодъ весьма благоразумныхъ и законныхъ увѣщаній, среди которыхъ оно ошибочно проскользнуло. Мы думаемъ, что вообще можно съ полнымъ довѣріемъ относиться къ слову св. Златоуста, и очень поверхностно будетъ сужденіе того, кто, уступая первому впечатлѣнію и въ особенности будучи пораженъ жаромъ и блескомъ пылкаго краснорѣчія, не замѣтитъ сокровищъ мудрости и нравственнаго знанія, какія оно въ себѣ содержитъ. Св. Златоустъ не только ораторъ,—онъ духовникъ, духовникъ цѣлаго города, съумѣвшій, при выполненіи этой подавляющей задачи, выказать искусство, равное тому, какое выказали Франсуа-де-Саль, Боссюэтъ или Фенелонъ по отношенію къ нѣсколькимъ избраннымъ душамъ. И если, тѣмъ не менѣе, намъ иногда придется подвергнуть сомнѣнію его свидѣтельство, или даже признать его спорнымъ, то это скорѣе произойдетъ тогда, когда мы увидимъ его полемизирующимъ съ своими личными противниками, чѣмъ когда мы спросимъ его о порокахъ

или добродѣтеляхъ ввѣренной ему паствы. Помимо того, хотя въ тотъ вѣкъ богословскихъ нестроеній онъ и сохранялъ въ большинствѣ случаевъ величайшую мягкость, однако, изрѣдка чувствуется ея недостатокъ во время борьбы, вызванной его епископскимъ служеніемъ. Но во всякомъ случаѣ, когда мы изучаемъ его бесѣды, сказанныя въ Антіохіи и представляющія прекраснѣйшую и оригинальнѣйшую часть его твореній,—мы должны дѣлать эту оговорку только очень рѣдко.

„Не представляется ли, однако, возможнымъ провѣрить свидѣтельство св. Іоанна посредствомъ другихъ свидѣтельствъ? Правда, что Монфоконъ въ уже упомянутой диссертаціи утверждаетъ, будто „большая часть сдѣланныхъ имъ сообщеній осталась бы неизвѣстною безъ этого церковнаго оратора, и ихъ напрасно было бы искать у другихъ авторовъ того времени“,—но въ этихъ словахъ есть нѣкоторое преувеличеніе. Хотя другіе св. отцы, и греческіе, и латинскіе, какъ напримѣръ, св. Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, бл. Іеронимъ и Августинъ, и не такъ, какъ онъ, богаты подробностями, однако, предлагаютъ много интересныхъ деталей. Такія же свѣдѣнія мы найдемъ и у панегиристовъ, послѣднихъ поэтовъ и послѣднихъ классическихъ историковъ. Иногда мы будемъ обращаться и къ тѣмъ и къ другимъ, и охотно обращались бы къ нимъ гораздо чаще, еслибы нашъ трудъ не грозилъ тогда безмѣрно увеличиться и перейти въ общую исторію нравовъ IV-го вѣка. Вотъ почему мы всегда имѣемъ въ виду только св. Златоуста и прибѣгаемъ къ посредничеству другихъ свидѣтелей только тогда, когда это представляется необходимымъ для его провѣрки или въ томъ случаѣ, когда мы видимъ особый интересъ въ подтвержденіи его словъ ихъ свидѣтельствомъ. Намъ слѣдуетъ только изрѣдка обращаться къ бл. Іерониму, дающе-

му свѣдѣнія о Римѣ, къ св. Василію, жившему главнымъ образомъ въ Кесаріи, и бл. Августину, описавшему состояніе африканскихъ нравовъ, но непозволительно было бы пренебречь тѣми сообщеніями, какія даютъ объ Антіохіи писатели—урожденцы или долгое время прожившіе тамъ, т. е. Ливаній, Аммiанъ и Юліанъ.

„Наконецъ, могла вызвать колебанія и послѣдняя трудность. Жизнь св. Златоуста протекла въ Антіохіи и Константинополѣ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ сирійской митрополіи, но нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Константинополѣ, полны событій и пріобрѣтаютъ особенную важность, благодаря величію роли, къ какой св. Іоаннъ тогда былъ призванъ. Между тѣмъ, Антіохія и Константинополь замѣтно отличались одна отъ другого. Безспорно, оба города имѣли сходство въ томъ, что обязаны были своимъ неожиданнымъ происхожденіемъ новой династіи, но у древней столицы Селевкидовъ, населенной эллинизованными сирійцами, были и свои традиціи, и свои національные нравы. Она первая была просвѣщена благовѣстіемъ учениками Іисуса Христа и дала христіанству его имя. Она, такимъ образомъ, представлялась вдвойнѣ оригинальною среди великихъ городовъ имперіи и легко отличалась отъ своего Босфорскаго соперника. Съ перваго взгляда казалось бы необходимымъ раздѣлить наше изслѣдованіе на двѣ части и, предварительно изучивъ св. Іоанна въ его первомъ мѣстопребываніи, затѣмъ послѣдовать за нимъ во второе. Такой планъ имѣлъ бы, конечно, свое преимущество, но въ немъ заключается гораздо больше затрудненій. Безъ сомнѣнія, хотя и остается нѣкоторое колебаніе относительно времени появленія извѣстныхъ твореній св. Златоуста, однако, теперь уже довольно вѣрно можно установить, какія изъ нихъ относятся къ Антіохіи и какія къ Константинополю. Это изслѣ-

дованіе уже интересовало патріарха Фотія, иногда, впрочемъ, пользовавшагося нѣсколько обманчивымъ критеріемъ *). Съ гораздо большею проницательностію и эрудиціей, оно было позднѣе предпринято Тильмономъ и Монфокономъ, хотя довольно часто и они приходили къ различнымъ выводамъ. Но, если ошибка была возможна для того или другого изъ нихъ, то почти всегда они указывали рѣшительные или очень правдоподобные аргументы, такъ что почти не остается совершенно неразрѣшимыхъ сомнѣній. Настоящая трудность заключается въ другомъ.

„Какъ бы ни чувствительны были отличія, отдѣлявшія Антіохійское общество отъ общества Константинопольскаго, сходство между ними были еще болѣе значительно. Въ IV-мъ вѣкѣ вся имперія въ цѣломъ, даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, представляетъ почти одно и то-же зрѣлище. Повсюду происходитъ рѣшительная борьба между античною умирающею цивилизаціей и цивилизаціей христіанской, теперь уже достигшей зрѣлости,—борьба по мѣстамъ различная въ нѣкоторыхъ частныхъ обнаруженіяхъ, но тожественная въ своихъ глубокихъ причинахъ и общихъ результатахъ. Римъ, Карѳагенъ, Медіоланъ, Бордо, Триръ, Барселона и Аквилея въ странахъ латинскихъ страдали отъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ, усѣяны были одними и тѣми-же руинами, какъ Константинополь, Никомидія, Александрія, Кесарія или Антіохія въ странахъ греческихъ. Тѣмъ болѣе, въ каждой изъ

*) „Онъ принималъ за правило, что лучшія творенія св. Златоуста относятся къ антіохійскому періоду, а всѣ тѣ, въ которыхъ проскальзываетъ какая-нибудь небрежность,—были составлены въ Константинополѣ, гдѣ св. Іоаннъ имѣлъ такъ мало свободнаго времени и такъ много трудовъ и заботъ. Но ясно, что, съ одной стороны, здѣсь должны быть исключенія изъ правила и, съ другой, что требуется слишкомъ тонкій вкусъ для точнаго проведенія границы между двумя образовавшимися такимъ образомъ группами“.

двухъ половинъ имперіи, — въ восточной и въ западной,— мѣстныя отличія довольно хорошо совмѣщались въ великомъ общемъ единствѣ. Отсюда вытекаетъ, что особое изученіе того и другого мѣстопребыванія св. Іоанна,—Антіохіи и Константинополя,—привело бы къ многимъ безплоднымъ работамъ, потребовало бы ненужныхъ ссылокъ на многія, уже сообщенныя свѣдѣнія, словомъ, тогда повторенія были бы неизбѣжны. Поэтому мы избрали дѣленіе по порядку матеріала, а не хронологическое, но такъ, что первая и послѣдняя главы дадутъ намъ возможность воспользоваться выгодами и хронологическаго подраздѣленія. Прежде всего, мы изображаемъ проповѣдника предъ его авдиторіей, съ цѣлью опредѣлить способъ проповѣдничества одного и показать настроенность другой. Такимъ образомъ, мы можемъ съ самаго начала установить различіе между частнымъ характеромъ антіохійскихъ и византійскихъ слушателей. Далѣе, въ трехъ послѣдующихъ главахъ подлежатъ изслѣдованію: классы общества, учрежденіе семьи, вѣрованія и религіозные обычаи *). Мы сочли необходимымъ ввести особую главу объ общественныхъ праздникахъ и зрѣлищахъ, занимавшихъ такое видное мѣсто въ жизни того времени. Въ послѣдней главѣ—о дворѣ и государствѣ—можно было соединить все то, что поистинѣ новаго и особеннаго представляютъ годы епископства св. Іоанна и

---

*) „Въ подобнаго рода трудѣ при желаніи достигнуть строгой композиціи, весьма трудно совершенно устранить произволъ въ распредѣленіи матеріала. Главные отдѣлы установлены, но размѣщеніе подробностей между различными главами часто можетъ вызывать сомнѣніе. Не лучше ли было бы извѣстный обычай, обличаемый св. Златоустомъ и помѣщенный нами въ главѣ *о семьѣ*, отнести къ главѣ *о религіи*, или наоборотъ? Но, по размышленіи, мы пришли къ мысли, что не слѣдуетъ слишкомъ много затрудняться подобными мелочами, которыя могли бы увеличиться до безконечности. Мы сочтемъ себя удовлетворенными уже въ томъ случаѣ, если главный планъ, принятый нами, покажется дѣйствительно соотвѣтствующимъ сущности предмета“.

что даже не намѣчалось въ его антіохійскій періодъ. Наконецъ, въ заключеніи мы, съ одной стороны, изслѣдовали, каковы могли быть практическіе результаты проповѣди св. Златоуста, а съ другой, попытались выяснить истинныя основы его морали и ясно показать созданный имъ идеалъ, который онъ съ такою вѣрою и отвагой старался, насколько возможно, осуществить въ современномъ ему обществѣ“.

Предлагая книгу русской публикѣ, переводчикъ счелъ себя вправѣ опустить тѣ,—впрочемъ, весьма незначительныя по размѣру,—мѣста, гдѣ авторъ дѣлаетъ ссылки на малоизвѣстныя факты французской исторіи, или употребляетъ національныя сравненія, совершенно чуждыя, а иногда и вовсе непонятныя русскому читателю (напримѣръ, сопоставленіе дѣятельности св. Златоуста съ проповѣдническою дѣятельностью современнаго миссіонера—проповѣдника во Франціи и т. п.). Нѣсколько болѣе значительные пропуски переводчикъ сдѣлалъ, руководствуясь вѣроисповѣдными причинами. Довольно многочисленныя примѣчанія автора, тамъ, гдѣ было умѣстно и удобно, введены въ текстъ или сохранены подъ строкою; подстрочная цитація заимствуемыхъ изъ твореній св. Іоанна мѣстъ устранена, въ видахъ экономіи мѣста.

ГЛАВА I.

Антіохія и Константинополь.

Св. Іоаннъ въ Антіохіи.

Слава Св. Іоанна Златоуста создалась такъ же рано, какъ рано проявились его талантъ и добродѣтель. Какъ скоро онъ вышелъ изъ школы ритора Ливанія, онъ только недолго упражнялся въ адвокатскомъ краснорѣчіи, а можетъ быть,—что, впрочемъ, уже сомнительно, — и въ краснорѣчіи панегирическомъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ былъ замѣченъ епископомъ Мелетіемъ, который, по словамъ біографа св. Златоуста, Геленопольскаго епископа Палладія, уже видѣлъ въ немъ близкую славу Антіохійской церкви, когда на 23-мъ году жизни крестилъ его и рукоположилъ въ чтецы. Вскорѣ онъ былъ достаточно оцѣненъ для того, чтобы можно было думать о возложеніи на него епископства, но онъ, съ цѣлью отклонить честь, устрашавшую его, какъ опасность, счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ кратковременному бѣгству, объясненіе котораго даетъ въ своемъ трактатѣ *о священ-*

ствѣ. Не только его бдительная совѣсть не позволяла ему считать себя уже созрѣвшимъ для служенія, о которомъ онъ составилъ самое возвышенное представленіе, но и благочестивая забота о собственномъ спасеніи безотчетно удерживала его. Онъ считалъ необходимымъ продолжать то изученіе св. Писанія, въ которое его увлекъ учитель его Діодоръ Тарсійскій, и выполнить по мѣрѣ возможности давно уже задуманное намѣреніе, не приведенное ранѣе въ исполненіе только вслѣдствіе просьбъ и слезъ матери. Ему хотѣлось осуществить прекрасное желаніе отшельнической жизни, плѣнявшее тогда умы и сердца всѣхъ. Наконецъ, этотъ день наступилъ, потому ли, что благочестивая мать св. Іоанна, Анѳуса, все же уступила его настояніямъ, или потому, что онъ ее утратилъ въ тотъ промежутокъ времени, когда онъ удалялся въ горы, окружавшія Антіохію и скоро заселенныя отшельниками, по примѣру египетскихъ пустынь. Предположеніе о кончинѣ матери, можетъ быть, болѣе правдоподобно, такъ какъ св. Іоаннъ не преминулъ бы сообщить намъ о данномъ ею согласіи, въ какомъ она сначала отказала ему. Въ теченіи четырехъ лѣтъ, онъ проводилъ здѣсь монастырскую жизнь въ обществѣ и подъ управленіемъ одного стараго аскета. Затѣмъ, желая довести испытаніе до конца, въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ жилъ отшельникомъ, заключившись въ своей пещерѣ. Это продолжалось до того момента, когда одновременно и разстроенное здоровье измѣнило ему, и самъ онъ своимъ вѣрнымъ и правдивымъ, хотя и крайне пылкимъ умомъ, созналъ съ несомнѣнностью, что эти суровости должны только подготовлять истиннаго христіанина къ столь же чистой, какъ и въ уединеніи, жизни среди міра. И вотъ онъ возвращается въ Антіохію, отнынѣ уже готовый постепенно восходить по преемственнымъ степенямъ іерархіи. Въ 381-мъ году рукоположенный епископомъ Мелетіемъ въ діакона, а въ 386-мъ

Флавіаномъ во пресвитера, онъ получилъ отъ старца епископа, болѣе самоотверженнаго, чѣмъ краснорѣчиваго, служеніе слова и въ первые дни своего священства произнесъ, сохранившуюся еще и до насъ, свою первую бесѣду.

Геній его въ это время достигъ полной зрѣлости. Хотя дата его рожденія точно неизвѣстна, однако, ее почти невозможно помѣщать иначе, какъ между двумя крайними предѣлами—344-мъ и 347-мъ годами: слѣдовательно, теперь ему было около сорока лѣтъ. Правда, что и годы его уединенія въ пустынѣ, и годы его діаконства не были безплодными. Въ продолженіе ихъ онъ составилъ много весьма интересныхъ трактатовъ, гдѣ всецѣло обнаруживается его литературный талантъ и, если еще не вполнѣ развиваются то хотя предвѣщаются, замѣчательныя свойства его, какъ моралиста. Тогда-то, напримѣръ, написалъ онъ свои «письма къ Ѳеодору падшему», свою «защиту жизни монашеской», свой трактатъ «о дѣвствѣ» и даже тѣ книги «о священствѣ», всегда окруженныя особеннымъ уваженіемъ всего христіанскаго духовенства, на которыя многіе смотрятъ, какъ на лучшее его произведеніе, и которыя, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно, самое обработанное, самое законченное по стилю сочиненіе. Намъ придется дѣлать много заимствованій изъ всѣхъ этихъ трактатовъ. Но и самого св. Іоанна и его время мы можемъ узнать въ особенности изъ его бесѣдъ и изъ всѣхъ тѣхъ изъясненій св. Писанія, которымъ онъ придавалъ форму поученій. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ своего служенія въ Антіохіи (386—398), затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ епископства въ Константинополѣ (398—404),—и, можетъ быть, въ послѣдній изъ этихъ двухъ періодовъ въ особенности,—онъ былъ поистинѣ свидѣтелемъ и судьею нравовъ четвертаго вѣка.

Большой и великолѣпный городъ съ самаго своего основанія Селевкомъ, Антіохія не переставала возрастать съ того

времени, какъ она сдѣлалась частью римской имперіи. Такъ какъ она была обычною точкою исхода направленныхъ противъ персовъ экспедицій, то ей часто приходилось служить для императоровъ резиденціею, на протяженіи всего IV-го вѣка, когда наслѣдственный врагъ непрестанно тревожилъ имперію. Особенно украшенная при Діоклетіанѣ многими храмами, дворцами и термами, а при Константинѣ великолѣпною церковью, она, со времени бѣдственнаго переворота, разрушившаго Никомидію, оставалась вмѣстѣ съ Константинополемъ и Александріей одною изъ трехъ, неимѣющихъ соперницъ, митрополій Востока. Старый городъ, такъ называемая Палея, лежалъ по протяженію Оронта; новый занималъ на самой рѣкѣ большой островъ, соединенный съ берегами посредствомъ пяти мостовъ. Жители гордились тою великолѣпною улицею, длиною въ 36 стадій и съ обѣихъ сторонъ окаймленною портиками, которая прямою линіей, параллельно рѣкѣ, пересѣкала городъ. Нигдѣ, повидимому, античная цивилизація не приближалась въ такой степени къ нашей новой цивилизаціи по разумной заботѣ о благосостояніи и гигіенѣ. Снабженіе водой было организовано удивительно. Бани были обширны и великолѣпны и настолько необходимы для массы, что во время знаменитаго возмущенія, въ 387-мъ году, никакое наказаніе не чувствовалось живѣе, какъ приказъ запереть ихъ на нѣсколько дней; помимо того, и въ частныхъ домахъ вода была въ изобиліи. Въ этомъ сказывалось превосходство Антіохіи надъ всѣми древними городами, наилучшимъ образомъ снабженными водой, но въ этомъ отношеніи она, однако, не была единственною. Что кажется совершенно особеннымъ въ Антіохіи, это—превосходное устройство правильнаго освѣщенія. Учитель св. Златоуста, языческій риторъ Ливаній, говорилъ, что тамъ ночь отличалась отъ дня только качествомъ свѣта, и что каждый, по своему желанію, могъ безъ затрудненій продолжать ночью и свой трудъ

и свои удовольствія. Бывали люди, находившіе, что Антіохія освѣщена даже слишкомъ хорошо, каковъ, напримѣръ, кесарь Галлъ, вздумавшій было возобновить извѣстные подвиги Нерона и хотѣвшій съ товарищами своихъ оргій совершать ночныя похожденія на перекресткахъ и въ тавернахъ. Онъ нашелъ, что его узнали бы слишкомъ легко, и долженъ былъ очень скоро отказаться отъ своей прихоти. Наконецъ, Антіохія имѣла своею оградой богатыя селенія и, кромѣ того, цѣлый пригородъ — Дафну, которымъ до такой степени гордились сирійцы, что обыкновенно самую столицу называли его именемъ,—«Антіохіею при Дафнѣ».

Извѣстно, насколько вообще затруднительно для статистиковъ всякое точное заключеніе о всемъ томъ, что касается древности. Однако, приблизительно довольно точно можно опредѣлить населеніе Антіохіи въ ту эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь. Конечно, это былъ одинъ изъ очень большихъ, равно какъ и прекраснѣйшихъ, городовъ имперіи, но, все же, въ ряду самыхъ большихъ онъ не стоялъ на первомъ мѣстѣ. Если вести рѣчь о Востокѣ, то между тремя митрополіями: европейской, египетской и сирской эта послѣдняя занимала только третье мѣсто, и первыя двѣ довольно чувствительно превосходили ее. Она не равнялась съ Константинополемъ; ей далеко было даже до того, чтобы сравняться съ Александріей, имѣвшей въ концѣ эпохи Лагидовъ, повидимому, 300,000 жителей и еще болѣе возросшей во времена имперіи. Самъ св. Златоустъ *) указываетъ для

*) *Панегирикъ Игнатію*, 5. При буквальномъ пониманіи, этотъ текстъ могъ бы послужить поводомъ къ противорѣчію, такъ какъ Златоустъ говоритъ здѣсь объ эпохѣ Игнатія. Восхваляя ревность, съ какою будущій мученикъ выполнялъ свои пастырскія обязанности, онъ говоритъ, что нелегкимъ дѣломъ было управленіе церковью въ томъ городѣ, гдѣ числилось 200,000 душъ. Но такъ какъ Златоустъ далеко не былъ профессіональнымъ историкомъ и статистикомъ, то весьма вѣроятно, что онъ исчисляетъ городское населеніе временъ Игнатія по населенію своего времени. Впрочемъ, это

Антіохіи число въ 200,000 душъ, и, хотя онъ не всегда отличается мелочною точностью въ области цифръ, однако, здѣсь его можно считать точнымъ, такъ какъ онъ самъ подтверждаетъ себя, говоря, съ одной стороны, что христіанъ было немного менѣе 100,000, а съ другой, что большинство жителей были христіане. Все это, повидимому, показываетъ, что двѣсти тысячъ не слѣдуетъ понимать, какъ круглое число, и, что дѣйствительное число, быть можетъ, было немногимъ меньше. Къ этому же заключенію заставляетъ склониться также и письмо Ливанія, гдѣ риторъ указываетъ только число 150,000. Правда, это письмо, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ предшествуетъ только что упомянутымъ бесѣдамъ св. Златоуста, но не очень правдоподобно, чтобы въ столь короткій промежутокъ времени совершился приростъ цѣлой четверти; поэтому, безъ сомнѣнія, мы не много ошибемся, признавъ, что въ Антіохіи, въ продолженіе проповѣди св. Златоуста, населенія было отъ 170,000 до 180,000 душъ.

Мы только что видѣли, что въ своемъ большинствѣ это населеніе было христіанскимъ. Антіохія была городомъ, гдѣ впервые была проповѣдана вѣра язычникамъ, гдѣ въ первый разъ было произнесено самое имя христіанина и гдѣ возникъ въ лонѣ раждающейся церкви первый споръ, тотъ споръ о соблюденіи закона, который вынудилъ ап. Павла «въ лице противостать» ап. Петру. По этимъ великимъ воспоминаніямъ Антіохіи позволительно было считать себя почти равною Іерусалиму или Риму. «Когда рѣчь идетъ о первенствѣ, —говорилъ св. Златоустъ своимъ вѣрующимъ, — тогда вы удостоиваете свой городъ стать выше всей вселенной, потому что нашъ городъ первый облекся во имя христіанъ». Наканунѣ тріумфа христіанства, во время тяжкихъ испытаній, вызван-

затрудненіе устраняется согласіемъ этого текста съ другимъ, непосредственно приводимымъ нами ниже.

ныхъ гоненіемъ Діоклетіана, христіанское общество Антіохіи обнаружило великую силу сопротивленія. Иногда самое положеніе извѣстнаго числа его членовъ становилось почти угрожающимъ. И въ томъ случаѣ, когда Лактанцій разсказываетъ, какъ въ Никомидіи былъ разорванъ только что обнародованный императорскій эдиктъ, и тогда, когда историкъ Евсевій переноситъ насъ къ моменту разрушенія древней церкви, такъ называемой Палеи, и когда св. Златоустъ или Пруденцій передаютъ намъ по преданію о римскомъ мученіи,—мы всюду чувствуемъ у преслѣдуемыхъ умственную напряженность и скрытый пылъ, не уступающіе остервененному насилію преслѣдователей. Это могущественное и воспламененное меньшинство тотчасъ же послѣ побѣды Константина легко обратилось въ большинство. Растерзанный при Констанціѣ аріанствомъ, городъ снова доказалъ при императорѣ Юліанѣ всю твердость и ревность своей вѣры. Не было безчестія, какого бы не получилъ государь; перенесеніе же мощей св. Вавилы было для него чувствительнымъ ударомъ и какъ бы нисколько неприкрытымъ вызовомъ. Правда, что вскорѣ послѣ этого сирскую церковь снова раздѣлили и временно ослабили тѣ безпорядки, зрѣлище которыхъ такъ обрадовало Юліана. Умирающее аріанство оставило городу въ наслѣдіе безконечныя разногласія между еп. Мелетіемъ и, съ одной стороны, Флавіаномъ, съ другой—Павлиномъ. Эти распри сдѣлались очень горячими, — какъ случается всякій разъ, когда, въ существѣ дѣла, основаніемъ спора служитъ только вопросъ о личностяхъ,—но по этому-то самому онѣ никогда не были ни слишкомъ глубоки, ни очень опасны.

Таковъ былъ моментъ, когда св. Іоаннъ былъ призванъ къ священству. Епископъ Флавіанъ изъ всѣхъ своихъ полномочій добровольно передалъ ему слово, а тогда это было важнѣйшимъ полномочіемъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, и всего болѣе въ странахъ восточныхъ. Сейчасъ мы увидимъ,

какія отношенія установились съ перваго же дня и постоянно продолжались въ теченіе двѣнадцати лѣтъ между ораторомъ и восторженными слушателями, для которыхъ онъ былъ, истиннымъ пастыремъ, хотя и не носилъ еще епископскаго сана.

Христіанскіе города еще не были тогда правильно раздѣлены на части, аналогичныя съ нашими приходами. И св. Златоусту приходилось поэтому наставлять и управлять цѣлымъ Антіохійскимъ обществомъ. Для слушанія его оно собиралось попеременно въ различныхъ церквахъ города. Намъ довольно хорошо извѣстны два изъ этихъ зданій, которыя были въ числѣ самыхъ знаменитыхъ среди храмовъ, закрытыхъ правительствомъ со времени побѣды св. Константина. Важнѣйшею была «Великая церковь», которую описалъ намъ Евсевій кесарійскій въ томъ видѣ, въ какомъ ее воздвигъ св. Константинъ, и которую онъ признавалъ памятникомъ, не имѣющимъ равнаго. Она не принадлежала къ классу базиликъ въ собственномъ смыслѣ, но относилась къ разряду ротондъ. Очень высокій куполъ опирался на корпусъ восьмиугольнаго зданія. Кругомъ была обширная ограда, застроенная небольшими добавочными зданіями, экзедрами. Повсюду изобиловали цѣнныя украшенія; особенно не щадили золота, такъ что этотъ памятникъ искусства иногда называли «Золотою церковью». Здѣсь-то, напримѣръ, была произнесена бесѣда на 19 стихъ пятой главы евангелія Іоанна. Старая церковь, или Палея, не имѣла того великолѣпія и, несомнѣнно, не была такъ хорошо приспособлена для огромныхъ собраній. Напротивъ, Великая церковь имѣла очень удобное устройство: авдиторія ея была просторна и хорошо защищена лѣтомъ отъ жары и зимою отъ холода. Этимъ преимуществамъ св. Златоустъ противополагалъ неудобства цирка, гдѣ дѣло происходило подъ открытымъ небомъ. Тѣмъ не менѣе, кажется, что древнюю церковь предпочиталъ

св. Іоаннъ, а, можетъ быть, и его паства. Это объясняется тѣмъ, что старинное преданіе возводило ея начало къ самимъ апостоламъ, а, съ другой стороны, и тѣмъ, что она много страдала во время преслѣдованій, особенно при Діоклетіанѣ, когда ея разрушеніе послужило сигналомъ къ мѣрамъ насилія. Народъ собирался въ нее нѣсколько рѣже, чѣмъ въ Великую церковь, но когда онъ сходился туда, нерѣдко послѣ довольно долгихъ промежутковъ, св. Іоаннъ съ трудомъ сдерживалъ свою восторженность. Впрочемъ, собранія не всегда происходили въ городѣ. Селеніе около Антіохіи было сплошь усѣяно въ честь мучениковъ часовнями, которыя назывались «мартиріями». Въ извѣстныхъ случаяхъ, и какъ кажется, довольно часто, епископъ созывалъ вѣрующихъ въ какую-нибудь изъ этихъ часовенъ, совершалъ тамъ литургію и затѣмъ предоставлялъ слово св. Іоанну. Иногда къ этому побуждало какое-нибудь исключительное обстоятельство: напримѣръ, въ одинъ годъ, который трудно опредѣлить съ точностью, такимъ поводомъ послужило окончаніе работъ, предпринятыхъ, по приказанію Флавіана, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ мощи многихъ мучениковъ покоились среди тѣлъ нѣкоторыхъ еретиковъ, для того, чтобы отдѣлить «волковъ отъ овецъ» и дать послѣднимъ достойную ихъ гробницу. Иногда, напротивъ, этого требовалъ установившійся обычай: такъ, въ Антіохіи считали долгомъ совершать служеніе страстной пятницы, Парасковіи, внѣ города, на томъ основаніи, что І. Христосъ претерпѣлъ страданіе внѣ Іерусалима, и у насъ даже есть слово, произнесенное въ этотъ день св. Златоустомъ, вѣроятно, въ 392-мъ году. Случалось также, что паства раздѣлялась надвое: одна часть оставалась въ городѣ, другая удалялась въ прилежащія часовни. И, можетъ быть, торжественнѣйшею изъ двухъ этихъ литургій была та, которая праздновалась за городомъ, такъ какъ Флавіанъ иногда предоставлялъ совершеніе ея себѣ, а св. Іоанна оставлялъ въ городѣ. Здѣсь-то, въ

одинъ изъ такихъ случаевъ, онъ и произнесъ сохранившуюся у насъ бесѣду «о мученикахъ». Естественно, что за епископомъ слѣдовали самые благочестивые и самые ревностные пасомые. Но если блескъ необычайныхъ торжествъ, время отъ времени такъ оживлявшихъ безыскусственныя пригородныя часовни, могъ привлекать даже равнодушныхъ, то столь же часто случалось, что ихъ удерживалъ страхъ усталости, или,—если дѣло было лѣтомъ,—пугала жара. И это мы видимъ изъ вступленія въ бесѣду «объ утѣхахъ будущей жизни», гдѣ св. Іоаннъ,—на долю котораго выпала теперь честь проповѣдывать внѣ стѣнъ города,— высказываетъ столько похвалъ своимъ слушателямъ за ихъ пылкость и мужество, что можно предположить, будто за нимъ на этотъ разъ послѣдовало только малое число вѣрныхъ, только лучшіе изъ нихъ.

Во все долгое время своего апостольскаго служенія, св. Іоаннъ никогда не щадилъ своихъ силъ. Ежегодно, съ возвращеніемъ четыредесятницы, для него наступало время самой широкой дѣятельности. Онъ проповѣдывалъ тогда почти во всѣ дни, причемъ, его ревность никогда не охлаждалась, и онъ не чувствовалъ недостатка въ своемъ неисчерпаемо плодовитомъ краснорѣчіи. Безспорно, самою славною изъ этихъ Златоустовскихъ четыредесятницъ была четыредесятница 387-го года, когда онъ, тотчасъ-же послѣ великаго возмущенія, произнесъ свои знаменитыя бесѣды «по поводу низверженія статуй». Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать также и ту четыредесятницу, которую онъ посвятилъ послѣдовательному изъясненію книги «Бытія». Не то-же нужно сказать о цѣломъ годѣ: такъ какъ въ то время было нѣсколько затруднительно очень часто собирать народъ въ собранія, то св. Златоусту приходилось проповѣдывать только разъ въ недѣлю, въ воскресенье, или,—самое большее,—дважды, — въ субботу и воскресенье. Ко всему обще-

ству вѣрныхъ обращался онъ въ этихъ огромныхъ собраніяхъ, въ которыхъ часто одинъ проповѣдникъ даже не въ силахъ былъ удовлетворить требованіямъ массы, такъ что, и до и послѣ Іоанна, какъ Флавіанъ, такъ и всякій другой епископъ, проѣзжавшій чрезъ Антіохію, принимали участіе въ проповѣди *). Къ вѣрнымъ иногда примѣшивались даже непросвѣщенные, привлеченные огромною извѣстностью св. Златоуста; такъ напримѣръ, въ первое время своей проповѣди, онъ видѣлъ иногда, что его бесѣды посѣщаетъ довольно значительное число аномеевъ, противъ ученія которыхъ онъ тогда проповѣдывалъ. Но иногда, напротивъ, народъ собирался въ очень ограниченномъ числѣ. Такъ бывало въ особенности тогда, когда онъ посвящалъ бесѣду наученію оглашенныхъ; изъ такихъ катихизическихъ бесѣдъ до насъ сохранились только двѣ. Предполагали даже,—что̀, впрочемъ, недостовѣрно,— будто въ извѣстныхъ случаяхъ онъ созывалъ только цвѣтъ своихъ слушателей, только тѣхъ, кого онъ считалъ способными воспринять болѣе возвышенное ученіе. Не безъ нѣкотораго правдоподобія этимъ объясняютъ частный характеръ его бесѣдъ на св. евангеліе Іоанна. Въ тѣхъ то духовныхъ собесѣдованіяхъ, какія онъ дѣлалъ дважды въ недѣлю въ болѣе ранній часъ, чѣмъ въ какой бывали обычныя собранія, онъ, можетъ быть, только наиболѣе просвѣщеннымъ изъяснялъ самый сокровенный смыслъ евангелій, менѣе приспособленный къ нуждамъ простыхъ душъ, но, безъ сомнѣнія, всего болѣе нравившійся умамъ образованныхъ сирійцевъ.

*) На всемъ Востокѣ было даже такое обыкновеніе, что за одною службою говорили одинъ за другимъ много проповѣдниковъ. Западные иногда удивлялись этому, какъ показываютъ замѣчанія Сильвіи по поводу Іерусалима: „Здѣсь есть обычай, что изъ многихъ предсѣдящихъ пресвитеровъ проповѣдуютъ тѣ которые пожелаютъ; послѣ же ихъ всѣхъ говоритъ епископъ. Эти поученія всегда бываютъ въ дни Господни (по воскреснымъ днямъ) съ тою цѣлью, чтобы народъ всегда поучался въ Писаніи и любви къ Богу. Эти проповѣди много замедляютъ церковную службу“. (Путешествіе Сильвіи).

Краснорѣчіе св. Златоуста замѣчательно. Его легкость поистинѣ изумительна даже для оратора Востока; онъ обладаетъ живостью и страстью, гармоніей и звучною плавностью; періодъ его обиленъ и силенъ, какъ у римлянина, но имѣетъ сирскую грацію, нѣсколько изнѣженную, но всегда элегантную и часто трогательную. У него есть образность и неисчерпаемая изобрѣтательность самобытныхъ метафоръ; сравненіе его вѣрно и рѣзко. Однако, какъ бы ни были рѣдки и естественны эти качества, въ какомъ бы совершенствѣ онъ ни владѣлъ ими,—не этимъ онъ особенно замѣчателенъ. Что всего замѣчательнѣе, — это практическій наклонъ его краснорѣчія, и вотъ въ чемъ онъ не имѣетъ себѣ соперника не только въ свое время, но, быть можетъ, и во всѣ времена. Великіе духовные ораторы: Боссюэтъ, такъ много читавшій св. Златоуста и вдумывавшійся въ него, и даже Бурдалу (относительно котораго неизвѣстно, такъ же ли онъ занимался имъ, но который, однако, очень походитъ на него по своей постоянной озабоченности приносить прямую пользу и по своему преобладающему стремленію избирать въ каждомъ изъ словъ опредѣленную цѣль), стоятъ выше св. Іоанна не по плодовитости генія, но по совершенству искусства. Идеалъ христіанской проповѣди состоитъ и будетъ всегда состоять въ томъ, чтобы, безъ всякаго отношенія къ чисто чувственной красотѣ, употреблять формы рѣчи и пріемы языка, производящіе сильное и плодотворное впечатлѣніе на слушателей. Конечно, если судить о Боссюэтѣ и Бурдалу не по требованіямъ ученаго, а по этому идеалу, то ихъ нельзя унижать за то, что они превосходятъ Златоуста изысканною заботою о стилѣ и композиціи. Это справедливо съ одной стороны потому, что общество, къ которому они обращались, прежде всего требовало отъ нихъ именно этой заботы, такъ что нельзя было имѣть основательной надежды воздѣйствовать на людей, не обезпечивъ себѣ этого преимущества;

а съ другой стороны, и потому, что, въ свою очередь, и св. Златоустъ дѣлалъ широкія уступки вкусу своего вѣка. И все же первые не превосходятъ послѣдняго; не думаемъ даже, что они равны ему. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что самъ св. Златоустъ безъ колебаній вполнѣ овладѣлъ своею манерой, и что первый же порывъ его души прямо вывелъ его на настоящій путь. Первая бесѣда, которую онъ произнесъ послѣ своего рукоположенія во священство, очень цвѣтиста и весьма натянута. Не скажемъ,—какъ иногда дѣлаютъ,—слишкомъ многаго, т. е. что здѣсь, чувствуется подражаніе его учителю, ритору Ливанію, такъ какъ прошло уже, по крайней мѣрѣ, двадцать лѣтъ, какъ онъ покинулъ школу софиста, да кажется, что и вообще этотъ послѣдній никогда не оказывалъ на него столько вліянія, сколько ему приписываютъ. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ ученикъ никогда не упоминаетъ имени своего стараго учителя и только одинъ разъ дѣлаетъ на него, довольно пренебрежительный намекъ, говоря, что въ молодости у него былъ учителемъ «весьма суевѣрный язычникъ». Но тутъ онъ уступалъ движенію неизбѣжнаго самолюбія: въ этотъ день нужно было поддержать свою репутацію, доказать свои права на господство. Это былъ долгъ, который нужно было одновременно уплатить и епископу Флавіану, и народу. Во весь этотъ первый періодъ онъ, можетъ быть, нѣсколько меньше думалъ о самомъ управленіи вѣрующими, о ихъ прогрессѣ и нравственнымъ совершенствованіи,—повидимому, невидной и скромной задачѣ,—чѣмъ о блистательныхъ и громкихъ рѣчахъ, которымъ всегда давала мѣсто полемика противъ соперническихъ сектъ. Такъ, въ теченіе первыхъ лѣтъ его проповѣдничества, ему предоставлялся случай нападать на іудеевъ, аномеевъ и язычниковъ, и не только по извѣстному поводу или въ очень близкихъ интересахъ своей паствы,—что онъ продолжалъ дѣлать и впослѣдствіи,—но въ прямыхъ и продолжительныхъ нападеніяхъ, въ цѣломъ рядѣ бе-

сѣдъ, представляющихъ настоящій походъ. Тогда, казалось, онъ нерѣдко сожалѣлъ, что не имѣетъ возможности достаточно часто входить въ глубокое изложеніе богословія, и ему случалось жаловаться на то, что небреженіе и равнодушіе слушателей почти исключительно удерживаютъ его въ житейскихъ мелочахъ нравоученія. Эти слова очень странно слышать изъ его устъ всякому, кто читаетъ ихъ, думая о будущемъ, и помнитъ, что позднѣе, въ своихъ толкованіяхъ на св. Писаніе, онъ постоянно оставляетъ изъясненіе незаконченнымъ и хватается за малѣйшій предлогъ, чтобы направить свою рѣчь къ какому-нибудь нравоученію. Здѣсь мы видимъ колебанія и ошибки начинающаго, которыя онъ исправилъ очень скоро, и это исправленіе было для него большою заслугою, потому что слушатели охотно увлекали его на этотъ, повидимому, на минуту соблазнившій и его путь. Нужно было много разсудительности и мужества, чтобы не уступить тайной сладости рукоплесканій, которую онъ, по собственному признанію, ощущалъ всегда, даже тогда, когда пытался,—хотя и нѣсколько слабо,—уничтожить ихъ. И эти рукоплесканія, вырывавшіяся изъ среды сирской толпы, падкой до краснаго слова и красивыхъ діалектическихъ состязаній, охотнѣе сопровождали какой-нибудь замысловатый образъ, какую-нибудь догматическую тонкость или счастливое движеніе, чѣмъ тѣ длинныя, часто даже осуждаемыя, вступленія, въ которыхъ св. Іоаннъ старался примѣнить ко всеобщему пониманію слова священнаго текста, или тѣ смѣлыя заключенія, гдѣ онъ лицомъ къ лицу сталкивался съ пороками, безъ пощады или замалчиванія.

Но почти тотчасъ же, уже во второй годъ его проповѣди, непредвидѣнная катастрофа показала ему самому и обнаружила передъ всѣми его внутреннюю природу, выказавъ снаружи всю его душу. Это было знаменитое возмущеніе 387-го года. Мы не станемъ здѣсь, послѣ многихъ другихъ,

пересказывать исторію прекрасно извѣстныхъ событій, изученныхъ, притомъ, съ надлежащею заботливостію, такъ что даже подробности въ ней достаточно освѣщены, и остается очень мало темныхъ сторонъ. Но мы не должны пренебрегать тѣмъ, чтобы показать, какъ въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ выказалась истинная личность св. Златоуста. Тогда-то впервые ясно выдѣлились и предстали въ полномъ свѣтѣ всѣ характеристическія черты, сдѣлавшія его личность столь оригинальною среди всѣхъ другихъ св. отцовъ. Здѣсь прежде всего можно видѣть, съ какою страстною ревностью, съ какимъ совершеннымъ и безызъятнымъ самоотреченіемъ отдался онъ своему святому служенію. Никогда между пастыремъ и паствою не было болѣе полнаго общенія. Посреди обезумѣвшей отъ страха и предавшейся всевозможнымъ опасеніямъ толпы встаетъ человѣкъ для того, чтобы поднять ея духъ, и говоритъ не какъ высшій, не какъ учитель, но какъ братъ и товарищъ несчастія. Кажется, что онъ самъ раздѣляетъ вину погрѣшившихъ, какъ одинъ изъ нихъ, чувствуетъ ужасъ ихъ неизвѣстности, и что опасность, угрожающая имъ, угрожаетъ также и ему. Да и въ самомъ дѣлѣ, если кто-либо былъ пораженъ, его сердце было растерзано, какъ будто поразили его самого. Никогда ораторъ не имѣлъ бо́льшаго единодушія съ своими слушателями и не выражалъ прямѣе ихъ глубочайшихъ чувствъ и самыхъ измѣнчивыхъ впечатлѣній. Но онъ вмѣстѣ и совѣтуетъ, и упрекаетъ, всегда, впрочемъ, съ одинаково трогательною нѣжностью, такъ какъ его голосъ, повидимому, тотъ-же самый, который въ глубинѣ своей души слышитъ всякій,—голосъ столь же задушевный и сильный, только сдѣлавшійся болѣе яснымъ и удобопонятнымъ. Зато его страстная и готовая не отступить ни предъ какою жертвою любовь, имѣетъ свои неумолимыя требованія и хочетъ, чтобы ей платили взаимностью. Слѣдуя его примѣру, нужно сохранять силу, чтобы не падать духомъ въ тѣ мрач-

ные дни, когда надъ городомъ паритъ ожиданіе близкаго и безпощаднаго наказанія. Нужно, по его примѣру, оставаться господиномъ надъ собой и не предаваться порывамъ безсмысленной радости, когда, повидимому, возраждается надежда, когда первые показатели позволяютъ предвидѣть конецъ кризиса и соблазняютъ разсчетомъ на императорскую милость Особенно же въ томъ случаѣ, еслибы этотъ покинутый и безпрестанно колеблющійся между самыми крайними чувствами народъ опять предался какой-нибудь новой необдуманной тревогѣ, и еслибы, притомъ, его руководителя, которому онъ довѣрился, случайно удержала несвоевременная болѣзнь,— нужно, чтобы онъ не бросился въ руки другого, не сталъ бы умолять или, покрайней мѣрѣ, не принялъ бы соперническаго покровительства. Св. Златоустъ не скрывалъ, что его любовь была ревнива, и никогда его упреки не были живѣе, какъ на утро того дня, когда безумный страхъ его пасомыхъ, предоставленныхъ, вслѣдствіе его отсутствія, самимъ себѣ, привлекъ въ церковь префекта. Несомнѣнно, что этотъ префектъ, строго исполнившій свой долгъ, былъ язычникъ, и это еще болѣе усиливало ужасъ его посредничества, съ нашей точки зрѣнія похвальнаго и вполнѣ отеческаго. Но даже въ томъ случаѣ, еслибы это посредничество было оказано и христіаниномъ, мы думаемъ, что св. Іоаннъ былъ бы не менѣе обиженъ и тѣмъ, что это вмѣшательство необходимо, и тѣмъ, что оно увѣнчалось такимъ полнымъ успѣхомъ. Наконецъ, что всего лучше показываетъ, насколько съ этого второго года своего служенія ораторъ овладѣлъ, такъ сказать, своей тактикой проповѣди, своимъ искусствомъ руководить и господствовать толпой, почти никогда не давая чувствовать узды, и что вмѣстѣ съ тѣмъ лучше всего измѣряетъ уже пріобрѣтенную имъ власть, — это его мужественное и мудрое рѣшеніе съ самаго начала переворота не прерывать правильнаго теченія своего нравственнаго и догматическаго ученія.

Съ какимъ знаніемъ человѣческаго сердца, съ какимъ предчувствіемъ послѣдовательныхъ душевныхъ движеній слушателей, съ какимъ угадываніемъ различныхъ теченій, скрытно зарождавшихся и вдругъ прорывавшихся въ противоположныя стороны, онъ умѣлъ въ этомъ рядѣ бесѣдъ «о низверженіи статуй» соединить обычное катихизическое ученіе съ патетическимъ тономъ, котораго требовали обстоятельства. Безспорно, прекраснымъ ораторскимъ успѣхомъ пользовался тотъ, кто съумѣлъ даже въ дни арестовъ, неоднократно пересѣкавшихъ этотъ ужасный періодъ, заставить слушать такія бесѣды, какъ седьмая и восьмая, главный предметъ и сущность которыхъ не болѣе, какъ простое толкованіе двухъ стиховъ изъ книги «Бытія», хотя, несомнѣнно, мѣстами невольно или намѣренно дѣлаются намеки на переворотъ, и самый тонъ повсюду соотвѣтствуетъ моменту. Намъ кажется, что не менѣе этихъ, столь простыхъ и задушевныхъ бесѣдъ достойна удивленія та, въ которой онъ описываетъ аудіенцію, данную епископу Флавіану императоромъ Өеодосіемъ, гдѣ онъ приводитъ очень длинную, но трогательную рѣчь, вызвавшую милостивое рѣшеніе государя. Замѣтимъ, впрочемъ,—такъ какъ не слѣдуетъ ничего преувеличивать,—что ему особенно помогало самое время церковнаго года, когда происходили эти событія, именно то обстоятельство, что тогда была четыредесятница. И не слѣдуетъ, напримѣръ, удивляться, какъ дѣлаютъ иные, тому, что мы видимъ его проповѣдующимъ почти ежедневно, такъ какъ это было традиціей и всегдашнимъ его обыкновеніемъ въ теченіе подготовительныхъ къ пасхальному времени недѣль.

Таковъ былъ онъ въ эти трагическіе дни, такимъ же оставался отнынѣ и въ тѣ десять лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Антіохія пользовалась счастьемъ видѣть его при себѣ, попаляемаго тою же пылкою ревностью и поддерживаемаго тою же упорною страстью. Нужно цѣнить не только его

прекрасный образъ дѣйствій во время возмущенія, но, наоборотъ, слѣдуетъ еще выше ставить его постоянную преданность, повидимому, очень неблагодарной, на самомъ же дѣлѣ весьма плодотворной задачѣ, т. е.—управленію вѣрными, обычному и правильному теченію ихъ жизни.

Поученія, сказанныя имъ въ теченіе этого періода и въ такомъ большомъ числѣ сохранившіеся до насъ, почти всегда построены по одному и тому же плану. Въ возможно упрощенной и ясной формѣ онѣ совмѣщаютъ въ себѣ экзегетическую и догматическую часть, и вмѣстѣ часть нравственную, самую живую и убѣдительную. Ставитъ ли онъ точкою исхода бесѣды изъясненіе священнаго текста, или, напротивъ, обсуждаетъ въ ней предметъ, соотвѣтствующій дню, обличаетъ ли, наконецъ, какой-либо порокъ или восхваляетъ добродѣтель,—всегда цѣлостный составъ поученія остается тотъ-же, и оно состоитъ изъ двухъ недѣлимыхъ элементовъ. Крайняя простота и житейская близость почти всѣхъ этихъ бесѣдъ дѣлаетъ теперь продолжительное чтеніе ихъ нѣсколько тяжелымъ, но онѣ удивительно приспособлены къ намѣреніямъ оратора и обладаютъ поразительной силой. Повсюду мы видимъ, что та близость, которая съ 387-го года установилась между проповѣдникомъ и его пасомыми, осталась навсегда такою же. Намъ не нужно трудиться надъ пріискиваніемъ выраженій, чтобы охарактеризовать это единеніе, сдѣлавшееся такимъ близкимъ и такъ долго продолжавшееся. Самъ св. Златоустъ далъ эти выраженія въ тѣхъ изліяніяхъ, которыми богаты его вступленія, и отсюда то мы безъ труда можемъ выбрать оригинальныя и трогательныя черты. «Я былъ отдѣленъ отъ васъ только однимъ днемъ,—восклицаетъ онъ послѣ однодневнаго отсутствія,—но безпокоился и скучалъ, какъ будто мое отсутствіе продолжалось цѣлый годъ! И по тому, что чувствовали вы сами, вы можете заключить, что я говорю правду». Въ дру-

гой разъ онъ восклицалъ: «Я слабъ и жалокъ, и краснорѣчіе мое малоцѣнно, но, видя васъ, я забываю все это. Такова тираннія нашей взаимной любви. Слушайте же меня съ усердіемъ, ибо вы—какъ бы птенцы ласточки, ожидающіе полнаго пищею клюва». Безъ сомнѣнія, слушатели не всегда были одинаково исправны и внимательны, и всякій разъ, когда это было нужно, св. Златоустъ не боялся высказывать имъ свои жалобы. Однако, ничто не могло привести его въ отчаяніе. «Вы можете сколько угодно встрѣчать меня оскорбленіями (и онъ много разъ говорилъ, что бывали подобные примѣры осмѣянія), но я не отрясу праха отъ ногъ моихъ и сдѣлаю такъ не только по боязни отказаться отъ повиновенія слову Господню, но и потому, что пылъ моей любви къ вамъ слишкомъ жестокъ». Зато онъ прекрасно настроенъ и совершенно иначе чувствуетъ себя, когда ряды слушателей тѣсны, и лица выдаютъ доброе сердечное расположеніе. Тогда въ немъ смѣшиваются два чувства: если для его любви нужно постоянное и усердное стадо, за совершенствованіемъ котораго онъ могъ бы слѣдить, то для его ораторскаго темперамента необходимы также многочисленные и сочувствующіе ему слушатели, которые бы поддерживали и воспламеняли его. Но даже и въ томъ случаѣ, еслибы его стадо разсѣевалось, и слушатели были недовольны, онъ все же будетъ нести свою обязанность. «Проповѣдникъ долженъ проповѣдывать, несмотря на то,—слушаютъ ли его, или нѣтъ, какъ вода течетъ, хотя бы ее и не черпали». Но и эти строгіе выговоры, какъ бы они ни были часты и сильны, остаются всегда отеческими. Повторяемъ, что св. Златоустъ не тираннически господствуетъ надъ своими пасомыми, не возносится превыше ихъ и не отдѣляетъ себя отъ нихъ. Онъ является братомъ среди братьевъ, превосходство котораго блещетъ достаточно видимо для того, чтобы не было нужды давать это почувствовать, и для избѣжанія всякаго столкно-

венія, умѣетъ соблюдать самую предусмотрительную осторожность, умѣетъ не выказывать неблагоразумно своего авторитета. Такъ весьма прочно утвердилось его незамѣтное господство. Свои тайныя намѣренія св. Іоаннъ какъ бы выдавалъ всѣмъ въ матеріальномъ и чувственномъ знакѣ, именно въ томъ нововведеніи для своего времени, что онъ проповѣдывалъ близь своихъ возлюбленныхъ,—какъ онъ ихъ называлъ,—т. е. не съ епископскаго или священническаго мѣста, но съ амвона, стоя за аналоемъ чтеца. (Эту любопытную подробность сообщаетъ намъ историкъ Сократъ). Стоитъ поразмыслить и подумать, какою рѣдкостью было все это!

И этотъ человѣкъ, проповѣдывавшій передъ своими братьями, среди нихъ выросъ; вся его жизнь прошла предъ ихъ собственными глазами, или, по меньшей мѣрѣ, вблизи отъ ихъ города; всѣ видѣли, какъ раждались и развивались его добродѣтели. Онъ зналъ слушателей по именамъ, запросто видѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто искалъ съ нимъ знакомства, зналъ все, что происходило въ городѣ, какъ кто велъ себя, по выходѣ изъ церкви и съ собесѣдованія и, такимъ образомъ, могъ день за днемъ направлять свое слово, какъ было нужно. Какъ послѣ этого былъ убѣдителенъ и какъ вѣрно находилъ дорогу къ сердцу искренній и дружественный голосъ св. Златоуста! Какъ трогательно заботится онъ о томъ, чтобы быть понятымъ всѣми, и какъ доступно и ясно излагаетъ свой предметъ въ тѣхъ длинныхъ вступленіяхъ, за которыя слишкомъ взыскательные слушатели неоднократно упрекали его. Онъ не боится, въ случаѣ надобности, въ нѣсколькихъ словахъ представить выводы изъ предшествующей бесѣды и, такимъ образомъ, всегда сохраняетъ въ цѣлости и неповрежденности золотую цѣпь своихъ собесѣдованій. Какъ точно знаетъ онъ всякій разъ нѣсколько измѣнчивый составъ своей авдиторіи! Приходили ли изъ окрестностей

крестьяне, тѣ несчастные и невѣжественные, но честные поселяне, которые почти не умѣли говорить иначе, какъ по сирски,—онъ находилъ и для нихъ привѣтствія съ благополучнымъ прибытіемъ. Присутствовали ли за службою проѣзжавшіе чрезъ Антіохію иностранцы, онъ, рискуя наскучить своимъ обычнымъ слушателямъ, не колебался довольно долго повторять то, что уже было сказано въ предшествовавшіе дни, чтобы и имъ все было понятно и они не потеряли ни малѣйшей доли пользы изъ бесѣды. Онъ освѣдомляется о впечатлѣніи, какое произвелъ; знаетъ, когда его вполнѣ поняли, и урокъ достигъ цѣли; знаетъ, наоборотъ, когда онъ уклонился слишкомъ далеко, и умы слушателей утомились. Въ своихъ толкованіяхъ св. Писанія, въ особенности ветхаго завѣта, онъ постоянно возвращается къ одной мысли, къ той именно, что Богъ обращая свое слово къ людямъ, снисходитъ къ человѣческому пониманію. «Таково свойство Божественной мудрости: она начинаетъ съ того, что нисходитъ до насъ и этимъ насъ привлекаетъ.» По этому поводу ежеминутно онъ повторяетъ слово «снисхожденіе», и это-то именно слово можно приложить къ нему самому. Онъ подражалъ этому снисхожденію въ такой степени, что въ немъ самомъ была та самая высокая снисходительность, которой онъ удивлялся въ священномъ текстѣ. Вотъ почему онъ такъ стремится путемъ развѣдыванія, или черезъ наблюденіе, узнать, каково настроеніе умовъ его слушателей. Какъ заботится онъ въ частности о каждомъ изъ своихъ пасомыхъ! «Если я обсуждаю столь многое въ каждомъ изъ моихъ поученій, если я безпрестанно перемѣняю предметъ»,—(и дѣйствительно, первая характерная черта всѣхъ его бесѣдъ та, что, несмотря на носимыя ими заглавія, онѣ нигдѣ не имѣютъ правильнаго плана и никогда не трактуютъ объ одномъ предметѣ)—«то это вслѣдствіе моего желанія, чтобы каждый находилъ для себя свое слово, свою добычу

и никто не возвратился домой съ пустыми руками». Весь нашъ трудъ будетъ состоять въ томъ, чтобы правильно собрать, привести и выяснить тѣ точныя подробности, которыя въ такомъ огромномъ количествѣ мы у него встрѣтимъ. Но нужно съ несомнѣнностью признать, что большая часть ихъ опредѣленности и интереса ускользаетъ отъ нашего пониманія. Тѣ почти сатирическія подробности, въ которыхъ св. Златоустъ былъ такъ превосходенъ и въ которыя онъ вносилъ столько живописнаго вдохновенія, всегда имѣютъ большую цѣну для прекрасной характеристики современныхъ ему нравовъ, но весьма часто для современниковъ эти подробности должны были характеризовать еще нѣчто другое, именно нравы той или иной личности, той или иной партіи. Намъ, такимъ образомъ, несомнѣнно, недостаетъ какъ бы ключа для многихъ его бесѣдъ, почти точно такъ же, какъ очень часто нѣтъ такого ключа и къ сатирамъ Ювенала. Это, впрочемъ, не значитъ, что св. Іоаннъ допускалъ какое-нибудь неблагоразуміе и позволялъ себѣ слишкомъ явно увлекаться личностями. Этой опасности, казалось, онъ всегда избѣгалъ въ Антіохіи. Менѣе остороженъ былъ онъ въ Константинополѣ, гдѣ смѣлые намеки казались ему необходимыми и гдѣ онъ отважно рѣшался дѣлать ихъ. Въ Сиріи, какъ кажется, онъ могъ дѣлать эти намеки съ меньшимъ рискомъ, но, повидимому, здѣсь избѣгалъ ихъ, руководясь вполнѣ вѣрнымъ инстинктомъ, подсказывавшимъ ему, что эти способы иногда производятъ больше соблазна, чѣмъ пользы. «Нимало не опасайтесь, ибо я никого не называю по имени»,—ясно высказался онъ однажды. Впрочемъ, это самое показываетъ, что, хотя онъ и соблюдалъ благоразумную щекотливость и умѣлъ избѣгать всякой крайности, однако, не останавливался передъ нѣкоторыми довольно ясными указаніями. Никто не сомнѣвается въ томъ, что, въ долгій періодъ времени его проповѣдничества въ Ан-

тіохіи, нравы изъ года въ годъ нѣсколько мѣнялись, и не только одни и тѣ же пороки послѣдовательно производили соблазнъ. Для насъ возможно констатировать факты этого рода только въ нѣкоторыхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, но безспорно, что на самомъ дѣлѣ эти случаи были часты, и невозможно, чтобы св. Іоаннъ, какимъ мы его знаемъ, не считался съ ними прямо. Пороки вѣчны и въ своей сущности одни и тѣ же, но даже на протяженіи очень краткаго періода они являются въ различныхъ формахъ, и обнаруженія ихъ безпрестанно мѣняются. Легкомысленные и измѣнчивые сирійцы всегда были игрушкою моды, столь же властно царящей надъ пороками, какъ и надъ вкусами. Съ своей стороны, мы убѣждены,—и пусть позволятъ намъ это предположеніе, хотя бы, къ несчастію, и слишкомъ далекое отъ дѣйствительности,—что, если бы у насъ были такіе же обильные и точные документы о IV-мъ вѣкѣ., какіе мы имѣемъ о новыхъ временахъ, напримѣръ, о XVII-мъ в., то мы нашли бы много мелкихъ анекдотическихъ находокъ въ этомъ сокровищѣ бесѣдъ, столь любопытныхъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ можемъ понимать. Мы убѣждены также, что тогда по твореніямъ св. Златоуста можно было бы выполнить работу, аналогичную съ тою, какую нѣкогда предпринимали по сочиненіямъ Бурдалу.

Таково, повидимому, было то проповѣданіе св. Іоанна въ Антіохіи, которое вполнѣ можно назвать апостольскимъ служеніемъ. Эта постоянная и неоскудѣвающая въ теченіе двѣнадцати лѣтъ проповѣдь возбуждаетъ самое недовѣрчивое удивленіе. Позднѣе, въ ту эпоху, когда Георгій Александрійскій писалъ свою біографію Златоуста, св. Іоанну могли приписывать всевозможныя чудеса, забывая часто признаваемое самимъ св. Златоустомъ соображеніе, *) что была великая

*) Позднѣе мы возвратимся къ мнѣнію св. Златоуста о современныхъ чудесахъ съ большими подробностями

разница между временами апостольскими и послѣдующими что въ эти послѣдніе источникъ сверхъестественныхъ дѣлъ значительно изсякъ и чудеса видѣли только при гробницахъ святыхъ и мучениковъ. Но его проповѣдь изумительнѣе всякихъ чудесъ; она сама—лучшее чудо, дивный плодъ милости и любви, той любви, которая является великимъ изъ непреложныхъ дарованій, завѣщанныхъ Іисусомъ Христомъ своимъ истиннымъ ученикамъ.

Св Златоустъ въ Константинополѣ.

Почти съ полнымъ правомъ можно сказать, что св. Іоаннъ при св. Флавіанѣ былъ истиннымъ епископомъ Антіохіи. Когда онъ былъ предоставленъ самому себѣ, онъ, вѣроятно, не хотѣлъ уже покинуть этотъ городъ, такъ какъ любилъ его вдвойнѣ: какъ свою родину и какъ апостольскій по преимуществу городъ, общую дочь апостоловъ Петра и Павла, «митрополію всего христіанства», по его собственному выраженію. Нѣкогда онъ наслѣдовалъ бы своему старому епископу и, состарѣлся бы среди своихъ возлюбленныхъ, такъ что нѣтъ никакихъ основаній заподозривать справедливость традиціоннаго разсказа, сообщающаго, что агентъ эвнуха Евтропія вынужденъ былъ употребить хитрость для того, чтобы увезти его въ Константинополь. Слава его распространилась уже слишкомъ далеко, и имя пріобрѣло слишкомъ много блеску, чтобы ему можно было ограничиться служеніемъ въ Антіохіи. И вотъ, противъ своей воли, онъ былъ призванъ управлять христіанскимъ обществомъ въ самой столицѣ, и, притомъ, замѣчательно, что его имя было выдвинуто впередъ и нареченіе совершено тѣмъ эвнухомъ Евтропіемъ, съ которымъ онъ долженъ былъ скоро вступить въ борьбу. Это казалось бы довольно страннымъ и труднообъяснимымъ, еслибы не было ясно, что выборъ

достойнѣйшаго былъ внушенъ трудностью избранія при слишкомъ многочисленныхъ и необыкновенно пылкихъ соперничествахъ.

Конечно, новый санъ не вселилъ въ св. Іоанна никакого тщеславнаго движенія. Онъ не имѣлъ самолюбія, или, точнѣе сказать,—всему, въ чемъ проявлялъ его, придавалъ самую возвышенную форму, такъ какъ мы невластны заглушить основное чувство нашего собственнаго бытія, но можемъ имъ только управлять. Всецѣло соединенный сердцемъ съ своею паствою, онъ полагалъ свою славу въ томъ, чтобы время отъ времени констатировать не только для себя, но и публично въ своихъ бесѣдахъ, тотъ прогрессъ, которому онъ способствовалъ и котораго,—говоря по всей справедливости,—былъ даже почти исключительнымъ виновникомъ. Съ этой точки зрѣнія, переходя изъ Антіохіи въ Константинополь онъ одновременно и терялъ, и находилъ. Можетъ быть, отнынѣ ему суждено было получать меньше сладкихъ и задушевныхъ радостей въ своихъ отношеніяхъ къ пасомымъ, но зато онъ долженъ былъ вкусить суровую, смѣшанную со скорбью радость, которую даетъ борьба за благородныя идеи и за великое дѣло.

Въ этомъ новомъ положеніи св. Іоаннъ во многихъ отношеніяхъ кажется намъ довольно отличнымъ отъ того, какимъ онъ былъ въ Антіохіи, въ вообще очень спокойные годы своего священства. Именно теперь онъ показалъ, что, при всей глубокой нѣжности и любви, натура его при случаѣ могла также быть пламенною и сильною. Впрочемъ, и теперь могущественныя силы его души, благодаря вліянію среды и обстоятельствъ, проявлялись особенно въ самоотреченіи и нѣжности. Только въ 387-мъ году онъ представилъ доказательство рѣшимости и смѣлости, какихъ уже не проявлялъ въ такой же степени впослѣдствіи. Въ Константинополѣ Златоустъ находился въ присутствіи двора, и ему, при

его пониманіи задачъ епископскаго сана и важности проповѣди, нельзя было не войти въ столкновеніе съ нимъ, точно такъ же, какъ это невозможно было нѣсколькими годами ранѣе для св. Амвросія и, вѣроятно, нѣсколько позднѣе, для блаж. Августина, еслибы этотъ послѣдній былъ главою церкви Миланской или Равеннской, а не управлялъ церковью Иппонійскою. Еще болѣе, чѣмъ въ Сиріи, многочисленные и вліятельные враги св. Іоанна,—богачи и вельможи,—находили въ поддержкѣ двора страшную силу, да и самый клиръ былъ смѣшаннымъ и въ большей части непокорнымъ.

Св. Іоаннъ былъ встрѣченъ здѣсь всевозможнымъ недовѣріемъ и завистью, которые скоро перешли въ тайную враждебность и, наконецъ, внезапно разразились. Ѳеофилъ Александрійскій съ перваго взгляда вполнѣ вѣрно понялъ св. Златоуста. Этотъ царедворецъ и застарѣлый политикъ по первому впечатлѣнію угадалъ въ немъ вѣчнаго врага себѣ подобныхъ, человѣка независимаго и идеалиста, и св. Іоаннъ былъ неизбѣжно осужденъ на борьбу и не менѣе неизбѣжно на пораженіе. Біографъ св. Златоуста, еп. Палладій очень вѣрно выяснилъ и подвелъ подъ девять пунктовъ, сводящіяся въ сущности къ двумъ, главнѣйшія причины возбужденной св. Іоанномъ ненависти. Такою причиною была, съ одной стороны реформа, которую онъ предпринялъ въ нравахъ клира, усиливаясь искоренить привычки къ великолѣпію и изнѣженность, терпимыя и даже поощряемыя прежнимъ архіепископомъ Нектаріемъ, отстраняя отъ церкви всѣ безполезныя издержки и исключительно посвящая ея доходы различнымъ дѣламъ милосердія; съ другой стороны, реформа нравовъ, предпринятая имъ по отношенію къ мірянамъ по основамъ, которыми онъ уже руководился въ Антіохіи. Но на этотъ разъ онъ сталкивался съ болѣе упорнымъ сопротивленіемъ и, воспламеняясь, прямо вступалъ въ борьбу съ

нимъ. Онъ испытывалъ прежде всего нападеніе епископовъ, разсорившихся съ нимъ, вслѣдствіе разныхъ происковъ,—Өеофила, столь же даровитаго, сколько и лишеннаго доброй совѣсти, Северіана Гавальскаго, Антіоха Аскалонскаго, Акакія Беррійскаго и Кирина Халкидонскаго,—людей менѣе обширнаго ума, чѣмъ патріархъ Александрійскій, но по своему хитрыхъ, коварныхъ и злобныхъ. Его преслѣдовала затѣмъ не знающая прощенія злоба оскорбленныхъ женщинъ, соединенная вражда вдовъ Марзы, Кастриціи и Евграфіи. Наконецъ, послѣ различныхъ перемѣнъ благоволѣнія и немилости, онъ вступилъ въ безконечную распрю съ императрицей Евдоксіей, а слѣдовательно, и съ Аркадіемъ, которымъ она управляла. При такихъ обстоятельствахъ онъ долженъ былъ пасть, хотя бы со всѣхъ сторонъ его окружала и энергичная преданность (напримѣръ, діакона Серапіона и нѣкоторыхъ избранныхъ священниковъ), и благочестивая любовь, подобная любви Олимпіады или Пентадіи, и даже въ томъ случаѣ, еслибы его такъ сильно поддерживала любовь народа, рѣшившагося ради его защиты не отступить даже предъ открытымъ возмущеніемъ.

Существуютъ различныя мнѣнія о роли св. Іоанна въ этомъ переворотѣ. Есть цѣлая школа церковныхъ историковъ, которые, въ разсказѣ о фактахъ, поминутно стараются смягчить его пылкость, рѣшимость и неблагоразумную отвагу. Эти историки не могутъ, напримѣръ, простить Сократу того, что онъ признавалъ св. Златоуста человѣкомъ нетерпѣливымъ и восторженнымъ. Есть, напротивъ, другіе, которые охотно признали бы св. Іоанна главою партіи, чѣмъ-то вродѣ народнаго трибуна. Эти историки любятъ повторять и изъяснять не совсѣмъ ясныя слова Зосимы, что св. Златоустъ былъ человѣкомъ, удивительно способнымъ руководить толпою. Истины нѣтъ ни въ той, ни въ другой изъ этихъ крайностей. Св. Іоаннъ, конечно, былъ человѣкъ. Точно такъ же, какъ одинъ изъ его знаме-

нитѣйшихъ предшественниковъ по Константинопольской каѳедрѣ,—св. Григорій Назіанзинъ, онъ съ безпощадностью преслѣдовалъ ненавистные ему пороки, и, когда нападеніе обратилось на него самого, онъ энергически отразилъ ударъ. Однако, между нимъ и св. Григоріемъ можно видѣть различіе, служащее къ его чести. У св. Григорія все же нѣкоторымъ образомъ чувствуется остатокъ самолюбія; тонъ и настроеніе у него болѣе самолюбивы. Личность св. Іоанна полнѣе сливается съ тѣмъ дѣломъ, которое онъ защищаетъ, и совершенно въ немъ обезличивается. Что же касается рѣзкости, то они оба были рѣзки, и, однако, можно ли поставить это въ вину имъ? Гиббонъ въ одной, очень интересной, мѣстами же прямо замѣчательной, хотя и пристрастной, статьѣ сказалъ, что «пылкость св. Златоуста не всегда была свободна отъ страстности и не всегда руководилась благоразуміемъ». Но когда же, ради служенія благу, запрещалась страстность? И развѣ благоразуміе—единственная добродѣтель святыхъ? Такимъ образомъ, много фарисейства таится въ этомъ сужденіи Гиббона. По примѣру Іисуса Христа, св. Іоаннъ, проникнутый обыкновенно только кротостью, становился рѣзкимъ, когда нужно было быть такимъ, и, если иногда переходилъ мѣру,—что почти неотрицаемо,—то такая крайность прекрасна.

Но епископское служеніе св. Іоанна въ Константинополѣ не всецѣло прошло въ тѣхъ битвахъ, въ которыхъ онъ, всегда нравственно великій и мощный, даже тогда, когда въ гражданскомъ обществѣ было не совсѣмъ безопасно,—давалъ примѣръ епископа, исключительно поглощаемаго заботою о духовныхъ интересахъ и не удерживаемаго никакими чисто человѣческими соображеніями. Вполнѣ естественно пораженные блескомъ этихъ событій, историки расположены пренебрегать менѣе бьющею въ глаза, но столь же благодѣтельною, а можетъ быть, еще болѣе почтенною, стороною дѣятельности

св. Златоуста, именно, тѣмъ воздѣйствіемъ, которое онъ постоянно, и въ спокойныя времена, оказывалъ на сословіе незнатныхъ людей, приводя ихъ въ восторгъ. И ученые, по прочтеніи знаменитаго слова на Евтропія, не всегда составляютъ совершенно вѣрное представленіе о его настоящемъ краснорѣчіи и обычной манерѣ, такъ какъ забываютъ, что такого рода бесѣда, подобно произнесеннымъ прежде бесѣдамъ о статуяхъ, необходимо представляетъ нѣчто исключительное въ твореніяхъ проповѣдника и не можетъ дать о всѣхъ его произведеніяхъ всецѣлаго и абсолютно точнаго представленія. Въ нашемъ трудѣ мы не должны пренебрегать этими распрями св. Іоанна съ дворомъ; этимъ ссорамъ должно быть отведенно надлежащее мѣсто, но ради нихъ намъ не слѣдуетъ жертвовать ничѣмъ другимъ. И пусть не думаютъ, что мы что-либо потеряемъ, если не будемъ постоянно придерживаться высотъ, но очень часто будемъ спускаться внизъ, чтобы наблюдать зрѣлище болѣе скромнаго, хотя и не менѣе плодотворнаго дѣла.

Христіанское общество въ Константинополѣ было менѣе многочисленно, чѣмъ въ Антіохіи. Это можетъ показаться съ перваго взгляда удивительнымъ, но становится вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ исторію города со времени Константина Великаго. Новая столица, Византія имѣла передъ всѣми другими городами имперіи то преимущество, что была обязана своимъ существованіемъ волѣ христіанскаго императора. Между тѣмъ, язычники издавна были здѣсь довольно многочисленны, и аріанство, можетъ быть, больше, чѣмъ во всѣхъ иныхъ мѣстахъ, завоевало здѣсь преобладающее вліяніе. Извѣстно, какое меньшинство христіане представляли тогда, когда императоръ Ѳеодосій, съ помощью вооруженной силы и среди народныхъ проклятій, возвелъ на тронъ св. Григорія Назіанзина. При епископѣ Нектаріи, который не былъ человѣкомъ способнымъ разжигать страсти, царствовала

относительная тишина. Но, если этотъ епископъ-вельможа, благодаря своему пышному образу жизни, обходительности и ровному, благодушному характеру, и могъ возвратить въ нѣдра церкви нѣкоторыхъ еретиковъ, то безспорно, что этихъ людей, привлекаемыхъ болѣе свѣтскими, чѣмъ благочестивыми обычаями его, онъ набиралъ главнымъ образомъ изъ среды лицъ индифферентныхъ, слѣдовавшихъ прежде всего примѣру двора и императора.

О томъ, что стеченіе народа въ Константинополѣ было менѣе многочисленно, чѣмъ въ Антіохіи, сообщаетъ намъ самъ св. Златоустъ. Нужно, впрочемъ, правильно понять это сообщеніе. Число православныхъ въ Константинополѣ было немногимъ меньше 100,000; мы видѣли, что такое же число было ихъ и въ Антіохіи, и, значитъ, вѣрующіе столицы были менѣе численны только въ отношеніи ко всему населенію. Св. Златоусту, такимъ образомъ, предстояло прекрасное дѣло: мало-по-малу вернуть утраченное владѣніе и снова завоевать Константинополь. Но препятствіе было въ томъ, что глубокія реформы должны были совершаться и въ лонѣ самого христіанскаго общества и требовали прежде всего всѣхъ заботъ архіепископа. Эти послѣднія реформы долгое время даже поглощали бы его заботы, еслибы вскорѣ послѣдовавшія событія не прекратили его дѣла. Помимо того, по сообщенію Сократа, онъ много разъ выступалъ противъ аріанства и новаціанства. Но, вообще говоря, онъ не могъ простирать свое дѣйствіе внѣ самой церкви. Въ ней-то онъ находилъ свои сладчайшія утѣшенія, въ любви тѣхъ бѣдняковъ, которые были привязаны къ нему и здѣсь такъ же, какъ въ Антіохіи. Несомнѣнно, что во время своего епископства онъ не могъ быть преданъ имъ столь же исключительно, какъ во время своего священства. Слишкомъ много дѣлъ призывало его, не говоря уже объ отсутствіяхъ, иногда довольно продолжительныхъ, которыя были для него

неизбѣжны. Таково, напримѣръ, было его путешествіе въ Азію, когда онъ взялъ на себя какъ бы надзоръ за главными епископіями. Бывали еще и теперь періоды, когда онъ проповѣдывалъ дважды въ недѣлю, напримѣръ, при изъясненіи псалтири. Но зато случалось и такъ, что, къ своему великому сожалѣнію, ему приходилось проповѣдывать не болѣе одного, двухъ разъ въ мѣсяцъ. Иногда проходилъ цѣлый мѣсяцъ, а онъ не показывался на амвонѣ. Ничто не можетъ лучше этого показать, какое вліяніе оказывали на него обстоятельства.

Въ Константинополѣ такъ же, какъ и въ Антіохіи, онъ проповѣдывалъ то въ одномъ, то въ другомъ приходѣ; то въ самомъ городѣ, то въ пригородахъ. Чаще всего говорилъ онъ въ «Великой церкви», расположенной въ самомъ центрѣ столицы, на главной площади, прямо предъ великолѣпнымъ зданіемъ сената и недалеко отъ дворца самого императора. На этой-то площади была воздвигнута статуя императрицы Евдоксіи, и по этому случаю совершались вполнѣ языческія празднества открытія ея, которыя внушили ему одну изъ самыхъ безбоязненныхъ рѣчей. Созывалъ онъ также народъ въ ту, дорогую сердцу всѣхъ вѣрныхъ, церковь Анастасіи (Воскресенія), которая была въ Константинополѣ въ нѣкоторомъ родѣ тѣмъ же, чѣмъ Палея въ Антіохіи. Въ этой церкви всегда живо было воспоминаніе о св. Григоріи Назіанзинѣ, проповѣдывавшемъ здѣсь малому числу вѣрныхъ, послѣ того какъ всѣ городскія церкви перешли во власть аріанъ. Собранія имѣли еще мѣсто въ храмѣ Святой Ирины или въ какой-нибудь часовнѣ, какъ напримѣръ, въ «мартиріи при старомъ камнѣ». Мы увидимъ, что народъ не всегда былъ весьма усерднымъ или очень внимательнымъ, какъ въ Антіохіи, а иногда и несовсѣмъ почтительнымъ. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ онъ обожалъ своего епископа и любилъ его съ глубокою нѣжностью. Его любили вмѣстѣ и за

краснорѣчіе и за ревность, и всякій разъ, когда онъ, — въ силу той любезности, какая была обычна между епископами,—предоставлялъ слово какому-либо чужеземцу, народъ былъ очень недоволенъ и давалъ это понять. Такъ же, какъ и въ Антіохіи, на эту любовь онъ отвѣчалъ не менѣе страстною любовью. Даже нѣсколько затруднительно избрать лучшее изъ обычныхъ выраженій его любви. Какъ, напримѣръ, трогательно подобное мѣсто: «Еслибы я попросилъ у васъ денегъ,—не охотно ли вы внесли бы ихъ за меня. Когда я былъ бы въ крайней опасности, не отдали-ль бы вы даже часть своего тѣла, если это возможно? Такъ подумайте, какой опасности подвергся бы я, если-бы былъ обвиненъ передъ Богомъ въ томъ, что не успѣлъ исправить васъ. Исправьтесь же сами, чтобы Богъ былъ ко мнѣ милостивъ». Таково же и другое мѣсто въ прекрасномъ заключеніи одной изъ прекраснѣйшихъ его бесѣдъ: «Еслибы я не боялся, что меня обвинятъ въ тщеславіи, я показалъ бы вамъ внутренность моего жилища; вы увидѣли бы мой плачъ, когда я вижу ваши паденія; узрѣли бы мои радости, когда я чувствую ваше совершенствованіе. Пусть будетъ угоднѣе небу, чтобы вы спаслись, а я былъ обвиненъ въ дурномъ исполненіи своего долга, вмѣсто того, чтобы я увидѣлъ васъ погибающими, а самъ получилъ свидѣтельство того, что ничѣмъ не принебрегъ ради вашего спасенія»! Мало значенія имѣетъ для него то, что иногда слушатели столь малочисленны. «Я все же,—говорилъ онъ,—буду увѣщевать васъ, какъ Іисусъ Христосъ не пренебрегъ говорить съ одной самарянкой». Какъ безостановочно и какъ близко надзираетъ онъ за поведеніемъ вѣрующихъ, чтобы узнать о пользѣ, извлеченной ими изъ его уроковъ! Хотя въ Константинополѣ ему одновременно приходилось и нести бремя весьма тяжелыхъ дѣлъ и оберегаться отъ многочисленныхъ нападеній, однако, здѣсь-то въ особенности, и даже еще болѣе, чѣмъ

въ своей дорогой и мирной Антіохіи, онъ произнесъ по этому поводу свои самыя характеристическія слова, всего лучше показывающія, до какой степени простиралась его заботливость. «Я хотѣлъ бы знать: слушаете ли вы то, что я говорю вамъ, съ должнымъ вниманіемъ, боясь, какъ бы мнѣ не сѣять мимо борозды. Ибо, если-бы я былъ увѣренъ въ вашемъ вниманіи, то мое ученіе было бы болѣе вдохновенно и радостно. Конечно, я буду говорить даже тогда, когда никто не слушаетъ, изъ страха къ повелѣніямъ Господнимъ. «Проповѣдуй этому народу,—дѣйствительно говоритъ Онъ,—и, если онъ не отверзетъ ушей, ты самъ не будешь безвиненъ». Если - бы я былъ убѣжденъ въ вашемъ усердіи и прилежаніи,—я говорилъ бы не только изъ страха, но съ радостью. А теперь, хотя я не подвергаюсь опасности, даже въ томъ случаѣ, если никто меня не слушаетъ, ибо выполняю свое дѣло, однако, предпринимаю его безъ услады... Какъ же узнать мнѣ, приноситъ ли оно вамъ пользу? Еслибы я могъ замѣтить, что нѣкоторые среди васъ невнимательны, я постарался бы найти ихъ особо и вопросилъ бы ихъ. И еслибъ я увидѣлъ, что они удержали изъ моихъ словъ хотя что-нибудь,—(не говорю *все*, ибо это не легко, но только нѣчто изъ всего),—я ихъ не подозрѣвалъ бы». Далѣе такъ и чувствуется импровизація, до такой степени рѣчь его полна свѣжести и чарующей простоты. «Мнѣ хотѣлось бы не дѣлать предупрежденій и застать васъ врасплохъ. Но нѣтъ,— меня обрадуетъ и то, если даже послѣ предупрежденія я достигну цѣли. Впрочемъ, что же я говорю? Я еще могу очень хорошо застигнуть васъ и теперь, несмотря на все, такъ какъ, хотя я и предупредилъ, что спрошу васъ, но не сказалъ *когда*. Можетъ быть, это случится сегодня, можетъ быть, завтра, а можетъ быть, черезъ двадцать или тридцать дней, т. е. можетъ быть раньше, можетъ быть позже. Я буду дѣйствовать по примѣру Провидѣнія,

которое, по такому же основанію, оставляетъ невѣдомымъ день нашей смерти».

На это чисто отеческое наставленіе Константинопольскій народъ отвѣчалъ, какъ и Антіохійцы, безграничною преданностью, которая, благодаря обстоятельствамъ, могла еще лучше обнаружиться во всей своей глубинѣ. Только что приведенныя слова ихъ епископа: «если бы я былъ въ крайней опасности, то вы дали бы мнѣ часть собственнаго вашего тѣла»,— показывали, что тутъ не было никакого преувеличенія. Сопротивленіе народа во время перваго изгнанія, до такой степени рѣшительное, что ему должна была уступить даже Евдоксія, затѣмъ, радость народа по случаю Іоаннова возвращенія—извѣстны намъ благодаря историкамъ и самому св. Златоусту. Послѣ второй ссылки произошло настоящее возстаніе, во время котораго «Великая церковь» сгорѣла вмѣстѣ съ сенатомъ, и всего вѣроятнѣе, что отвѣтственными въ этотъ пожарѣ были крайніе сторонники св. Іоанна. Столь обостренное положеніе дѣлъ, какъ въ предшествовавшіе дни, почти не разрѣшается иначе, какъ подобнаго рода катастрофами. Когда дѣло было окончательно проиграно, сторонники св. Іоанна съ стойкостью и мужествомъ выносили жестокое преслѣдованіе. Но какова была въ точности роль самого св. Іоанна во всѣхъ этихъ событіяхъ? Поощрялъ ли онъ сопротивленіе,—какъ иногда старались доказать,—и занималъ ли положеніе главы партіи противъ двора и власти? Трудно произнести совершенно безошибочное сужденіе, но, во всякомъ случаѣ, мы вынесемъ впечатлѣніе не въ пользу указаннаго предположенія, если сравнимъ нѣкоторые различные разсказы, дошедшіе до насъ. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, изъ свидѣтельствъ и друзей, и противниковъ, повидимому, довольно ясно вытекаетъ, съ одной стороны, что св. Іоаннъ пытался воздѣйствовать на опредѣленія двора обнаруженіемъ общественнаго мнѣнія, — и это, конечно,

было его право; съ другой стороны,—(а это былъ уже его долгъ)—что онъ навсегда рѣшилъ не вступать въ открытую борьбу. Онъ выступаетъ только при послѣдней крайности, послѣ того какъ до послѣдней минуты надѣялся, что Евдоксія и Аркадій уступятъ; когда же онъ понялъ, что не остается никакой надежды на успѣхъ, онъ самъ выдалъ себя куріосу *) и безъ сопротивленій сложилъ съ себя дѣло власти. Настоящій характеръ этого поведенія довольно хорошо проясняется при свѣтѣ сближенія. Припомнимъ св. Амвросія и его распри съ Іустиною и юнымъ Валентиніаномъ. Борьба была одинаково оживленною какъ въ Миланѣ, такъ и въ Константинополѣ, и благочестивое вечернее собраніе православныхъ войскъ въ базиликѣ Порсенны можно сравнить съ такимъ же бдѣніемъ Іоаннитовъ въ Византіи. Но побѣда осталась за св. Амвросіемъ, и не трудно понять, почему онъ достигъ ея, тогда какъ св. Іоаннъ былъ побѣжденъ и изгнанъ. Св. Амвросій обладалъ гораздо большимъ, чѣмъ св. Іоаннъ, пониманіемъ дѣйствительности и возможнаго. Его смѣлость, какъ бы она ни была велика, всегда была обдуманна и хладнокровна. Онъ изумительно умѣлъ умѣрять свои требованія по мѣрѣ успѣха, на который можно было твердо надѣяться. Онъ защищался мужественно, но зналъ при этомъ, что за него стоитъ масса сторонниковъ еще большая, чѣмъ за св. Златоустомъ. Зналъ онъ вполнѣ хорошо и то, что, хотя Іустина, подобно Евдоксіи, и была женщиною энергичною и мстительною, однако, западный дворъ на самомъ дѣлѣ былъ гораздо слабѣе восточнаго. Онъ былъ слишкомъ благоразуменъ и слишкомъ опытенъ, чтобы позволить себѣ запутаться во многихъ дѣлахъ сразу. Противъ него, наконецъ, не на-

*) Куріосъ—должностное лицо, принадлежавшее къ столичной полиціи. Онъ производилъ слѣдствія о преступленіяхъ, происходившихъ въ городѣ и доводилъ о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства.

Прим перев.

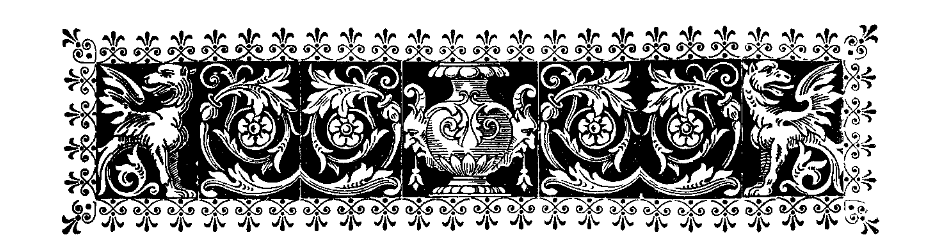
правлялась та ужасная коалиція и духовной, и мірской ненависти, подъ тяжестью которой долженъ былъ пасть Константинопольскій архіепископъ. Онъ стоялъ во главѣ паствы, сплоченной изъ однихъ только согласныхъ каѳоликовъ, тогда какъ византійское общество было разъединеннымъ, и одна партія клира слѣдовала за епископами Северіаномъ и Ѳеофиломъ. Римлянинъ св. Амвросій принадлежалъ къ политикамъ; честь св. Іоанна Антіохійскаго въ томъ, что онъ горѣлъ ревностію Апостоловъ.

Церковь апостольская—вотъ, дѣйствительно, тотъ идеалъ, къ которому св. Іоаннъ постоянно стремился и который отчасти довольно хорошо осуществилъ и въ Сиріи, и въ Константинополѣ: церковь апостольская—это собраніе братьевъ, соединенныхъ между собою узами любви и чрезъ эти самыя узы подчиненныхъ, — впрочемъ, совершенно свободнымъ подчиненіемъ, — общему отцу, епископу. «Многое характеризуетъ христіанство, но всего больше и лучше—любовь и миръ по отношенію ко всѣмъ». Вотъ почему съ любовью обращалъ онъ свой взоръ на первоначальную іерусалимскую церковь, на то счастливое семейство, гдѣ у множества было одно сердце и одна душа. Мы увидимъ, что на положеніе этого идеальнаго общества, онъ не смотрѣлъ, какъ на утопію, не вдавался въ тѣ, слишкомъ мудрыя размышленія, какія дѣлалъ Флёри въ своей книгѣ «о нравахъ христіанъ», именно, что «съ человѣческой точки зрѣнія трудно представить существованіе столь обширной церкви безъ вѣрныхъ вкладовъ и доходовъ, и что первоначальная церковь, какъ видно изъ книги Дѣяній апостольскихъ и посланій ап. Павла, нуждалась въ помощи другихъ церквей, такъ что изъ всѣхъ провинцій посылались значительныя суммы для «святыхъ» Іерусалима». Св. Іоаннъ напротивъ, по выраженію самого Флери, «не затруднился даже предложить этотъ родъ жизни, какъ достоподражаемый примѣръ и средство обращенія невѣрныхъ».

Истинная оригинальность св. Златоуста состоитъ въ томъ, что въ тотъ вѣкъ, когда величайшіе епископы были или преимущественно богословами, какъ св. Аѳанасій и бл. Августинъ, или политиками, какъ св. Амвросій, – онъ былъ человѣкомъ апостольскаго времени. Можетъ быть, въ этомъ вѣкѣ намъ не найти человѣка, истинно вдохновленнаго тѣми же преданіями и тѣмъ же духомъ, какъ св. Златоустъ, кромѣ одного, стоящаго,—правда, - гораздо ниже Іоанна по своему таланту и познаніямъ, но близкаго къ нему по сердцу. Этотъ человѣкъ, жившій въ очень отдаленной провинціи, среди самыхъ различныхъ народностей, въ разстроенной уже варварскими нападеніями Галліи,—въ Пуатье,—никто иной, какъ св. Мартинъ, о которомъ Сульпицій Северъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, что онъ проводилъ истинно апостольскую жизнь. Во всѣ эпохи, среди всевозможныхъ перемѣнъ, послѣ того, какъ цѣлое тѣло Церкви уже слабо отражаетъ образъ первыхъ временъ, нѣкоторые лучшіе люди представляютъ всегда истинное преданіе. Въ IV-мъ вѣкѣ такими людьми были святые Іоаннъ и Мартинъ, стоящіе въ тѣсной связи.

Теперь, когда мы знакомы съ личностью св. Златоуста, попытались проникнуть въ глубину его характера и духа, видѣли, въ какой средѣ приходилось ему подъ вліяніемъ обстоятельствъ дѣйствовать, и какія отношенія установились между нимъ и управляемыми имъ вѣрными,—мы можемъ, не медля болѣе, войти въ подробности нашего изученія.

ГЛАВА II

Классы общества.

Богачи и роскошь

Св. Златоустъ, покровитель и заступникъ бѣдняковъ, былъ естественнымъ противникомъ богачей; никогда еще роскошь не встрѣчала столь страшнаго врага. И, если поэтому мы будемъ судить о высшемъ Антіохійскомъ и Константинопольскомъ обществѣ единственно по его даннымъ, то наше сужденіе должно быть крайне суровымъ. Чтобы эта суровость не рисковала быть несправедливою, было бы очень важно, послѣ изображенія этого общества на основаніи свидѣтельствъ св. Златоуста и соединенія въ цѣлостной картинѣ разсѣянныхъ въ его бесѣдахъ чертъ,— ближе изслѣдовать характеръ его жалобъ на богатство и роскошь. Когда мы поймемъ, каковы были общія точки зрѣнія его на этотъ предметъ, и какой идеалъ онъ составилъ,— намъ легче будетъ уяснить глубокую истинность его сужденія. Но относительно Константинополя и Антіохіи у насъ чувствуется недостатокъ въ такихъ провѣрочныхъ документахъ, какія, напримѣръ, мы, имѣемъ о Римѣ. Нѣкоторыя подробности у софистовъ Ливанія или Ѳемистія, разсказы церковныхъ историковъ и сообщенія

историка Зосимы не даютъ намъ столь же живого впечатлѣнія, какое оставляютъ историки Макробій или Симмахъ о Римѣ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ намъ почти невозможно провѣрить показанія св. Іоанна иначе, какъ только черезъ него же самого.

Во главѣ богатыхъ Антіохійскихъ фамилій, какъ во всѣхъ городахъ имперіи, стояла муниципальная аристократія, которую составляли члены сената или «совѣта». Въ большей части это были старѣйшіе представители древнихъ фамилій, съ давнихъ временъ первенствующихъ въ городѣ; о нихъ можетъ намъ дать представленіе фамилія софиста Ливанія, учителя св. Златоуста. Здѣсь, какъ впрочемъ и во всей имперіи, эти сенаторы далеко не занимали завиднаго во всѣхъ отношеніяхъ положенія. Вынужденные покрывать значительные служебные расходы, часто обремененные порученіями, требующими большихъ издержекъ, отвѣтственные во многихъ случаяхъ за неповиновеніе народа,—они дорого платили за честь своего первенства. Ихъ-то, напримѣръ, въ 13-ой изъ своихъ бесѣдъ по поводу низверженія статуй, св. Іоаннъ представляетъ намъ влекомыми передъ судилище, затѣмъ отводимыми въ темницу и въ цѣпяхъ переходящими форумъ. Съ другой стороны, Ливаній передаетъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, жертвою которыхъ въ болѣе раннее время были его собственные предки. И естественно, что злополучный сенатъ безпрестанно болѣе и болѣе уменьшался. Въ началѣ IV-го вѣка въ немъ насчитывалось около 1200 членовъ; ко времени Юліана онъ сильно уменьшился, и императоръ вынужденъ былъ его пополнить. Въ то время, когда Ливаній писалъ рѣчь «къ совѣту», т. е. около 386 г., сенаторовъ было, какъ кажется, только шестьдесятъ, и,—что почти невѣроятно,—только двѣнадцать во время написанія рѣчи «въ защиту совѣтовъ», точная дата которой неизвѣстна, но должна быть относима ко времени послѣ 388 г. Вотъ почему въ Антіохіи, какъ и повсюду

всѣ старательно избѣгали муниципальныхъ должностей, а вновь богатѣющія семьи прибѣгали ко всѣмъ возможнымъ уловкамъ и интригамъ, чтобы избавиться отъ замѣщенія тѣхъ, кто принужденъ былъ оставить свой постъ, вслѣдствіе разоренія или смерти.

Но большія богатства не были исключительной привилегіей этой аристократіи. Во времена имперіи Сирія была очень богатою страною; можно даже сказать, что изъ всѣхъ провинцій имперіи въ ней и Египтѣ промышленность и торговля получили наибольшее развитіе. Въ такомъ благопріятномъ положеніи Сирія находилась даже дольше, чѣмъ Египетъ, и, начиная съ IV-го вѣка это особенно хорошо доказывается неутомимою дѣятельностью сирійскихъ негоціантовъ, утвердившихся повсюду, не только на Востокѣ, но даже и на Западѣ, до Галліи. Фабрики льна, пурпура и всякаго рода тканей были въ огромномъ количествѣ въ Лаодикіи и Библосѣ, Тирѣ и Беритѣ. Черезъ сирійцевъ же большею частью велась торговля шелкомъ. Земледѣліе находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Со всѣхъ частей провинціи въ митрополію—Антіохію стекались разбогатѣвшія фамиліи, и еще донынѣ, по всему протяженію береговъ Оронта, остаются развалины многочисленныхъ пышныхъ виллъ, изъ которыхъ древнѣйшія могутъ восходить почти къ той эпохѣ, о которой идетъ рѣчь. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ этомъ центрѣ великой торговой и промышленной дѣятельности любовь къ деньгамъ была очень сильна и всеобща. Молва о жадности и скупости сирійцевъ была въ IV в. повсемѣстною, и ихъ одинаково осуждали и христіане, и язычники во всѣхъ другихъ частяхъ имперіи. Императоръ Юліанъ, если справедливы его увѣренія въ «Мисопогонѣ», навлекъ на себя недовольство жителей Антіохіи не исключительно той суровостью, которая оскорбляла ихъ изнѣженные и безпутные обычаи, но еще болѣе вооружилъ ихъ противъ

себя мѣрами, принятыми для обузданія ихъ скупости. Всѣ отъ мала до велика, отъ лавочника до должностнаго лица, виновные въ однихъ и тѣхъ же проступкахъ, ополчились противъ него общею ненавистью. Дороговизна съѣстныхъ припасовъ, на которую такъ жаловались во время его пребыванія въ Сиріи, по его словамъ, происходила, не по причинѣ голода, но вслѣдствіе ненасытимой жадности собственниковъ. Блаж. Іеронимъ, во время своего палестинскаго уединенія стоявшій близко къ сирійцамъ и хорошо освѣдомленный о нихъ, судилъ ихъ не иначе, какъ и Юліанъ: онъ говорилъ, что всѣ они «дѣльцы и самые скупые люди изъ всѣхъ смертныхъ».

Богатства членовъ антіохійскаго совѣта были, должно быть, очень значительны. Такимъ же богатствомъ пользовались и нѣкоторыя фамиліи, умѣвшія избѣжать муниципальныхъ должностей, хотя и находились въ надлежащихъ условіяхъ, чтобы нести ихъ. Этого онѣ достигали или путемъ скрыванія своего богатства, или посредствомъ ловкаго пользованія какими-нибудь законными средствами, бывшими въ распоряженіи умѣлыхъ людей. Что эти богатства были такъ велики, объ этомъ можно судить уже по тѣмъ издержкамъ, какихъ требовали отъ нихъ общественныя игры, даваемыя ими народу при занятіи должности. Расходы, несомнѣнно, были не только такъ же значительны, какъ въ Римѣ, но даже еще болѣе велики. Св. Іоаннъ не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній, какими бы можно было воспользоваться для приблизительнаго вычисленія доходовъ Антіохійскаго сенатора. Но зато, наоборотъ, мы можемъ составить нѣкоторое понятіе объ отношеніи богатыхъ фамилій къ цѣлому городскому населенію. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ на евангеліе св. Матѳея, (а въ этомъ рядѣ прекрасныхъ бесѣдъ находится немало такихъ, въ которыхъ онъ особенно живо затрогивалъ вопросъ о роскоши) — онъ раздѣляетъ все населеніе на три

класса: на очень богатыхъ, очень бѣдныхъ и тѣхъ, кто занималъ среднее положеніе и, по крайней мѣрѣ, имѣлъ средства для существованія. По его мнѣнію, какъ богачи, такъ и бѣдняки, каждые въ отдѣльности, составляютъ около одной десятой части жителей; остающіяся восемь десятыхъ имѣютъ почти удовлетворительныя средства. Можетъ быть, всего интереснѣе въ этомъ свидѣтельствѣ тотъ выводъ, что средній классъ не былъ такимъ несостоятельнымъ, какимъ, говорятъ, онъ бывалъ иногда въ большихъ городахъ въ IV-мъ вѣкѣ.

Можно представить себѣ Константинополь почти такимъ же, какимъ въ эту же самую эпоху былъ Римъ. Здѣсь еще больше, чѣмъ въ Антіохіи богатства, и еще больше число бѣдняковъ. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ на «Дѣянія апостольскія», которыя произнесены, какъ кажется въ 401-мъ году, Златоустъ оцѣниваетъ все городское богатство въ совокупности въ одинъ милліонъ литровъ золота, хотя тотчасъ же прибавляетъ: «впрочемъ, что я говорю? можетъ быть вдвое или втрое больше!» Ясно поэтому, насколько неблагоразумно было бы твердо основываться на такихъ неопредѣленныхъ данныхъ. Число же бѣдняковъ въ этомъ самомъ городѣ, гдѣ, по его показанію, христіанъ было около 100,000, онъ опредѣляетъ 50-ью тысячами, хотя ясно не видно, хотѣлъ ли онъ говорить о бѣдныхъ христіанскаго общества или,—что гораздо правдоподобнѣе,—о всѣхъ бѣднякахъ, безотносительно къ религіи.

Вычислить такимъ образомъ, каково было въ дѣйствительности относительное распредѣленіе богатствъ въ IV вѣкѣ и какая разница отдѣляла положеніе богатыхъ отъ положенія людей средняго класса—было бы весьма интереснымъ для изслѣдованія вопросомъ. Но мы только что видѣли, что св. Златоустъ не предлагаетъ данныхъ для его точнаго рѣшенія. Отъ чтенія большинства его бесѣдъ остается то впечатлѣніе, подтверждаемое, впрочемъ, еще и всѣми свѣдѣніями, почер-

паемыми изъ другихъ источниковъ,—что богатства знатныхъ людей были не только велики, но даже чрезмѣрны, и что слѣдовательно, злоупотребленія роскошью зашли слишкомъ далеко. Монфоконъ въ своей диссертаціи собралъ главные тексты, гдѣ св. Іоаннъ всего яснѣе сообщаетъ намъ объ этихъ крайностяхъ; его перечень сухъ, но въ немъ мы почти не найдемъ пробѣловъ. Послѣ него было бы полезно предпринять тщательное обозрѣніе подробностей, стоило бы лучше выставить на видъ и сильнѣе отмѣтить главныя черты. Можно довольно легко охарактеризовать роскошь IV вѣка сравнивъ ее съ роскошью лучшихъ временъ имперіи въ I и II вѣкахъ. И теперь роскошь является съ тѣми же пороками, что и тогда: съ расточительностью, мотовствомъ и тщеславіемъ, зашедшими, несомнѣнно, еще дальше, чѣмъ въ самыя тщеславныя времена новой эры. И притомъ, эта роскошь оказала гораздо меньше услуги искусству, понимаемому въ истинномъ смыслѣ слова.

Крайность прежде всего проявляется въ жилищахъ, и одновременно—въ ихъ чрезвычайной многочисленности и чрезмѣрномъ великолѣпіи. Включая въ счетъ дачи, Антіохійскіе и Константинопольскіе сановники владѣли часто десятью или даже двадцатью домами. Тоже нужно сказать и о Западѣ; изъ переписки Симмаха мы можемъ получить свѣдѣнія объ его покояхъ и безчисленныхъ помѣстьяхъ, разсѣянныхъ по всей Италіи. Св. Златоустъ часто, съ цѣлью осмѣянія, любилъ описывать эти великолѣпные дома, съ широкими портиками, съ плафонами, украшенными вызолоченными обшивками, съ дверями изъ слоновой кости. Онъ изображалъ спальни, стѣны которыхъ цѣликомъ обложены мраморомъ или, (если случайно въ мраморѣ былъ какой нибудь недостатокъ),—настилкою изъ вызолоченнаго металла; описывалъ прекрасныя колонны съ такими же золочеными капителями, иногда даже цѣликомъ, съ самаго основанія, покрытыя зо-

лотыми пластинками. Большую любовь богачи питали къ фрескамъ, но еще больше любили мозаику, мода на которую безпрестанно возрастала. Такъ какъ содержаніе фресокъ было часто миѳологическое или эротическое, то св. Златоустъ былъ безпощаденъ къ различнымъ формамъ этого искусства и съ особенною суровостью осуждалъ скульптуру. Извѣстно, однако, что многіе изъ христіанъ имѣли довольно свободныя мысли объ этомъ предметѣ. Не говоримъ о писателѣ Авзоніи, который съ такимъ наслажденіемъ описываетъ въ тридцатой эпиграммѣ образы боговъ, украшавшихъ его виллу, такъ какъ Авзоній, хотя и былъ христіаниномъ, но только по имени. Съ своей стороны и поэтъ Пруденцій хотѣлъ, чтобы для украшенія Рима были сохранены прекрасныя статуи; по его мнѣнію, достаточно было только отказаться отъ всякаго идольскаго культа. Св. Златоустъ никогда не говорилъ открыто о статуяхъ, украшавшихъ общественныя мѣста и памятники, но эти послѣднія были, должно быть, очень многочисленны въ Антіохіи. Столько же ихъ, вѣроятно, было и въ Константинополѣ, гдѣ императоръ Константинъ Великій подлѣ изображеній христіанскаго характера, о которыхъ упоминаетъ Евсевій, поставилъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ образцовъ искусства, вывезенныхъ изъ греческихъ городовъ, за что современники почти готовы были обвинить его. Что касается статуй, украшавшихъ дома частныхъ людей, то св. Іоаннъ, не колеблясь, приказывалъ ихъ разрушать, повидимому, ни въ какой степени не испытывая того благоговѣйнаго артистическаго чувства, которое одушевляло Пруденція: онъ видѣлъ въ статуяхъ только идоловъ и упрекалъ ихъ въ томъ что ими привлекаются бѣсы. «Кто согласился бы увидѣть обнаженную женщину? Нагая фигура до такой степени постыдна! Демонъ скрывается за нею. Всѣ наши статуи не болѣе, какъ изображеніе любодѣянія».

Кто хочетъ представить себѣ чертоги богатаго грека IV сто-

лѣтія тотъ долженъ въ особенности прочесть бесѣду на псаломъ 48-й, всецѣло направленную противъ роскоши. Здѣсь св. Златоустъ, кромѣ самыхъ палатъ, описываетъ окружающіе ихъ сады, изящные фонтаны среди этихъ садовъ и портики, гдѣ всякій находитъ тѣнь и прохладу. Дачные дома не менѣе великолѣпны, чѣмъ городскіе чертоги, хотя тамъ живутъ очень рѣдко, такъ что эти дачи строютъ скорѣе «для обитанія воронъ», чѣмъ для себя. Если же иногда и отправляются пожить въ этихъ дачахъ то вовсе не для того, чтобы найти тамъ деревню; нѣтъ, хотятъ и здѣсь встрѣтить всю городскую изнѣженность и роскошь. И какихъ только приготовленій не дѣлалъ богачъ, число рабовъ у котораго доходило до тысячи или двухъ тысячъ, для переѣзда на нѣсколько дней, для простой прогулки! Съ какой свитой слугъ и эвнуховъ, наконецъ, пускался онъ въ путь на своихъ носилкахъ или въ повозкѣ, везомой пышно запряженными мулами! Описанія св. Златоуста, касающіяся Востока, здѣсь почти слово въ слово совпадаютъ съ описаніями, которыя его соотечественникъ Амміанъ оставилъ намъ о Римѣ, и гдѣ въ столь яркихъ краскахъ представилъ, какъ эти вельможи отправляются въ путешествіе по своимъ землямъ, предваряемые и сопровождаемые декуріями и центуріями рабовъ, или эвнуховъ, вполнѣ вооруженныхъ и ведомыхъ управителями. Этимъ тщеславнымъ переѣздамъ св. Іоаннъ любитъ противополагать патріархальное простодушіе Авраама, который, несмотря на богатство, отличался такою скромностью въ своихъ продолжительныхъ переселеніяхъ.

Что въ особенности характеризуетъ грубую и крикливую, чисто византійскую роскошь IV-го вѣка, —это злоупотребленіе дорогими матеріалами. Во всемъ матерія стремится возобладать надъ формою,—а это обстоятельство всегда является одною изъ первыхъ причинъ и мало сомнительныхъ показателей упадка искусства. Этотъ недостатокъ, который можно

чувствовать уже въ приведенномъ нами, на основаніи показаній Златоуста, описаніи богатаго дома,—естественно сказывался въ комнатной обстановкѣ. Вся мебель, всѣ столы, постели и стулья были обложены серебромъ, золотомъ или слоновой костью, если не были цѣликомъ сдѣланы изъ этого матеріала. То-же самое нужно сказать о повозкахъ. Колесница императора, вся покрытая подвижными золотыми бляхами, сверкавшими и блестѣвшими при малѣйшемъ движеніи, получала еще большій блескъ отъ вставленныхъ тамъ и сямъ драгоцѣнныхъ камней; запряженная бѣлыми мулами, въ сбруѣ, не менѣе испещренной украшеніями, она была неподражаемымъ образцомъ, къ которому всякій стремился приблизиться, насколько это было возможно и позволительно. Тотъ-же вкусъ царилъ и въ одеждѣ, и св. Златоустъ безпрестанно обличалъ моду на парчу и шелкъ. Онъ негодуетъ на то, что жители Константинополя не хотятъ больше и слышать о сти, да и въ Антіохіи ему приходилось уже обличать этотъ предразсудокъ, такъ какъ именно въ Сирію шелкъ доставлялся черезъ Каспійское море и пускался въ дѣло на фабрикахъ Берита и Тира. Въ частности, говоря объ одеждахъ св. Іоаннъ отмѣчаетъ необыкновенно дурного вкуса любовь къ тканямъ, съ вышитыми крупными фигурами людей и животныхъ. Это было тогда большою новостью и, слѣдовательно, въ большой модѣ. Нарочно выходили на площадь, чтобы удивить этими пышными одеждами. Римляне, какъ и восточные народы, отличались тою же любовью къ нарядамъ, и здѣсь опять Амміанъ является въ совершенномъ согласіи съ св. Златоустомъ. Шелкъ употребляли даже для украшенія обуви. Молодые люди носили обувь съ острыми носками и очень заботились о томъ, чтобы не загрязнить ее. «Тогда повѣсьте ее лучше на шею!»—восклицалъ имъ Іоаннъ св. въ одномъ изъ обычныхъ у него порывовъ искренняго раздраженія.

Посмотримъ на Антіохійскаго или Константинопольскаго богача въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ выставляетъ на показъ свое богатство и даетъ большой пиръ. Здѣсь намъ представится случай увидѣть проявленіе всей его роскоши, и св. Златоустъ дастъ всѣ данныя для полнаго ея описанія. Съ первыхъ лѣтъ своей проповѣди онъ нападалъ на слишкомъ пышные пиры, и съ того времени никогда не переставалъ повторять свои обличенія. Есть, говоритъ онъ, двѣ, равно ужасныя причины подобныхъ крайностей: во-первыхъ, объяденіе, сильнѣйшее (какъ доказываетъ онъ однажды) изъ всѣхъ наслажденій, болѣе сильное даже, чѣмъ сладострастіе и во вторыхъ, тщеславіе. Каждый возбуждаетъ этими обѣдами зависть сосѣдей, которые съ своей стороны, стремятся дать пиръ, еще болѣе блестящій; въ Антіохіи въ особенности это соревнованіе было очень горячо, и завистливое. честолюбивое стремленіе превзойти другихъ, повидимому, было по преимуществу развито у сирійцевъ. Часто зависть, вызвавшая очень удачный пиръ, была настолько сильна, что «подвергала смертной опасности того, кто давалъ пиршество».

Для этихъ обѣдовъ вынимали изъ шкаповъ всю драгоцѣннѣйшую посуду и золотые, вѣсящіе полъ-таланта, кубки. Для пиршества служили тѣ полукруглые столы, въ формѣ сигмы, которые часто описывали греческіе и латинскіе авторы эпохи императоровъ. Столъ покрытъ дорогою скатертью, прислуживаетъ огромное число слугъ, по старинному обычаю, особо избранныхъ, молодыхъ, по возможности красивыхъ и, по крайней мѣрѣ, такъ же разодѣтыхъ, какъ и гости. Въ продолженіи всей недѣли хозяинъ положилъ на подготовленіе пира больше труда, чѣмъ генералъ арміи. Поваръ умѣло располагаетъ порядокъ и преемство блюдъ, между которыми св. Златоустъ, въ частности, указываетъ, какъ наиболѣе изысканное—фазановъ и,—нѣсколько странное обыкновеніе,—пулярокъ, начиненныхъ рыбами. Пьютъ самое до-

рогое ѳазосское вино. Но самое позорное то, что въ концѣ пиршества призываютъ игральщицъ на флейтѣ и киѳарѣ, а это—тѣ-же блудницы, готовыя на всякую гнусность. Потѣшаются также смѣшнымъ зрѣлищемъ комическихъ уродовъ, шутовъ и карликовъ. Несчастные нищіе, ради снисканія милостыни, приходятъ удивлять своими фокусами, часто опасными для жизни и безчеловѣчными, и предаются самому жалкому шутовству. Что касается гостей, то многіе изъ нихъ не болѣе, какъ паразиты, племя которыхъ, всегда равно безстыдное и прожорливое, какъ и въ славные дни античной комедіи, расплодилось въ то время, болѣе чѣмъ когда-либо. По отношенію къ паразитамъ св. Златоустъ весьма строгъ: онъ обвиняетъ ихъ не только въ безстыдствѣ, но доказываетъ еще, что они—люди неблагодарные и измѣнники, и что доносы ихъ часто гибельны для ихъ покровителей. Есть тутъ, правда,—не говоря уже о знатныхъ гостяхъ,—и честные, небогатые люди, кліенты, считающіе честью быть принятыми у вельможъ. Но здѣсь они, поистинѣ, самые жалкіе люди и чувствуютъ себя очень безпокойно: «имъ неловко, какъ мальчикамъ въ школѣ». Съ ними обращаются несравненно хуже, чѣмъ съ паразитами, которымъ иногда позволяютъ допускать безчинство. Эти же не имѣютъ здѣсь права ни на что; здѣсь всякое право направляется только противъ нихъ самихъ. Таковъ античный пиръ въ IV-мъ вѣкѣ, въ сущности тотъ-же, какой съ глубокою горечью описалъ сатирикъ Ювеналъ. Здѣсь вѣчно разыгрываютъ его пятую сатиру. Бѣдный Требій не менѣе терпитъ сраму отъ своего патрона, и Вирронъ остается при прежнемъ мнѣніи, что нѣтъ ничего смѣшнѣе голодающаго кліента. «Развѣ можетъ быть какая-нибудь комедія или какой-либо комикъ забавнѣе голодной глотки?»

Однажды св. Златоустъ говорилъ: «слыша, что я столь часто повторяю однѣ и тѣ же обвиненія противъ вашихъ за-

стольныхъ крайностей, не думайте, что я хочу совсѣмъ запретить пиры. Нѣтъ, я хочу только, чтобы ихъ проводили благопристойно». И ему можно вѣрить на слово, такъ какъ онъ вовсе не былъ слѣпымъ фанатикомъ. Онъ очень хорошо зналъ, чего хотѣлъ, и, изучая его главныя мысли о роскоши и богатствѣ, мы увидимъ, что, если иногда, нападая на довольно незначительныя, повидимому, мелочи, онъ усиливалъ тонъ и возвышалъ голосъ, то дѣлалъ это сознательно и умышленно. У него были свои побужденія, и побужденія вѣскія, чтобы съ такимъ упорствомъ и силою нападать на пиры; и намъ онъ нѣсколько разъ довольно ясно раскрываетъ ихъ. Онъ хорошо знаетъ, что слишкомъ часто эти пиршества оканчиваются настоящею оргіей, т. е. не только пьянствомъ, но распутствомъ и соблазнительными сценами сладострастія. «Изъ пиршествъ раждаются всѣ ваши похоти. Выходя изъ за стола, разгоряченные виномъ и яствами, вы идете въ яму для нечистотъ, ибо таково тѣло блудницы. И я сошлюсь въ этомъ на васъ самихъ, валяющихся въ грязи и потомъ краснѣющихъ при воспоминаніи о своемъ безстыдствѣ». Онъ часто описываетъ то неистовство чувствъ, которымъ сопровождается пиръ; мы найдемъ у него даже очень ясные намеки на недостойныя человѣка крайности, которыхъ здѣсь невозможно высказать. Онъ стыдитъ господъ, увлеченіе и пьянство которыхъ дѣлаетъ ихъ смѣшными предъ собственными рабами, свидѣтелями ихъ слабости. Вотъ почему онъ такой безжалостный противникъ пиршества, открытый врагъ объяденія, не перестающій представлять его матерью всѣхъ пороковъ и болѣзней. И онъ охотно настаиваетъ на этихъ послѣднихъ выводахъ; любитъ, напримѣръ, представлять чревоугодника, мучимаго подагрой. Когда ему случалось обращать свою рѣчь къ женщинамъ, то, отлично зная, какого рода аргументы нужны для нихъ, онъ ссылался на свидѣтельство извѣстныхъ врачей и говорилъ,

что объяденіе задерживаетъ ростъ;—совѣтъ тѣмъ, кто боялся остаться слишкомъ малорослыми Но его доказательства не всегда такъ ироничны, какъ приведенное. Часто это восторженная рѣчь, всегда исходящая изъ одного и того-же убѣжденія, что объяденіе—мать сладострастія и что «блуженіе раждается изъ чрезмѣрной и слишкомъ утонченной пищи». Другого рода роскошь, о которой часто упоминаетъ св. Іоаннъ, проявлялась въ пріобрѣтеніи прирученныхъ животныхъ. «Мы кормимъ собакъ, ословъ, медвѣдей и другихъ дикихъ звѣрей» — , говоритъ онъ въ 47-й бесѣдѣ на св Іоанна. Въ то время это было очень распространеннымъ обычаемъ. Припомнимъ, что императоръ Валентиніанъ имѣлъ любимца — медвѣдя, запятнаннаго кровью осужденныхъ на смерть. Диваній, обладавшій очень нѣжною душой, страстно любилъ голубей и, когда, рѣшившись посвятить себя философіи и краснорѣчію, продалъ своихъ дорогихъ птицъ, то счелъ это крупною жертвою.

За роскошь пировъ св. Златоустъ, главнымъ образомъ, упрекаетъ мужчинъ; главнымъ недостаткомъ женщинъ въ его глазахъ является роскошь въ нарядахъ. Для него, какъ и для всѣхъ христіанскихъ ораторовъ, женщина есть существо и самое способное къ преданности и добродѣтели и вмѣстѣ самое воспріимчивое къ развращенію и слабости. Онъ не перестаетъ прославлять чудеса любви, до которой она возвышается и проклинать пороки, въ которые она впадаетъ. Женщины еще больше, чѣмъ мужчины, допускаютъ крайности роскоши въ повозкахъ. «Многія изъ женщинъ среди насъ настолько нѣжны и слабы, что не могутъ даже перейти улицы и переѣзжаютъ ее на своихъ мулахъ»,—на тѣхъ прекрасныхъ, богато покрытыхъ попонами мулахъ, которыхъ такъ старались пріобрѣсти въ IV-мъ вѣкѣ. Что касается одеждъ и драгоцѣнностей, то св. Златоустъ почти только повторяетъ тѣ описанія, какія часто дѣлались уже первыми апо-

логетами и еще раньше ихъ пророками. Съ одинаковою суровостью онъ осуждаетъ вмѣстѣ и матеріи, шитыя шелкомъ и вытканныя золотомъ, и золотыя и серебряныя вещицы, и мудреное искусство прически. «Вы превосходите актрисъ своимъ безразсудствомъ, и хуже всего то, что даже не считаете этого грѣхомъ: до такой степени любовь къ нарядамъ сдѣлалась для васъ естественною». Одинъ разъ онъ направляетъ противъ нихъ замѣчательныя проклятія пророка Исаіи, угрожаетъ имъ червемъ грызущимъ и вѣчнымъ мракомъ. Но женщины смѣялись и говорили, что никогда не видано примѣра, чтобы Богъ покаралъ женщину за ея чрезмѣрную любовь къ нарядамъ. Тогда укоры пророка онъ смѣняетъ увѣщаніями апостола Павла. Какъ и всѣ отцы, св. Златоустъ съ особеннымъ негодованіемъ говоритъ противъ пустого тщеславія драгоцѣнными камнями. Даже мужчины носятъ перстни съ вставленными въ нихъ камнями. Для женщинъ же нѣтъ ничего, чего бы онѣ не сдѣлали, чтобы только достать себѣ прекрасныя серьги для ушей. Онѣ доводятъ своихъ мужей до самыхъ безумныхъ расходовъ и безжалостно завидуютъ одна другой. Извѣстно, какія несчастія влечетъ за собою случайная потеря драгоцѣнности; извѣстно, что тогда рабыни бываютъ побиты, мужчины арестованы и посажены въ тюрьму. «Для васъ ваши драгоцѣнности дороже, чѣмъ дѣти. Вы возражаете? Да, дороже дѣтей, такъ какъ кто изъ васъ согласился бы выкупить своего больного ребенка, отдавши драгоцѣнности для раздаянія милостыни?» Св. Златоустъ преслѣдуетъ женщинъ, всегда готовыхъ во всѣхъ своихъ доводахъ спорить и придираться, и не пренебрегаетъ бороться даже съ самыми ребяческими ихъ аргументами. Онѣ возражали ему, что роскошь въ драгоцѣнностяхъ и благородныхъ камняхъ — на самомъ дѣлѣ роскошь экономная, такъ какъ ихъ не тратятъ, они остаются вѣчно и такимъ образомъ, передаются изъ рода въ родъ. Св. Зла-

тоустъ отрицалъ это: «вы часто ходите въ баню,—возражалъ онъ,—и драгоцѣнные камни мало-по-малу подвергаются уменьшенію». Впрочемъ, всѣ эти доказательства не производили большого дѣйствія. Въ самую церковь, въ тотъ день, когда, можетъ быть, проповѣдникъ объяснялъ тексты ап. Павла или пр. Исаіи, женщины являлись въ своихъ самыхъ блестящихъ нарядахъ и думали только объ одномъ, какъ бы затмить другихъ. Даже дѣвственницы и вдовы, посвященныя Богу, умѣли, какъ увидимъ, проявлять большое искусство въ подборѣ темныхъ и простыхъ одеждъ, какія имъ были предписаны церковью.

И вотъ, такимъ образомъ, честныя женщины становились вполнѣ похожими на блудницъ, которыхъ такъ живо описывалъ и такъ сурово осуждалъ св. Златоустъ. Въ Антіохіи и Византіи, сдѣлавшихся христіанскими, блудницы, правда, уже не царствовали, какъ императрицы,—какъ было въ ту эпоху, когда язычество оставалось неприкосновеннымъ и сохраняло вмѣстѣ съ собою старинную традицію свободныхъ греческихъ нравовъ,—но на связи съ ними продолжали смотрѣть не какъ на прелюбодѣяніе. Св. Златоустъ старается разоблачить всѣ ихъ уловки и продѣлки, не только чары и любовные напитки, которые, по его мнѣнію, онѣ употребляютъ и которые, по его словамъ, причиняютъ столько болѣзней, но и не менѣе страшные магическіе способы ихъ прельщенія, каковъ, напримѣръ, ихъ вызывающій взглядъ и даже одно благоуханіе, ощущаемое прохожимъ на улицѣ, возбуждающее чувственность и разжигающее неизбѣжныя страсти. Блудницы владычествуютъ надъ своими обожателями и склоняютъ ихъ на всевозможныя низости. Онѣ влекутъ за собою, какъ свою собственность, этихъ «женорабовъ», заушаютъ ихъ и бьютъ, и отъ этихъ, рожденныхъ въ послѣднихъ слояхъ общества дѣвицъ, мужчины переносятъ то, что заставило бы ихъ страдать, еслибы это сдѣлали ихъ жены.

Онѣ настолько овладѣваютъ ихъ умомъ, что нерѣдко добиваются замужества. Съ подобными изображеніями мы встрѣтимся еще въ рѣчи о зрѣлищахъ, такъ какъ наиболѣе извѣстныя блудницы почти всегда принадлежали къ театру.

Кратко говоря, нравы богачей въ IV-мъ вѣкѣ были еще слишкомъ часто нравами чисто языческими, какіе царили во все время имперіи. Роскошь въ высшей степени чрезмѣрна, распутство всеобще и свободно! Христіанство реформировало нравы большей части благочестивыхъ семействъ, но еще не осуществило всеобщей реформы нравовъ.

Ремесленники и бѣдняки.

Вотъ мы пришли къ любимцамъ св. Златоуста, къ тѣмъ униженнымъ людямъ, столь дорогимъ его сердцу! Къ нимъ-то по преимуществу направлялось его слово, къ нимъ-то еще болѣе, чѣмъ къ счастливцамъ сего міра обращалось сладостное воззваніе христіанскаго оратора — «возлюбленные мои», которое въ его устахъ, кажется, принимаетъ совершенно особенный оттѣнокъ отеческой нѣжности. Если мы спросили бы у него, каковы были добродѣтели и вѣра всѣхъ этихъ бѣдняковъ, то у него не хватило бы достаточно похвалъ: это самые усердные люди, тѣ, которые лучше всѣхъ слушаютъ и извлекаютъ изъ слышимаго пользу; это — самые благочестивые, и, по мѣрѣ возможности, даже самые милосердые; это тѣ, которые во всѣхъ случаяхъ и всегда окружали своего пастыря самою ревностною любовью, самою страстною преданностью. Еслибы мы стали искать въ бесѣдахъ св. Іоанна точныхъ указаній на ихъ положеніе и родъ жизни, мы нашли бы менѣе свѣдѣній, но, все таки, собрали бы нѣкоторыя подробности, имѣющія свое значеніе и важность.

Намъ представится случай видѣть, что идеи св. Іоанна о богатствѣ, искусствѣ и ремеслахъ, еслибы ихъ приложить

безъ оговорокъ, причинили бы большой ущербъ ремесленникамъ, такъ какъ онѣ въ самомъ зародышѣ убили бы почти всѣ главные виды торговли и промышленности. Однако, этимъ сословіемъ людей, которому его теоріи могли бы, можетъ быть, вредить въ такой же степени, какъ и богатымъ,—онъ интересовался всего болѣе. Часто бесѣдуетъ онъ о ненадежномъ существованіи, о простой и честной жизни этихъ незнатныхъ людей: башмачниковъ, кузнецовъ и всякаго рода ремесленниковъ. Онъ знакомитъ насъ съ ихъ жизненными средствами и раскрываетъ внутренность ихъ дома, ихъ домашній очагъ, хотя и съ меньшею ясностью, чѣмъ было бы желательно. Отъ него мы узнаемъ, однако, что одни изъ этихъ свободныхъ работниковъ содержали и кормили себя сами, другіе, наоборотъ, нанимались къ патронамъ, которые брали на себя ихъ содержаніе и, вслѣдствіе этого, давали имъ весьма умѣренную заработную плату. Въ другой разъ онъ говоритъ объ этихъ патронахъ, что, если они были христіанами, то много стремились къ тому, чтобы побудить своихъ работниковъ соблюдать религіозные обычаи; напримѣръ, наблюдали за тѣмъ, чтобы эти послѣдніе не нарушали поста. Помимо этихъ свѣдѣній, онъ не говоритъ ничего, что проливало бы яркій свѣтъ на отношенія капитала и работника въ IV-мъ вѣкѣ. Желательно было бы также найти болѣе пространныя свѣдѣнія о жителяхъ селъ, о тѣхъ несчастныхъ крестьянахъ и хлѣбопашцахъ, столь стѣсненныхъ въ эту эпоху, положеніе которыхъ почти всѣ историки согласно признаютъ очень тяжелымъ. Однажды, когда въ Антіохіи за одной изъ его бесѣдъ присутствовали эти деревенскіе обитатели, едва понимавшіе по гречески и, строго говоря, не говорившіе иначе, какъ по сирски,—онъ, послѣ восхваленія ихъ за добродѣтели, повидимому, представлялъ ихъ состояніе болѣе счастливымъ, чѣмъ положеніе горожанъ; но все вступленіе, гдѣ онъ обращается къ нимъ, смѣло идилличе-

ское, и здѣсь,—какъ и въ другихъ его бесѣдахъ этого времени, чувствуется еще, что онъ нѣсколько позволялъ себѣ увлекаться прелестью ораторскаго изложенія. Позднѣе онъ говорилъ въ иномъ тонѣ и въ безотрадной картинѣ, рисовалъ этихъ жалкихъ, изморенныхъ голодомъ людей, «которые работаютъ безъ отдыха всю свою жизнь, удрученные нестерпимыми оброками, осужденные на гнетущую нужду, какъ ослы или мулы. И что я говорю! ихъ тѣла берегутъ меньше, чѣмъ берегли бы камни; имъ не даютъ дышать и одинаково изнуряютъ, плодоносны ли ихъ поля, или нѣтъ. Можетъ ли быть нищета подобная ихъ нищетѣ, когда они, въ концѣ зимы, проведенной въ самой грубой работѣ, изнуренные хододомъ, дождемъ и ночными трудами, возвращаются домой съ пустыми руками и даже еще оставшись въ долгу. Они трепещутъ передъ наказаніями, предъ незаконными поборами и грабительствомъ управителей». Безъ сомнѣнія, для объясненія различія между двумя этими текстами нужно припомнить, что они написаны въ двѣ различныя, довольно отдаленныя эпохи и что въ этотъ промежутокъ настроеніе оратора нѣсколько измѣнилось. Но несомнѣнно также и то, что второй текстъ болѣе, чѣмъ первый, согласенъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла.

Нищіе въ собственномъ смыслѣ, несчастные люди, лишенные всякихъ средствъ къ существованію и вынужденные жить милостыней другихъ, были очень многочисленны. Безспорно, находились между ними такіе, которые безропотно переносили свое несчастіе или мужественно боролись, чтобы выйти изъ бѣды. Но многіе, наоборотъ, только отчасти достойны были вниманія. Нищіе IV-го вѣка съ величайшимъ безстыдствомъ злоупотребляли общественною благотворительностью. Очень многіе изъ нихъ притворялись больными, другіе сами изувѣчивали своихъ дѣтей или выкалывали имъ глаза. Третьи, люди ловкіе и ханжи, льстили тщеславію молодыхъ женщинъ,

и, чтобы заслужить какую-нибудь милостыню, шептали имъ въ уши комплименты ихъ красотѣ. Большинство старалось разсѣять скуку богачей и на минуту занять ихъ вниманіе своимъ фиглярствомъ, ловкими штуками и шутовствомъ, то неприличнымъ, то варварскимъ. Св. Златоустъ упрекалъ богачей за то, что они благопріятствуютъ и одобряютъ эти постыдные обычаи, и это былъ одинъ изъ пунктовъ, за которые онъ всего болѣе осуждалъ ихъ. Дѣйствительно, ничто не можетъ лучше показать намъ, какая грубость проникла тогда въ нравы общества временъ упадка. Богачъ, который способенъ вызывать бѣдняка на низость и находитъ безстыдное удовольствіе наслаждаться униженіемъ себѣ подобнаго, къ несчастію, встрѣчается во всѣ времена, но въ благоустроенномъ обществѣ онъ не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе; тогда же это было не исключеніемъ, а почти правиломъ. Этихъ готовыхъ на все нищихъ видѣли на улицахъ, а иногда на пирахъ, куда давали имъ доступъ. Одни грызли старые башмаки, другіе глотали гвозди, нѣкоторые совершенно голыми бросались въ замороженную воду. Между ними шло соревнованіе, кто выдумаетъ какую-нибудь новую нелѣпость, и часто, продѣлывая свои шутовскія выходки, они распѣвали непристойные припѣвы. Брошенный кусокъ хлѣба служилъ имъ наградою.

Церковь стремилась удалить нищихъ съ пировъ богачей, гдѣ они вырывали подачку цѣною безчестія, и пыталась призвать ихъ къ себѣ. Для нихъ было отведено мѣсто во дворѣ, предшествовавшемъ базиликамъ, въ портикахъ, окружавшихъ этотъ дворъ, и на самомъ порогѣ зданія. Прежде чѣмъ войти въ собраніе, вѣрующіе, такимъ образомъ, приглашались къ обнаруженію первой изъ христіанскихъ добродѣтелей. Часто дѣлаемое въ IV-мъ вѣкѣ сравненіе указываетъ смыслъ, какой усвоялся этому обыкновенію. Нищихъ сравнивали съ тѣми водоемами для омовеній, какіе тогда укра-

шали дворы, ведущія къ базиликамъ, тѣ дворы, гдѣ помѣщались нищіе. Какъ вѣрующій очищалъ свое тѣло въ водоемѣ, такъ очищалъ онъ свою душу милостынею. Св. Іоаннъ часто представлялъ намъ въ Антіохіи и Константинополѣ эти толпы нищихъ около церквей, прекраснымъ украшеніемъ которыхъ, по его словамъ, они являются, и одно изъ самыхъ лучшихъ, когда либо произнесенныхъ имъ словъ,—конечно, то величественное слово о милостынѣ, гдѣ въ вдохновенномъ вступленіи онъ представляетъ себя христіанамъ Антіохіи, какъ посланника и легата нищихъ, черезъ жалкую толпу которыхъ онъ только что прошелъ, прежде чѣмъ взойти на амвонъ.

Всѣ эти нищіе, повидимому, были очень многочисленны; безъ сомнѣнія, какъ всегда, такъ и въ то время, даже и лѣкарство—т. е. благотворительность, не исцѣляло всего зла, но напротивъ служило отчасти къ его возрастанію благопріятствуя лѣности. Всецѣло слагая вину на богачей, св. Златоустъ признавалъ, что многіе изъ нищихъ притворялись и почти не заслуживали помощи. Неумѣстно поэтому удивляться, что изъ подобной среды часто выходили преступники. Воры далеко не были рѣдкостью и выказывали себя очень искусными. Они втирались во всякую толпу и умѣли дѣйствовать очень ловко. Особенно же пользовались они столь часто посѣщаемыми теплыми банями, гдѣ, благодаря опытности въ своемъ искусствѣ, ихъ дѣло казалось особенно легкимъ. Съ самыхъ раннихъ поръ они поняли также что церкви не менѣе удобное мѣсто для ихъ злоупотребленій и съ этою цѣлью направлялись въ собранія. Въ первое время своей проповѣди св. Іоаннъ бралъ на себя заботу предупреждать своихъ вѣрующихъ слушателей, чтобы они принимали противъ нихъ мѣры предосторожности.

Иногда эти нищіе совершали несравненно болѣе тяжкіе проступки. Св. Златоустъ упоминаетъ однажды о поразив-

шемъ цѣлый городъ посягательствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ на одну женщину почтеннаго положенія и замѣчательной красоты, которую они схватили одну въ окрестностяхъ Антіохіи. Естественно, что всѣхъ этихъ праздношатаевъ мы встрѣчаемъ въ первомъ ряду въ возмущеніяхъ, столь обычныхъ и частыхъ въ безпокойныхъ восточныхъ городахъ. Такъ было и въ Антіохіи въ 387-мъ году. Главные виновники принадлежали къ числу этихъ бездѣльниковъ и негодяевъ, съ которыми мы еще встрѣтимся, говоря о театрѣ, гдѣ они выполняли роль клакеровъ.

Идеи св. Златоуста о богатствѣ и благотворительности.

Св. Златоустъ много разъ выразительно говоритъ, что онъ осуждаетъ не богатство, но только дурное его употребленіе. На дѣлѣ, однако, онъ заходилъ гораздо дальше и часто осуждалъ его, повидимому, само по себѣ Наблюдая, что онъ увѣряетъ въ противномъ, нужно ли думать, что онъ проявлялъ здѣсь ораторскую осторожность, или же онъ измѣнилъ свой взглядъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ? Да, скорѣе нужно признать послѣднее, какъ это мы видимъ и въ другихъ пунктахъ, такъ какъ это случается со всякимъ человѣкомъ, въ особенности, если онъ повинуется давленію своихъ чувствъ болѣе, чѣмъ руководится идеями. Мы охотно сказали бы, что, когда св. Іоаннъ встрѣчался съ выставляемыми возраженіями и рѣзкимъ сопротивленіемъ и изслѣдовалъ свою задачу теоретически,—онъ обыкновенно вынужденъ былъ признать, что богатство не абсолютно зло само по себѣ; но когда онъ отдавался своему влеченію и слѣдовалъ страстнымъ движеніямъ своего искренняго вдохновенія, тогда онъ не находилъ словъ для выраженія своего презрѣнія къ богатству, и такъ какъ это онъ дѣлалъ почти всегда, то, можно сказать съ достаточнымъ основаніемъ, что его настоящее мнѣніе было

нисколько не въ пользу богатства,—если ужъ непремѣнно нужно сдѣлать выборъ между двумя крайностями въ его воззрѣніяхъ

Но даже, когда онъ разсматриваетъ вопросъ ближе, ему случается высказывать о происхожденіи неравенства между людьми мысли, къ удивленію, нѣсколько родственныя съ идеями Руссо. Конечно, онъ не провозглашаетъ уничтоженія собственности: онъ терпитъ ее, такъ какъ она существуетъ и является даже признаннымъ фундаментомъ общества, такъ какъ христіанство *) хочетъ только реформировать души и вовсе не одобряетъ какой-нибудь революціи въ государствѣ. Но онъ не болѣе какъ только терпитъ его; въ существѣ же дѣла онъ его осуждаетъ. Все зло, говоритъ онъ, происходитъ «отъ этихъ холодныхъ словъ—твое и мое». По происхожденію и по природѣ всѣ люди равны, имѣютъ однѣ и тѣ-же нужды и однѣ и тѣ-же права. «Слѣдовательно, общее пользованіе естественнѣе собственности». На то, что обще, не жалуются; нѣтъ споровъ изъ-за солнца, воздуха и воды, которыми всѣ наслаждаются по одному и тому-же основанію; нѣтъ споровъ изъ-за общественныхъ собственностей: площадей, портиковъ и памятниковъ, на которые всякій имѣетъ одинаковое право и которыми всѣ одинаково пользуются. Въ домѣ богача, населенномъ безчисленными рабами, всѣ получаютъ одинаковую долю. То-же должно быть и въ существованіи людей: Богъ удѣлилъ всѣмъ одну и ту-же часть, и одни не должны собирать слишкомъ большое число частей въ ущербъ другимъ. Но эти мысли, при всей своей радикальности, не грозятъ опасностью общественному строю жизни, ибо въ глазахъ св. Златоуста, какъ и во мнѣніи всѣхъ христіанъ, воспоминаніе о первоначальномъ равенствѣ налагаетъ на богатаго обязанность благотворительности, безъ права обратныхъ требованій

*) Онъ говоритъ объ этомъ, именно трактуя о рабствѣ.

чего-либо у бѣднаго. Описавъ всю жесткость и суровость сердца вельможъ и богачей, показавъ ихъ «худшими дикихъ звѣрей», яростно устремившимися на грабежъ сиротъ, вдовъ и всѣхъ слабыхъ и несчастныхъ, св. Іоаннъ вдругъ останавливается и въ прекрасномъ вдохновенномъ волненіи требуетъ отвѣта у несчастныхъ жертвъ чужой скупости. Онъ спрашиваетъ ихъ для того, чтобы вызвать въ нихъ состраданіе, а не гнѣвъ къ безжалостнымъ: «плачьте,— говоритъ онъ,— плачьте со мною, но не о себѣ самихъ, а о вашихъ грабителяхъ, несчастныхъ болѣе васъ».

Теоретическіе взгляды св. Іоанна пополнены другими, если такъ можно выразиться,—историческими которые совершенно аналогичны съ первыми. Онъ не колеблется высказать, что въ происхожденіи всѣхъ большихъ богатствъ лежитъ неправда, обманъ и насиліе. «Всякій богачъ — беззаконникъ или наслѣдникъ беззаконнаго». «Ты получилъ свое богатство по наслѣдству,— пусть такъ. Ты, такимъ образомъ, не грѣшилъ самъ, но увѣренъ ли ты, что теперь не благословляешь воровство и предшествующія преступленія?» Какъ, въ самомъ дѣлѣ, образовались бы эти огромныя богатства, если не въ ущербъ ничтожныхъ и несчастныхъ людей. Богатство—всецѣло произведеніе жадности и скупости, двухъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ страшныхъ пороковъ. Кто не знаетъ, какъ обыкновенно обогащаются? Богатѣютъ благодаря мелкимъ обманамъ при торговлѣ, такъ какъ небогатые купцы и незначительные ремесленники не болѣе невинны, чѣмъ всѣ другіе; затѣмъ, черезъ перекупку, какъ дѣлалъ тотъ Антіохійскій богачъ, безчеловѣчную досаду котораго описываетъ намъ св. Златоустъ, послѣ того какъ разсѣялись опасенія плохого урожая и этотъ богачъ потерялъ надежду, возлагаемую имъ на сбытъ хлѣбнаго зерна, запасеннаго въ огромномъ количествѣ; обогащаются, далѣе, черезъ ростъ процентовъ, до такой степени постыдный, что даже гражданскій законъ запретилъ сенато-

рамъ этотъ источникъ доходовъ. Богатѣютъ, наконецъ, на счетъ вдовъ и сиротъ, отъ которыхъ отнимаютъ ихъ родовыя имѣнія, злоупотребляя ихъ одиночествомъ и неопытностью. И самые ненасытимые—это всегда самые богатые: они то самые неумолимые кредиторы, затѣвающіе всевозможныя тяжбы и разоряющіе малыхъ людей.

Картина эта очень мрачна. Но слѣдуетъ ли думать, что здѣсь мы главнымъ образомъ встрѣчаемся съ преувеличеніями, свойственными всякому оратору? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Припомнимъ, сколько мѣстъ объѣздилъ св. Златоустъ сначала въ Антіохіи и затѣмъ въ Константинополѣ. Мы видѣли, какая громадная торговая и промышленная дѣятельность кипѣла тогда въ Сиріи, и знаемъ, что вообще думали во всей имперіи о сирійскихъ негоціантахъ. Огромныя виллы фабрикантовъ и купцовъ никогда не предлагали весьма утѣшительнаго зрѣлища взорамъ моралиста, и нужно думать, что Антіохія вовсе не представляла исключенія изъ правила, такъ какъ за нѣсколько годовъ до св. Златоуста, Юліанъ-Отступникъ осуждалъ ее не менѣе сурово, чѣмъ святитель. Въ Константинополѣ св. Іоаннъ могъ убѣдиться въ безсовѣстной скупости крупныхъ чиновниковъ. Бывали, конечно, въ IV-мъ вѣкѣ въ государственной администраціи весьма честные люди, какъ Претекстатъ и Симмахъ, но достаточно прочитать исторію Амміана, чтобы не сомнѣваться, что исключенія были не очень-то общи и строги. Припомнимъ, что даже такой человѣкъ, какъ знаменитый Пробъ, столь часто хвалимый христіанами и имѣвшій такую громкую репутацію,— и тотъ не былъ свободенъ отъ упрека, если вѣрить тому-же Амміану, писателю вообще умѣренному и правдивому. Можно поэтому утверждать, что жалобы и порицанія св. Златоуста были въ большинствѣ случаевъ справедливы. Но значитъ ли это, съ другой стороны, что онѣ никогда не превысили мѣры? Утверждать послѣднее было бы почти такъ же неблагора-

зумно, какъ и отказывать имъ безъ всякаго исключенія во всякой истинности и законности. И мы находимъ неоспоримое доказательство этого въ мнѣніи, которое онъ столь часто высказывалъ по поводу лихвы. Онъ осуждаетъ ее безусловно, и говоря о лихвѣ, какъ и большинство св. отцовъ, разумѣетъ не чрезмѣрный процентъ, но процентъ самъ по себѣ, каковъ бы онъ ни былъ. Въ частности св. Іоаннъ имѣетъ въ виду и осуждаетъ процентъ сотой доли,—«единицы со ста» въ мѣсяцъ или «двѣнадцати со ста»: дѣйствительно, процентъ весьма значительный въ нашихъ глазахъ, но въ древности довольно обычный.

Нѣкоторыя изъ идей св. Іоанна о богатствѣ и бѣдности, повидимому, отчасти сходны съ положеніями древней философіи, и выраженіе, которое онъ даетъ имъ, довольно близко напоминаетъ нѣкоторыя изреченія, дорогія для языческихъ поэтовъ и риторовъ. Сюда нужно отнести столь часто повторяемыя общія мѣста, что богатство и бѣдность сами по себѣ ни добро, ни зло, но относятся къ числу среднихъ и безразличныхъ вещей; что, далѣе, самое богатство, чаще всего, положеніе менѣе вѣрное и счастливое, чѣмъ бѣдность. И св. Іоаннъ любитъ описывать перемѣны и невѣрность богатства, равно какъ и мученія скупости. Наоборотъ, многократно онъ съ глубочайшимъ сочувствіемъ изображаетъ сладость бѣдности. Нами уже отмѣчена нарисованная имъ идиллическая картина нравовъ сирійскихъ землепашцевъ. Позднѣе еще блистательнѣе разрабатывалъ онъ ту-же тэму. «Что сказать мнѣ о солнцѣ, этомъ блистающемъ и ослѣпляющемъ свѣтилѣ, радующемъ наши глаза? Не доступно ли это наслажденіе всѣмъ—и бѣднякамъ, и богачамъ? Что сказать о вѣнцѣ, образуемомъ звѣздами на небесной тверди? Что сказать о лунѣ? Не одинаково ли всѣмъ принадлежатъ они? Больше того,—что всего удивительнѣе,—мы, бѣдняки, еще болѣе наслаждаемся ими, чѣмъ богатые. Чаще всего они,

измученные пьянствомъ, проводятъ свою жизнь поочередно въ распутствахъ пиршествъ и въ тяжкомъ снѣ, который слѣдуетъ за ними, и даже не замѣчаютъ этихъ возвышенныхъ зрѣлищъ; они не выходятъ изъ своего дома и живутъ въ тѣни. Напротивъ, положеніе бѣдняковъ таково, что никакой классъ людей не наслаждается такъ полно красотами природы. Въ деревнѣ они пользуются болѣе чистымъ воздухомъ, чѣмъ въ городѣ».

Но это—побочныя подробности, которыя ораторъ употребляетъ потому, что проповѣдникъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ, долженъ привлечь себѣ на помощь всѣ аргументы, каковы бы они ни были, лишь бы только произвести впечатлѣніе и попеременно затронуть всѣ чувства человѣческаго сердца. Въ сущности, основная идея, которою всегда вдохновленъ св. Іоаннъ, идея глубоко христіанская: онъ обосновываетъ первоначальное равенство людей напоминаніемъ общности ихъ происхожденія. Они братья не въ переносномъ, но въ истинномъ смыслѣ слова. «Какія дивныя мѣры принялъ Богъ съ самаго начала, чтобы внушить намъ чувство человѣчности и любовь, которая соединяла бы однихъ съ другими? Онъ далъ намъ общаго отца Адама; иначе почему мы не рождаемся изъ земли? Почему не являемся въ міръ совершенными и возмужавшими, какъ самъ Адамъ? Нѣтъ, нужно было, чтобы мы были усыновлены, порождены нашими родителями; нужно было родиться однимъ отъ другихъ, чтобы насъ соединила взаимная любовь. Отсюда проистекаютъ семейныя чувства, взаимная любовь родителей и дѣтей, братьевъ и сестеръ. Затѣмъ, чтобы расширить кругъ этой чистой и глубокой любви, Богъ запретилъ браки между родственниками; такъ Онъ желалъ смѣшать одни семьи съ другими. Наконецъ, Онъ даровалъ намъ сладкое чувство дружбы, сдѣлалъ насъ зависимыми другъ отъ друга, неспособными жить, не прибѣгая къ взаимнымъ братскимъ услугамъ, и

вотъ истинное основаніе просвѣщенія. Если насъ соединяютъ такія отношенія, то какая важность въ тѣхъ различіяхъ, въ которое ставятъ насъ званія и богатства?»

Отдавалъ ли себѣ св. Златоустъ отчетъ въ томъ, что неравенство богатствъ есть неизбѣжное зло и даже условіе самаго существованія цивилизованныхъ обществъ? Надѣялся ли онъ, что, благодаря вліянію христіанства, это неравенство, можетъ быть, будетъ уничтожено? Безъ сомнѣнія, онъ, какъ и всѣ св. отцы, зналъ, что богатый, если онъ надлежащимъ образомъ употребляетъ свое имущество, можетъ его сохранять. Иногда богатство бываетъ препятствіемъ къ спасенію, но никогда не является препятствіемъ непобѣдимымъ. Этотъ вопросъ былъ уже издавна рѣшенъ въ Церкви, и трактатъ св. Климента Александрійскаго «Какой богачъ спасется» остался въ этомъ родѣ классическимъ. Однако, увлекаемый своимъ пылкимъ желаніемъ совершенствованія, въ извѣстные моменты восторженности, св. Іоаннъ, казалось, вѣрилъ въ то, что новая вѣра можетъ уврачевать неравенство богатствъ. Таковъ ясный смыслъ толкованія, которое внушила ему извѣстная глава Дѣяній апостольскихъ. Флери имѣлъ право сказать, что первое общество вѣрующихъ, общество въ полномъ смыслѣ слова, св. Златоустъ представляетъ людямъ своего времени не какъ явленіе временное и исключительное, но какъ идеалъ, который былъ бы осуществимъ, еслибы ему не противостоялъ эгоизмъ. Онъ не хочетъ видѣть того, что эта маленькая церковь съ самаго начала была неспособна существовать на собственныя средства, что она должна была очень скоро сдѣлать призывъ къ чужой благотворительности и получать прибыль съ пожертвованій, которыми такъ занятъ былъ св. ап. Павелъ. Онъ не хочетъ замѣчать, что вызванное церковью соціальное положеніе,—если только можно назвать соціальнымъ положеніемъ отсутствіе даже основныхъ условій всякаго общества,—будучи поддерживаемо нѣкоторое

время только на счетъ своихъ сосѣдей, не можетъ сдѣлаться общимъ. Тѣмъ-же чувствомъ одушевленъ онъ въ очень любопытномъ отрывкѣ изъ тридцать четвертой бесѣды на первое посланіе къ Коринѳянамъ, гдѣ онъ измышляетъ смѣлую гипотезу двухъ городовъ, одного всецѣло состоящаго изъ богатыхъ, другого исключительно заселеннаго бѣдными. Сравните оба эти города. Какъ могъ бы существовать городъ богатыхъ? Съ перваго же дня онъ будетъ приведенъ къ безсилію и нуждѣ и обреченъ на вѣрное разрушеніе. Наоборотъ, ничто не воспрепятствуетъ существованію города бѣдныхъ. На этотъ разъ св. Іоаннъ представляетъ свое описаніе какъ чисто воображаемое, хотя и даетъ ему все видимое правдоподобіе. Это потому, что на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе напряженія своей фантазіи, онъ не хотѣлъ смотрѣть на этотъ городъ бѣдныхъ, какъ на простую утопію и думалъ, что онъ осуществленъ въ монастыряхъ. Онъ очень часто повторялъ, что жизнь живущихъ въ мірѣ не должна ничѣмъ отличаться отъ жизни монаховъ, за исключеніемъ брака. Св. Іоаннъ безпрестанно возражаетъ тѣмъ, которые хотѣли различать въ св. Евангеліи повелѣнія, относящіяся ко всѣмъ, и совѣты, возложенные только на монаховъ, которые естественно столько же простираются на послѣднихъ, сколько минуютъ область первыхъ. И, если въ своемъ сравненіи двухъ городовъ св. Златоустъ не даетъ имени городу бѣдныхъ, то мы вполнѣ можемъ, не впадая въ ошибку, узнать дѣйствительную модель, по которой онъ образовалъ его. Но и тутъ онъ, повидимому, не задавался вопросомъ о томъ, насколько необходимымъ условіемъ существованія этихъ монастырей,—точно также, какъ и первоначальнаго Іерусалимскаго общества,—является постоянное пребываніе того самаго цивилизованнаго общества, отъ котораго бѣжали и которое проклинали.

Впрочемъ, не слѣдуетъ понимать слова св. Златоуста совершенно буквально, когда онъ такъ увлекается своимъ

вдохновеніемъ. Нельзя совершенно забывать того, что онъ проповѣдникъ, т. е. ораторъ. Несомнѣнно, онъ не изъ тѣхъ, которые склонны къ декламаціи, но, въ своей ожесточенной борьбѣ противъ эгоизма и пороковъ, развѣ могъ онъ быть умѣреннымъ и всегда сдерживать себя? Бл. Іеронимъ, которому дѣлали упрекъ въ томъ, что онъ слишкомъ защищалъ дѣвство въ ущербъ браку, въ письмѣ къ Паммахію, гдѣ онъ такъ сурово осуждаетъ Іовіана,—составилъ цѣлую теорію о правахъ полемиста. И на первомъ мѣстѣ онъ требуетъ права придавать иногда своей мысли нѣсколько усиленное выраженіе. «Иное дѣло сражаться, иное—учить. Я нахожусь среди битвы, и въ то время, какъ я борюсь за свою жизнь, вы собираетесь дать мнѣ урокъ педантичнаго учителя». И дальше онъ беретъ въ примѣръ не только языческихъ ораторовъ, не только Тертулліана, св. Кипріана или св. Иларія, но даже и учителя всѣхъ богослововъ, того великаго ап. Павла, о которомъ онъ такъ безподобно выразился въ 48-мъ письмѣ, что «всякій разъ какъ онъ читаетъ его, ему кажется, будто онъ слышитъ не слова, а раскаты грома». Всѣ проповѣдники въ большей или меньшей степени требуютъ того же права, что и Іеронимъ.

Ко времени св. Златоуста христіанство уже завоевало міръ, и теперь нужно было только напомнить во всей ихъ строгости тѣ наставленія, какія люди слишкомъ усердно старались истолковать по своему или ограничить. И о Златоустѣ можно сказать, что ему приходилось прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, о которыхъ говорилъ бл. Іеронимъ, но гораздо чаще, онъ, подобно Самому его Божественному Учителю, такъ высоко возносился въ сферы любви, что терялъ изъ виду печальные и суровые законы несовершеннаго человѣческаго общества. До такой степени сладко было повторять съ апостоломъ: «у множества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа», что для того, кто разъ упился этимъ

страстнымъ желаніемъ, невыразимо тяжело было отказаться отъ надежды когда-либо видѣть ея осуществленіе.

Страстныя обличенія, какія св. Іоаннъ направлялъ противъ богачей, необходимо должны были возбуждать много злобы. Насколько голосъ его становился нѣжнымъ, когда онъ говорилъ о бѣдныхъ, насколько у него находились для нихъ сладкія и нѣжныя утѣшенія,—настолько же жестокъ и неумолимъ былъ онъ къ тѣмъ, въ комъ видѣлъ притѣснителей своихъ возлюбленныхъ бѣдняковъ. Рѣдко начертывалъ онъ образъ добраго богача, того, «который, платитъ долги несчастныхъ, посѣщаетъ узниковъ и пр.». И наоборотъ, сколько разъ рисовалъ онъ богача дурного? Можно взять, какъ самый характерный примѣръ, рядъ прекрасныхъ бесѣдъ, конечно, стоящихъ среди его лучшихъ произведеній,—разумѣемъ тѣ, которыя онъ произнесъ въ первое время своей проповѣднической дѣятельности въ Антіохіи «на притчу о Лазарѣ». Здѣсь представляется одинъ изъ самыхъ любопытныхъ образцовъ того совершеннаго искусства, съ какимъ онъ, въ качествѣ моралиста, умѣлъ изъяснять св. Писаніе. Съ массою остроумныхъ замѣчаній, вѣрныхъ выводовъ, и увлекательныхъ предположеній, при невѣроятномъ богатствѣ изобрѣтательности въ подробностяхъ толкованія, онъ представляетъ Лазаря идеаломъ бѣдняка. Еще лучше удается ему показать въ богачѣ глубину развращенности и найти массу пороковъ какихъ почти невозможно подозрѣвать въ немъ при простомъ чтеніи евангельскаго текста. Это самый искусный обвинительный актъ, въ высшей степени неисчерпаемый по плодотворному отысканію обвиненій, усиливающихъ значеніе проступка. Кромѣ того, св. Златоустъ часто говорилъ противъ богатства съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Понятно отсюда, что рѣдкіе богачи въ достаточной мѣрѣ обладали такимъ возвышеннымъ сердцемъ и умомъ, чтобы мирно и безъ протеста выслушивать эти проклятія. Иногда возраженія шли просто

5*

со стороны грубаго разсчета толпы, который поддерживалъ необходимость и законность большихъ богатствъ. Этотъ здравый смыслъ толпы пользовался иногда довольно странными аргументами, которые понятны только въ тотъ вѣкъ, когда считали долгомъ утверждать каждое мнѣніе на священномъ текстѣ. Найти же благопріятные тексты въ ветхомъ завѣтѣ было не очень трудно; сверхъ того, къ этимъ дѣйствительнымъ текстамъ прибавляли еще и другіе, которымъ придавали чуждый смыслъ и въ которые даже дѣлали вставки. Такъ, напримѣръ, приводили тѣ слова, какія пророкъ Аггей влагаетъ въ уста Господа: «мое сребро, и мое злато»,—придавая имъ такой особенный смыслъ: «а такъ какъ я господинъ этого, то я и дамъ ихъ кому захочу». Въ концѣ концовъ эти слова: «я ихъ дамъ, кому захочу»—были введены въ самый текстъ и его въ такомъ видѣ и приводили, такъ что св. Златоустъ вынужденъ былъ исправлять это заблужденіе. Гораздо чаще сопротивленіе было болѣе энергично. Въ церкви, правда, уважали слово оратора, хотя случалось, что проповѣдникъ читалъ на лицахъ нескрываемое выраженіе внутренняго неудовольствія. Но тотчасъ же по выходѣ изъ церкви и въ Антіохіи, и въ особенности въ Константинополѣ, готовы были на весьма жестокіе коварные умыслы. Это можно предполагать съ увѣренностью, хотя у насъ нѣтъ прямого и точнаго свидѣтельства. Достаточно видѣть подъ какой коалиціей палъ св. Іоаннъ позднѣе. Зато мы имѣемъ его собственное свидѣтельство, рѣшительное и часто повторяемое. Сколько разъ говорилъ онъ богатымъ: «Да, я знаю что моя рѣчь выводитъ васъ изъ себя!» Въ послѣдніе годы своего епископства, онъ, казалось, былъ безпрестанно окруженъ тою глухою ненавистью, лицомъ къ лицу съ которой онъ безстрашно встрѣчался. «Мнѣ говорятъ: перестанешь ли ты говорить противъ богатыхъ?—восклицаетъ онъ однажды, изъясняя несчастіе Сатурнина и Авреліана,—опять твои ана-

ѳемы на богачей! А я вамъ отвѣчу:—опять ваша жестокость къ бѣднякамъ! вы ненасытно злоупотребляете бѣдняками, и я не насыщусь, порицая и осуждая васъ. Я не васъ преслѣдую, но волка, и, если вы не волкъ,—я васъ не преслѣдую. Если же вы сдѣлались волкомъ, вините самихъ себя. Знайте, что я не противникъ богачей; напротивъ, я стою за богатыхъ. Я нападаю не на нихъ, но хочу исцѣлить болѣзнь.» Конечно, внутри базилики, во время произнесенія этихъ величественныхъ словъ, св. Іоаннъ былъ увѣренъ въ уваженіи и молчаніи слушателей, но если подумать объ интригахъ завязывавшихся по выходѣ изъ нея, о ярости, которая тайно кипѣла въ мстительныхъ сердцахъ и привела, наконецъ, къ такому ужасному взрыву, то приходится удивляться не менѣе отвагѣ святителя, чѣмъ и его краснорѣчію.

Оставимъ теперь идеалъ св. Златоуста. Въ сущности онъ вполнѣ сознавалъ, что не добьется отъ Константинопольскихъ богачей того, чтобы они пришли къ его стопамъ, какъ къ стопамъ новаго апостола, положить приношеніе собственныхъ благъ предъ алтаремъ великой церкви. Нужно было безропотно покориться и принять міръ такимъ, какимъ онъ былъ, т. е. управляемымъ корыстолюбіемъ, не надѣяться привести его къ идеальному совершенству, и ограничиться только его исправленіемъ, по мѣрѣ возможности. Лѣкарство —это подаяніе, обильно и ежедневно совершаемое. Между всѣми св. отцами IV-го вѣка отличительный признакъ св. Златоуста—это то, что онъ является вдохновеннымъ и неутомимымъ апостоломъ милосердія. Панегирикъ этой «царицѣ добродѣтелей» есть тема, къ которой онъ возвращается въ каждомъ изъ своихъ словъ, и поистинѣ удивительно разнообразіе и неисчерпаемое изобиліе его мыслей и образовъ. Чтобы быть столь удивительно краснорѣчивымъ, не достаточно было обладать продуктивнымъ и замѣчательно гибкимъ умомъ и изумительною легкостью рѣчи,—для этого нуженъ былъ иной, вѣчно живой и бью-

щій ключемъ источникъ, т. е. переполненное любовью сердце. Умъ—нищій, а сердце—богачъ, и никто такъ не умѣлъ обогатить одно сокровище другимъ, какъ св. Златоустъ. Однажды предъ своими антіохійскими слушателями, онъ съ полнымъ пренебреженіемъ къ себѣ, прекрасно восхваляя евангелиста Іоанна, сказалъ, что самъ онъ—увы!—не имѣлъ ничего общаго съ послѣднимъ, кромѣ имени. Но онъ былъ слишкомъ скроменъ, онъ именно носилъ въ себѣ тотъ-же даръ любви и нѣжности, который преданіе усвояетъ возлюбленному ученику Господа. Вотъ что всегда заставляло слушателей съ равнымъ усердіемъ выслушивать его, вотъ почему еще и теперь мы можемъ читать безъ утомленія эти длинныя и безчисленныя бесѣды, почти всегда имѣющія одинъ и тотъ-же предметъ и представляющія не что иное, какъ рядъ постоянно новыхъ, постоянно естественныхъ и непринужденныхъ варіацій на тему о любви. Подаяніе—(и нужно помнить здѣсь, что смыслъ греческаго слова прекраснѣе и шире, и его лучше было бы перевести словомъ «милосердіе»,)—«есть царица, есть сердце добродѣтелей». Она «тотъ елей, котораго недоставало свѣтильнику неразумныхъ дѣвъ». На небо иногда восходятъ безъ дѣвства, но не безъ любви, и всѣ грѣхи передъ нею отступаютъ. Дать бѣдняку значитъ дать Богу; и въ этомъ отожествленіи бѣдняка и І. Христа св. Златоустъ нашелъ первоначальное развитіе прекрасной мысли о высокомъ достоинствѣ бѣдняковъ, которое такъ величественно прославилъ Боссюэтъ. «Конечно, Я могъ бы самъ кормить себя,—влагаетъ онъ въ уста Христа, какъ бы снова воплотившагося такимъ образомъ въ нищаго,—но Я болѣе люблю блуждать, какъ нищій, протягивать руку предъ твоею дверью, чтобы быть накормленнымъ тобою, и дѣлаю это по любви къ тебѣ же. Я люблю твой столъ, какъ любятъ его друзья, считаю за честь быть къ нему допущеннымъ; зато предъ ли-

цомъ всего міра Я возглашаю тебѣ похвалу и всѣмъ указываю на тебя, какъ на Моего кормильца». Въ другомъ мѣстѣ, совѣтуя заботиться о бѣднякахъ въ завѣщаніяхъ, онъ восклицалъ: «Прискорбно и ужасно то, что хочу я сказать, однако, необходимо это высказать: поставь Бога наравнѣ съ твоими рабами. Ты даешь своимъ завѣщаніемъ свободу рабамъ; освободи же и Христа отъ голода, нужды, темницы и наготы. О, ты трепещешь при этихъ словахъ»... «Да,—продолжаетъ онъ, изъясняя прекрасныя слова апостола: «аще не имамъ любви.... » и т. д., — всѣ другія добродѣтели имѣютъ свою долю трудности; любовь же есть какъ бы добрая пчела, собирающая добро со всѣхъ сторонъ и слагающая его въ душѣ того, кто любитъ. Слезы и скорбь любви сладостнѣе всякой радости и всякаго смѣха». «Дѣвство, постъ и колѣнопреклоненія приносятъ пользу только одному соблюдающему ихъ и не спасаютъ никого болѣе. Но милостыня простирается на всѣхъ. Она обнимаетъ всѣ члены Христа, а вѣдь гораздо прекраснѣе добрыя дѣла, простирающіяся на многихъ, чѣмъ ограничивающіяся однимъ». «Любовь величайшее изъ дарованій. Будемъ проявлять ее *и мы не будемъ ниже Петра и Павла, не смотря на ихъ чудеса*».

Какъ бы краснорѣчивъ и трогателенъ ни былъ св. Златоустъ въ этомъ постоянномъ панегирикѣ милосердію, онъ все же предпочитаетъ рѣдко останавливаться на этихъ общихъ мѣстахъ. Хотя слово его являлось здѣсь весьма плодотворнымъ и блестящимъ, но онъ безъ сожалѣній готовъ былъ оставить общія разсужденія, предпочитая имъ точные и прямые совѣты, въ которыхъ онъ не менѣе превосходенъ. Естественный складъ его генія и его личная оригинальность состоятъ въ томъ, что онъ соединяетъ вмѣстѣ два почти несовмѣстимые пріема: блестящій пріемъ Боссюэта и вмѣстѣ съ тѣмъ задушевнѣйшую методу Бурдалу. Впрочемъ, точные совѣты въ его время были гораздо необходимѣе, чѣмъ

впослѣдствіи. Когда христіанство въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ передѣлало міръ по своему, утвердило въ обществѣ всѣ учрежденія, какія оно носило въ себѣ въ зародышѣ, ему можно было уже довольствоваться только частымъ напоминаніемъ принциповъ, и это становится даже наиболѣе существеннымъ. Напримѣръ, въ XVII-мъ вѣкѣ задача проповѣдника сводилась къ тому, чтобы только воодушевить сердце вѣрующихъ огнемъ добродѣтелей; заставить души воспылать любовью, которая совершенно естественно нашла бы нужные для себя пути, мудро начертанныя для нея мірскою дисциплиною. Такое положеніе уже намѣчалось въ IV-мъ вѣкѣ и, однако, сколько еще нужно было ввести новыхъ обычаевъ и утвердить новыхъ традицій! Недостаточно дать почувствовать добродѣтель и заставить ее полюбить, нужно еще точно опредѣлить ея природу и указать съ тщательною заботливостью ея осуществленіе. И Златоустъ беретъ на себя трудъ описать всѣ различныя формы, въ какихъ можетъ выражаться милостыня. Недостаточно дать нищему какой-нибудь оболъ на улицѣ; нужно подѣлиться съ нимъ и остатками своего обѣда, отдать ему старыя одежды. Слѣдуетъ имѣть дома въ своей комнатѣ маленькій ящикъ или кружку, какія находятся въ церкви, и, прежде чѣмъ совершать свою ежедневную молитву, нужно опускать туда пожертвованіе, какъ бы незначительно оно ни было, а это послѣднее нечувствительно возрастая, принесло бы нѣкогда облегченіе многимъ несчастнымъ. Такъ какъ, къ несчастію, личная благотворительность недостаточна и слишкомъ часто небрежна, то нужно еще передать часть своихъ имуществъ Церкви, которая сама по себѣ содержитъ весьма большое число нищихъ. Св. Златоустъ занимается также установленіемъ и размѣра подаянія. Размышляя о примѣрѣ іудеевъ и стараясь устыдить хри-

*) Говоря объ организаціи церкви, мы еще встрѣтимся съ этими благочестивыми завѣщаніями имущества

стіанъ за то, что они не равняются съ первыми, онъ желаетъ, чтобы милостыня составляла, по крайней мѣрѣ, десятину дохода. Впрочемъ, денежныя и натуральныя даянія не единственный способъ совершенія милостыни. Ее можно выполнять также оказаніемъ услугъ, покровительствомъ и совѣтомъ. Между частными формами тѣхъ услугъ, о которыхъ упоминаетъ св. Златоустъ, слѣдуетъ отмѣтить безвозмездныя заботы со стороны врачей. Другая услуга, которую онъ рекомендуетъ еще чаще, — это законное вмѣшательство между кредиторомъ и его должникомъ. Если ты видишь на площади должника, преслѣдуемаго безжалостнымъ довѣрителемъ, предложи ему себя порукой, заплати, если можешь, долгъ, или, если твои средства не позволяютъ этого, попытайся, по крайней мѣрѣ, смягчить и склонить довѣрителя своими увѣщаніями и мольбами. Наконецъ, особенно великимъ дѣломъ милосердія является гостепріимство. Совѣты св. Златоуста, относительно этого предмета, какъ можно предполагать, были тѣмъ болѣе часты и настоятельны, чѣмъ болѣе сильное сопротивленіе встрѣчалъ онъ противъ гостепріимства, хотя, вообще говоря, этотъ обычай былъ менѣе далекъ отъ античныхъ нравовъ, чѣмъ отъ нравовъ нашего времени. Но почти несомнѣнно, однако, что онъ не успѣлъ сдѣлать этотъ обычай общимъ. Хотя бы онъ ежеминутно ссылался на примѣръ патріарховъ, при всякомъ удобномъ случаѣ восхвалялъ Лота или Авраама, указывалъ въ своихъ антіохійскихъ проповѣдяхъ на достойный удивленія примѣръ епископа Флавіана и приглашалъ подражать епископскому дому, открытому для всѣхъ чужестранцевъ,—все же грубый разсудокъ толпы выставлялъ много возраженій. Правда, что эти возраженія имѣли въ своей основѣ скрытый эгоизмъ, но онѣ не всегда были безразсудны. Не переставали ссылаться на то, что гость—всегда человѣкъ неизвѣстный, относительно котораго не знаешь, можно ли ему довѣряться. Тогда

св. Iоаннъ описывалъ путешествія св. апостола Павла и показывалъ, какъ его повсюду принимали съ открытымъ сердцемъ. Но вѣдь, конечно,— говорили ему,— и мы были бы гостепріимными, еслибы рѣчь шла объ апостолѣ Павлѣ. Тогда св. Iоаннъ отвѣчалъ на это своимъ обычнымъ отожествленіемъ нищаго и Христа. Здѣсь рѣчь болѣе, чѣмъ о Павлѣ, здѣсь дѣло идетъ о самомъ Господѣ Павла. «Кто принимаетъ одного изъ этихъ малыхъ,—меня принимаетъ.» Но какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Антіохіи, это дѣло обыкновенно возлагали на Церковь, имѣвшую правильную организацію гостепріимства. «Какъ мало людей пользуются гостепріимствомъ своихъ братьевъ! Всѣ слишкомъ ужъ хорошо знаютъ, что есть общій домъ церкви, называющійся госпиталемъ. Но нужно дѣйствовать самому за себя, сидѣть у городскихъ воротъ и добровольно собирать у себя проходящихъ. Вы же, наоборотъ, возлагаете все это дѣло на средства церкви». Забываютъ, что благотворительность имѣетъ двойную цѣль и двойное дѣйствіе: она должна приносить пользу тому, кто ее оказываетъ столько же, сколько и тому, кто ее получаетъ. Если разсуждать такъ, какъ разсуждаютъ отказывающіеся отъ гостепріимства въ собственномъ домѣ, то слѣдуетъ заключить также, что нужно предоставить однимъ священникамъ молиться за общество, а самимъ отказаться отъ молитвы. Между тѣмъ какъ солдатамъ, по требованію гражданскихъ властей, даютъ помѣщеніе безъ всякихъ затрудненій, не хотятъ того-же сдѣлать для бѣдныхъ, по требованію Христа. А вѣдь нищіе—наши защитники отъ бѣсовъ, какъ солдаты отъ варваровъ». Затѣмъ идетъ прямой и точный совѣтъ частнаго обнаруженія гостепріимства. Пусть каждый оказываетъ въ своемъ жилищѣ гостепріимство (ксенодохію), сообразуясь съ своими средствами. «Отдѣли въ своемъ домѣ комнату для гостя, т. е. для Христа. Возложи на одного изъ своихъ служителей,—и не жалѣй избрать

на это служеніе лучшаго изъ нихъ,—заботу имѣть въ ней попеченіе о нищихъ и слабыхъ. Если нѣтъ, если ты отказываешься отъ этой жертвы и не хочешь ввести Лазаря въ свой домашній очагъ, прими его, по крайней мѣрѣ, въ конюшнѣ. Ты трепещешь? Но несравненно хуже отказать ему у своей двери». Это удивительное обращеніе прекрасно приспособлено для того, чтобы на мгновеніе смутить сердца и огласить авдиторію тѣми рыданіями, какія часто вызывало краснорѣчіе св. Златоуста, столь могущественное, благодаря подобнымъ непредвидимымъ эффектамъ и смѣлымъ движеніямъ. Но душевное волненіе слушателей, хотя бы оно и было глубокимъ и искреннимъ, продолжалось только мгновеніе, и въ богатомъ Константинополѣ эти маленькія гостепріимницы, къ основанію которыхъ приглашалъ епископъ, должно быть, не были многочисленны.

Златоустовой проповѣди о милостынѣ богачи противились съ двойнымъ упорствомъ, и прежде всего въ силу простой холодности и равнодушія. Это равнодушіе въ глазахъ св. Златоуста является самымъ великимъ преступленіемъ, хотя и весьма распространеннымъ. Богатые готовы совершать милостыню, въ смыслѣ подаянія, но потому только, что это не стоитъ никакого труда; если же должна явиться какая нибудь помѣха, если на дорогѣ стоитъ малѣйшее препятствіе,—о милостынѣ уже не думаютъ. «Я охотно далъ бы, но у меня нѣтъ съ собою денегъ. я нахожусь вдали отъ своего дома, у меня нѣтъ подъ руками раба и я не знаю здѣшняго мѣнялы.» Эта безчеловѣчная безпечность и этотъ холодъ приводили св. Златоуста въ негодованіе. Но не только съ равнодушіемъ приходилось ему бороться. Многіе доходили до того, что нападали на благотворительность въ самой себѣ, въ ея принципѣ и сущности, признавая ея исполненіе полнымъ трудностей и невѣрностей; находили, что ея послѣдствія далеко не всегда одинаково счастливы. Съ большею или меньшею искренностью не хо-

тѣли вѣрить въ честную нищету, въ существованіе бѣдныхъ жертвъ несчастія. Нищіе заслуживаютъ свою участь, говорили богатые, доказывая это софизмами и кой-какими фактами ежедневнаго опыта. Прежде всего по суевѣрному духу времени склонны были видѣть въ несчастіи признакъ вины и доказательство осужденія. Безпрестанно повторяли, что «Богъ не любитъ нищихъ; еслибы Онъ ихъ любилъ, Онъ уврачевалъ бы ихъ нищету». Впрочемъ, прибавляли тотчасъ же, посмотрите сами, что такое на самомъ дѣлѣ эти нищіе, которыхъ вы считаете достойными вниманія и узнайте, какую жизнь проводятъ они? Это бездѣльники, не желающіе трудиться. «Я едва сдерживаюсь, видя какъ человѣкъ молодой и сильный проситъ, чтобы я его прокормилъ. Что мнѣ извѣстно объ немъ? только то, что я вижу, то есть, что онъ совершенно здоровъ и могъ бы работать собственными руками; больше я ничего не знаю; не знаю, можетъ быть, того, что онъ какой-нибудь бѣглый рабъ». Такъ какъ свои возраженія всегда считали нужнымъ основывать на текстѣ св. Писанія и самыя мысли цѣнили не столько по ихъ внутреннему достоинству, сколько по соотвѣтствію съ словами приводимаго текста, то обыкновенно приводили мѣста или изъ евангелія или изъ апостольскихъ писаній, и въ нихъ находили всю желательную точность и ясность. Не сказалъ ли св. ап. Павелъ Ѳессалоникійцамъ: «не трудивыйся да не ястъ?» А вѣдь нищіе не только не трудятся, но помимо того еще и притворяются. Мы видѣли, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ они чтобы растрогать насъ, какъ они прикидываются немощными, какъ калѣчатъ, уродуютъ и ослѣпляютъ своихъ дѣтей. Да, большинство изъ нихъ обманщики, съ варварствомъ соединяющіе мошенничество. Посмотрите на этого нищаго, которому только что дана милостыня, который имѣетъ видъ голоднаго и одѣтъ въ лохмотья. Прослѣдите за нимъ,—онъ сейчасъ же продастъ тотъ хлѣбъ или платье, которые я ему далъ. Бываетъ и

еще хуже! Мы знаемъ совершенныхъ нищихъ, которые, посредствомъ экономіи подаянія, мало-по-малу скопили себѣ славный капиталъ. Вотъ тотъ, котораго мы уже много лѣтъ видимъ нищенствующимъ, тайно отдаетъ деньги подъ проценты и получаетъ большіе барыши. Такъ милостыня,—говорили антіохійскіе и константинопольскіе богачи, заимствуя отсюда столь часто повторяемый послѣ аргументъ,—становится поощреніемъ порока и наградой за лѣность.

Эти возраженія возмущали св. Златоуста и, обличая ихъ, онъ обнаруживалъ всю силу свой безграничной и безмѣрной любви. Онъ хочетъ, чтобы, совершая милостыню, не развѣдывали о нищемъ, не вдавались въ разсужденія и не колебались *). Вы говорите, что нищіе не трудятся; а трудитесь ли вы сами? Не ограничиваетесь ли вы только лѣнивымъ наслажденіемъ тѣми благами, какія вамъ достались по наслѣдству? Вы говорите, что нищіе притворяются; если это правда, то виновато въ этомъ только ваше жестокосердіе, которое доводитъ ихъ до этой крайности. Да, впрочемъ, развѣ ужъ-такъ много притворщиковъ? Вы настаиваете, что они притворяются болѣе несчастными, чѣмъ оказываются на самомъ дѣлѣ; васъ смущаетъ то, что вы видите ихъ совершенно оборванными, тогда какъ они могли бы, по крайней мѣрѣ, быть опрятно одѣтыми въ тѣ одежды, какія вы иногда согласны давать имъ, но еслибы, они сдѣлали такъ, то вы скоро стали бы утверждать, что они вовсе не имѣютъ нужды въ помощи, и что это достаточно доказывается ихъ приличною одеждою. Вы разсказываете, что среди нихъ есть тайные богачи; но это дѣтскія сказки! Это невозможно, такъ какъ нищенствовать слишкомъ позорно, и на это никто не

*) Отвѣты св. Златоуста находятся въ тѣхъ же текстахъ, какіе мы уже приводили, указывая возраженія выставляемыя противъ него. Мы избираемъ только самые рѣзкіе примѣры, хотя, говоря о благотворительности можно было бы цитировать всего Златоуста

согласился бы, не будучи вынужденъ къ тому крайнею нуждой. Если же здѣсь и есть какія-либо исключенія, то онѣ крайне рѣдки. И какой, наконецъ, смыслъ въ этихъ пустыхъ возраженіяхъ жадности? Здѣсь св. Златоустъ становится прямо на точку зрѣнія своихъ возражателей: онъ соглашается съ ними въ истинности ихъ возраженій. Пусть среди нищихъ есть бездѣльники, пусть есть обманщики и даже преступники. Допустимъ все это безъ возраженій, но что же изъ этого? Дѣлая этотъ смѣлый шагъ и становясь на сторону противниковъ, проповѣдникъ тѣмъ самымъ наноситъ имъ сильнѣйшій ударъ. И при этомъ условіи,—говоритъ онъ,—нужно давать одинаково всѣмъ; благотворительность должна имѣть закрытые глаза и отверстую руку. Она должна хранить возвышенное безразличіе природы, одинаково доброй ко всѣмъ существамъ; она должна подражать универсальной благости Божіей, не имѣющей ни къ кому лицепріятія. Вотъ поистинѣ одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ, написанныхъ св. Златоустомъ: «Развѣ Богъ когда-либо говоритъ намъ: «такъ какъ вы не трудитесь, я не зажгу для васъ солнца; такъ какъ вы не дѣлаете ничего полезнаго,—я погашаю луну, закрываю лоно земли, осушаю озера, источники и рѣки, удерживаю ежегодные дожди». Нѣтъ, но Онъ всегда снабжаетъ насъ Своими дарами съ одинаковою щедростью; Онъ расточаетъ ихъ не только для праздныхъ, но даже и для злыхъ». Это пламенное и восторженное краснорѣчіе, хотя и является при изъясненіи евангельскихъ наставленій, почерпается, однако же, не единственно изъ источниковъ евангелія. Оно охвачено пророческимъ огнемъ. Здѣсь уже слышится не нѣжный и сладостный голосъ Божественнаго Учителя, но чувствуется сильный, повелительный тонъ Исаіи. Подражай небесному Отцу, который посылаетъ солнце свое на праведныхъ и неправедныхъ! Таковы божественныя слова, безпрестанно служащія текстомъ для Златоустовыхъ толкованій, но

еще чаще онъ изъясняетъ ихъ съ энергіею и сердечною строгостью древнихъ еврейскихъ пророковъ, чѣмъ съ благодатнымъ умиленіемъ Христа Спасителя. Еще оставался, однако, сильный въ ту эпоху аргументъ: это слова св. ап. Павла о тѣхъ, кто не трудится и не долженъ ѣсть. Но св. Златоустъ не затруднялся отразить основывающееся на этихъ словахъ возраженіе. «Не думайте,—выяснялъ онъ, — что я приказываю, или хотя бы только позволяю, оставаться празднымъ; конечно,—нѣтъ, но я хочу наоборотъ, чтобы всякій трудился, ибо лѣность—совѣтница всякаго порока. Я повелѣваю только не быть жестокимъ и безжалостнымъ. Одинаково нужно слово и для богатыхъ и для бѣдныхъ. Да, св. ап. Павелъ сказалъ эти слова, которыя такъ часто повторяютъ, и онъ былъ правъ. сказавъ ихъ, ибо въ томъ-же посланіи къ Ѳессалоникійцамъ онъ написалъ также: «не переставайте творить добро». Итакъ, ясно ли вамъ, что здѣсь нѣтъ противорѣчія, а напротивъ, все находится въ полной гармоніи? Если вы готовы давать, то нищій откажется отъ праздности, а вы отъ безчеловѣчности. Въ одномъ случаѣ св. Павелъ обращается къ богатымъ, въ другомъ къ бѣднымъ. Каждому даетъ онъ свое наставленіе, различное, смотря по положенію, но подобное по цѣли и результату. Вообразите, что мы присутствуемъ при ссорѣ, принимаемъ участіе въ каждомъ изъ противниковъ и держимъ къ нимъ рѣчь, различную по ихъ характеру, заботясь только объ одномъ,— объ ихъ примиреніи. Такъ же точно отецъ, съ одной стороны, говоритъ педагогу: «будь нѣсколько снисходительнѣе, обращайся съ большею мягкостью», а съ другой стороны, сыну: «будь послушнѣе: твой долгъ повиноваться даже тогда, когда приказаніе несправедливо». Такъ превосходно св. Златоустъ въ возвышенномъ порывѣ любви примиряетъ всѣ противорѣчія.

Но не были ли всѣ возраженія антіохійскаго и констан-

тинопольскаго народа скрытнымъ и постыднымъ протестомъ эгоизма? Конечно, эгоизмъ вдохновлялъ громадное большинство, но среди противниковъ св. Златоуста могли находиться и нѣкоторые прямые и искренніе люди. Когда онъ отвѣчаетъ тѣмъ, кто неутомимо напиралъ на лѣность и лицемѣріе обманщиковъ—нищихъ, въ его рѣчи чувствуется какъ бы какое-то затрудненіе. Онъ не прибѣгалъ бы такъ легко къ только что отмѣченнымъ аргументамъ, т. е. къ доказательствамъ чувства и мистическимъ наставленіямъ, еслибы не чувствовалъ нѣкоторой трудности удержаться на почвѣ опыта и точныхъ фактовъ. Человѣкъ болѣе уравновѣшеннаго ума, болѣе холоднаго и владычествующаго собою разсудка, св. Василій Великій, какъ бы враждебно ни относился къ роскоши и какъ бы горячо ни осуждалъ жестокости богачей,— не пренебрегалъ, однако, напоминать, что долгъ благотворительности — быть ясновидящею и не поддаваться обману. «Кто даетъ несчастному и слабому, тотъ даетъ Богу, но кто даетъ бродягамъ и распутникамъ, бросаетъ подаяніе псамъ». И у самого св. Златоуста мы находимъ признаніе, что для язычниковъ казалось соблазнительнымъ слишкомъ большое число здоровыхъ нищихъ у христіанъ. Иногда, въ виду выставляемыхъ возраженій, онъ говорилъ почти такъ же, какъ св. Василій Великій. «Языческіе нищіе,—говорилъ онъ,— являются лѣнтяями и паразитами, такъ какъ живутъ, благодаря останкамъ отъ жертвоприношеній. Мы же призываемъ трудиться всѣхъ тѣхъ, кто бѣденъ по винѣ своей собственной лѣности, и кормимъ только немощныхъ». Это замѣчаніе находится въ книгѣ о св Вавилѣ, - произведеніи, относящемся къ раннѣйшему періоду его жизни. И онъ могъ быть почти увѣренъ, что въ христіанской церкви уже не было такихъ паразитовъ, такъ какъ несомнѣнно, что издавна церковь строго слѣдила за нищими, и тотъ, кто былъ записанъ въ діаконскія «книги помощи», могъ въ нѣкоторомъ

родѣ считать это честью. Эти немощные нищіе были истиннымъ украшеніемъ Римской церкви, и на нихъ-то, по прекрасному сказанію, указалъ св. Лаврентій префекту, требовавшему отъ него выдачи тѣхъ сокровищъ, какія онъ хранилъ въ силу своего сана. Впрочемъ, нельзя отрицать безусловно и того, что въ Антіохіи въ епископство Флавіана вовсе не было тѣхъ нищихъ-притворщиковъ, на которыхъ указывали богатые. Св. Златоустъ нерѣдко осуждалъ тѣ щедрыя раздачи, которыя главы крупныхъ фамилій дѣлали народу изъ видовъ тщеславія, по стариннымъ греческимъ и римскимъ традиціямъ. Онъ былъ врагомъ церемоній, игръ, праздниковъ, раздачъ провіанта, поводомъ къ чему служило вступленіе въ должность городскихъ чиновниковъ. Онъ говорилъ, что богачи даютъ исключительно съ тѣмъ, чтобы стяжать пустую популярность, и что все это служитъ только къ поддержанію бездѣлья народа и къ развитію его дурныхъ инстинктовъ. Несомнѣнно, христіанская благотворительность всегда имѣла передъ мірскими раздачами языческихъ чиновниковъ то великое превосходство, что она никогда не стремилась дать бѣднымъ что-либо сверхъ необходимаго, никогда не льстила страстямъ, не возбуждала объяденія и не давала удовлетворенія сладострастію. Зато она, дѣйствительно, могла иногда приходить къ непрямому слѣдствію, могла отчасти благопріятствовать лѣности и размножить до крайности классъ нищихъ. Какъ случается съ лучшими человѣческими дѣлами, огромное добро, приносимое христіанскою благотворительностью, какъ-бы искупалось нѣкоторою долею зла.

Но не будемъ считать св. Іоанна отвѣтственнымъ за эти прискорбныя слѣдствія и не упрекнемъ его за возвышенные подвиги его апостольскаго служенія. Всегда будемъ помнить, что онъ удивительно выполнялъ свое проповѣдническое дѣло; всякій находилъ себѣ часть въ его словѣ, и можно было надѣяться, что кто-либо усвоитъ его и вполнѣ. Еслибы самъ

проповѣдникъ началъ съ того, что, по снисходительности къ слабости человѣческой, сѣялъ бы свое ученіе со всевозможною осторожностію, то можно было бы опасаться, что народъ удержитъ только весьма скудныя частицы. Поэтому нужно было сѣять полными руками, ибо крайность слишкомъ умствующаго эгоизма нельзя было побѣдить ничѣмъ инымъ, какъ только ревностью безграничной любви. Св. Златоустъ очень хорошо самъ оградилъ себя отъ упрека слѣдующими словами. «Еслибы вы, прежде чѣмъ дать милостыню, предварительно производили изслѣдованіе, то сколько времени было бы потеряно? И до какой степени ваши развѣдыванія рисковали бы быть невѣрными и неточными! Можно ли надѣяться, чтобы кто-либо изъ тѣхъ, кто представляется такимъ равнодушнымъ и возмущаетъ меня своею холодностью, оказался настолько добродѣтельнымъ, что серьезно произвелъ бы эти розыски? По малѣйшему подозрѣнію онъ броситъ всѣ разспросы, и, по винѣ нѣкоторыхъ, будутъ подозрѣвать всѣхъ нищихъ». Припомнимъ еще, что, если эти истины прекрасны для всякаго времени, то они были въ особенности замѣчательны для IV-го вѣка. Благотворительность тогда была еще довольно новою добродѣтелью Въ семьи, недавно обращенныя къ вѣрѣ, нужно было еще провести новое, столь нѣжное чувство уваженія и любви къ нищему, котораго такъ презирали и съ которымъ такъ жестоко обращались въ античномъ обществѣ, за исключеніемъ немногихъ почтенныхъ примѣровъ. Въ лонѣ христіанскихъ семействъ традиція гостепріимства и милостыни имѣла уже время утвердиться съ давнихъ поколѣній, но прошло уже довольно времени и для того, чтобы этотъ прекрасный обычай поколебался. И какъ возможно было предпринять св. Іоанну свое великое дѣло реформы, еслибы онъ сдѣлалъ воззваніе только къ одному холодному разсудку, и не попросилъ бы у благородныхъ чувствованій ихъ всемогущаго содѣйствія?

Нельзя, наконецъ, забывать и еще одного очень важнаго соображенія. Авторъ извѣстнаго труда о вселенскомъ учителѣ, А. Тьерри, по поводу св. Златоуста вызываетъ воспоминаніе о Гракхахъ, и намъ кажется, что въ этомъ сближеніи заключается полнѣйшая историческая погрѣшность. Несомнѣнно, справедливо сказать, что задача христіанства въ IV-мъ вѣкѣ, столь важномъ въ исторіи человѣчества, не смотря на его слабости, состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы преобразовать само гражданское общество послѣ предварительнаго преобразованія міра посредствомъ нравственныхъ идей. Начиная съ св. Константина Великаго, можно уже констатировать прогрессивное вліяніе христіанства на законодательство. Но св. Златоустъ почти чуждъ этого движенія; онъ почти не занимается реформою гражданскихъ законовъ и презираетъ дѣло законовѣдовъ, въ его глазахъ исключительно вдохновляемое эгоизмомъ. Не видно, чтобы онъ думалъ обновить его духомъ христіанской любви. Область Церкви и область государства оставались для него всегда различными, даже въ тотъ моментъ, когда они стремились снова соединиться. Онъ почти не занимается тѣми слѣдствіями, какія можетъ оказать ученіе одной на условія существованія другого. Позднѣе намъ представится случай показать, что, хотя его мысль относительно даннаго пункта не остановилась вполнѣ ни на какомъ точномъ рѣшеніи, однако, онъ обыкновенно склоненъ былъ вѣрить въ довольно близкій конецъ свѣта. Такое настроеніе ума было довольно общимъ для того времени: тогда не думали вообще, что міръ долженъ совершать далѣе еще длинное поприще. Хотя большинство вѣрующихъ, и тѣмъ болѣе онъ, и чуждо было хиліастическихъ воззрѣній, однако, естественно склонялось къ тому, чтобы ограничить свои надежды на будущее. Исторія міра, казалось имъ, имѣла только одну цѣль—явленіе христіанства. Теперь же водвореніе послѣдняго было фактомъ

совершившимся: тріумфъ его былъ рѣшительнымъ и почти универсальнымъ. Такимъ образомъ, для существованія обращеннаго и преобразованнаго міра, казалось, не должно оставаться никакого основанія. Нападенія варваровъ угрожали самому существованію имперіи, и многіе, — хотя это и не было единодушнымъ мнѣніемъ,—неразрывно связывали существованіе имперіи съ существованіемъ вселенной. Въ нашихъ новыхъ обществахъ, справедливо или нѣтъ, проникнутыхъ вѣрою въ безконечный прогрессъ, всякая нравственная идея неудержимо стремится воплотиться въ законѣ и сдѣлаться правиломъ государства. Этого мы не замѣчаемъ въ IV-мъ вѣкѣ. Тогда были еще христіане, которые имѣли въ виду только реформу душъ, вполнѣ хорошо сознавая, что отъ этого зависитъ все. Между ними св. Златоустъ былъ самымъ замѣчательнымъ.

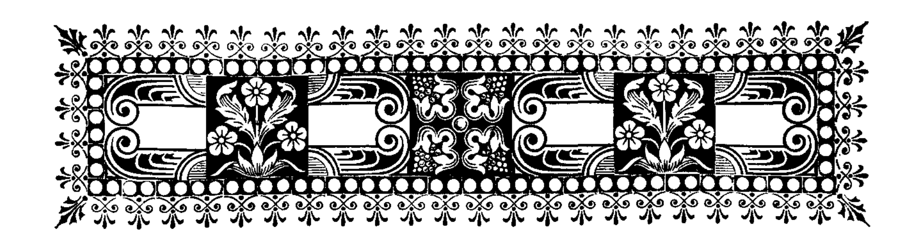
Въ этомъ мы видимъ значительное подтвержденіе той мысли, къ которой онъ часто возвращается: мысли глубоко христіанской, что милостыня столько же хороша и дѣйственна для того, кто ее творитъ, сколько и для того, кто ее получаетъ. Такая мысль рѣдко представляется умамъ огромнѣйшаго числа нашихъ современниковъ: любовь замѣнилась у насъ гуманностью. Когда творятъ милостыню, то прежде всего думаютъ облегчить нищету и исправить природное зло. Въ IV-мъ вѣкѣ не это было главною заботою св. Златоуста и лучшихъ христіанъ. Безъ сомнѣнія, человѣческое страданіе трогало ихъ, но, видя, что оно имѣетъ также божественное происхожденіе, и, повторяя слова: «всегда будутъ нищіе среди насъ»,—они не имѣли того призрачнаго желанія, какое большинство изъ насъ, совершая милостыню, питаетъ въ глубинѣ сердца, т. е. желанія уничтожить, если возможно, послѣдній слѣдъ нищеты на этой землѣ. У самого св. Златоуста относительно нужды и преимуществъ бѣдности сложилась совершенно особая теорія, которую, впрочемъ,

умѣстнѣе представить тогда, когда мы будемъ вкратцѣ излагать его взгляды на управленіе Провидѣнія. Благотворительность, какъ онъ ее понимаетъ, рѣзко отлична отъ благотворительности, совершаемой нами. Мы хотимъ улучшить благосостояніе и распредѣлить его ровнѣе; для св. Златоуста было достаточно, чтобы бѣднякъ имѣлъ пропитаніе, и не менѣе важно въ его глазахъ, чтобы богатый творилъ добрыя дѣла, *въ виду собственнаго своего спасенія*, для назиданія другихъ и освященія себя. Этотъ духъ всеобъемлющей любви, оживлявшій св. Златоуста, совершенно уничтожаетъ то огромное пятнадцати-вѣковое разстояніе, какое лежитъ между имъ и нами, и дѣлаетъ его столь близкимъ нашему сердцу. Ясно отсюда и то, какъ рѣзко отличался онъ отъ тѣхъ народныхъ трибуновъ, съ которыми его иногда ошибочно сравнивали. Тьерри говоритъ, что одни и тѣ же вопросы ставились въ Римѣ при Гракхахъ и въ Константинополѣ при св. Златоустѣ, но на самомъ дѣлѣ это были вопросы совершенно иные, или, если на этомъ непремѣнно настаиваютъ, и тѣ-же, но они ставились настолько иначе, были такъ полно измѣнены, что никакое уподобленіе между ними невозможно. Въ твореніяхъ св. Златоуста не найти ни одного слова, которое позволяло бы бѣдняку думать, что онъ можетъ предъявлять хотя бы какое-либо требованіе къ богатому, не отыскать даже ни одного мѣста, гдѣ бы идеаломъ представлялся матеріальный достатокъ. Св. Іоаннъ проповѣдывалъ вовсе не всеобщее благосостояніе, а напротивъ,—бѣдность для всѣхъ: на однихъ бѣдность возложена Богомъ, безотносительно къ тому, получили ли они ее отъ рожденія, какъ естественное условіе, или же она произошла отъ несчастій, въ которыхъ нужно видѣть дѣйствіе Божественнаго Промысла,—и ее слѣдуетъ переносить и даже любить, какъ благо. Что касается другихъ, то, находясь на лонѣ счастія, они должны скрывать свою бѣдность подъ внѣшнимъ видомъ богатства, до-

стигая этого черезъ полнѣйшее отреченіе отъ благъ міра, черезъ милостыню и гостепріимство, широко совершаемыя.

Все въ этомъ трудѣ безпрестанно приводитъ насъ къ тому заключенію, что результатомъ проповѣди св. Златоуста, при полномъ слѣдованіи его принципамъ, было бы не что иное, какъ осуществленіе въ самыхъ городахъ монашеской жизни,—не чисто аскетической и созерцательной жизни анахоретовъ, но общежитія, подчиненнаго закону труда, за исключеніемъ только одного требованія—безбрачія. Вообразимъ, что этотъ соціальный идеалъ осуществился. Богачи отказались бы отъ всякихъ тратъ на роскошь, бѣдняки не стремились бы стать выше своего положенія. Искусства и ремесла ограничивались бы исключительно производствомъ необходимаго и никогда болѣе уже ни служили бы излишеству и красотѣ. Люди воздѣлывали бы землю, производили простыя и грубыя одежды, плели корзины и лѣпили глиняные сосуды, какъ дѣлаютъ то-же самое монахи въ своихъ общинахъ. Антіохія и Константинополь ничѣмъ не отличались бы отъ Нитрійской пустыни. Сравните это общество съ обществомъ существующимъ,—съ точки зрѣнія чисто человѣческой, нищихъ здѣсь не было бы. Прогрессъ былъ бы всецѣло нравственнымъ, единственно и исключительно религіознымъ. Не будетъ парадоксомъ сказать,—какъ и говорилъ себѣ Златоустъ,—что отъ этого была бы существенная польза богатымъ, обновленнымъ любовью.

Это была мечта святого; для народнаго трибуна она показалась бы смѣшною

ГЛАВА III.

Семья.

Дѣвство и бракъ.—Брачный возрастъ.—Женитьба изъ-за денегъ —Свадебные обряды.

Прежде изученія того, въ какомъ положеніи находилась семья въ эпоху св. Златоуста, нужно узнать, какъ онъ смотрѣлъ на самый бракъ и какое мѣсто предназначалъ ему въ христіанскомъ обществѣ, какую, наоборотъ, роль отводилъ онъ дѣвству, и насколько высоко цѣнилъ его. Этотъ споръ о взаимныхъ достоинствахъ дѣвства и брака былъ въ Церкви традиціоннымъ, онъ уже живо занималъ св. ап. Павла. Особенно горячимъ споръ сдѣлался въ IѴ-мъ вѣкѣ, съ того времени, какъ была установлена монашеская жизнь, которую одни встрѣтили съ такимъ энтузіазмомъ, другіе съ такимъ недовѣріемъ и враждою. Нѣтъ почти ни одного св. отца этого времени, который бы не принялъ участія въ спорѣ написаніемъ трактата о дѣвствѣ.

Трактатъ св. Златоуста принадлежитъ къ первому періоду его дѣятельности; онъ предшествуетъ его рукоположенію во священство. Какъ всѣ произведенія его, относящіяся къ этой эпохѣ, оно полно свѣжести и блеску, а нѣкоторыя

страницы въ этомъ твореніи поистинѣ изысканны. Но этотъ трактатъ не чуждъ страстности, и въ немъ можно встрѣтить даже противорѣчивыя мысли. Здѣсь св. Златоустъ заразъ имѣетъ дѣло съ двумя противоположными сторонами, съ двумя различными противниками. Онъ борется съ еретиками: маркіонитами, валентиніанами и манихеями, весьма могущественными на всемъ Востокѣ, и въ частности въ Антіохіи. Эти еретики хотѣли вмѣнить дѣвство въ обязанность, и, признавая плоть и матерію радикально дурными, съ безпощадною суровостью относились къ браку. Въ то-же время св. Златоустъ опровергаетъ и тѣхъ изъ православныхъ, которые пытались поставить бракъ и дѣвство въ одинаковой цѣнѣ, а иногда доходили даже до болѣе или менѣе открытого презрѣнія этого послѣдняго. Отсюда въ сочиненіи нѣкоторая принужденность и нерѣшительность. Какъ всегда, и въ данномъ случаѣ св. Златоустъ прибѣгаетъ подъ защиту Св. Писанія; онъ, повидимому, хочетъ ограничиться только изъясненіемъ священныхъ текстовъ, но въ дѣйствительности часто отвлекается въ сторону. Авторитетомъ для него служатъ нѣкоторыя слова изъ евангелія св. Матѳея и особенно изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ св. ап. Павелъ въ первый разъ разрѣшилъ проблему въ правила. Вооружаясь противъ еретиковъ, св. Іоаннъ не хочетъ признать никакой добродѣтели внѣ православной Церкви и утверждаетъ, будто «худшее сладострастіе не такъ преступно, какъ воздержаніе еретиковъ». Эти рѣзкія и малоосновательныя страницы тѣмъ болѣе достойны замѣчанія, что подобныя имъ рѣдко у него встрѣчаются. Сверхъ того, его основной аргументъ не въ пользу брака: если бракъ зло, какъ вы утверждаете,—говоритъ онъ маркіонитамъ,—то воздержаніе вовсе не доказательство добродѣтели. Воздерживаться — значитъ только избѣгать преступленія. Бракъ долженъ существовать для того, чтобы возвысить славу дѣвства, и ясно, что для

этого достаточно ему быть чѣмъ-то безразличнымъ, а вовсе не необходимо быть благомъ. Истинная мысль св. Златоуста выказывается лучше, когда затѣмъ онъ обращается къ другимъ своимъ противникамъ, презиравшимъ дѣвство. Прежде всего онъ обосновываетъ пользу брака въ древнемъ законѣ. Эта польза была двоякою: во первыхъ, одинъ только бракъ могъ содѣйствовать заселенію земли; вотъ почему и произнесены божественныя слова: «раститеся и множитеся»; и во вторыхъ,— одинъ онъ могъ обуздать развратъ. Но теперь, когда земля населена, его первое преимущество исчезло и осталось одно второе, касающееся только слабыхъ и низменныхъ душъ. Красота и достоинство дѣвства—абсолютны и вѣчны; наоборотъ, заслуги брака всегда были только относительными. Не слѣдуетъ забывать и того, что бракъ — прямой сынъ перваго грѣха, и, не будь послѣдняго, — Богъ установилъ бы для распространенія рода человѣческаго менѣе плотское и менѣе грубое средство. Въ послѣдней, самой слабой части трактата, св. Іоаннъ вдается въ обозрѣніе всевозможныхъ заботъ, хлопотъ и печалей, какія представляетъ супругамъ ихъ совмѣстная жизнь, отъ несходства характеровъ до ревности, отъ хозяйственныхъ хлопотъ до отеческихъ заботъ и болѣзней рожденія. Странно слышать, какъ сынъ благочестивыхъ Секунда и Анѳусы объявляетъ, что онъ видѣлъ только несчастныя семейства; странно видѣть, какъ онъ, иногда сгущаетъ свои краски, чтобы имѣть право вмѣстѣ съ евангеліемъ заключить: «если таково положеніе супруговъ, то лучше не жениться» (Мѳ. XIX, 10) и чтобы безъ колебаній въ концѣ концовъ сказать, что семья, —предположимъ, даже совершенная, гдѣ и супруги, и дѣти будутъ соперничать въ добродѣтели,—и такая семья не будетъ имѣть большой цѣны передъ Верховнымъ Судіею и не заслужитъ отъ Него того благожелательнаго взгляда, который предназначенъ героямъ дѣвства.

Эти колебанія достойны сожалѣнія, но объяснить ихъ не очень трудно. Повсюду чувствуется, что среди самихъ православныхъ св. Златоусту приходилось имѣть дѣло съ очень смѣлыми и искусными возражателями. Потому-то иногда довольно своеобразно изъясняетъ онъ тексты изъ св. Писанія, въ частности, изъ посланій св. ап. Павла, который, безъ сомнѣнія, отдавалъ высокое преимущество дѣвству предъ бракомъ, но далеко не такъ иронически говорилъ о бракѣ, удѣляя ему свою долю похвалъ. Но къ своеобразному истолкованію текстовъ побуждали св. Іоанна тѣ, съ кѣмъ онъ боролся. За искусственную діалектику и за нѣсколько декламаторское преувеличеніе, съ которыми св. Златоустъ отражалъ нападенія, были отчасти отвѣтственны очень многіе. Таковы были тѣ, кто доказывалъ, что апостольскія слова: «Богъ удѣляетъ каждому различные дары» (1 Кор. VII, 7) будто бы не позволяютъ смотрѣть на дѣвство, какъ на личную заслугу, и показываютъ, что оно— не плодъ усилій и воли, но рѣдкая и исключительная Божественная благодать. Къ тому же побуждали и тѣ, кто ссылался на высокую цѣну, какую имѣло право отца въ ветхомъ законѣ, и тѣ кто, противорѣча словамъ евангелія св. Матѳея (VIII, 2), усиливался доказать превосходство Авраама надъ Іоанномъ Крестителемъ и св. евангелистомъ Іоанномъ. Были и такіе, которые на указаніе всѣхъ безпокойствъ, неизбѣжныхъ при брачной жизни. отвѣчали неумѣстною шуткой: «вступимъ-же въ бракъ ради покаянія». Сюда, наконецъ, нужно отнести и тѣхъ, у кого всегда были на языкѣ слова: «лучше есть женитися, нежели разжизатися». (1 Кор. VII, 8). Что, впрочемъ, въ этомъ трактатѣ служитъ къ его чести, не смотря на всѣ его слабыя стороны, это то, что св. Іоаннъ не колеблется высказывать много разъ (какъ онъ дѣлалъ это очень часто и впослѣдствіи въ еще болѣе энергичныхъ выраженіяхъ),—что не слѣдуетъ все таки смотрѣть на дѣвство, какъ на добро-

дѣтель, *избавляющую отъ всякихъ другихъ:* она-ничто безъ милосердія и милостыни. Но остается неоспоримымъ то, что въ своемъ постоянномъ сравненіи дѣвства и брака, онъ отводитъ браку гораздо низшее мѣсто. Св. Златоустъ, возвышая дѣвство, могъ не унижать брака, такъ какъ подобнымъ образомъ дѣйствовала и оффиціальная практика Церкви, признававшая превосходство дѣвства, но предназначавшая его только для избранниковъ. И св. Іоаннъ весьма часто приближался къ этому весьма мудрому положенію, которое не могли упрекнуть даже тѣ, кто больше всего заботился объ интересахъ государства и гражданскаго общества. Но въ данномъ случаѣ, въ трактатѣ «о дѣвствѣ» онъ защищаетъ не этотъ тезисъ. Здѣсь всѣмъ христіанамъ безъ исключенія онъ предлагаетъ воздержаніе, какъ идеалъ поведенія; онъ хочетъ даже, чтобы и супруги съ раннихъ поръ соглашались на соблюденіе дѣвства. Безпрестанно повторяетъ онъ, что не осуждаетъ брака. Это вполнѣ справедливо, но зато онъ относится къ нему несочувственно.

Этотъ трактатъ былъ составленъ ранѣе того, какъ отправленіе священническаго служенія и повседневное управленіе пасомыми дали св. Іоанну глубокую опытность. Когда онъ писалъ свое сочиненіе, недавно возвратясь изъ уединенія, онъ еще всецѣло находился подъ вліяніемъ тѣхъ воспоминаній, какія у него сохранились о шести суровыхъ годахъ, посвященныхъ аскетизму. Но не измѣнилъ ли онъ своего мнѣнія впослѣдствіи, или,—что не менѣе важно,—не пересталъ ли высказывать его съ такою нетерпимою рѣзкостью? Въ теоріи онъ, повидимому, не покинулъ своихъ первоначальныхъ принциповъ, и подтвержденіе ихъ мы найдемъ во многихъ его бесѣдахъ, относящихся ко времени священства. Но, когда ему приходилось проповѣдывать передъ толпою вѣрныхъ, состоявшею почти всецѣло изъ вступившихъ въ бракъ,—онъ уже не рѣшался описывать бракъ въ такомъ

мрачномъ свѣтѣ. Теперь онъ обыкновенно напоминалъ тѣ слова, какія уже произнесъ въ трактатѣ «о дѣвствѣ», т. е. что «бракъ хорошъ потому, что удерживаетъ человѣка въ его долгѣ и устраняетъ блудъ». Теперь, слѣдовательно, онъ принималъ бракъ въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній существовалъ, и, съ цѣлью обезпеченія супружескаго счастія, давалъ превосходные совѣты и правила, полные здраваго смысла и благородства и всего лучше покрывающіе его прежнія предубѣжденія. Какъ бы забывъ извѣстную главу своего сочиненія «о дѣвствѣ» *), онъ указывалъ примѣры добродѣтельныхъ супруговъ, приводилъ въ свою пользу тотъ самый примѣръ праотца Авраама, которымъ пользовались его противники; повторялъ, что прекрасно поступила мать Маккавеевъ выйдя замужъ, такъ какъ она дала существованіе славнымъ героямъ; постоянно приглашалъ подивиться дому Акиллы и Прискиллы; напоминалъ, что апостолъ Петръ былъ женатъ; увѣрялъ «собственнымъ спасеніемъ», что брачное состояніе нисколько не вредитъ христіанской жизни; видѣлъ наконецъ, въ единеніи супруговъ символъ единенія души со Христомъ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ оставался все тѣмъ-же самымъ человѣкомъ, который въ трактатѣ «о дѣвствѣ» написалъ: «я хотѣлъ бы очистить мою душу и на крылахъ молитвы вознестись на небеса; но моя жена не соглашается на это, и я долженъ склониться предъ ея прихотью». Когда онъ представлялъ своимъ слушателямъ ту прекрасную картину христіанской семьи, какою оканчивается его 38-ая бесѣда на книгу «Бытія,» не смущался ли онъ тѣмъ, что вдругъ кто-нибудь изъ тѣхъ хитрецовъ, которыхъ было такъ много среди его народа и которые часто любили ставить его въ противорѣчіе съ самимъ собою,—напомнитъ

*) Впрочемъ, онъ не забылъ ея совершенно и ему случалось многократно повторять ее своимъ читателямъ и слушателямъ даже въ послѣдніе годы своей жизни.

ему написанныя имъ же слова: «если супружеское сожитіе лишаетъ насъ права свободно располагать самими собою, то кто не возмутится противъ столь тиранническаго закона?» Здѣсь мы видимъ, какъ успокоительно и счастливо для него было вліяніе опытности. Мы еще не разъ увидимъ, что она часто дѣйствуетъ на его мысли съ тою-же самою силою и съ тѣмъ-же успѣхомъ. Отмѣтимъ здѣсь одну изъ оригинальныхъ чертъ его личности, такую черту, благодаря которой, никогда не лишне повторять, что двѣнадцать лѣтъ его священства въ Антіохіи были великимъ и прекраснымъ періодомъ его жизни. Въ то время очень многое влекло къ отдѣленію клира отъ его паствы и къ возвышенію перваго надъ послѣднею. И богословіе, все болѣе и болѣе развивавшееся, полагало различіе между клириками и мірянами; и политика, отдавшая часть гражданскихъ обязанностей въ руки пастыря душъ, дѣлала авторитетъ послѣдняго, хотя и болѣе вѣрнымъ, но зато менѣе отеческимъ. Наконецъ, и самая благотворительность, сдѣлавшись учрежденіемъ, поглощала и время и мысли епископа, вдругъ превратившагося въ эконома. Какъ удивительно въ это время св. Златоустъ умѣлъ постоянно приближаться къ толпѣ малыхъ и смиренныхъ людей, сохранять всегда соприкосновеніе съ ними и жить одною общею жизнью! Какой великій примѣръ далъ онъ, когда, запасшись въ пустынѣ огромною нравственною энергіей, возвратился въ среду общества, чтобы практическою дѣятельностью удовлетворить первый пылъ своихъ чувствъ и идей!

Такъ какъ въ глазахъ св. Златоуста единственнымъ основаніемъ быть сторонникомъ брака является обузданіе похоти, то первымъ правиломъ для тѣхъ, кто не обладаетъ силою соблюдать дѣвство, должно быть правило: вступать въ бракъ, по возможности, скорѣе. Въ юности чувственныя пожеланія всего сильнѣе, и потому-то выборъ жены нужно дѣлать именно въ юности. «Нужно, чтобы молодость прош-

ла»—это одна изъ тѣхъ аксіомъ легкомысленной нравственности, которыя были въ ходу еще въ древности. Св. Златоустъ не перестаетъ показывать родителямъ, насколько они отвѣтственны, если дадутъ своимъ дѣтямъ возможность пристраститься къ обществу блудницъ и актрисъ. Напрасно возразятъ,—(и отсюда уже видно, что самое упрямое сопротивленіе, какъ и естественно, шло въ особенности со стороны богатыхъ семействъ),—что нужно дать возможность сыновьямъ сначала упрочить свое положеніе, утвердить свою репутацію въ сословіи адвокатовъ и достигнуть какой-нибудь важной должности. На всякомъ лежитъ долгъ бдѣть надъ ихъ чистотою, а обезпечить послѣднюю возможно не иначе, какъ посредствомъ скораго брака. Съ тою очаровательною задушевностью, которая является обычнымъ тономъ его бесѣдъ, показавъ однажды, что посѣщеніе распутницъ въ дни юности нечувствительно влечетъ за собою прелюбодѣяніе послѣ брака, и заключивъ, что единственное лѣкарство—это съ двадцати лѣтъ дѣлать выборъ законной жены, св. Іоаннъ вдругъ прерываетъ себя и самъ какъ бы иронизируетъ надъ собою: «смотрите, говоритъ онъ,—къ какой роли вы привели меня: вотъ я сдѣлался дружкою, приводящимъ невѣсту къ жениху!» Затѣмъ онъ продолжаетъ: «да, бракъ слѣдуетъ заключать своевременно; если же нѣтъ, то юноша, сначала извѣдавшій порокъ, будетъ любить свою жену только два дня и уже на утро брачнаго дня ему нужны будутъ снова ласки распутницъ». Наконецъ, извинясь за довольно свободныя выраженія, которыя онъ только что употребилъ и которыя у насъ смягчены, онъ прикрывается авторитетнымъ примѣромъ пр. Іезекіиля и другихъ пророковъ, языкъ которыхъ не зналъ ложнаго стыда. Таковы его мудрые совѣты, которые полезно выслушивать всѣмъ обществамъ и во всѣ эпохи. Св Златоустъ повторяетъ эти совѣты безпрестанно и, со всѣмъ тѣмъ, это не просто пріемъ повто-

ренія, столь обычный у проповѣдниковъ. Гораздо легче осуждать сладострастіе и распущенность въ общихъ выраженіяхъ, въ прекрасныхъ порывахъ краснорѣчія, чѣмъ указать средство предупрежденія ихъ, а лучшее и безъ сомнѣнія единственное средство для этого—конечно, то, которое восхваляетъ св. Златоустъ. Къ сожалѣнію, этимъ средствомъ почти всегда пренебрегаютъ, вслѣдствіе эгоизма и плохо понятаго благоразумія.

Итакъ, мужчина и женщина да вступаютъ въ супружество въ своей юности. Но выборъ труденъ, и его должно совершать съ великой заботливостью. Тутъ-то огромная отвѣтственность лежитъ на родителяхъ, такъ какъ съ наступленіемъ надлежащаго момента, они не только должны сами отыскать невѣсту и съумѣть передать той или иной дѣвицѣ любовь своего сына, но еще кромѣ того всею системою воспитанія, принятою ими по отношенію къ нему съ самаго дѣтства, они дадутъ фатальное направленіе этой любви. А тогдашнее воспитаніе, какъ его понимали, равно какъ и всѣ получаемые молодыми людьми примѣры, клонились исключительно къ тому, чтобы вселить въ сердца юношей стремленіе и уваженіе къ богатству и возбудить въ нихъ охоту жениться ради денегъ. Бракъ по разсчету св. Златоустъ осуждалъ уже въ своемъ трактатѣ «о дѣвствѣ». Тамъ онъ поочередно показываетъ намъ, съ одной стороны, «бѣднаго человѣка темнаго происхожденія и низменнаго положенія», берущаго «благородную, богатую и властную женщину», и съ другой,—бѣдную женщину, выходящую за богача. Къ этому предмету онъ безпрестанно возвращался въ своихъ бесѣдахъ и, въ частности, посвятилъ ему бесѣду о выборѣ супруги, гдѣ описалъ всѣ тѣ искусные переговоры, какіе велись при этомъ дѣлѣ. Здѣсь же онъ обличаетъ сводней, сдѣлавшихъ ремесло изъ брачныхъ переговоровъ, перечисляетъ всѣ предосторожности, какія принимали прежде

скрѣпленія контракта, указываетъ на безпрестанныя совѣщанія съ юрисконсультами, въ которыхъ раскрывали всѣ подробности брачныхъ законовъ, и вступали въ обозрѣніе всевозможныхъ случаевъ, могущихъ помочь изслѣдованію вопроса о приданомъ: «что, напримѣръ, будетъ, если супруга умретъ бездѣтною? и пр. и пр.». Самое имя, какое обыкновенно давали браку, показываетъ, какая грубая и жалкая идея соединяясь съ нимъ: его называли контрактомъ, договоромъ. И къ чему же ведутъ всѣ эти интриги, каковъ ихъ результатъ? «Мужъ, женившійся безъ богатства! ты дѣлаешься рабомъ одаренной приданымъ жены. Ты живешь въ презрѣніи и позорѣ, и въ этомъ же позорѣ остается твой сынъ, если ты умрешь первымъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, вдова выйдетъ замужъ снова и передастъ свои богатства другому. Бѣдныя жены! Съ вами будутъ обращаться такъ же, какъ еслибы мужъ купилъ васъ въ публичномъ мѣстѣ, да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ вы не куплены? У васъ не будетъ никакой власти надъ вашими слугами и никакой силы противъ соперницы, которая непремѣнно явится у вашего господина. Не наводите тѣхъ справокъ, какія вы обыкновенно дѣлаете, составляя планъ свадьбы, о состояніи вашихъ взаимныхъ имуществъ,—освѣдомляйтесь лучше о нравахъ и характерѣ, и вмѣсто того, чтобы совѣтоваться съ юрисконсультами, слѣдуйте совѣту св. ап. Павла. Св. Писаніе предлагаетъ вамъ великій примѣръ Авраама, ищущаго невѣсту своему сыну». Вотъ образецъ, который долженъ быть предъ глазами всѣхъ родителей, и св. Златоустъ безпрестанно воспроизводитъ съ самыми трогательными поясненіями прекрасный библейскій разсказъ, которымъ особенно счастливо пользуется въ своей сорокъ осьмой бесѣдѣ на книгу «Бытія».

Но, осуждая, такимъ образомъ, бракъ изъ-за денегъ, св. Златоустъ преслѣдовалъ вѣчное злоупотребленіе, исходящее

изъ слишкомъ глубокихъ и слишкомъ неизмѣнныхъ причинъ, такъ что даже христіанство не могло всецѣло искоренить его. Эти совѣты прекрасны и не теряютъ своего значенія ни въ какое время. Еще прежде св. Златоуста Церковь энергично возставала противъ корыстныхъ браковъ, и это между прочимъ видно изъ любопытной главы «апостольскихъ постановленій» (IV. 10). Но, къ сожалѣнію, совѣты св. Іоанна способствовали только утвержденію мнѣнія тѣхъ, кто имѣлъ уже здравый взглядъ на бракъ, и не производили большого впечатлѣнія на другихъ. Нужно только замѣтить, что пылкая настойчивость, съ какою св. Іоаннъ повторялъ ихъ, доказываетъ, что зло было весьма напряженно, и это совершенно подтверждается всѣмъ тѣмъ, что мы прежде сказали о богатствѣ на Востокѣ, и въ частности въ Сиріи. Наоборотъ, онъ предпринялъ весьма практичное дѣло, когда вступилъ въ борьбу съ слишкомъ свободными увеселеніями, безчестившими въ то время свадебные обряды. Здѣсь, такимъ образомъ, онъ отмѣчалъ зло, безъ сомнѣнія, укоренившееся, но все же мѣстное и временное, которое возможно было исправить, и которое, вѣроятно, отчасти и было сдерживаемо его проповѣдями, а окончательно истреблено христіанствомъ. «Я хочу,—говорилъ онъ,—очистить бракъ, чтобы возвратить ему его благородство, чтобы заградить уста ереси. Здѣсь безчестится установленіе, являющееся Божественнымъ даромъ и служащее даже самымъ источникомъ человѣческаго рода; въ этотъ источникъ бросаютъ тину и грязь. Очистимъ его, призвавъ къ намъ на помощь разумъ... Я хочу вамъ показать, что не бракъ долженъ заставлять васъ краснѣть, но тѣ злоупотребленія, какія вы сюда вводите».

При отсутствіи письменныхъ документовъ, достаточно обратиться къ памятникамъ, чтобы убѣдиться въ устойчивости римскихъ и греческихъ обычаевъ при совершеніи христіанскаго брака. Невѣсты, какъ ихъ представляютъ намъ

нѣкоторыя стихотворныя надписи или барельефы на нѣкоторыхъ саркофагахъ, одѣты въ традиціонную одежду и облечены во flammeum. Безъ сомнѣнія, Церковь простирала свою высокую руку на бракъ и съ самаго начала совѣтовала заключать его предъ епископомъ. Но, по выполненіи своего дѣла, послѣ дарованія благословенія, она не могла принудить только что соединенныхъ вѣрныхъ къ тому, чтобы они отказались отъ древнихъ языческихъ обрядовъ. Слѣдующій день послѣ того, какъ брачущіеся предстали предъ епископомъ, *) праздновался по обыкновеннымъ обрядамъ. Самою существенною частью этихъ обрядовъ былъ веселый и вмѣстѣ торжественный поѣздъ, который, взявъ невѣсту изъ отеческаго дома, отводилъ ее въ домъ супруга; это была «помпа», какъ говорили греки, или «проводы невѣсты» (deductio sponsae), какъ называли латиняне. Помпа совершалась при наступленіи ночи, въ тотъ часъ, когда,—по поэтическому выраженію Сафо и Катулла,—«вечерняя звѣзда показываетъ свой долго ожидаемый свѣтъ».

Но не забудемъ также и пира, который сопровождался пѣніемъ, танцами, различными драматическими интермедіями и санкціонировалъ величайшія вольности, совершаемыя гостями и даже фамильными рабами. Св. Іоаннъ, всегда попаляемый пылкой страстью служенія идеямъ умѣренности, вовсе не думалъ призывать къ крайнему воздержанію и находилъ естественнымъ, что день свадьбы, на который смотрѣли, какъ на счастливѣйшій изъ всѣхъ, въ силу этого радостно праздновался. Въ этотъ день—говоритъ онъ—дѣлаютъ роскошный обѣдъ и богато одѣваются. Я не нападаю на это, чтобы не показаться дикаремъ, однако, Ревекка въ этотъ день носила будничныя одежды. Впрочемъ, я позволяю вамъ эту вольность: носите ваши праздничныя одежды и предавайтесь веселью въ добромъ сообществѣ». Но одушев-

*) „Зачѣмъ *наканунѣ* священники, а *на утро* блудницы"?—говоритъ св. Златоустъ въ бесѣдѣ на слова „блудодѣяній ради"...

ленныя и подробныя описанія, въ которыхъ онъ знакомитъ насъ съ обыкновенными увеселеніями, гдѣ эти послѣднія кажутся точь въ точь совпадающими съ увеселеніями, описанными языческими писателями, вполнѣ достаточно объясняютъ его упреки и даже обличенія. При мерцаніи факеловъ и фонарей, при звукахъ свадебныхъ пѣсенъ, всегда очень вольныхъ, переполненныхъ намеками на грубые миѳологическіе соблазны,—кортежъ пересѣкалъ самыя людныя улицы, проходилъ по площади, среди толпы любопытныхъ, смотрѣвшихъ на него съ своихъ пороговъ или слѣдовавшихъ за нимъ веселыми группами. Заснувшій людъ, разбуженный всѣмъ этимъ шумомъ, бросался къ окнамъ и выходилъ на балконы. И изъ этой толпы, состоявшей большею частью изъ подонковъ общества и бродягъ, вырывались тысячи шутокъ, насмѣшливыхъ замѣчаній, глупыхъ побасенокъ и неприличныхъ пожеланій. «Вотъ какъ извращаютъ характеръ торжества, которое должно быть совершенно семейнымъ».

Понятіе о вольности, какую сохраняли еще свадебныя пѣсни, можно составить по четыремъ маленькимъ фесценническимъ поэмамъ Клавдіана въ честь бракосочетанія императора Гонорія и Маріи и по большому сочиненію его по этому поводу, написанному гекзаметромъ. Въ одномъ небольшомъ отрывкѣ, съ гораздо меньшею граціозностью и чувствомъ, чѣмъ въ прекрасныхъ эпиталамахъ Катулла, онъ сообщаетъ намъ нѣкоторыя черты, оскорбляющія своею непристойностью. И, тѣмъ не менѣе, Гонорій былъ христіанскимъ государемъ, сыномъ благочестивѣйшаго Ѳеодосія. Свадебный центонъ Авзонія относится къ болѣе раннему времени. Это, безспорно, лучшій изъ центоновъ, оставленныхъ намъ IV-мъ вѣкомъ. Но жалко видѣть, что эти священныя полустишія цѣломудреннѣйшаго изъ поэтовъ такъ испорчены неприличными намеками, какъ бы остроумны они ни были. Авзоній же былъ опять—таки христіаниномъ, впрочемъ, болѣе чѣмъ

равнодушнымъ къ истинѣ. Этимъ онъ по справедливости походилъ на тѣхъ образованныхъ Антіохійскихъ богачей, противъ которыхъ св. Златоустъ направлялъ свои доказательства. Большинство не чувствовало неприличія мало пристойныхъ намековъ, но какими рѣзкими кажутся они намъ, послѣ того какъ намъ удалось прочесть нѣкоторыя изысканныя произведенія великихъ христіанскихъ современниковъ, напримѣръ, письмо св. Григорія Назіанзина къ новобрачнымъ, или эпиталаму Юліана и Иды, написанную св. Павлиномъ Ноланскимъ!

Что св. Златоустъ считалъ самымъ соблазнительнымъ,— это участіе, какое принималъ въ церемоніи весь обычный персоналъ театра: мимики и комедіанты, шуты и танцовщицы, и весь сонмъ распутниковъ и распутницъ. Они сопровождали поѣздъ; ихъ вводили въ домъ, забавлялись ихъ сладострастными пѣснями, услаждались ихъ неприличными танцами; и сами гости, и даже рабы въ свою очередь соперничали съ ними въ непристойности и безчинствѣ. «Вы не водите вашихъ женъ въ театръ, говоритъ св. Златоустъ, вы думаете, что благоразумный обычай и сама природа ихъ запрещаютъ имъ присутствовать при этихъ, всегда неприличныхъ зрѣлищахъ, а между тѣмъ въ день свадьбы вы дѣлаете изъ собственнаго дома театръ». Самое печальное то, что вы развращаете также и тѣхъ юныхъ дочерей и тѣхъ юношей, которые сопровождаютъ новобрачную. Она, дѣйствительно, имѣетъ около себя хоръ дѣвъ и хоръ замужнихъ женъ, изъ которыхъ одинъ вручаетъ ее другому. Св. Златоустъ не хочетъ говорить ничего противъ обоихъ этихъ хоровъ, являющихся символомъ тѣхъ двухъ положеній, изъ которыхъ одно она покидаетъ и въ другое вступаетъ; но онъ хотѣлъ бы заставить ихъ, равно какъ и невѣсту, оставаться въ домѣ; онъ не хотѣлъ бы, чтобы ихъ публично заставляли выступать въ поѣздѣ этой «помпы». Можно ли, не краснѣя отъ стыда, во-

дить этихъ дѣвушекъ и юношей на зрѣлища, являющіяся школою страдострастія и прелюбодѣянія? Въ отвѣтъ св. Іоанну на его упреки выставляли очень рѣзкій аргументъ, который показываетъ одновременно и то, насколько богатыя семьи придерживались старинныхъ обычаевъ, и то, насколько онѣ сознавали несоотвѣтствіе этихъ обычаевъ христіанской чистотѣ и строгости. Отсюда же ясно также и то, какъ было трудно провести тогда въ античное общество, необыкновенно суровое къ бѣдняку, чувство природнаго равенства людей. Ссылались на то, что свадебный кортежъ невѣсты не состоялъ изъ дѣвицъ благородныхъ, одинаковаго положенія съ невѣстою, но составлялся изъ бѣдныхъ, иногда же набирался изъ рабовъ. Въ наше время мы находимъ вполнѣ естественными и очень простыми тѣ основанія, какія приводитъ св. Златоустъ въ двухъ прекрасныхъ бесѣдахъ*). Но его настойчивость и сила трогательнаго и вмѣстѣ неотразимо убѣдительнаго краснорѣчія доказываютъ, что здѣсь онъ затрогивалъ одинъ изъ самыхъ упорныхъ предразсудковъ своего времени.

Впрочемъ, онъ прибавляетъ, что все зло не въ этомъ; не только однѣ эти дѣвушки или служанки рискуютъ быть развращенными подобными обычаями. Онъ даетъ понять, что это является страннымъ урокомъ даже для самихъ новобрачныхъ, въ особенности же для новобрачной; она, будучи поднята до уединенія во внутреннихъ покояхъ, въ гинекеѣ, оттуда вдругъ грубо бросается въ глубину такого позора. Онъ доказываетъ возможность того, что съ этого же перваго вечера въ сердце одного изъ супруговъ вселится зародышъ прелюбодѣянія. Кто знаетъ, не найдется ли среди приведенныхъ

*) Уже Св. Кипріанъ энергически осуждаетъ присутствіе дѣвушекъ на свадьбѣ, но не разумѣетъ въ частности дѣвушекъ низкаго сословія.—Свадебные обряды, какъ кажется, еще болѣе, чѣмъ въ Антіохіи, были соблазнительны въ Африкѣ, если судить по нѣкоторымъ подробностямъ, сообщаемымъ бл. Августиномъ въ сочиненіи „о градѣ Божіемъ“ (IV, II и пр.).

актрисъ такая, которая будетъ отличена мужемъ? Кто знаетъ, что какой-либо изъ этихъ актеровъ не будетъ замѣченъ женою? Онъ утверждаетъ, что подобныя приключенія случаются часто, и въ этомъ уже можно видѣть преувеличеніе. Но такъ какъ онъ повторяетъ нѣсколько разъ это увѣреніе, то кажется, что здѣсь онъ, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ намекъ на какой-то свѣтскій, однажды происшедшій скандалъ, извѣстный всѣмъ, о которомъ не было нужды высказываться яснѣе, чтобы быть понятымъ.

Отмѣтимъ, наконецъ, сообщеніе св. Златоуста, что эти дорого стоющія церемоніи совершали не исключительно однѣ богатыя семьи; всѣ стремились при этомъ случаѣ соперничать въ тщеславіи и издержкахъ. Бѣдные по меньшей мѣрѣ хотѣли, чтобы пиръ былъ роскошенъ, насколько возможно. Они бѣгали изъ дома въ домъ, чтобы позаимствовать у друзей или родственниковъ посуду, зеркала и наряды. На слѣдующій день новобрачная плакала, когда нужно было возвращать всѣ эти роскошныя вещи. Всегда побаивались, какъ бы во время праздника не была похищена или потеряна какая-нибудь серебрянная вещь.

Къ родителямъ-то особенно обращается св. Златоустъ, съ цѣлью прекратить эти соблазны, и на нихъ-то возлагаетъ свою надежду. Пусть сохраняютъ извѣстныя увеселенія, но уничтожатъ «помпу», вмѣстѣ съ пѣніемъ и плясками, и откажутся отъ призыванія служащихъ въ театрѣ. Пусть призываютъ только своихъ друзей, сосѣдей, добрыхъ людей, хорошо знакомыхъ; пусть, наконецъ, не расходуютъ больше, чѣмъ могутъ. Въ особенности же, если хотятъ дать прекрасный примѣръ и вести себя истинно по христіански, то пусть лучше вмѣсто шутовъ и танцовщицъ сзываютъ какихъ-либо бѣдняковъ. Какова бы ни была точка исхода св. Златоуста, всюду онъ сводитъ рѣчь къ милостынѣ. Онъ хочетъ, чтобы бѣдняки принимали участіе въ этомъ торжественномъ пирше-

ствѣ, но ему извѣстно и то, какъ оскорбительно покажется это, вводимое имъ новшество. Нищіе присутствуютъ на свадьбѣ! Во мнѣніи того суевѣрнаго общества это было самымъ неизбѣжнымъ предзнаменованіемъ. Призвать нищихъ значило какъ бы осудить новобрачныхъ на нищету. Св. Іоаннъ обсуждаетъ и осмѣиваетъ этотъ нелѣпый предразсудокъ, и, чтобы ближе достигнуть цѣли, онъ, какъ прекрасный моралистъ, дѣлаетъ воззваніе не только къ одному разуму, но и къ самолюбію. До него еще никто не думалъ этимъ обосновывать милосердія. «Какая слава тому, кто приметъ на себя иниціативу! Какая честь для тѣхъ, кто первый будетъ ему подражать и такимъ образомъ установитъ преданіе!» Впрочемъ, онъ не рѣшается вполнѣ надѣяться на то, что ему удастся убѣдить своихъ слушателей, и по нѣкоторому колебанію въ его словахъ чувствуется, что онъ только очень мало вѣрилъ въ успѣхъ.

Если всегда трудно отмѣнять или реформировать праздники, каковы бы они ни были, то предпріятіе становится въ особенности щекотливымъ, когда дѣло идетъ о праздникахъ, особенно близкихъ человѣческому сердцу и отмѣчающихъ главнѣйшіе моменты существованія, какъ напримѣръ, рожденіе, бракъ, или смерть. Современники св. Златоуста любили эти свадебныя увеселенія не потому только, что онѣ были радостны и шумны, и, повидимому, на время санкціонировали театральныя удовольствія, пантомимы, пѣніе и танцы, такъ непрестанно осуждаемыя религіею, но еще и потому, что къ нимъ издавна привыкли и уже не могли представить свадьбы безъ нихъ. Даже вполнѣ христіанскіе супруги почти не считали себя повѣнчанными послѣ церковнаго благословенія, если надъ ними не была отпразднована «помпа». Вѣдь это обычай,—возражали св. Златоусту,—это нѣчто традиціонное, необходимое и законное; отмѣнять это было бы не только неприличіемъ и неумѣніемъ жить, - (хотя

и это уже много значитъ)—но и настоящимъ забвеніемъ долга. Св. Златоусту приходилось повторять имъ, что не эти обряды дѣлаютъ бракъ, и что сущность его въ брачномъ сожительствѣ. Почти невозможно вѣрить, что въ этомъ, отважно предпринятомъ имъ походѣ, св. Іоаннъ достигъ непосредственныхъ и рѣшительныхъ результатовъ. Можетъ быть, главнѣйшая изъ гомилій, посвященныхъ имъ этому премету, т. е. двѣнадцатая бесѣда на посланіе къ Колоссянамъ, принадлежитъ къ послѣднимъ годамъ его жизни. Она помѣчена Константинополемъ и, вѣроятно, относится ко времени его епископства, приблизительно къ 399-му году. Въ ней, какъ и въ предшествующихъ бесѣдахъ, онъ не перестаетъ повторять, что вполнѣ хорошо знаетъ, какъ досадуютъ на него за эти увѣщанія. Одни,—говоритъ онъ,—его ненавидятъ, другіе надъ нимъ смѣются и считаютъ его сумасшедшимъ. Но, если ему и не дано было искоренить злоупотребленія, то, по крайней мѣрѣ, его краснорѣчивыя слова не были потрачены даромъ. Онъ началъ то дѣло, которое терпѣливая и мощная Церковь привела послѣ него къ доброму концу.

Разводъ и вторичные браки.—Прелюбодѣяніе.—Равенство мужа и жены. — Согласіе между супругами; ихъ взаимное вліяніе одного на другого.

Вмѣстѣ со всѣми епископами своего времени, св. Златоустъ горячо сражался за нерасторжимость брака. Во все время существованія имперіи, въ греческихъ и римскихъ нравахъ въ этомъ отношеніи царила великая распущенность. Разводы совершались все чаще и чаще, по причинамъ часто ничтожнымъ и, правду сказать, въ большинствѣ случаевъ даже по простому взаимному соглашенію. Въ новыя связи вступали безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, даже послѣ нѣсколькихъ предшествующихъ вдовствъ. Основное положеніе св.

Златоуста—строго церковное: онъ абсолютно запрещаетъ мужу разводиться съ женою, кромѣ случая прелюбодѣянія, «развѣ словесе любодѣйна». Онъ соглашается, что законъ строгъ, но ему слѣдовало быть такимъ для того, чтобы ученики Іисуса Христа прямо предъ Учителемъ отмѣтили столь выразительно свое чувство, когда воскликнули: «если таково положеніе мужа и жены, то хорошо не жениться». (Мѳ. 19, 10). Причина, заставившая усумниться апостоловъ, должна была показаться необычайно суровою христіанамъ IV-го вѣка. Они безпрестанно возражали, ссылаясь на примѣры и повелѣнія Ветхаго Завѣта и пользуясь полемическимъ пріемомъ, очень распространеннымъ въ то время, въ особенности въ Антіохіи, гдѣ св. Іоаннъ при всякомъ случаѣ слышалъ изъ устъ пасомыхъ хитрыя и не всегда чистосердечныя доказательства. «Да,—отвѣчалъ онъ, когда ему дѣлали ссылку на законъ Моисея, — да, разводъ былъ дозволенъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, но онъ былъ необходимъ для избѣжанія еще бо́льшихъ золъ. Ветхій законъ — это законъ для іудеевъ, народа жестоковыйнаго, непокорнаго и подверженнаго жестокимъ страстямъ. Еслибы принудить этихъ жестокихъ и плотскихъ людей держать при себѣ своихъ женъ противъ собственной воли, то мужъ убивалъ бы жену, переставшую ему нравиться. Таково было звѣрство того народа, который не щадилъ даже пророковъ и проливалъ кровь, какъ воду. Но на новыхъ избранниковъ, на вѣрующихъ Церкви христіанской, возложенъ болѣе совершенный законъ, и св. Златоустъ повторяетъ это съ тѣмъ большею энергіей, что гражданскій законъ, даже въ царствованіе христіанскихъ императоровъ, по прежнему отличался бо́льшею снисходительностью, чѣмъ законъ религіозный, хотя, правда, христіанское вліяніе и сказывалось на законахъ относительно брака.

Что касается вторичныхъ браковъ, то, по своему обыкновенію, св. Златоустъ почти орагничивается только тѣмъ,

что воспроизводитъ наставленія святого ап. Павла. Вторичные браки дозволительны, такъ какъ слабость человѣческая настолько велика, что нельзя разумно думать объ ихъ абсолютномъ запрещеніи. Впрочемъ, было бы лучше избѣгать ихъ. Но, конечно, зная вполнѣ хорошо, какъ незначительно будетъ число тѣхъ, у кого хватитъ благородства чувствъ и твердости воли, чтобы отказаться отъ вторичной связи, св. Златоустъ пытается косвеннымъ путемъ привести своихъ слушателей къ желаемымъ послѣдствіямъ. Онъ указываетъ всѣ затрудненія, являющіяся при второмъ бракѣ. Подъ давленіемъ неизбѣжныхъ воспоминаній и невольныхъ сравненій, всегда готовъ открыться неистощимый источникъ ссоръ. «Представьте, что второбрачному случится за столомъ, по тому или иному поводу, сдѣлать упоминаніе о своей первой женѣ, — и вотъ вторая жена приходитъ въ ярость». Но въ особенности дѣти, которыя должны бы служить къ укрѣпленію супружеской любви, будутъ поселять раздоръ и ненависть между супругами. Если у второй жены ихъ нѣтъ, то она будетъ ненавидѣть дѣтей отъ перваго брака, всегда являющихся для нея какъ бы живымъ упрекомъ. Если она имѣетъ ихъ,—ревность сдѣлаетъ ея ненависть еще болѣе жестокою. Но мы въ особенности отмѣчаемъ не это, такъ какъ здѣсь мы видимъ только чистое и простое выраженіе церковной дисциплины и, пожалуй, даже голосъ здраваго смысла. Большій интересъ, повидимому, представляетъ не то, о чемъ св. Златоустъ говоритъ, но то, о чемъ онъ умалчиваетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что онъ почти не дѣлаетъ упоминаній о третьемъ или четвертомъ бракѣ. Значитъ ли это, что въ этомъ отношеніи антіохійскіе нравы стояли нѣсколько выше, чѣмъ нравы Рима? Дѣйствительно, кажется, что соблазнительное количество преемственныхъ браковъ,— по причинѣ ли развода, или вслѣдствіе вдовства,— является въ особенности римскимъ зломъ, хотя, впрочемъ, отъ него страдала и вся имперія. Во всякомъ

случаѣ, св. Іоаннъ не указываетъ ни одной четы, аналогичной съ тѣми легендарными супругами, которыхъ зналъ бл. Іеронимъ, и изъ которыхъ одинъ былъ вдовцомъ отъ двадцати женъ, а другая вдовою отъ двадцати двухъ мужей. (Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, при своей замѣчательно глубокой вѣрѣ, бл. Іеронимъ обладалъ и очень склоннымъ къ крайности воображеніемъ. Правдоподобнѣе было-бы двадцать разводовъ, чѣмъ двадцать вдовствъ, но онъ говоритъ именно и вдовствахъ).

Постоянною заботою св. Златоуста, когда онъ представлялъ своимъ слушателямъ идеальную картину христіанскаго брака, или показывалъ имъ, насколько далека дѣйствительность отъ этого идеала, было — обосновать совершенное равенство обоихъ супруговъ, искоренить столь распространенный на всемъ греческомъ Востокѣ предразсудокъ, будто бы жена имѣетъ меньшія права, чѣмъ мужъ. Когда онъ изъясняетъ совѣты, предложенные св. ап. Павломъ вдовамъ, онъ не опускаетъ случая тотчасъ же прибавить, что, хотя св. Павелъ ясно и не говоритъ, но разумѣетъ здѣсь также и вдовцовъ и, точно такъ же какъ и вдовамъ, совѣтуетъ и имъ избѣгать вторичныхъ браковъ. Всего труднѣе было внушить ему, что невѣрность мужа такъ же преступна, какъ и невѣрность жены, и что слово прелюбодѣяніе имѣетъ совершенно одинаковый смыслъ, какъ въ отношеніи къ одному, такъ и въ отношеніи къ другому. Въ этомъ пунктѣ замѣчалось противорѣчіе между закономъ гражданскимъ и религіознымъ, и мужья считали себя достаточно свободными, благодаря широкой толерантности перваго законодательства. Большинство допускало только единственный случай прелюбодѣянія для мужа: это тогда, когда онъ вступалъ въ связь съ замужнею женщиною. Все остальное считалось только простымъ любострастіемъ, а не прелюбодѣяніемъ. Съ полною снисходительностью и безъ всякаго предубѣжденія относились къ связямъ съ распутни-

цами и къ интригамъ съ домашнею прислугою, налагавшимъ пятно на многія семьи. Одно весьма интересное письмо бл. Іеронима, именно его письмо къ Океанію, гдѣ онъ восхваляетъ Фабіолу, вполнѣ подкрѣпляетъ жалобы св. Златоуста. «Иное дѣло законы кесарей, — писалъ бл. Іеронимъ, — иное законы Христа; повелѣнія законодателя Папиніана не тѣ-же, что повелѣнія Павловы. Правовѣды снимаютъ всякую узду съ безстыдства мужчинъ и осуждаютъ только блудъ и прелюбодѣяніе*); они дозволяютъ вѣтреную любовь къ служанкамъ и распутницамъ, какъ будто бы не воля, а положеніе въ свѣтѣ обусловливаютъ вину. У насъ же запрещенное женщинамъ одинаково запрещено и мужчинамъ, и на обоихъ супруговъ наложено одно и то-же рабство, однѣ и тѣ-же условія». Фабіола, дѣйствительно, была разведена и затѣмъ вступила во второй бракъ, который позднѣе она искупила славнымъ покаяніемъ. Впрочемъ, ее не только упрекали за этотъ вторичный бракъ, но осуждали также и за ея разводъ. Ничто не казалось проще, какъ развестись мужу съ прелюбодѣйною женою, но чтобы обманутая супруга требовала того-же самаго права противъ мужа, хотя бы и загрязненнаго самыми низкими пороками, (какимъ мужа Фабіолы представляетъ бл. Іеронимъ), — это казалось оскорбленіемъ для всѣхъ вѣтреныхъ мужей, для всѣхъ развратителей прислугъ и тайныхъ прелюбодѣевъ. На практикѣ, часто сама Церковь допускала, что лучше супругѣ продолжать жить вмѣстѣ съ невѣрнымъ супругомъ, и дѣйствовала такъ не столько въ силу уступки предразсудку, сколько въ виду того, имѣющаго свою цѣну соображенія, что жена малу-по-малу можетъ привести своего мужа къ добру. Св. Василій Великій не одобряетъ этой снисходительности, но не рѣшается слишкомъ сильно осуждать ее. Св. Златоустъ былъ смѣлѣе. Защита положенія

*) *Здѣсь разумѣется преступленіе мужа съ чужою женою.*

объ абсолютномъ, безусловномъ равенствѣ въ бракѣ мужа и жены, положенія, столь рѣзко оскорблявшаго мнѣніе его современниковъ, была въ высшей степени близка его сердцу: это положеніе онъ провозглашалъ весьма громко и воспроизводилъ при всякомъ случаѣ, по малѣйшему предлогу. Такимъ образомъ выходитъ, что, когда онъ проповѣдуетъ противъ прелюбодѣянія, то въ особенности обращается къ мужчинѣ. Проповѣдникъ тѣснитъ его въ послѣднихъ его убѣжищахъ и безжалостно разоблачаетъ всѣ тѣ софизмы, которыми онъ пытается обольстить самого себя и успокоить свою совѣсть. Св. Златоустъ описываетъ всѣ опасности, какимъ прелюбодѣй подвергаетъ себя: указываетъ на безпрестанные опасенія и вѣчныя подозрѣнія, которыя ежеминутно смущаютъ запрещенное наслажденіе и изгоняетъ виновнаго вонъ изъ церкви. Грѣхъ любодѣянія всегда принадлежалъ къ тѣмъ, какіе Церковь осуждала въ высшей степени строго; для искорененія его она налагала весьма продолжительное и самое суровое покаяніе. Тѣмъ сильнѣе св. Златоустъ усиливается внушить къ нему ужасъ, что ему приходится говорить, какъ онъ самъ знаетъ, къ чувственнѣйшему народу. Въ Сиріи во всѣ времена и климатъ, и традиціи, и самые культы благопріятствовали всевозможному распутству; изъ Антіохіи-то всегда выходили тѣ толпы игральщицъ на флейтѣ, которыя съ береговъ Оронта распространялись по всѣмъ большимъ городамъ и въ особенности были многочисленны въ Римѣ, гдѣ онѣ были весьма хорошо извѣстны въ пользующемся дурною славою кварталѣ Великаго Цирка. Здѣсь-то, какъ и въ великой митрополіи — Константинополѣ, очень скоро сравнявшейся по распущенности и вольности съ Римомъ, постоянно находились закоснѣлые грѣшники, возражавшіе св. Іоанну, что любовныя страсти здѣсь фатальны и непреодолимы. «Къ чему разсуждать? Я и хотѣлъ бы бороться съ этими движеніями моего сердца, но чувствую вмѣстѣ съ тѣмъ, что не могу». — Нѣтъ, отвѣчаетъ

св. Златоустъ, любовь не неизбѣжна. Удивленіе предъ красотою неизбѣжно, однако, можно удивляться красотѣ безъ того, чтобы какое-либо плотское пожеланіе примѣшивалось къ удивленію. И съ довольно софистическою тонкостью, онъ даетъ почувствовать, что еслибъ было иначе, то красивую женщину любили бы всѣ безъ исключенія, и невозможно было бы воздержаться отъ любви къ собственной матери, еслибы къ тому представился случай.

А какъ сохранять супружескую вѣрность,—говорили ему несговорчивые возражатели,—въ особенности въ томъ случаѣ, когда выпадетъ несчастіе взять некрасивую жену? Некрасивыя женщины сами сознаютъ, что не имѣютъ большого права жаловаться. Въ лучшемъ случаѣ онѣ пытаются удержать своихъ мужей, замѣняя красоту умѣлымъ нарядомъ. Этимъ желаніемъ угодить мужу женщины часто лицемѣрно оправдывали свою страсть нравиться. Когда св. Златоустъ проповѣдывалъ противъ этой страсти къ нарядамъ, ему возражали: «но что же тогда дѣлать некрасивымъ?» —и на это онъ отвѣчалъ прекраснымъ панегирикомъ некрасивымъ женщинамъ. «Некрасивая женщина менѣе подвержена злорѣчію. Прежде всего, мужъ красивой жены является намѣченною жертвою зависти. Далѣе, красивыя женщины лѣнивы; онѣ не хотятъ заниматься своимъ хозяйствомъ, имъ всегда страшно запачкать или повредить свои прекрасныя руки. Женщина некрасивая болѣе дѣятельна и полезна. Сверхъ всего этого, какой позоръ для жены думать, что ради удержанія мужа она должна прибѣгать къ тѣмъ же самымъ чарамъ, какія употребляютъ блудницы! Удерживайте его при себѣ, напротивъ, преданностью, любовью и всѣми качествами души. Пусть въ своемъ домѣ онъ находитъ не женщину удовольствія, каковы тѣ, кого онъ ищетъ внѣ дома, но любящую христіанку, цѣломудренную и степенную».

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній св. Злато-

устъ описалъ намъ одинъ изъ такихъ домовъ, гдѣ жена, не смотря на всѣ свои добродѣтели, не могла достигнуть того, чтобы удержать мужа. Это—семейство несчастнаго Стагирія, безпокойнаго, больного, можетъ быть, жертвы наслѣдственности, если судить объ этомъ по тому, что извѣстно намъ объ его отцѣ. Истощенный суровыми подвигами аскетизма, Стагирій испытывалъ жестокіе припадки, объясняемые бѣсовскимъ обладаніемъ. Отецъ Стагирія, человѣкъ высокаго происхожденія и весьма богатый, отвергъ свою законную жену, вступилъ въ явное сожитіе съ одною молодою женщиной и имѣлъ отъ нея много дѣтей. Св. Іоаннъ говоритъ о немъ не иначе, какъ съ крайнимъ презрѣніемъ, представляя его человѣкомъ жестокимъ, безразсуднымъ и не имѣющимъ власти надъ самимъ собою. Въ своихъ бесѣдахъ онъ не представляетъ такихъ точныхъ описаній: по своему обыкновенію, онъ воздерживается отъ всякаго обозначенія личности и даже отъ слишкомъ ясныхъ намековъ. Но какъ бы общи ни были его показанія, изъ нихъ все же съ очевидностью слѣдуетъ, что зло было велико, и что общественное мнѣніе не осуждало тѣхъ, кто публично велъ соблазнительную жизнь, подобно отцу Стагирія.

Но если св. Златоустъ такъ заботится объ утвержденіи правъ женщины, если во имя ея онъ требуетъ совершеннаго равенства обязанностей и взаимности обязательствъ обоихъ супруговъ,—то онъ вовсе не думаетъ придти къ отожествленію ихъ обязанности и роли. Напротивъ, никто не опредѣлилъ болѣе мудро ихъ взаимнаго назначенія, никто лучше не намѣтилъ границъ ихъ владѣнія и не указалъ смысла ихъ дѣятельности. «Смотри, какова обязанность жены· она смотритъ за домомъ, заботится о домашней жизни, наблюдаетъ за служанками и побуждаетъ ихъ къ работѣ. Она трудится надъ приготовленіемъ одеждъ. Она даетъ тебѣ имя отца, освобождаетъ отъ наложницъ, помогаетъ соблюдать воз-

держаніе, обуздываетъ пакостника плоти».—«Богъ не все безразлично дозволилъ мужу и женѣ, но раздѣлилъ ихъ задачу. Женѣ—домъ, мужу—площадь, агора. Долгъ мужа—питать своихъ домочадцевъ трудами земли, удѣлъ жены—одѣвать ихъ тканями». Пусть же они проводятъ свои дни каждый за своимъ дѣломъ. Это не воспрепятствуетъ имъ жить общею жизнью. Это, наоборотъ, послужитъ лучшимъ средствомъ для каждаго изъ нихъ оказывать взаимное вліяніе; и никто лучше св. Златоуста не описалъ того святого и благотворнаго воздѣйствія, какое могутъ имѣть оба супруга одинъ на другого, если они любятъ другъ друга и вполнѣ понимаютъ свои обязанности. Его стиль очарователенъ, когда онъ анализируетъ ту благожелательную бдительность, какую мужъ имѣетъ право проявлять надъ женою, и ту неощущаемую власть, какую жена, благодаря своей вкрадчивой любви, съумѣетъ мало-по-малу проявлять надъ нимъ. Исправлять свою жену нужно съ самою терпѣливою нѣжностью. Дурно то, что супруги слишкомъ явно наблюдаютъ другъ за другомъ и прямо высказываютъ свои подозрѣнія. Мужъ, желающій исправить недостатки своей жены, прежде всего долженъ опасаться того, какъ бы самому не подать повода къ упрекамъ, а какъ онъ можетъ избѣжать ихъ, если его постоянно нѣтъ дома и если онъ едва удѣляетъ ея обществу нѣсколько часовъ? Впрочемъ, пусть онъ не слишкомъ тяготится подозрѣніями жены: онѣ являются доказательствомъ ея любви. Пусть затѣмъ онъ опасается, какъ бы не выказать себя слишкомъ занятымъ какою-либо рабой. Когда, такимъ образомъ, совѣсть мужа будетъ безупречна, тогда можно будетъ ему мало-по-малу приступать къ увѣщаніямъ съ своей стороны и умѣрять то необузданное стремленіе къ роскоши, которому предаются почти всѣ женщины. Это правда, что онѣ-то первыя возбуждаютъ и разжигаютъ въ сердцѣ мужа жадуость и любовь къ наживѣ. Одержимыя страстью постоянно сравнивать

свою судьбу съ судьбою другихъ, онѣ не перестаютъ стыдить своихъ мужей. «Посмотри на роскошь такой-то, взгляни на наряды нашей сосѣдки. Какою жалкою я показалась бы передъ нею! И это потому, что мужъ ея съумѣлъ разбогатѣть». Но, если своими добродѣтелями и своею вѣрностью мужъ съумѣлъ заслужить любовь своей жены, то для него возможно будетъ укротить эту ревность и это честолюбіе Если онъ хорошо знаетъ цѣну себѣ, ему не трудно будетъ научить ее умѣренности. Пусть со дня свадьбы мужъ съумѣетъ подготовить дорогу своему вліянію, говоритъ св. Златоустъ и входитъ затѣмъ въ подробные житейскіе совѣты, въ которыхъ онъ такъ превосходенъ. Если свадьба была проста и скромна, то невѣста не подвергнется риску составить ложное представленіе о своемъ дѣйствительномъ положеніи. Тогда на утро не разыграется та смѣшная и удручающая сцена, которую мы уже описали, и ея досада не разразится съ циническою наивностью столь многихъ женъ, когда придется отдавать назадъ ковры и золотую посуду, заимствованные на этотъ случай. Если, далѣе, свадьба была проста, то молодая женщина пойметъ съ самаго начала, что тотъ, съ кѣмъ она соединилась, не расположенъ терпѣть крайностей роскоши. «Вы смѣетесь, и я кажусь вамъ смѣшнымъ съ моими совѣтами; но попробуйте слѣдовать имъ и найдете здѣсь свою же выгоду». Съ большимъ искусствомъ начертываетъ онъ тотъ разговоръ, какой нужно имѣть со своею женою во время первыхъ дней брака, и показываетъ, съ какою вкрадчивою осторожностью и дружественною мягкостью слѣдуетъ дать ей понять значеніе сдѣланнаго предложенія. Пусть ей скажутъ, что ее предпочли за ея нравственныя качества и за добродѣтели. «Я съумѣлъ бы найти жену изъ болѣе богатыхъ, изъ болѣе высокаго роду (замѣтимъ, что онъ, какъ тонкій психологъ, не говоритъ—«изъ болѣе красивыхъ»), но я нашелъ тебя такою нѣжною, простою и

цѣломудренною». Пусть такимъ способомъ укрѣпляютъ въ ней ея природныя качества или, по крайней мѣрѣ возбуждаютъ ихъ въ ней, если онѣ еще не настолько видимы и развиты, чтобы можно было ей говорить объ этомъ.

Но еще больше жена может воздѣйствовать на мужа, исправлять его и преобразовывать по собственному желанію. О, еслибы она всегда имѣла желаніе пользоваться своимъ нѣжнымъ, неотразимымъ вліяніемъ въ интересахъ добродѣтели и благочестія! Здѣсь св. Іоаннъ снова возвращается къ своей излюбленной темѣ. Пусть она не воображаетъ,—какъ имѣетъ глупость думать,—что ей удастся привлечь своего мужа красотою и убранствомъ. Если она предлагаетъ ему только это, то онъ найдетъ среди блудницъ нѣчто гораздо большее и лучшее. Но, еслибы она выказала ему святую и чистую любовь, то какъ выслушивалъ бы онъ тогда ея малѣйшіе совѣты! Пусть она говоритъ своимъ нѣжнымъ голосомъ женщины; такою убѣдительностью не обладаетъ голосъ друга, не такъ дѣйствителенъ голосъ отца и матери, господина и вельможи! Совѣты обыкновенно тягостны и непріятны. «Одни только совѣты женщины обладаютъ никому недоступною увлекательностью, такъ какъ ихъ внушаетъ любовь».

Если послѣдуютъ этимъ наставленіямъ, тогда утвердится и воцарится между супругами то совершенное согласіе, безъ котораго бракъ будетъ только пустымъ звукомъ и которое, однако же, столь рѣдко въ домашней жизни. Не говоримъ о тѣхъ домахъ, гдѣ мужъ бьетъ свою жену. Даже и въ томъ случаѣ, когда она имѣетъ несчастіе переносить побои, она должна терпѣливо нести свой крестъ. Но какой позоръ для мужа дурно обращаться съ супругою, когда не слѣдуетъ бить даже рабыни! Кто бьетъ свою жену, тотъ пусть знаетъ, что онъ виновенъ въ грѣхѣ, равномъ отцеубійству и даже въ еще горшемъ преступленіи, потому что Богъ повелѣлъ оставить отца своего и мать ради жены! Пусть избѣгаютъ

даже незначительныхъ столкновеній, придирокъ и случайныхъ раздоровъ. Пусть не входятъ въ распрю даже по уважительнымъ, повидимому, причинамъ, какъ напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда жена хочетъ соблюдать воздержаніе, безъ взаимнаго согласія. Въ IV-мъ вѣкѣ въ христіанскихъ семействахъ это явленіе, дѣйствительно, часто служило причиною несогласій и даже разрывовъ. Столь же частою причиною развода было безплодіе жены, котораго мужъ не могъ извинить, оставаясь вѣрнымъ античнымъ взглядамъ и нравамъ. Тѣмъ, кто увлекался честолюбивымъ стремленіемъ къ неузаконенной чистотѣ, св. Златоустъ повторяетъ повелѣнія и увѣщанія св. ап. Павла: соблюдать воздержаніе можно только по взаимному согласію. Нужно дѣлать всевозможныя жертвы, не исключая и этой, лишь бы только обезпечить столь желанное благо, какъ супружеское согласіе, такъ какъ не можетъ быть ничего ужаснѣе и прискорбнѣе, чѣмъ раздоры и тяжбы между тѣми, кого соединяютъ столь священныя узы. «Это война между членами одного и того-же тѣла, самая ужасная изъ войнъ». Но она не вспыхнетъ никогда, если мужъ умѣетъ любить, а жена дѣлать уступки. Въ самомъ дѣлѣ, мужъ повелѣваетъ, а жена повинуется, но, что бы ни говорили, не думайте, что это двѣ различныя роли и что для выполненія первой требуется меньше любви. Совсѣмъ напротивъ, здѣсь ея нужно еще болѣе. Если же, къ несчастію, какую бы преданность ни выказывалъ одинъ изъ супруговъ, на какія бы жертвы не рѣшался, другой, не смотря на это, остается въ своихъ неисправимыхъ заблужденіяхъ, то все-таки первому слѣдуетъ терпѣливо переносить ихъ и знать, что прекрасны тѣ слова, какими такъ хвалился извѣстный Сократъ предъ своею супругой, Ксантиппой, учившей его терпѣнію.

Дѣти.—Воспитаніе сыновей и дочерей.—Роль матери въ воспитаніи.—Пребываніе въ монастырѣ.—Вдовство.

Итакъ, удѣлъ мужа—жизнь дѣятельная и площадь, удѣлъ жены—хозяйство и домъ. Но, хотя такимъ образомъ ихъ взаимное владѣніе вполнѣ разграничено, однако, жена, умѣющая не выходить изъ своихъ предѣловъ, является здѣсь равною мужу. Мы уже видѣли, какое счастливое вліяніе можетъ она оказать на своего мужа въ задушевномъ семейномъ кругу. Теперь посмотримъ на важнѣйшую изъ ея обязанностей, которую она, безспорно, раздѣляетъ съ мужемъ но такъ, что на ней всегда лежитъ большая отвѣтственность,—это воспитаніе дѣтей. Св. Златоустъ былъ воспитанъ матерью; онъ не зналъ своего отца Секунда, умершаго очень скоро послѣ своей женитьбы. Но Анѳуса,—та самая Анѳуса, которой, говорятъ, завидовалъ Ливаній, хотя и на долю его самого выпали самыя горячія и нѣжныя материнскія заботы,—относилась къ нему съ самою бдительною любовью. Судя по тому, что о ней говоритъ намъ трогательная признательность ея сына, это была не только женщина сердца, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и женщина твердаго и обширнаго ума. И естественно поэтому, что св. Іоаннъ многаго требуетъ отъ матерей. Могло-бы даже показаться, что онъ, пожалуй, нѣсколько пренебрегаетъ отцами, еслибы этому не видно было двухъ причинъ. Прежде всего, случалось, что отцы, занятые житейскими нуждами, а равно правами и обязанностями членовъ гражданскаго общества, часто полагали какое-либо препятствіе христіанскому воспитанію, какъ его понимали епископы. Съ другой стороны, тѣ-же самые отцы часто пренебрегали своими дѣтьми, предоставивъ ихъ воспитаніе педагогамъ. Вслѣдствіе этого можно было только порадоваться тому, что сомнительному вліянію этихъ руководителей христіанство хотѣло противопоставить вліяніе матерей.

Имъ-то по преимуществу св. Златоустъ и пытается внушить важность воспитанія. Онъ ставитъ его такъ высоко, что, по его мнѣнію, семейныя узы гораздо менѣе скрѣпляются общностью крови, чѣмъ точнымъ выполненіемъ взаимныхъ обязанностей. «Это дѣло Божественнаго Провидѣнія, что Оно не оставило дѣтей лишенными естественнаго чувства любви къ своимъ родителямъ, и, съ другой стороны, утвердило семью не исключительно на этомъ чувствѣ». Припомнимъ также слова св. ап. Павла (1 Тим. v, 10), гдѣ онъ восхваляетъ мать за воспитаніе своихъ дѣтей, а не за дарованіе имъ жизни.

Мы найдемъ у св. Златоуста слишкомъ мало свѣдѣній о воспитаніи въ собственномъ смыслѣ, потому что къ рѣчи объ этомъ ему не представлялось подходящаго случая. Вѣроятно, самъ онъ въ одной изъ лучшихъ школъ получилъ обычное классическое образованіе и извлекъ отсюда большую пользу. Какъ бы ни отличалось его краснорѣчіе отъ краснорѣчія панегиристовъ и софистовъ, какъ бы ни противоположна была по своимъ основамъ и методѣ созданная имъ самимъ риторика сравнительно съ риторикой Ливанія,— однако, уроки этого ритора не оказались для него безполезными. Нужно, впрочемъ, остерегаться, чтобъ не преувеличить этого вліянія. Историкъ Сократъ въ своей церковной исторіи говоритъ, что онъ изучалъ философію у нѣкоего Андрагаѳія. Этотъ малоизвѣстный учитель почти не съумѣлъ развить въ своемъ ученикѣ вкуса, или хотя бы уваженія къ тому, чему онъ его обучалъ, и св. Іоаннъ при всякомъ случаѣ говорилъ о философіи съ самымъ глубокимъ пренебреженіемъ. Можно сказать, что между всѣми св. отцами IV-го в. Златоустъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе враждебно относились къ античной языческой цивилизаціи. Ясному сознанію этого справедливаго положенія препятствовалъ тотъ фактъ, что св. Іоаннъ былъ ученикомъ Ливанія и, по болѣе

или менѣе подлинному сказанію церковнаго историка, этотъ риторъ хотѣлъ даже имѣть его своимъ преемникомъ. Правда также и то, что блескъ и чистота его стиля могли ослѣпить,— однако, на самомъ дѣлѣ онъ не только не являлся болѣе философомъ, чѣмъ христіаниномъ, какъ Синезій, но въ отношеніи къ классическому обученію даже далеко не былъ въ такой-же степени толерантнымъ, какъ св. Василій Великій или Григорій Назіанзинъ, бл. Іеронимъ или бл. Августинъ. Пылкій и страстный, онъ не обладалъ такимъ твердымъ, ровнымъ и вмѣстѣ непогрѣшимымъ умомъ, какъ св. Василій. Никогда, подобно бл. Августину, онъ не понималъ глубины Платоновской доктрины. Наконецъ, ошибочно думать и то, будто бы онъ въ такой степени,—какъ стараются приписать ему,—обладалъ темпераментомъ ученаго и поэта, т. е. тѣмъ темпераментомъ, который такъ сильно блещетъ даже въ самыхъ спеціальныхъ богословскихъ твореніяхъ бл. Іеронима или св. Григорія Назіанзина. Онъ очень скоро пересталъ любить литературу и поэзію ради ихъ самихъ. Въ одномъ изъ его словъ, произнесенныхъ въ Константинополѣ, мы находимъ признаніе, что иногда онъ чувствовалъ «жало въ плоть», хотя и всегда успѣвалъ заглушать его, но безпорно, что его никогда не смущала похоть духа.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что св. Іоаннъ не жилъ въ Аѳинахъ, въ томъ городѣ, священномъ по великимъ воспоминаніямъ, гдѣ жили св. Григорій или св. Василій, и не слѣдовалъ урокамъ просвѣщеннѣйшихъ софистовъ. Городъ торговли и наслажденія, Антіохія никогда, собственно говоря, не была одною изъ великихъ умственныхъ столицъ имперіи; такою столицею былъ скорѣе Беритъ, являвшійся въ Сиріи самымъ дѣятельнымъ центромъ не только юридическихъ, но и литературныхъ занятій. Антіохія была далека отъ того, чтобы ее можно было сравнить съ Аѳинами или Александріей. Селевкиды не оставили въ ней даже тѣхъ преданій, какія

Атталиды оставили въ Пергамѣ и Лагиды въ Египтѣ. Ливаній, правда, придалъ тамъ общественному образованію весьма яркій, хотя и кратковременный блескъ. Въ сущности, одно только христіанство имѣло тамъ прекрасныя и сильныя начала. Гиббонъ сдѣлалъ по поводу св. Златоуста одно замѣчаніе, выражающее свойственное нѣкоторымъ сужденіе, будто бы въ св. Іоаннѣ «замѣчается талантъ замаскировать ту пользу, какую онъ извлекъ изъ риторики и философіи». Но въ дѣйствительности нѣтъ ничего болѣе неточнаго и несправедливаго, и можно упрекнуть Гиббона,—хотя бы самъ онъ и не признался въ этомъ,—что онъ говоритъ о св. Златоустѣ съ чужого голоса, такъ какъ онъ вовсе не былъ человѣкомъ, способнымъ увлечься чтеніемъ двѣнадцати томовъ бесѣдъ св. Златоуста. Безъ сомнѣнія, въ морали и вѣроученіи, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ излагаетъ св. Златоустъ, есть мысли, идущія изъ философскихъ греческихъ школъ. Даже самъ онъ, противъ собственнаго желанія, обнаруживаетъ это въ томъ прекрасномъ словѣ «философія — любомудріе», которое безпрестанно употребляется у него для обозначенія христіанской жизни и которое, во всякомъ случаѣ, кажется страннымъ въ устахъ того, кто въ высшей степени пренебрежительно и презрительно относился къ Платону и Аристотелю. Но довольно видѣть, съ какою непринужденностью онъ употребляетъ это слово, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что оно является у него вовсе не въ первоначальномъ значеніи. Проникнутый евангельскимъ и библейскимъ духомъ, св. Златоустъ въ сущности обязанъ философіи только идеями, которыя уже гораздо раньше его проникли въ христіанство, и дѣйствительное происхожденіе которыхъ почти никому не было извѣстно. Изъ самой философіи онъ не заимствуетъ для себя ничего другого, и въ ученіе, какимъ оно перешло къ нему отъ его предшественниковъ, не вводитъ никакого новаго и чуждаго элемента.

Вотъ почему такъ мало даетъ онъ намъ свѣдѣній о воспитаніи, получаемомъ дѣтьми въ школѣ грамматиковъ и риторовъ, и эта-то скудость подробностей, это-то молчаніе о томъ, о чемъ другіе христіанскіе писатели, напротивъ, разсуждаютъ довольно охотно, достаточно ясно доказываютъ, какую незначительную цѣну имѣли въ его глазахъ мірскія занятія, хотя прямо онъ и не выражалъ этого.

Св. Іоаннъ почти никогда не говоритъ ничего о школахъ грамматиковъ. Только разъ сообщаетъ онъ намъ, что дисциплина здѣсь была сурова, и изъ многихъ другихъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что такова была дѣйствительно старинная традиція. Отъ безчеловѣчнаго Гораціева Орбилія до учителя Марціаловской школы, грамматикъ былъ одинаково ненавидимъ и мальчиками, и дѣвочками, и слылъ за человѣка высокомѣрнаго и жестокаго. Въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ житейскихъ сравненій, которыя такъ любилъ св. Златоустъ, онъ описываетъ намъ классъ въ ужасный моментъ спрашиванія. Дѣти представляются здѣсь совершенно запуганными. Въ то время какъ учитель спрашиваетъ одного изъ товарищей, ученики подчитываютъ свой урокъ; учитель мелоченъ и взыскателенъ; большинство уже побиты; тѣ, кто ждетъ своей очереди, замираютъ со страху; и, если кто-либо изъ нихъ, наиболѣе беззаботный и шаловливый, ухитрится ударить своего сосѣда, то послѣдній не рѣшается отвѣтить ему и разсердиться. Всѣ находятся въ напряженномъ состояніи духа, и у всѣхъ одна мысль, какъ бы только выйти безнаказаннымъ. Зато, когда классъ окончится, и они, битые или небитые, поднимаются съ мѣста,— ихъ радость бываетъ такъ велика, что они ни о чемъ больше не помнятъ. Совершенно согласно съ этимъ и почти въ ту же эпоху, испанскій поэтъ Пруденцій, жившій на другомъ краю имперіи, воспроизводя въ памяти въ концѣ земного поприща всѣ воспоминанія своей жизни, не забылъ, что въ

дѣтствѣ онъ былъ запуганъ грамматиками, и сожалѣлъ о томъ времени, когда онъ плакалъ, наказываемый звонкой учительской линейкой.

Что касается риторовъ, которыхъ св. Іоаннъ гнушается, какъ всегдашнихъ противниковъ евангельской проповѣди, то въ нихъ онъ видитъ только учителей напыщеннаго краснорѣчія. По его мнѣнію, они не заботятся ни о какой дѣйствительной пользѣ и ничего не ищутъ, кромѣ аплодисментовъ и тщеславнаго удивленія народа, менѣе разборчиваго, чѣмъ думаютъ. Во все долгое время своей проповѣди онъ не переставалъ жаловаться, что классическое обученіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно воспринималось молодежью, было прямо враждебно тому, какое старалась дать Церковь. У этого св. отца, краснорѣчивѣйшаго изъ всѣхъ отцовъ, не найти ни одного слова въ пользу наукъ, ни одной фразы, гдѣ бы онъ благодарилъ ихъ за просвѣтительное вліяніе. Ему казалось, что науки служатъ только къ развитію гордости, пустого тщеславія, той кенодоксіи, которую онъ безпрестанно проклинаетъ и приноситъ въ жертву смиренію. Прежде тріумфа христіанства, Тертулліанъ признавался, что изученіе классиковъ было необходимымъ приготовленіемъ ко всѣмъ поприщамъ: «литература есть орудіе для всякаго образа жизни». Послѣ тріумфа христіанства времена сильно измѣнились, такъ что св. Златоустъ, по природѣ болѣе гораздо умѣренный и благоразумный, чѣмъ Тертулліанъ, повидимому, забылъ эту истину. Рекомендуя изученіе Писанія, которое, какъ мы увидимъ, было крайне недостаточно извѣстно большинству вѣрныхъ, онъ пользуется этимъ, чтобы показать всю тщету мірскихъ познаній. «Писанія грековъ, съ ихъ высокомѣрнымъ знаніемъ, служатъ только къ увеличенію невѣжества, опаснаго для юношескаго возраста, и къ погруженію его въ еще болѣе густой мракъ. Онѣ только заставляютъ отроковъ удивляться мнимымъ героямъ, а эти послѣдніе всегда были

только рабами всѣхъ страстей и пороковъ, трепетавшими передъ смертью, каковъ, напримѣръ, Ахиллесъ и всѣ прочіе у Гомера! Да, заставимъ ихъ читать вмѣсто Гомера—библію и евангеліе. Вы считаете меня настоящимъ сумасшедшимъ, когда я предлагаю вамъ такіе совѣты, но я знаю, что дѣлаю, и не погрѣшу въ своемъ дѣлѣ». Не болѣе благосклонно относится онъ и къ праву, не видя въ немъ ничего кромѣ пустыхъ придирокъ, неправды и безчеловѣчности. Позволительно отмѣтить во всемъ этомъ достойную сожалѣнія прямолинейность, въ особенности опасную въ ту эпоху, когда жилъ св. Златоустъ. Такъ какъ науки и юридическія занятія одни только приготовляли къ гражданскому поприщу, такъ какъ тогда государство больше, чѣмъ когда-либо, имѣло нужду въ энергическихъ дѣятеляхъ, неподкупныхъ и образованныхъ, такъ какъ, наконецъ, поколѣніе искусныхъ администраторовъ, благоразумныхъ и твердыхъ правителей все болѣе и болѣе исчезало,—то тяжкая вина предъ государствомъ лежала на тѣхъ, кто старался отвратить цвѣтъ молодежи отъ классическаго воспитанія, хотя бы ихъ и нельзя было упрекнуть за тѣ возвышенныя побужденія, какими они руководились. Конечно, это воспитаніе, не было совершеннымъ и, если судить по нѣкоторымъ жалобамъ Ливанія, то кажется, что въ IV-мъ вѣкѣ оно сдѣлалось еще поверхностнѣе, чѣмъ прежде. По словамъ послѣдняго, молодые люди заботились только о двухъ вещахъ: во первыхъ,—знать достаточно по латыни, чтобы обладать формулами административнаго стиля того времени, и, во вторыхъ, сдѣлаться хорошими «нотаріями», (или, какъ говорили греки, «тахиграфами»). Кто вполнѣ зналъ эту стенографію, эти «ноты», необходимыя для римскихъ чиновниковъ, тотъ могъ,— говоритъ онъ,— съ этимъ багажемъ претендовать со временемъ на занятіе одной изъ высшихъ должностей. Однако, невозможно забыть того, что это воспитаніе образовало полезныя поколѣнія вели-

кихъ гражданскихъ чиновниковъ. Удивительно практичный въ своей проповѣди и въ области морали, св. Златоустъ былъ плохимъ практикомъ во всемъ остальномъ: поэтому нужно ли приписывать большую важность тѣмъ оговоркамъ, какія мы вынуждены здѣсь сдѣлать? Нужно все таки ясно высказать, что въ IV-мъ вѣкѣ только что отмѣченныя тенденціи были прямо разрушительны. Имперія со времени св. Константина Великаго сохраняла еще тѣнь жизни, только благодаря нѣкоторому числу христіанъ, которые, совершенно согласуясь съ повелѣніями евангелія, утвердили компромиссъ между требованіями религіи и гражданскаго общества. Христіанство дало, такимъ образомъ, государству свой контингентъ образцовыхъ государственныхъ дѣятелей. Таковъ, напримѣръ, былъ между многими другими только что упомянутый нами поэтъ Пруденцій, который, прежде чѣмъ предаться въ своей старости аскетизму, съумѣлъ добросовѣстно и талантливо выполнить важныя должности.

Что исключительно занимало св. Іоанна,— это нравственное воспитаніе, и здѣсь-то онъ вполнѣ вознаградилъ себя, хотя и нѣсколько односторонне. Онъ думаетъ, что нельзя оказать лучшей услуги юношеству, какъ глубокою реформою семейной жизни, очищеніемъ и оздоровленіемъ домашняго очага. Онъ увѣренъ, что христіанство имѣло бы успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, за которое пыталась взяться философія, но почти никогда не достигала чего-либо серьезнаго. Во все время существованія римской имперіи, семья находилась въ такомъ положеніи, что дѣти мало были ограждены отъ увлеченія довольно двусмысленными примѣрами и подвергались большимъ опасностямъ. То, что сказалъ относительно этого Квинтиліанъ, осталось справедливымъ и послѣ него, такъ какъ общество вплоть до временъ тріумфа христіанства не испытало очень глубокаго переворота. Квинтиліанъ, былъ не только изысканнѣйшимъ изъ риторовъ, не

только учителемъ ихъ всѣхъ по мѣткости, остротѣ ума и опытности, но, сверхъ того, почти во всякомъ своемъ произведеніи обнаруживалъ много возвышенности чувства. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ риторики, не только учительницу ума, но и учительницу характера, и описалъ въ превосходныхъ выраженіяхъ опасности, проистекающія изъ беззаботности родителей. И въ прекрасныхъ словахъ Ювенала объ уваженіи, которое должно питать къ дѣтямъ, намъ кажется, не столько обращаетъ на себя вниманіе нѣжность совѣта, (что было такъ рѣдко у римлянина) сколько его повелительная форма: настойчивость показываетъ, насколько этотъ совѣтъ былъ необходимъ и позволяетъ догадываться о распространенности зла. Главнымъ источникомъ зла было, конечно, неизбѣжное рабство, и оно-то является повсюду предшествующею и рѣшительною причиной большей части пороковъ, которыми страдало античное общество. Св. Златоустъ хорошо сознавалъ это и, по своему обыкновенію, онъ началъ съ описанія, безъ всякаго ложнаго стыда, тѣхъ соблазновъ, какіе ему хотѣлось устранить. «Часто,—говоритъ онъ, начиная съ одного изъ тѣхъ сравненій, въ которыхъ онъ такъ превосходенъ,—мы совѣтуемъ служанкѣ, имѣющей въ рукахъ лампаду, не вносить ее въ помѣщеніе, гдѣ находится масло, или какой-нибудь другой воспламеняющійся матеріалъ, изъ опасенія чтобы, по нашемъ уходѣ, не упала туда искра и, соединяясь съ этимъ матеріаломъ, не зажгла бы дома. Будемъ же имѣть это же предвѣдѣніе, когда дѣло идетъ о нашихъ дѣтяхъ, и не позволимъ ихъ взору проникать туда, гдѣ находятся развратныя служанки, распутницы и безстыдные рабы. Напротивъ, дадимъ имъ строгія приказанія и будемъ опасаться, какъ бы у насъ не оказалась какая-нибудь служанка или сосѣдка подобнаго рода; если же какимъ бы то ни было образомъ эта опасность около насъ,—то позаботимся, чтобы они не подверглись опасности ни черезъ ея взгляды, ни

черезъ разговоръ, боясь какъ бы это не было искрою, объемлющею всю душу и дѣлающею паденіе неизбѣжнымъ. Удалимъ также отъ нихъ вольныя и неприличныя рѣчи, опасаясь, что бы онѣ не увлекли ихъ какъ бы посредствомъ магическихъ чаръ. Не поведемъ ихъ ни въ театръ, ни на пиршества, гдѣ ихъ учатъ пьянству, но сохранимъ юныхъ сыновей съ еще большими заботами, чѣмъ юныхъ дочерей, не выходящихъ изъ гинекея. Ибо нѣтъ лучшаго украшенія для этого возраста, какъ вѣнецъ умѣренности и слава предстать на бракъ чистымъ отъ всякаго безчинства». Но что, наоборотъ, дѣлаютъ отцы? Они прилагаютъ меньше заботы о воспитаніи своихъ сыновей, чѣмъ о воспитаніи рабовъ. Надъ этими послѣдними надзираютъ вслѣдствіе эгоизма; исправляютъ самыя малѣйшія ошибки ихъ, чтобы не потерпѣть ущерба. А здѣсь не думаютъ даже о собственной пользѣ дѣтей; не заботятся объ ихъ исправленіи даже въ виду ихъ собственнаго совершенствованія! Внутри дома отцы даютъ имъ только одни дурные примѣры; внѣ дома они водятъ ихъ повсюду: въ бани, въ театръ,—всюду кромѣ церкви. Этимъ беззаботнымъ или слабымъ отцамъ св. Златоустъ ставитъ на видъ первосвященника Илія, *) наказаннаго за неумѣніе исправить своихъ сыновей. Но особенно онъ считается съ матерями; имъ онъ предлагаетъ, какъ образецъ, Анну, имъ повторяетъ прекрасныя слова Апостола, которыя онъ хотѣлъ бы сдѣлать ихъ девизомъ: «она будетъ спасена ради рожденія чадъ своихъ, если они утверждены въ вѣрѣ, любви и освященіи». Ихъ сердечная мягкость воздѣйствуетъ вѣрнѣе, чѣмъ крайняя суровость, въ которую впадаютъ почти всѣ

---

*) Ливаній подтверждаетъ Златоуста, говоря, что отцы доводятъ свою снисходительность до слабости. „Отцы заняли мѣсто сыновей, а сыновья мѣсто отцовъ. Отцы трепещутъ, сыновья обнаруживаютъ гнѣвъ. Иногда отцы даже гордятся школьными выходками своихъ сыновей и съ самодовольствомъ говорятъ, что изъ нихъ выйдутъ славные весельчаки“.

отцы, далекіе отъ упрека въ крайней снисходительности. Но, утверждая такъ положительно власть родителей и требуя отъ дѣтей совершеннаго повиновенія, св. Златоустъ не хочетъ, чтобы первые всегда пользовались всѣми своими правами, или проявляли ихъ съ звѣрствомъ, допускаемымъ традиціею античныхъ нравовъ. «Не вызывайте—говоритъ онъ—вашихъ дѣтей на гнѣвъ, какъ, я вижу, дѣлаютъ многіе, которые лишаютъ ихъ наслѣдства, бьютъ и обращаются съ ними, какъ съ рабами, а не какъ съ дѣтьми».

Мы скажемъ болѣе коротко о воспитаніи дочерей. Въ то время оно еще всецѣло возлагалось на матерей. Юная дочь не показывалась внѣ дома: ее очень строго содержали во внутреннихъ покояхъ,—въ гинекеѣ. Вотъ почему св. Златоустъ почти не говоритъ намъ о воспитаніи дѣвицъ и подробно говоритъ только объ особенномъ сословіи дѣвъ, посвященныхъ Богу, рѣчь о которыхъ у насъ будетъ въ иной главѣ.

Мы постарались ясно показать, какое великое и счастливое вліяніе христіанство имѣло на воспитаніе. Не слѣдуетъ, однако, становиться на ту точку зрѣнія, по которой будто бы честные язычники вовсе не прилагали своихъ усилій въ этомъ же самомъ смыслѣ. Если мы будемъ говорить о высшемъ римскомъ обществѣ, которое намъ извѣстно лучше византійскаго или сирійскаго, то мы увидимъ здѣсь возвышенные примѣры, увидимъ чистыя семьи, гдѣ дѣти, подъ бдительнымъ надзоромъ отца и при его сильномъ содѣйствіи, получали не только прекрасное образованіе, но и прекрасныя нравственныя навыки. Таково было въ теченіи почти цѣлаго вѣка семейство Симмаховъ. Ораторъ, знаменитый благодаря своему извѣстному донесенію о дѣлѣ по поводу алтаря Побѣды, былъ воспитанъ своимъ отцомъ, и мы видимъ изъ его писемъ, что этотъ послѣдній самъ занимался воспитаніемъ сына. Сынъ съ признательностью

разсказываетъ, какъ тотъ выполнялъ вмѣстѣ съ нимъ его уроки и былъ, повидимому, исполненъ самой трогательной и бдительной заботливости. Единственнымъ упрекомъ, какой можно сдѣлать воспитанію, при его пониманіи, является то, что оно рисковало оказаться немного изнѣженнымъ и разслабляющимъ, вслѣдствіе крайностей всепоглощающей и слишкомъ безпокойной любви; но никакъ нельзя обвинять Симмаха хотя бы въ малѣйшей небрежности, хотя бы въ какомъ-либо дурномъ примѣрѣ. Отмѣтимъ также, что почти всѣ грамматики или риторы Рима, воспоминаніе о которыхъ дошло до насъ,—въ большинствѣ случаевъ язычники,—были самыми честными въ мірѣ людьми. Нравственное ученіе не извратилось и послѣ Квинтиліана. Впрочемъ, наша рѣчь не о Римѣ,—что же касается Антіохіи, то, конечно, Ливаній былъ очень почтеннымъ учителемъ, даже еще болѣе замѣчательнымъ по своему характеру, чѣмъ по уму. Онъ не былъ, безъ сомнѣнія, всецѣло безупречнымъ въ своей частной жизни, если судить его по строгимъ правиламъ христіанской нравственности; подобно бл. Августину въ юности, онъ состоялъ въ незаконной связи, и кажется, что это былъ довольно общій грѣхъ риторовъ. Его сожительница дала ему сына, много имъ любимаго, котораго онъ заботливо воспиталъ. И отъ властей, такъ высоко цѣнившихъ его, Ливаній почти не просилъ ничего, кромѣ передачи своему сыну большей части своего наслѣдства, несмотря на незаконное рожденіе перваго. Итакъ, Ливаній не только давалъ прекрасные совѣты ученикамъ, слѣдовавшимъ его урокамъ, и никогда не переставалъ, несмотря на малый успѣхъ своихъ увѣщаній, дѣлать имъ упреки за ихъ юношескія безумства, какими они столь же ознаменовали себя въ Антіохіи, сколько и въ Аѳинахъ; но внушалъ и родителямъ тѣ-же самыя истины, которыя высказывалъ имъ Квинтиліанъ. И его рѣчь мѣстами очень близко напоминаетъ рѣчь св. Златоуста, когда напримѣръ, онъ

говоритъ противъ школьниковъ, насмѣхавшихся надъ своими педагогами. Языческіе риторы, правда, имѣли гораздо меньше авторитета, чѣмъ епископы, и Ливаній не притворяется, говоря, что его мало слушали.

Чтобы закончить истинно христіанское дѣло воспитанія, св. Златоустъ, въ одномъ изъ своихъ первыхъ твореній, даетъ родителямъ совѣтъ великой важности. Онъ думаетъ, что недостаточно образовывать дѣтей хорошими примѣрами въ самой семьѣ и научать ихъ подлѣ очага, незапятнаннаго никакимъ порокомъ, основнымъ истинамъ добродѣтели и благочестія. Онъ хотѣлъ бы, чтобы всѣ на извѣстное время уходили въ монастыри и, кажется, указывалъ даже для этого довольно продолжительный срокъ. Изъ его сообщеній намъ ясно, что, хотя большинство родителей встрѣчало этотъ обычай рѣшительнымъ сопротивленіемъ, однако, извѣстное число послѣднихъ принимало его. Св. Іоаннъ устанавливаетъ это правило въ третьей книгѣ своей «апологіи монашеской жизни», и не слѣдуетъ забывать, что эта апологія есть одно изъ первыхъ, написанныхъ имъ сочиненій. Оно датируется, какъ и трактатъ «о дѣвствѣ», временемъ его аскетизма и еще всецѣло дышетъ тою пламенною пылкостью, которая одушевляла его во всѣ годы, проведенные имъ въ общежительномъ и отшельническомъ уединеніи. Нужно еще помнить, что оно адресовано къ жителямъ Антіохіи, т. е. къ жителямъ того города, окрестности котораго были повсюду заселены монахами, жившими или въ обществахъ или уединенно на уступахъ сирійскихъ горъ. Все это довольно хорошо показываетъ, что св. Златоустъ считалъ возможнымъ давать совѣтъ съ надеждою быть выслушаннымъ, и что нѣкоторые еще прежде, чѣмъ онъ далъ совѣтъ, уже добровольно показали примѣръ этого. Но какъ смотрѣть на это нововведеніе и какіе результаты оно произвело бы, еслибы сдѣлалось общимъ?

Конечно, это не былъ неосуществимый призракъ воображенія, и проповѣднику позволительно было думать, что подобную реформу онъ проведетъ въ нравы, по крайней мѣрѣ, избранниковъ, если не въ нравы всего общества. Св. Златоустъ собственнымъ примѣромъ показалъ намъ, насколько могли быть плодотворными эти уединенія въ пустынѣ, откуда человѣкъ возвращался очищеннымъ, исцѣленнымъ, готовымъ безъ робости выдержать суровую брань христіанской жизни даже среди міра. Но то, что было прекрасно для людей, которые подобно св. Іоанну должны были всецѣло обречь себя на служеніе церкви и войти въ ея іерархію,—наоборотъ, могло оказаться опаснымъ для многихъ изъ тѣхъ, кто долженъ былъ остаться міряниномъ. Прежде всего, время этихъ уединеній должно было относиться къ тому возрасту, когда, по принятому обычаю, молодой человѣкъ, покидая свою семью, отправлялся въ какой-либо ученый городъ, въ Аѳины, Беритъ, Константинополь, или какой-нибудь другой,—брать уроки у философовъ и риторовъ. Отсюда становилось необходимымъ сократить это изученіе краснорѣчія и классиковъ, въ чемъ и состояло все античное образованіе. Для св. Златоуста это не служило большимъ затрудненіемъ, особенно въ этотъ періодъ его жизни, такъ какъ «Апологія монашеской жизни» изъ всѣхъ его твореній въ особенности является такимъ, гдѣ онъ съ сильнѣйшимъ презрѣніемъ говоритъ о краснорѣчіи и наукахъ. Но во многихъ родителяхъ это возбуждало недоумѣніе, и нужно согласиться, что вообще таковыми были «самые благоразумные» въ глазахъ міра. Предположимъ, однако, что родители согласились бы пожертвовать литературными познаніями дѣтей, т. е. тѣмъ, что мы теперь называемъ гуманными науками и прослѣдимъ за юношею во время его пребыванія среди благочестивыхъ монаховъ, жившихъ общинами среди сирійскихъ горъ. Если душа его глубоко религіозна и переполнена восторженнымъ удивленіемъ предъ

возвышенными примѣрами почтенныхъ учителей, то онъ, несомнѣнно, останется въ монастырѣ, или во всякомъ случаѣ, если и вернется въ городъ, то только для того, чтобы войти въ члены клира и, какъ бы то ни было, онъ будетъ потерянъ для гражданскаго общества. Если, наоборотъ, это—душа слабая и безпокойная, то изъ него выйдетъ несчастный Стагирій, изнурившій свое больное тѣло подвигами, подходящими только для людей сильныхъ и здоровыхъ. Его не установившійся умъ и ненадежное сердце будутъ потрясены мыслями и чувствами, чрезмѣрно возвышенными для обыкновеннаго человѣка, и онъ погибнетъ, безполезный для другихъ.

Но весьма замѣчательно, что ни въ какомъ другомъ твореніи св. Златоуста не встрѣчается снова выраженіе тѣхъ мыслей, какія онъ восхвалялъ въ третьей книгѣ своей «Апологіи монашеской жизни». Дѣйствительно, мы не видимъ, чтобы въ какой-нибудь изъ своихъ антіохійскихъ или константинопольскихъ бесѣдъ онъ воспроизвелъ ихъ. Несомнѣнно, нужно видѣть въ этомъ то-же вліяніе опытности, какое мы уже отмѣтили по поводу трактата «о дѣвствѣ» говоря объ измѣненіи его мыслей относительно брака. Съ тѣхъ поръ какъ въ санѣ священника онъ вступилъ въ прямыя и постоянныя сношенія съ христіанскими семействами, онъ чувствовалъ, что прежнее его желаніе трудно осуществимо. Даже въ Констатинополѣ онъ имѣлъ много случаевъ видѣть монаховъ, гораздо меньше уважавшихъ свой чинъ, чѣмъ монахи сирійскіе. Онъ долженъ былъ подавлять пороки, осуждать лѣность этихъ безстыдныхъ нищихъ, которые подъ предлогомъ аскетизма эксплоатировали тогда великій городъ, доступный всякому притворству и богатый добродѣтелями, и несомнѣнно, онъ думалъ, что лучше вселить благочестіе въ нѣдра семействъ, чѣмъ подвергаться риску неблагоразумно увеличить блуждающую толпу недостойныхъ монаховъ. Если

таковы были размышленія, которыми объясняется его молчаніе, то онъ не долженъ былъ раскаяться въ нихъ во время своего путешествія въ ссылку, когда толпа фанатиковъ-монаховъ преслѣдовала его на каппадокійскихъ дорогахъ и изгнала изъ Кесаріи.

Уже сама по себѣ столь трудная задача воспитанія особенно осложняется тогда, когда умираетъ отецъ и передаетъ это дѣло исключительно вдовѣ. Мы уже видѣли, что св. Іоаннъ совѣтуетъ вдовамъ, хотя и не вмѣняетъ имъ въ абсолютную обязанность, не вступать въ новую связь, и намъ еще представится случай видѣть положеніе тѣхъ вдовъ, которыя составляли особое сословіе въ клирѣ. Мы здѣсь хотимъ отмѣтить только роль вдовы въ лонѣ семьи, когда мужа болѣе нѣтъ въ живыхъ. Св. Златоустъ часто повторялъ, какимъ безпокойствамъ и даже опасностямъ подвержена вдова. И онъ обыкновенно высказывалъ это въ столь энергичныхъ и точныхъ выраженіяхъ, что можно видѣть здѣсь нѣчто большее, чѣмъ простое общее мѣсто, всегда и вездѣ справедливое. Можно заключать, что въ его время положеніе вдовъ было особеннымъ тягостнымъ и опаснымъ. «Ужасныя несчастія вдовства,—восклицаетъ онъ однажды въ книгѣ «о священствѣ», —могутъ знать только тѣ, кто вынесъ ихъ жестокое испытаніе!».—«Не видимъ ли мы каждый день, —говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (въ 48-й бесѣдѣ на книгу «Бытія»)—что расхищаютъ имѣніе вдовъ и грабятъ сиротъ?» Въ третьемъ мѣстѣ онъ показывалъ этихъ бѣдныхъ вдовъ, жертвъ собственной неопытности, доведенныхъ до нищеты и пользующихся проѣздомъ императора по ихъ городу, чтобы прибѣгнуть къ его вмѣшательству и вымолить его всемогущее покровительство. Здѣсь почти не приходится входить въ болѣе подробное изслѣдованіе положенія вдовъ, именно: особенностей ихъ юридическаго положенія, благодаря которымъ грабежъ ихъ былъ болѣе легкимъ и многократнымъ; для насъ

достаточно знать, по сообщаемымъ св. Златоустомъ даннымъ, что расхищать ихъ имѣніе было очень не трудно.

Впрочемъ, если среди нихъ было много такихъ, которыя не заботились о сохраненіи наслѣдства для своихъ дѣтей, если другія очень скоро вторично выходили замужъ, если, наконецъ, не было недостатка и въ такихъ, которыя, соблюдая лицемѣрное благоразуміе въ глазахъ свѣта, тайно вступали въ какую-нибудь непозволительную связь,—то, съ другой стороны, были и такія, которыя въ преданномъ родственникѣ находили себѣ необходимаго защитника, или, благодаря собственному уму и силѣ воли, сами умѣли управлять своимъ домомъ и располагать своимъ имуществомъ. Такъ, напримѣръ, вдова молодаго Ѳерасія, которой св. Златоустъ адресовалъ прекрасное утѣшеніе, получила отъ одного изъ своихъ дядей совѣтъ и покровительство. Такъ же точно мать св. Іоанна, Анѳуса, на 20-мъ году пораженная преждевременною смертью Секунда, сдѣлалась совершеннымъ образцомъ вдовы, какъ по чистотѣ своей жизни, такъ вмѣстѣ и по своему управленію дѣлами. И никто не изобразилъ бы ее болѣе яркими красками, чѣмъ ея собственный сынъ, описавшій ее въ первой книгѣ трактата «о священствѣ». Здѣсь излилась вся его признательная нѣжность, здѣсь онъ представилъ, какъ она съ неутомимымъ самоотреченіемъ наблюдала за нимъ въ его дѣтствѣ и юности, занималась всевозможными дѣлами и не оставляла на его долю никакой матеріальной заботы, предоставляя ему всецѣло отдаться наукамъ и своему вдохновенію. Часто повторялись слова Іоаннова учителя, приведенныя св. Златоустомъ въ «утѣшеніи вдовѣ Ѳерасія». «О, какія удивительныя женщины у христіанъ!» — воскликнулъ онъ, узнавъ отъ своего ученика объ удивительномъ поведеніи Анѳусы.

Что этимъ учителемъ былъ Ливаній,—въ этомъ нельзя сомнѣваться, и, если св. Іоаннъ не называетъ его по имени, то

онъ достаточно ясно намѣчаетъ его. А похвала въ устахъ его имѣла особенную цѣну, такъ какъ Ливаній самъ имѣлъ любящую и бдительную мать. Дѣйствительно, нужно съ должнымъ удивленіемъ смотрѣть на славныя добродѣтели христіанскихъ вдовъ, которыхъ даже язычники въ ту эпоху признавали весьма достойными. Блаж. Іеронимъ въ хорошо извѣстномъ письмѣ, въ которомъ онъ ставитъ дѣвицу Лею неизмѣримо выше Претекстата, много смѣется надъ скорбью Аконіи Паулины, вдовы прославленнаго языческаго правителя. Но намъ достаточно прочитать ту эпитафію, въ нѣсколько напыщенныхъ, но трогательныхъ стихахъ, какую она велѣла вырѣзать на гробницѣ своего мужа, чтобы почувствовать скорбь искренней любви. Самыя слова Ливанія,—(этого не замѣчаютъ, но это слѣдуетъ сказать),—столько же почетны для того, кто ихъ высказалъ, сколько и для той, въ честь которой онѣ сказаны. Св. Златоустъ, повидимому, видѣлъ здѣсь главнымъ образомъ удивленіе язычника, для котораго подобныя добродѣтели казались сверхъчеловѣческими, но намъ хочется видѣть здѣсь нѣчто иное: кажется, что здѣсь слышится голосъ честнаго человѣка, въ лучшемъ смыслѣ этого слова (въ какомъ оно можетъ быть приложено къ Ливанію),—голосъ честнаго человѣка, который, подобно его соотечественнику, Амміану Маркеллину, умѣетъ удивляться хорошему даже у своихъ противниковъ и даетъ своему молодому ученику вѣжливый урокъ, не вполнѣ имъ понятый:—примѣръ широты ума и чуднаго нравственнаго безпристрастія.

Мы видѣли, что, если св. Златоустъ боялся небрежности, вносимой отцами въ исполненіе своихъ обязанностей, то не менѣе опасался и ихъ жестокости, опасался тѣхъ злоупотребленій своею властью, къ которымъ, не смотря на прогрессивное смягченіе нравовъ, повидимому, призывали ихъ законъ и обычай. Относительно вдовъ онъ хорошо знаетъ,

что не слѣдуетъ бояться ничего, кромѣ поблажекъ и слабости. Онъ пытается предостеречь ихъ отъ себя самихъ и утвердить въ необходимой строгости нѣжное материнское сердце, всегда готовое смягчиться. Онъ напоминаетъ имъ слова Екклезіаста: «сокрушайте дѣтямъ выю, пока они юны», и показываетъ, что Богъ безпрекословно утвердилъ ихъ власть на Своихъ словахъ: «кто противится своему отцу и матери, да будетъ пораженъ смертію» (Исх. 21, 17). И если онѣ образуютъ добродѣтельныхъ и боящихся Господа дѣтей, онъ обѣщаетъ имъ въ награду славу, равную даже славѣ Несравнимой изъ Дѣвъ.

Похоронные обряды.

«Не скорбите объ усопшихъ», сказалъ св. Апостолъ. Но эти, часто повторяемыя учителями Церкви послѣдующихъ временъ, слова Апостола не были строго исполняемы. Какъ свадебные обряды давали мѣсто соблазнительнымъ увеселеніямъ, такъ и похороны сопровождались церемоніями, которыхъ Церковь не могла одобрить. Точно такъ же, какъ и при брачныхъ обрядахъ, въ одинаковомъ смыслѣ дѣйствовала двоякая причина: съ одной стороны, настоятельный неудержимый инстинктъ вступалъ въ борьбу съ христіанствомъ, которое не только хотѣло преобразовать природу, но и подавить ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а съ другой стороны, языческія поколѣнія завѣщали христіанскимъ поколѣніямъ наслѣдство преданій, и христіане не могли рѣшительно его отвергнуть. Но реформѣ похоронныхъ обрядовъ св. Златоустъ приписывалъ гораздо большее значеніе, чѣмъ реформѣ брачныхъ церемоній, такъ какъ крайность въ печали и отчаяніи казалась опроверженіемъ самой вѣры и въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы отреченіемъ. Въ этотъ торжественный моментъ, предълицомъ смерти, вѣрующій долженъ былъ доказать, что

«христіанство не ребячество и не вздоръ». Конечно, св. Іоаннъ не думалъ оспаривать законности скорби. Еслибы объ этой законности ему и не говорило достаточно громко его въ высшей степени нѣжное и любящее сердце, то онъ не могъ забыть, что Самъ Іисусъ Христосъ далъ примѣръ слезъ, ибо, — говоритъ Евангеліе,—Онъ оплакалъ Лазаря, потому что любилъ его. «Я нападаю не на печаль, но только на чрезмѣрность печали», — говорилъ онъ. Желательно было бы, чтобы онъ сказалъ намъ хоть что-нибудь о потрясеніяхъ, испытанныхъ имъ самимъ послѣ потери матери, своей дорогой Анѳусы. Онъ не подѣлился съ нами своею скорбію, но, несомнѣнно, что не сдѣлался тогда жертвою жестокихъ потрясеній: безъ сомнѣнія, онъ удерживалъ свои слезы хотя и переносилъ нѣмую внутреннюю скорбь; подобно тому какъ Августинъ на похоронахъ Моники, «онъ просилъ Бога утѣшить его скорбь, и Богъ не дѣлалъ этого». Какъ жаль, что онъ не оставилъ намъ страницы, подобной удивительной страницѣ Августиновской «Исповѣди».

Но какова бы ни была его нѣжность, грубое внѣшнее обнаруженіе скорби казалось ему совершенно преступнымъ. Чтобы понять его негодованіе, нужно особенно помнить, что міръ въ то время былъ еще обращенъ не весь. Общество всегда было раздѣлено на двѣ враждебныя стороны — на язычниковъ и вѣрующихъ. И тѣ, и другіе безпрестанно слѣдили другъ за другомъ и пытались найти у противниковъ противорѣчіе между обычаемъ и ученіемъ. Положеніе было всегда почти совершенно такое-же, какое было въ то время, когда св. апостолъ произнесъ уже приведенныя нами въ началѣ слова. «Мы плачемъ, а язычники говорятъ: какое же значеніе имѣетъ то ученіе ихъ о воскресеніи, которое у нихъ вѣчно на устахъ? Они хвастаются и обманываютъ насъ, утверждая, что вѣрятъ въ эту безсмысленную мечту». «Мы горюемъ, а язычники говорятъ: какъ они от-

несутся къ собственной своей смерти, если ихъ такъ потрясаетъ смерть ближнихъ? Это съ ихъ стороны хвастливыя рѣчи, когда они утверждаютъ, что ихъ вѣра даетъ имъ спокойствіе и смѣлость». И вотъ въ особенности ради язычниковъ-то мы должны дѣлать усилія и сдерживаться. Нужно избѣгать прежде всего соблазна, а это худшій изъ соблазновъ,—бросать тѣнь недовѣрія на самую религію, поддерживать невѣріе и вызывать хулу.

На эти, столь убѣдительные аргументы св. Златоуста, антіохійскіе и константинопольскіе христіане не могли основательно ничего возразить. Однако, они были слишкомъ хитры и слишкомъ непокорны, чтобы даже такія убѣждающія и полныя смысла рѣчи могли заградить имъ уста. Прежде всего они имѣли въ своемъ распоряженіи обычную хитрость: прибѣгали къ неисчерпаемому арсеналу, повидимому противорѣчивыхъ текстовъ, заключающихся въ св. Писаніи. Одни изъ такихъ текстовъ, казалось, оправдывали ихъ слабость, другіе легко поддавались толкованію въ различныхъ смыслахъ, особенно слишкомъ глубокомысленными умами. Наконецъ, не колебались въ случаѣ нужды открыто критиковать тексты, безспорно благопріятствовавшіе св. Іоанну. Такъ, когда онъ доказывалъ, что погребеніе имѣетъ мало значенія, и что тѣмъ болѣе безразлично, въ какомъ мѣстѣ совершать погребеніе, если непремѣнно хотятъ соблюсти его, то ему возражали ссылкой на исторію праотца Іакова (66-я бес. на кн. Быт.) всѣ тѣ, кто хотѣлъ быть погребеннымъ въ своемъ отечествѣ и принималъ всевозможныя мѣры для исполненія своего желанія. Эту же исторію выставляли еще и для того, чтобы оправдать плачъ и гореваніе при похоронахъ (67-я бес. на кн. Быт.), и св. Іоанну приходилось каждый разъ напоминать имъ безпрестанно забываемое различіе между ветхимъ и новымъ завѣтами. Напротивъ, слова Іисуса Христа: «оставьте мертвыхъ погребать своихъ мертвецовъ» —

большинству казалось жестокими и безчеловѣчными и поэтому объ ихъ выполненіи не безпокоились. Св. Іоаннъ вынужденъ былъ входить въ пространныя толкованія и прежде всего сдѣлать довольно тяжелую уступку. Да, говорилъ онъ, эти слова казалась бы жестокими, еслибы Іисусъ Христосъ думалъ только о похоронахъ, но Божественный взоръ Его не былъ такимъ ограниченнымъ, какъ нашъ. Онъ зналъ, что послѣ погребенія нужно будетъ заниматься наслѣдствомъ, зналъ, что поэтому возникнутъ безчисленныя заботы и хлопоты; такимъ образомъ, волна набѣгала бы на волну, и вопрошавшій юноша кончилъ бы тѣмъ, что отвлекся слишкомъ далеко отъ истины. «По аналогичному основанію, когда предвидятъ, что скорбь нанесетъ слишкомъ сильный ударъ тому, кого она постигаетъ, отъ него скрываютъ ее, и, если разсуждать такъ какъ вы, то это такъ же безчеловѣчно и жестоко».

Каковы же были тѣ обнаруженія, въ которыхъ проявлялось крайнее отчаяніе? Св. Іоаннъ, допускалъ вошедшее въ обычай употребленіе новыхъ и богатыхъ тканей, въ которыя одѣвали мертвыхъ. На Востокѣ, какъ и во всей остальной имперіи, это было бѣлое одѣяніе, въ большинствѣ случаевъ сильно пропитанное благовоніями. Поэтъ Пруденцій говоритъ объ этомъ въ гимнѣ, составленномъ имъ для пѣнія при похоронахъ. Въ этомъ видѣли какъ бы образъ воскресенія, земной символъ безсмертной одежды, которая нѣкогда должна облечь очищенную плоть. Св. Іоаннъ допускаетъ еще роскошь въ свѣтильникахъ, факелахъ и восковыхъ свѣчахъ, которые, по показанію бл. Іеронима, несены были также священниками при похоронахъ Павлы. И здѣсь опять находили мистическій смыслъ. «Скажи мнѣ, что́ означаютъ горящіе свѣтильники? Не потому ли они здѣсь, что мертвыхъ провожаютъ, какъ увѣнчанныхъ побѣдителей?» Большимъ уваженіемъ пользовалось пѣніе псалмовъ «для

прославленія Бога и воздаянія Ему благодарности за увѣнчаніе умершаго». Это обыкновеніе уже довольно давно сдѣлалось общимъ среди христіанъ, и только что упомянутый гимнъ Пруденція представляетъ какъ бы новый псаломъ, составленный именно съ такимъ намѣреніемъ. Св. Златоустъ сообщаетъ намъ, что псалмы сто пятнадцатый, двадцать второй и тридцать третій считались избранными на случай погребенія.

Таковы были христіанскіе обычаи. Св. Златоустъ, точно такъ же какъ еще прежде него св. Кипріанъ, неохотно допускалъ черныя одѣянія въ знакъ траура. Особенно у женщинъ осуждалъ онъ необузданное выраженіе скорби. Погребальное шествіе пересѣкаетъ площадь, собираетъ, какъ и во-время свадьбы, любопытныхъ, среди которыхъ находится много язычниковъ, а между тѣмъ женщины рвутъ волосы и терзаютъ себѣ щеки. (Были даже женщины, видѣвшія въ этомъ случай показать свои красивыя руки.) И такъ сѣтуютъ не одни только родственники умершаго. Сверхъ того, не хотятъ отказаться даже отъ самыхъ смѣшныхъ языческихъ привычекъ и заставляютъ приходить наемныхъ плакальщицъ, даже цѣлые «хоры плакальщицъ». Кажется, что въ Константинополѣ въ особенности св. Іоаннъ былъ вынужденъ сражаться противъ этой должности. Такъ какъ его слушали мало, то онъ пришелъ къ мысли объ энергичныхъ мѣрахъ. Въ четвертой своей бесѣдѣ на посланіе къ Евреямъ онъ изрекаетъ противъ такихъ людей угрозу отлученія отъ церкви. Потому что, — говоритъ онъ, — нанимать плакальщицъ значитъ совершать формальный актъ идолослуженія.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что св. Іоаннъ, самый пылкій противникъ богатства и роскоши, какой только когда-либо встрѣчался, сильно нападалъ на чрезмѣрную пышность, на безразсудныя издержки и полнѣйшее тщеславіе, какими слишкомъ часто бывали ознаменованы похороны. Онъ хотѣлъ бы

даже, насколько возможно, ограничить употребленіе благовоній, хотя и не рѣшался совершенно запретить этотъ обычай и не осуждалъ его самого по себѣ. Но онъ видѣлъ, что обычай становится злоупотребленіемъ, которому, повидимому, благопріятствуетъ нѣсколько широкое изъясненіе евангельскаго разсказа объ алавастрѣ блудницы. Ему казалось даже, что злоупотребляли и даннымъ позволеніемъ касательно новыхъ одеждъ. Эти одежды были до такой степени великолѣпны и драгоцѣнны, что даже привлекали весьма страшныхъ воровъ, изъ которыхъ нѣкоторые спеціально занимались грабежемъ гробницъ. Съ цѣлью отвратить ихъ, иногда прибѣгали къ странному обыкновенію,—разрѣзали цѣнныя матеріи и пропитывали ихъ пахучими жидкостями, чтобы сдѣлать безполезными. Это видно изъ 85-ой бесѣды на евангеліе св. Іоанна и изъ бесѣды на псаломъ 48-ой, гдѣ св. Златоустъ осмѣиваетъ пустое великолѣпіе гробовъ и лживыя надписи. При погребеніи вельможъ, кортежъ принималъ огромные размѣры, такъ что Юліанъ, во время своего пребыванія въ Антіохіи, въ 363-мъ году, издалъ законъ, ограничивающій эти крайности. Рабы,—мужчины и женщины,—слѣдовали сзади, одѣтые въ печальныя одежды. Лошади, точно такъ же облеченныя въ траурныя попоны, сопровождали своего господина до его послѣдняго жилища. Св. Іоаннъ недоумѣвалъ, чего болѣе достойна эта тщеславная помпа,—негодованія ли, или сожалѣнія.

Другое обыкновеніе, которое св. Златоустъ осуждалъ, какъ завѣщаніе язычества,—это обычай омовеній, по возвращеніи съ погребальнаго шествія. Не трудно доказать, что вѣрованіе въ необходимость очищенія послѣ прикосновенія къ мертвому—мысль совершенно языческая и суевѣрная, однако, она была очень распространена среди вѣрующихъ. Не разсказываетъ ли намъ бл. Августинъ въ своей «исповѣди», что онъ самъ уступилъ этому предразсудку,

возвратясь съ похоронъ своей матери Моники, и что онъ напрасно пытался такимъ образомъ успокоить волненіе, въ которое его повергли усилія сдерживаться отъ слезъ? Эти слова бл. Августина невольно воскрешаютъ въ памяти тѣ *агапы,* или погребальныя поминки, какія представляли нѣчто вродѣ годовыхъ службъ въ память умершихъ и давали въ Африкѣ мѣсто соблазнительнымъ сценамъ. То-же было и на Востокѣ, но, кажется, что здѣсь не было подобныхъ крайностей, такъ какъ св. Златоустъ намекаетъ на нихъ только косвенно и ничуть не съ цѣлью ихъ осужденія. Напротивъ, онъ сообщаетъ намъ, что существовало обыкновеніе приглашать на поминки нищихъ, и что считалось большимъ стыдомъ не соблюдать этого благотворительнаго обычая.

Можно сказать, въ заключеніе, что св. Златоустъ между всѣми св. отцами является однимъ изъ тѣхъ, которые установили самыя строгія правила относительно погребеній. Никто не считалъ болѣе нужнымъ принимать суровыя предосторожности, какъ противъ отчаянія, такъ ровно и противъ роскоши. И къ тщеславному лицемѣрію церемоній, и къ слишкомъ человѣческой слабости въ скорби—онъ былъ одинаково неумолимъ. Пусть вѣрующіе научатся удерживать себя отъ всякаго тщеславія и отчаянія передъ этимъ великимъ зрѣлищемъ смерти, которое «трогаетъ и удручаетъ весь міръ и даже проникаетъ до сердца самыхъ закоснѣлыхъ богачей». Это суровый идеалъ, и всѣми силами нужно стремиться достигнуть его. Истинно христіанскіе похороны надо видѣть въ монастырѣ. «Умираютъ также и въ монастыряхъ, ибо и монахи смертны, какъ и всѣ другіе, но для нихъ смерть уже не есть смерть. Пѣніемъ гимновъ они провожаютъ своихъ умершихъ и даже не употребляютъ того названія, какое прилагаемъ мы къ погребенію; они не называютъ его «исходомъ отъ тѣла» (выносомъ), но смотрятъ на смерть, какъ на торжество. Если имъ возвѣщаютъ о смерти одного изъ нихъ,

то они исполняются радости и счастія; да и что я говорю? Никто изъ нихъ не дерзнулъ бы сказать: «такой-то умеръ», но всѣ они говорятъ: «такой-то достигъ совершенства». Таковъ образъ христіанской смерти.

Рабы.

Говоря о богатыхъ, мы видѣли, каково было число ихъ рабовъ. Здѣсь нужно показать, каково было положеніе этихъ рабовъ въ семьѣ; какія качества и недостатки были имъ наиболѣе общи, и какъ съ ними обращались ихъ господа. Наконецъ, важно знать, что думалъ св. Златоустъ о самомъ учрежденіи рабства, и удѣлялъ ли ему мѣсто въ христіанскомъ обществѣ.

Всюду, гдѣ только существуетъ рабство,—если оставить въ сторонѣ философскія и религіозныя протестаціи,—почти единодушно признается его необходимость, и вмѣстѣ высказываются горькія жалобы на его дурныя послѣдствія. Въ IV-мъ вѣкѣ и въ Антіохіи, и въ Константинополѣ, точно также какъ и всегда во всей римской имперіи, жалобы противъ рабовъ были всеобщи и безпрестанны. И въ то-же время, однако, не находилось, повидимому, ни одного человѣка, который бы подумалъ, что можно обойтись безъ нихъ.

Судя по высказанному въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣнію св. Златоуста, эти безпрестанныя жалобы встрѣчаются въ особенности у язычниковъ. «Они безпрестанно говорятъ: рабы мятежны, непокорны, тупы ко всякому ученію и непослушны никакому исправленію». Но по другимъ признаніямъ ясно, что и христіанскіе господа не всегда были довольны. Почти во всякой семьѣ находились непріученные къ повиновенію, нескромные и дерзкіе рабы. Въ самомъ дѣлѣ, необходимымъ закономъ рабства, и вмѣстѣ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ несправедливости и противоестественности его, яв-

ляется то, что даже прогрессъ и смягченіе нравовъ, ослабляя суровость господина и постепенно устанавливая между нимъ и его рабами какъ бы нѣкоторую близость, гораздо чаще имѣли слѣдствіемъ крайнюю распущенность и наглое безстыдство, чѣмъ легкое и добровольное повиновеніе. Эти рабы наблюдаютъ за своимъ господиномъ и подслушиваютъ его слова. Нужно бояться ихъ осужденій и злорѣчія. Если домъ управляется вдовою, зло дѣлается еще худшимъ. Молодую женщину не только часто обманываютъ и эксплоатируютъ, но она подвержена еще лицемѣрному надзору во всякую минуту. Самый простой предлогъ становится поводомъ для скоро распространяющихся клеветъ; безпокойства же, происходящія отсюда, столь часты и тяжки, что въ своемъ трактатѣ «о дѣвствѣ» св. Златоустъ извлекъ отсюда одно изъ своихъ излюбленныхъ доказательствъ противъ брака. Иногда, правда, служанки имѣютъ доброе сердце и поддерживаютъ, насколько возможно, мужество своихъ хозяекъ, но даже и это не совсѣмъ безопасно. Въ большинствѣ случаевъ онѣ неразумны, и когда св. Іоаннъ обращаетъ свое утѣшеніе къ вдовѣ Ѳерасія, то, по его словамъ, онъ дѣлаетъ это отчасти для того, чтобы противопоставить серьезныя и мудрыя слова предложеніямъ тѣхъ служанокъ, какія ее окружаютъ.

Наоборотъ, иные изъ рабовъ имѣли много хорошихъ качествъ и даже великія добродѣтели. По словамъ св. Златоуста, это исключительно рабы, вѣрующіе во Христа. Здѣсь есть, естественно, нѣкоторое преувеличеніе: честные и благородные рабы находились и между язычниками. Эвнухъ Мардоній, воспитавшій императора Юліана, былъ однимъ изъ такихъ, и его питомецъ всегда сохранялъ къ нему глубокую признательность. Однако, можно сказать, что, не смотря на благородныя усилія философіи, язычество не сдѣлало никакой серьезной попытки, чтобъ просвѣтить раба и улучшить его нравы. Напротивъ, христіанство, со времени св. ап. Павла, обра-

щалось къ нему совершенно такъ же, какъ и къ свободному человѣку, и сдѣлало ихъ обоихъ равными во Христѣ. Очень правдоподобно, что въ IV-мъ вѣкѣ въ христіанскихъ семьяхъ, истинно достойныхъ этого имени, большинство рабовъ должно было раздѣлять вѣру господина. Но и кромѣ того христіанскіе рабы были многочисленны также и въ языческихъ домахъ. Въ нѣкоторомъ родѣ было даже тактикою Церкви имѣть въ возможно большемъ числѣ этихъ полезныхъ людей, содѣйствіе которыхъ было драгоцѣнно. Они были орудіями обращенія, и св. Златоустъ возлагалъ на нихъ большія надежды. «Много семействъ, — говоритъ онъ, — получило величайшую пользу отъ добродѣтели рабовъ. Добрые примѣры, хотя и идущіе снизу, дѣйствовали на самого господина. Но это случалось въ особенности тогда, когда это сокровище — добродѣтельный рабъ — оказывалось подлѣ языческаго очага. Если язычникъ видитъ своего раба болѣе честнымъ и преданнымъ, болѣе любящимъ и чистымъ, чѣмъ тѣ, столь хваленые философы, и если онъ узнаетъ, что этотъ рабъ христіанинъ, — ничто не способно будетъ болѣе тронуть его; ничто сильнѣе не удивитъ и не воздѣйствуетъ вѣрнѣе на этихъ людей, не перестающихъ плакаться на непокорность своихъ рабовъ».

Отецъ семейства, — говоритъ св. Златоустъ, пользуясь столь часто употреблявшимся въ древности сравненіемъ, — есть царь въ своемъ домѣ: и таковъ не только богатый, со своими огромными толпами рабовъ, надзоромъ за которыми обременено столько надзирателей, но даже и бѣдный у своего скромнаго очага, съ своими двумя, или тремя служителями, которыми онъ управляетъ по своей волѣ, какъ господинъ. И тотъ и другой должны умѣло пользоваться этою, столь обширною властью, съ умѣренностью и благоразуміемъ. Образецъ, которому они должны стараться, насколько возможно, подражать, — это Авраамъ, библейскій идеалъ патріархаль-

ной доброты, который св. Іоаннъ никогда не перестаетъ прославлять. Но какова же была дѣйствительность, и какъ обыкновенно обращались съ рабомъ? Св. Златоустъ не говоритъ достаточно ясно, что, благодаря значительно смягченнымъ нравамъ положеніе раба дѣлалось часто довольно сноснымъ: не такова его роль, чтобы восхвалять общество; проповѣдникъ почти не замѣчаетъ добра и бережетъ свои силы для обличенія зла. Но случается, однако, что у него проскальзываютъ нѣкоторыя подробности, подтверждающія то, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ. Такъ, упрекая вѣрныхъ за то, что они мало заботятся о собственной душѣ, онъ говоритъ имъ, что они больше занимаются участью своихъ рабовъ. Подвергнутся ли послѣдніе болѣзни, съ ними уже не обращаются съ жестокостью Катона Старшаго, но немедленно призываютъ къ нимъ врача. Въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ довольно пространно одинъ небезынтересный случай. Одна рабыня была выдана замужъ за порочнаго, непокорнаго негодяя, который, наконецъ, сдѣлался невыносимымъ для своей госпожи. Послѣдняя рѣшила его продать, и жена естественно должна была послѣдовать его участи. Но она рѣшилась хлопотать черезъ подругу своей госпожи, вымолила ея ходатайство, чтобы ее оставили и освободили такимъ образомъ отъ сожителя, который заставляетъ ее безпрестанно страдать. Подруга сначала забыла о данномъ обѣщаніи, но вторично извѣщенная и устрашенная сновидѣніемъ, дѣйствительно, вмѣшалась въ это дѣло, и ея просьба имѣла полный успѣхъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ гуманными поступками, которые, конечно, были часты, но нельзя отрицать и того, что бывали также и звѣрства. Не смотря на весь прогрессъ нравовъ, положеніе рабовъ оставалось всегда очень ненадежнымъ, и,—даже мало сказать это,—прямо ужаснымъ, такъ какъ оно почти исключительно зависѣло отъ прихоти и на-

строенія господина. Мы говоримъ не только о заслуженныхъ наказаніяхъ, которыя могли быть иногда очень жестокими, но господа допускали еще и несправедливыя насилія, и рабъ рисковалъ быть побитымъ въ приступѣ нетерпѣнія по самому незначительному предлогу. Насколько сурово осуждалъ св. Златоустъ эту грубость, мы можемъ судить по интересному факту память о которомъ сохранилась до насъ въ обвинительномъ актѣ, составленномъ противъ него на соборѣ «при Дубѣ». Во время своего епископства, онъ низложилъ одного изъ своихъ діаконовъ, побившаго раба, и это явилось однимъ изъ обвиненій, допущенныхъ соборомъ въ томъ странномъ обвинительномъ актѣ, который для безпристрастнаго современнаго читателя всецѣло служитъ къ чести обвиняемаго.

Но въ особенности удручало христіанскихъ епископовъ то, что самая душа раба находилась въ опасности не меньше, чѣмъ и его тѣло, и что на его свободную волю и нравственную личность никогда не смотрѣли иначе, какъ на собственность господъ. Св. Златоусту весьма дурнымъ казалось то, что ихъ женили, помимо собственнаго желанія. Тѣмъ болѣе негодовалъ онъ, когда употребляли во зло деспотическую власть, которой рабъ былъ подчиненъ; когда налагали на него какую-нибудь позорную обязанность, и напримѣръ, скупецъ дѣлалъ его орудіемъ своихъ хищеній, а развратникъ—сводней или соучастникомъ своихъ наслажденій. Что касается женъ рабовъ, то мы уже видѣли, съ какою презрительною безцеремонностью часто обращались съ ними и съ какою безсовѣстностью ихъ развращали.

Вообще это послѣднее злоупотребленіе властью всего болѣе устрашаетъ св. Златоуста въ отношеніи господъ. Стыдливость и цѣломудріе раба, какъ того, такъ и другаго пола, вотъ что онъ хочетъ защитить отъ ихъ пороковъ. Со стороны хозяекъ, наоборотъ, онъ особенно опасается жестокости. Женщины не имѣютъ ни малѣйшаго терпѣнія по от-

ношенію къ своимъ служанкамъ. Сколько разъ случается, что когда домъ выдается на улицу или въ перекрестокъ, проходящіе слышатъ крики неистовства озлобленной и звѣрской хозяйки и крики боли ея рабыни! Можетъ ли быть что либо постыднѣе? Всякій останавливается, разспрашиваетъ и разузнаетъ, что это значитъ? Это такая-то,—отвѣчаютъ ему жители квартала,—бьетъ свою служанку. Пусть женщины не думаютъ, что такіе удары не причиняютъ большой боли! Несчастныя дѣвушки покрыты щипками, слѣды которыхъ не проходятъ въ теченіе цѣлаго дня. *Впрочемъ, госпожи не довольствуются тѣмъ*, что бьютъ сами, онѣ чувствуютъ себя слишкомъ слабыми, чтобы утолить всю свою ярость. Св. Златоустъ рисуетъ намъ образъ фуріи, призывающей себѣ на помощь мужа. Она заставляетъ раздѣть несчастную рабыню, привязать ее голую къ ножкѣ кровати и приказываетъ ему бить ее, а сама еще болѣе усугубляетъ несчастіе, обзывая ее ѳессаліанкой (колдуньей), *бѣглою и продажною женщиной*. Другихъ опрокидываютъ на земь, топчутъ ногами, влекутъ за волосы. Не ужасно ли такъ отдаваться своей ярости, когда даже гражданскіе законы, столь жестокіе по отношенію къ мужчинѣ и предписывающіе самыя безчеловѣчныя пытки, смягчаются для женщины и рѣдко подвергаютъ ее этимъ ужаснымъ наказаніямъ!

По какимъ же причинамъ съ такою жестокостью наказываютъ служанокъ? Эти причины бываютъ очень ничтожны. Часто это малѣйшая небрежность, допущенная при услуженіи знатной дамѣ, напримѣръ, разсѣянность во время ея туалета или легкая и простительная неловкость. Здѣсь, какъ и очень часто, христіанская проповѣдь прямо совпадаетъ съ свѣтской сатирой, и,—хотя это не было дѣломъ подражанія,—мы найдемъ у святыхъ отцевъ хорошо извѣстныя черты, сообщаемыя намъ, съ своей стороны, и классическими поэтами. Несчастная Псека Ювенала не осталась безъ потом-

ства, и узкій ремень всегда такъ же поспѣшно стегаетъ по голымъ плечамъ, всякій разъ какъ горничная совершила преступленіе, т. е. неровно заплела косу. (Taurea punit continuo flexi crimen facinusque capilli). Иногда также рабыни вызываютъ у своихъ хозяекъ зависть, — женскій порокъ по преимуществу; онѣ имѣютъ притязаніе соперничать съ ними въ красотѣ, прикрашиваютъ себя и румянятся на всѣ лады. «Хорошо, запрещайте имъ, ибо это является порокомъ и въ нихъ такъ же, какъ въ васъ, но,—вѣрьте моимъ словамъ,—въ нихъ не больше, чѣмъ въ васъ. И, если вы требуете отъ нихъ столько благоразумія, то сами первыя подайте имъ примѣръ». Иногда, однако, проступки бываютъ болѣе тяжки: напримѣръ, служанки предаются пьянству; въ такомъ случаѣ нужно лучше наблюдать за ними и отвращать ихъ черезъ это отъ дурной привычки, чѣмъ прибѣгать къ безплоднымъ жестокостямъ. Бываютъ и такія рабыни, которыя предаются разврату съ своими сотоварищами, и христіанка госпожа считаетъ своимъ долгомъ карать ихъ. Есть врачевство болѣе простое: выдайте виновную замужъ, быть можетъ, она и исправится. Впрочемъ, св. Іоаннъ абсолютно не осуждаетъ тѣлесныхъ наказаній; совсѣмъ напротивъ: онъ весьма открыто признаетъ ихъ необходимость, и это очень хорошо показываетъ, что, разъ мы имѣемъ дѣло съ древностью, то, хотя рѣчь идетъ и о самомъ св. Златоустѣ и объ имперіи, очищенной и смягченной вѣрою,—однако, все же древность сказывается во многомъ. Онъ не игнорируетъ того, что безъ наказаній рабство почти не могло бы существовать, и въ сущности даже сами по себѣ онѣ столь мало оскорбляютъ его, что онъ вовсе не думаетъ видѣть въ этой ихъ необходимости аргумента противъ рабства; онъ настаиваетъ только на томъ, чтобы онѣ были умѣренны и справедливы. «Но почему-же, скажешь ты, мнѣ не дозволено бить раба? *Я этого не говорю, ибо это необходимо*, но не слѣдуетъ бить посто-

янно и вдаваться въ крайность». Сюда же прибавляетъ онъ и вполнѣ христіанское замѣчаніе: нужно бить не изъ эгоизма, за допущенныя рабомъ при услуженіи проступки, но въ болѣе высокихъ видахъ, въ интересахъ самого раба и ради исцѣленія его пороковъ. «Я безпрестанно повторяю, что не слѣдуетъ бить рабовъ за худо исполненное приказаніе, но за то, чтò вредитъ ихъ душамъ. Если ты бьешь ихъ по этому послѣднему побужденію, то не найдется никого, кто-бы тебя упрекнулъ, всѣ тебя похвалятъ; если же это по эгоизму—каждый тебя осудитъ».

Такъ, подобно многимъ епископамъ своего времени, св. Златоустъ находитъ средство облагородить и очистить уклоненія или пороки, которые казались ему слишкомъ глубоко укоренившимися въ человѣческомъ сердцѣ или въ обществѣ, чтобы можно было ихъ всецѣло исторгнуть. Если иногда онъ даетъ господамъ самые строгіе совѣты объ умѣренности, которую они должны сохранять по отношенію къ своимъ рабамъ, то не менѣе категорически онъ проповѣдуетъ и объ ихъ собственныхъ правахъ на услуги этихъ послѣднихъ. Тутъ полная взаимность: господинъ имѣетъ право пользоваться хорошими услугами, но и рабъ вполнѣ достоинъ того, чтобы съ нимъ хорошо обращались.

Св. Златоустъ въ дѣйствительности допускаетъ учрежденіе рабства. Онъ его не одобряетъ, но терпитъ. Онъ родился въ обществѣ, гдѣ оно утвердилось изначала, гдѣ ни когда не разсуждали серьезно о возможности его отмѣны и ему самому, можетъ быть, было трудно придти къ мысли о возможности этой отмѣны. Сомнительно, что онъ дошелъ до очень яснаго представленія себѣ того, чѣмъ сдѣлался бы міръ безъ рабства; достовѣрно, что онъ почти не надѣялся, чтобы эта попытка когда-либо была испробована. Это любопытно видѣть въ томъ, кто не находилъ достаточно обличеній противъ роскоши и имѣлъ довольно несбыточную иллюзію— пред-

ложить своимъ современникамъ идеалъ города, составленнаго исключительно изъ бѣдняковъ, какъ идеалъ осуществимый. Таковы даже лучшіе люди, и лучшіе по преимуществу! Случается, что они обличаютъ снисходительнѣе и считаютъ гораздо болѣе легкимъ реформировать то, что̀ исходитъ изъ самой природы вещей, чѣмъ тѣ злоупотребленія, которыя въ дѣйствительности оказываются только временными и мѣстными. До такой степени трудно съ надлежащею ясностью понять эти послѣднія, прежде чѣмъ онѣ исчезнутъ! Кто могъ бы рѣшить, насколько правы мы теперь, относя существующее богатство къ первой категоріи, тогда какъ не колеблемся отнести уже отмѣненное рабство ко второй—къ области искоренимыхъ золъ.

Впрочемъ, нужно признать, что въ принципѣ (но и только въ принципѣ) св. Златоустъ былъ противникомъ рабства. Хотя, дѣйствительно, никогда въ древности не думали, что возможно обойтись безъ этого института, однако, несправедливость его чувствовали вполнѣ; и это нужно сказать не только объ епископахъ или избранныхъ вѣрующихъ, такъ какъ то-же стремленіе замѣчалось почти во всякой средѣ. Каково можетъ быть происхожденіе рабства? Это такой вопросъ, который охотно ставятъ,—говоритъ св. Златоустъ, ставя его въ свою очередь. Нѣкоторые находили въ самомъ св. Писаніи и теоретическое и историческое рѣшеніе этого вопроса. Источникъ всякаго зла—это естественно грѣхъ; здѣсь въ частности,—это грѣхъ непочтительнаго сына, Хама. «Проклятъ будь сынъ Ханаана, рабомъ да будетъ онъ у братьевъ своихъ» (Быт. 25). Вотъ слова, объясняющія тайну. Объясненіе, очевидно, вполнѣ недостаточное, такъ какъ кромѣ того, что оно предполагало наслѣдственность наказаній, — которая правда, не оскорбляла большинства христіанъ IV-го вѣка,—оно усвояло потомству Ханаана чрезвычайную распространенность. Такъ всегда къ очевиднымъ нелѣпостямъ подобнаго рода при-

ходили защитники явной, хотя и освященной временемъ, несправедливости. Доказательство христіанскаго оратора и его изъясненіе имѣли не болѣе цѣны, хотя и были не хуже аристотелевскаго софизма о природномъ превосходствѣ господъ и природной же низменности рабовъ. И св. Іоаннъ скоро призываетъ себѣ на помощь другія основанія, менѣе благопріятствующія предразсудку и злоупотребленію. Онъ часто доходитъ до признанія того, что въ дѣйствительности установленіе и сохраненіе рабства объясняется только одною жадностью и скупостью, т. е. тѣми двумя пороками, которыя онъ всего чаще предавалъ проклятію. Даже послѣ первороднаго грѣха,—замѣчаетъ онъ,—первые люди долго жили, не зная рабства. Авелю, Ною и Сифу оно было неизвѣстно. Однажды Златоустъ произнесъ даже великія слова: *рабство не естественно*! Оно родилось по случайной причинѣ. Логически это привело бы совершенно прямо къ его уничтоженію.

Однако, на практикѣ св. Златоустъ никогда не рѣшался идти до этого вывода: никогда онъ не высказывалъ, что презираетъ рабство абсолютно и безусловно. Позволяя проникнуть въ глубину своей мысли, онъ не раскрылъ ея всецѣло. Онъ зналъ, что приводимымъ примѣрамъ Сифа, Ноя и Авеля обыкновенно противопоставляютъ ему примѣръ Авраама, и необходимо было признать что великій патріархъ, на лонѣ котораго праведники призваны вкусить вѣчное блаженство, дѣйствительно имѣлъ рабовъ. Выйти изъ этого затрудненія св. Іоаннъ могъ не иначе, какъ указаніемъ на мягкость и благожелательность Авраама: «да, онъ имѣлъ рабовъ, но не обращался съ ними такъ худо, какъ такіе-то изъ васъ». Далѣе, развѣ не было другого средства устранить трудность? Онъ неутомимо повторяетъ, въ выраженіяхъ исполненныхъ большею частію величественнаго краснорѣчія, что во Христѣ никто уже не рабъ, и что у Господа нѣтъ

лицепріятія ни къ кому. «Да,—восклицаетъ онъ въ толкованіи перваго посланія къ Коринѳянамъ (19-я бес.)—таково величіе христіанства:—въ самомъ рабствѣ оно рождаетъ свободу». Вотъ почему св. апостолъ Павелъ—(а онъ всегда придерживается Павлова ученія,—приказываетъ рабу оставаться рабомъ.

Но душа св. Іоанна была до такой степени преисполнена любовью, такъ расположена къ состраданію, такъ страстно желала свободы и жаждала правды, что это мистическое рѣшеніе задачи не могло вполнѣ удовлетворить ее. И вотъ однажды онъ пришелъ къ ближайшему рѣшенію вопроса и выдвинулся до крайняго предѣла царящаго предразсудка. Послѣ обычнаго осмѣянія и порицанія чрезмѣрнаго числа рабовъ у богачей онъ неожиданно спрашиваетъ у слушателей: сколько рабовъ вообще было бы достаточно для свободнаго человѣка, еслибы онъ умѣлъ довольствоваться необходимымъ. Одного раба, можетъ быть, двухъ и,—уже самое большее,—трехъ; часто даже одинъ рабъ могъ бы удовлетворять двумъ или тремъ господамъ —Разъ онъ установилъ это положеніе его смѣлость могла уже идти далеко. Что же теперь дѣлаютъ всѣ другіе рабы? Къ какому употребленію они были бы годны, кромѣ служенія нашимъ порокамъ? Вотъ какъ слѣдовало бы распорядиться ими: —«Вы должны учить ихъ тому ремеслу, которое сдѣлало бы ихъ способными добывать себѣ хлѣбъ, и послѣ этого *отпускать ихъ*». Теперь мы касаемся уже практической реформы: средство указано, и средство легко осуществимое. Но при этихъ словахъ св. Златоустъ, несомнѣнно, слышитъ какой-то непонятный шепотъ, онъ всматривается въ позы, читаетъ въ глазахъ и улыбкахъ у однихъ насмѣшку, у другихъ дурно сдерживаемое негодованіе. Тогда онъ останавливается, но хочетъ сдѣлать это такъ, чтобы слушатели узнали, что онъ ихъ понялъ, и выслушали, какого онъ мнѣнія объ этомъ глухомъ

сопротивленіи. «Я хорошо чувствую, что вы недовольны», восклицаетъ онъ и заявляетъ, что никто не заставитъ его голосъ умолкнуть. Тѣмъ не менѣе онъ останавливается, и эта сцена, видная еще и для насъ сквозь его бесѣду, конечно, трогательна и прекрасна: мы, кажется, сами присутствуемъ при томъ моментѣ, когда въ его устахъ остаются уже обдуманныя и почти произнесенныя имъ смѣлыя слова, которыя, наконецъ, безпрепятственно изрекли бы осужденіе самой великой общественной несправедливости и возстановили бы всеобщее право на свободу.

Мы не были бы безупречны, еслибы окончили изслѣдованіе идей св. Златоуста о рабствѣ, не сказавъ ни слова объ его толкованіи на посланіе къ Филимону. Вотъ гдѣ нужно искать лучшаго выраженія всей сущности его идей, особенно же во «вступленіи» и второй бесѣдѣ. Нѣкоторые сомнѣвались въ принадлежности св. ап. Павлу этого посланія, или скорѣе письма, какъ его справедливо называетъ Ренанъ. Но мы не видимъ достаточно серьезныхъ основаній, чтобы можно было заподозривать его подлинность. Это письмо полно такого нѣжнаго чувства, имѣетъ такое искреннее и подкупающее выраженіе, въ немъ столько глубокой умилительности и въ то-же время проводится такая умѣренная мысль! Ренанъ далъ на это посланіе прекрасный комментарій. Толкованіе св. Іоанна заслуживало бы, съ своей стороны, чтобы его не забывали: это одинъ изъ тѣхъ анализовъ, почти слово за словомъ, въ которыхъ онъ превосходно и даже изумительно угадывалъ малѣйшія намѣренія изъясняемаго писателя, иногда даже приписывалъ ихъ ему, но эти догадки всегда естественны и вполнѣ умѣстны. Онъ умѣетъ также развивать апостольскіе тексты съ совершеннымъ искусствомъ, которое отчасти аналогично съ искусствомъ превосходнаго преподавателя риторики: всегда приходится съ интересомъ слѣдить за его замѣчаніями, обли-

чающими тонкую нравственную и литературную наблюдательность, такъ что, говоря безъ преувеличеній, мы не знаемъ среди составителей комментаріевъ, имѣющихся у насъ на классическихъ авторовъ, такого схоліаста, который, хотя бы издалека, приближался къ таланту толкованія, какой св. Златоустъ принесъ на служеніе священному Писанію. Въ этомъ посланіи къ Филимону св. Іоаннъ, у котораго Боссюэтъ хотѣлъ бы поучиться искусству изъясненія св. Писанія, одновременно показываетъ и всю доброту и все благоразуміе ап. Павла. Св. ап. Павелъ не удерживаетъ при себѣ Онисима, онъ его отсылаетъ къ его господину. «Ибо онъ хотѣлъ, говоритъ св. Златоустъ, чтобы всѣ ясно знали, что христіанство не революціонное ученіе гражданскаго порядка, и что оно стремится только къ преобразованію нравственнаго строя общества». Но въ то-же время апостолъ вступается за Онисима, называетъ его своимъ духовнымъ сыномъ, такъ какъ онъ крестилъ его. И въ лицѣ этого бѣглаго раба, съ которымъ онъ познакомился въ темницѣ, св. апостолъ, не оскорбляя ничьихъ интересовъ и не устрашая владѣльцевъ, возстановляетъ самаго смиреннаго изъ смиренныхъ, самаго несчастнаго изъ несчастныхъ.

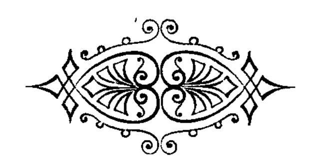
Религія въ семьѣ.

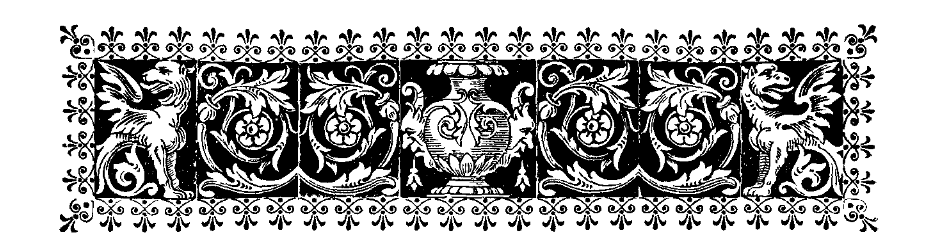
Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что усилія св. Златоуста направлялись къ тому, чтобы сдѣлать вліяніе религіи на общество дѣйствительнымъ и сильнымъ, чтобы воспрепятствовать вѣрѣ дѣлаться рутинною и обратиться въ привычку. Съ удивительною ясностью онъ постигалъ существенное зло, отъ котораго страдала церковь въ IV-мъ вѣкѣ; то зло, которое чувствовали всѣ святые отцы, но которое никто другой не опредѣлилъ съ такою ясностью, и происхожденіе котораго никто не показалъ лучше Іоанна. Онъ пони-

малъ, что въ то время, когда христіанство уже имѣло за собой четыре вѣка своего существованія, когда добрая половина христіанъ наслѣдовала христіанство отъ своихъ родителей, а другая половина, (которою Церковь обогатилась со времени своего тріумфа), заключала въ себѣ много людей холодныхъ и равнодушныхъ, пришедшихъ къ ней по болѣе или менѣе корыстнымъ побужденіямъ,—онъ понималъ, что въ это время распущенность была неизбѣжна, и что именно ему суждено было съ нею бороться. А для того, чтобы привести вѣру къ ея древней чистотѣ, нравы же къ ихъ первоначальной строгости,—по началу видно было только одно лѣкарство, до такой степени зло казалось велико: слѣдовало бѣжать міра, который упорно оставался развращеннымъ даже послѣ того, какъ онъ услышалъ Божественныя слова; оставалось снова явить въ пустынѣ тѣ чудеса подвиговъ, какія въ тотъ-же вѣкъ совершила евангельская проповѣдь. Тогда въ пустыни Сиріи, какъ и въ пустыни Египта, стремилась толпа тѣхъ, кто былъ увлеченъ примѣромъ св. Антонія Великаго. Первое движеніе души св. Златоуста такъ же увлекло его къ монашеской жизни, и онъ проводилъ ее въ самыхъ суровыхъ упражненіяхъ, съ самымъ полнымъ самоотреченіемъ. Но когда онъ возвратился въ ряды клира для выполненія дѣятельныхъ обязанностей, то потому ли, что онъ уступалъ необходимости, или потому (какъ мы расположены думать и какъ позволительно предполагать), что размышленіе и зрѣлость ума склонили его къ этому рѣшенію,—онъ увлекся новымъ стремленіемъ, еще болѣе труднымъ. Онъ хотѣлъ отнынѣ реформировать самое общество, склонить его къ выполненію всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, не претендуя на уничтоженіе необходимыхъ условій, безъ которыхъ общество не могло бы существовать. Отсюда первою реформою, которую слѣдовало предпринять,—была реформа семьи. Св. Іоаннъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что-

бы дать понять своимъ слушателямъ истинный идеалъ христіанской семьи. Онъ занялся искорененіемъ всѣхъ языческихъ обычаевъ, упорно сохранявшихся и налагавшихъ свой языческій отпечатокъ на воспитаніе, бракъ и погребеніе, и часто до такой степени, что послѣдніе получали идолопоклонническій характеръ; напоминалъ во всей ихъ суровости евангельскія повелѣнія о нерасторжимости брака и весьма громко провозглашалъ равенство супруговъ. Всегда проповѣдывалъ онъ Божественныя повелѣнія во всей ихъ чистотѣ, не искажая ихъ никакою робкою уступчивостью. Однако, почти всегда, при изъясненіи ихъ, Іоаннъ соблюдалъ самую благоразумную умѣренность. Онъ умѣлъ брать самый отеческій тонъ; въ его рѣчи былъ оттѣнокъ глубокой умилительности, и въ то-же время слово его было рѣзко и пламенно. Онъ поистинѣ былъ тѣмъ, кѣмъ и хотѣлъ быть,—ученикомъ св. апостола Павла. Ему хотѣлось, чтобы каждый дѣлалъ то-же, что сдѣлалъ онъ самъ: т. е., чтобы спустя нѣкоторое время, посвященное монашеской жизни, (припомнимъ его наставленіе о воспитаніи молодыхъ людей), всякій возвращался въ семью и проводилъ здѣсь ту-же самую жизнь, потому что, по его мнѣнію, монашеская жизнь—истинная христіанская жизнь. И мы, дѣйствительно, знаемъ часто повторяемыя имъ слова, что между монахами и людьми, проводящими мірскую жизнь; должно быть въ сущности только одно различіе: бракъ. «Бракъ не препятствуетъ добродѣтели; живущіе въ мірѣ, за исключеніемъ брака и не смотря на бракъ, должны во всемъ остальномъ походить на монаховъ». Эти слова вызывали недоумѣніе во многихъ, но онъ никогда не взялъ ихъ назадъ. Въ этомъ пунктѣ онъ всегда энергично стоялъ за истину, такъ какъ въ его глазахъ всякій домъ долженъ быть церковью. Не только слѣдуетъ, какъ мы скоро увидимъ, всѣмъ семействомъ ходить въ церковь, не только отцы должны водить туда своихъ сыновей, женъ

и рабовъ, но онъ хочетъ, чтобы и дома всѣ вмѣстѣ читали св. Писаніе, чтобы отецъ семейства, по возвращеніи съ бесѣды домой, обсуждалъ слова епископа и передавалъ домочадцамъ ихъ сущность. Каждый домъ долженъ уподобляться тому дому Филимона, который онъ такъ прославилъ въ своемъ изъясненіи Павлова посланія. Блаженъ Филимонъ, съ святымъ жилищемъ котораго насъ знакомитъ апостолъ, и которое онъ называетъ «церковью въ собственномъ домѣ». Филимону и должно подражать.—Такимъ образомъ, всѣ совѣты, данные св. Златоустамъ христіанскимъ семьямъ, можно бы свести къ одному: «сотвори церковь изъ твоего дома».

ГЛАВА IV

Религія.

Вѣрующіе —Вѣрованія и суевѣрія.—Язычники и іудеи.—Еретики.

Общество IV-го вѣка было однимъ изъ самыхъ глубоко разъединенныхъ обществъ, какія только когда-либо существовали; но не слѣдуетъ думать, что безчисленныя группы, изъ которыхъ оно состояло, жили обособленно, безъ сношеній другъ съ другомъ. Между всѣми ими было множество смежныхъ предѣловъ, онѣ соприкасались между собою со всѣхъ сторонъ и весьма различно входили въ общеніе. Какъ между христіанами и язычниками, такъ равно между христіанами и іудеями, и даже между различными христіанскими сектами, отношенія не всегда были жестоко враждебными. Главы партій, въ пылу какой-либо весьма жаркой битвы, обмѣнивались иногда услугами и оказывали другъ другу взаимное уваженіе. Въ Римѣ, Симмахъ позволялъ епископамъ рекоммендовать нѣкоторыхъ ихъ любимцевъ, и самъ въ нуждѣ просилъ свидѣтельства папы Дамаза. Амвросій, его противникъ во время дѣла объ алтарѣ Викторіи, соблюдалъ нѣкоторую умѣренность формы въ своей полемикѣ, по существу столь ожесточенной. Подобнымъ же образомъ въ Антіохіи и Констан-

тинополѣ риторы Ливаній или Ѳемистій не порвали совершенно сношеній съ врагами своего культа. Гораздо естественнѣе въ среднихъ классахъ или низшихъ слояхъ общества, среди тѣхъ мелкихъ ремесленниковъ, мелкихъ купцовъ и мастеровыхъ, которые обыкновенно составляли большую часть авдиторіи св. Златоуста, обыденныя житейскія нужды могли вызывать очень много компромиссовъ; недостаточность образованія приводила къ тому-же результату. Уже въ эпоху гоненій, когда вѣра была во всей своей силѣ, когда большинство христіанъ, увѣровавшихъ въ евангеліе въ полной зрѣлости лѣтъ, если и не всегда одинаково хорошо понимало основы своей вѣры, то, во всякомъ случаѣ, влеклось къ христіанству съ тою же силою и искренностью,—уже и тогда первые учители церкви,—Тертулліанъ и св. Кипріанъ,—должны были внушать много предостереженій. Нужда дала почувствовать себя сильнѣе уже въ IV-мъ вѣкѣ, въ такихъ городахъ, какъ Антіохія, гдѣ христіанство, пережившее нѣсколько поколѣній, сдѣлалось наслѣдственнымъ и обычнымъ. Слова, которыя такъ любилъ повторять Тертулліанъ, что «христіане бываютъ, а не рождаются», здѣсь не были справедливы. Христіанинъ именно раждался, и разслабленіе вошло въ большинство семействъ. Это явленіе св. Златоустъ отмѣтилъ въ весьма точныхъ выраженіяхъ: «обязанности религіи сдѣлались формальностями, выполняемыми не иначе, какъ по привычкѣ совѣсти. Все тутъ не болѣе, какъ навыкъ».

Припомнимъ затѣмъ, какое странное смѣшеніе сектъ царило тогда въ этихъ восточныхъ митрополіяхъ, сколько идей, идущихъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, вѣяло тамъ испоконъ вѣковъ. Мы видѣли, что въ Антіохіи язычники, хотя и менѣе численные, чѣмъ христіанское общество, взятое въ цѣломъ, все же составляли еще значительную часть населенія. Іудеи были также очень многочисленны, еретиковъ—масса. Не говоримъ о расколѣ, раздѣлявшемъ

вѣрныхъ на Мелетіанъ и Павлиніанъ, такъ какъ причиною его была не разность ученій, а вопросъ о личностяхъ. Не говоримъ даже объ аполлинаристахъ, вообще очень близкихъ къ православію. Но аріане, въ особенности представляемые крайнею лѣвою партіею, т. е. партіей аномеевъ, сохраняли еще свое вліяніе. Нужно было считаться еще съ маркіонитами и манихеями, которые, хотя и претендовали на близость къ христіанству, но въ дѣйствительности были совершенно чужды его *). 81-ое письмо бл. Θеодорита показываетъ намъ, какую силу въ его время имѣли еще гностики въ сирійскихъ деревняхъ. Въ Константинополѣ ощущалось присутствіе тѣхъ-же группъ. Нужно только прибавить сюда новаціанъ, пользовавшихся довольно большимъ уваженіемъ, благодаря популярности ихъ епископа Сизиннія, человѣка свѣтлаго и довольно свободнаго разума, смѣлаго по характеру и шутника, пользовавшагося нѣсколько преувеличенною репутаціей замѣчательнаго ума, если судить по нѣкоторымъ его поступкамъ, такъ снисходительно передаваемымъ Сократомъ въ его исторіи (VI) Необходимо также отмѣтить, что аріане были тамъ болѣе численны и вліятельны, чѣмъ въ Антіохіи, и достаточнымъ доказательствомъ этого является любопытный анекдотъ, сохраненный тѣмъ же историкомъ о крестныхъ ходахъ, какія Златоустъ установилъ въ отвѣтъ на процессіи, организованныя аріанами для того, чтобы собираться въ свои собранія внѣ городскихъ стѣнъ, такъ какъ имъ было запрещено дѣлать ихъ въ городѣ, и самыя церкви ихъ были переданы православнымъ. Теперь легко понять, сколько различныхъ воздѣйствій должны были оказывать одна на другую всѣ эти, до такой степени различныя секты, всецѣло управляемыя дѣятельнымъ и страстнымъ меньшинствомъ, тогда какъ въ каждой изъ нихъ непостоянная, индифферентная и ко-

*) Сохранилось любопытное письмо Ливанія, гдѣ онъ испрашиваетъ у городского начальника Приска покровительства палестинскимъ манихеямъ.

рыстолюбивая масса была доступна всѣмъ вліяніямъ, вовлечена во всѣ движенія и подвержена всевозможнымъ слабостямъ.

Трудно вообразить, какая значительная часть христіанъ обладала тогда недостаточнымъ знаніемъ своей религіи. Потому ли, что они обратились единственно изъ повиновенія оффиціальному давленію, потому ли, что уступали лѣности и рутинѣ, будучи рождены въ лонѣ христіанскихъ семействъ,— вѣрные имѣли только поверхностное и грубое понятіе объ основахъ своей вѣры и весьма мало читали св. Писаніе. Для богатыхъ и образованныхъ людей, привыкшихъ къ изысканному стилю великихъ классическихъ писателей, по обыкновенію служило препятствіемъ то отвращеніе, которое столь долго даже самому бл. Іерониму внушала грубость древняго еврейскаго генія или крайняя простота слова евангельскаго. И бл. Іеронимъ въ достаточной мѣрѣ выражалъ свою радость тѣмъ, кто, подобно Паммахію, склонялся къ внимательному и систематическому чтенію новаго и ветхаго Завѣта, или тѣмъ, кто, подобно славнымъ женщинамъ, склоненнымъ имъ къ аскетизму, занимался чтеніемъ псалмовъ въ подлинникѣ. Св. Златоустъ, съ своей стороны, осмѣиваетъ тѣхъ, кто хранилъ дорогія рукописи въ своихъ библіотекахъ, не раскрывая ихъ, и заботился только о красотѣ буквъ или о достоинствѣ пергамента. Но только мимоходомъ онъ мечетъ нѣсколько стрѣлъ въ этихъ маньяковъ; гораздо охотнѣе онъ обращается къ людямъ незначительнымъ и къ бѣднякамъ. Эти послѣдніе ссылались на то, что у нихъ есть свое ремесло и своя семья и что имъ не остается достаточно досуга для чтенія. Мы уже часто видѣли, что неисполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ, сколько нибудь трудныхъ, оправдывали ссылкою на то, якобы эти послѣдніе возложены только на монаховъ; это-то оправданіе казалось всего болѣе пригоднымъ въ томъ случаѣ, когда рѣчь шла объ уклоненіи отъ чтенія св. Писанія. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Писанія

неудобовразумительны и что для лучшаго пониманія ихъ необходимо время на размышленіе, ими всецѣло пренебрегали. Св. Іоаннъ горячо порицаетъ этотъ предлогъ, въ частности въ своемъ толкованіи на четвертое евангеліе. Въ особенности дурно знали Ветхій завѣтъ, къ которому нѣкоторые лица, подпадавшіе болѣе или менѣе вліянію маркіонитскихъ ученій, относились отчасти съ подозрѣніемъ. Не знали числа пророковъ, именъ Амоса, Авдія и др. Но даже и Новый завѣтъ былъ извѣстенъ весьма мало. Такъ многіе не знали числа посланій св. ап. Павла. *) Историческія книги, въ этотъ увлеченный богословіемъ вѣкъ, цѣнились гораздо ниже книгъ догматическихъ, и это замѣчалось даже въ Антіохіи, гдѣ спеціальная школа Діодора Тарсійскаго въ частности сражалась съ этой тенденціей. Точно также и книга Дѣяній апостольскихъ, столь высоко цѣнимая св. Златоустомъ и истолкованная имъ передъ своими константинопольскими слушателями, была совсѣмъ мало извѣстна. Тамъ,—говорили обыкновенно,—находятся только подробности малозначущихъ фактовъ, и этой книгою дорожили почти такъ же мало, какъ и посланіемъ къ Филимону. Но св. Іоаннъ, наоборотъ,—и это составляетъ одну изъ наиболѣе оригинальныхъ чертъ его,—былъ очень расположенъ къ этимъ историческимъ разсказамъ; онъ сожалѣлъ о томъ, что они не были болѣе многочисленны и точны, такъ какъ ему хотѣлось бы знать часъ за часомъ, повидимому, самые маловажные факты изъ жизни апостоловъ и въ особенности изъ жизни Божественнаго Учителя.

Констатируя тотъ фактъ, что вѣрующіе мало читали и знали св. Писаніе, не слѣдуетъ забывать одного изъ наиболѣе важныхъ ихъ извиненій, именно дороговизну рукопи-

*) Нужно замѣтить, что до времени Юстиніана, Антіохійская церковь не принимала въ канонъ ни второго посланія ап. Петра, ни второго и третьяго посланія ап. Іоанна, ни посланія ап. Іуды. Вѣроятно, что то-же слѣдуетъ сказать и объ Апокалипсисѣ.

сей Но и этого оправданія было еще недостаточно, такъ какъ Церковь заботилась о томъ, чтобы чтенія св. Писаній въ собраніяхъ были частыми и продолжительными, и св. Златоустъ говоритъ, что вѣрующій, регулярно присутствовавшій въ собраніи, выслушивалъ въ годъ почти все Писаніе.

Но, если очень мало читали священныя книги, то питали къ нимъ великое уваженіе, совершенно суевѣрнаго характера. Если иногда собирались ихъ открыть то, прежде чѣмъ взять ихъ, заботливо умывали руки; женщины и дѣти носили на шеѣ маленькія евангелія, какія св. Іоаннъ сравнивалъ съ филактеріями фарисеевъ. Возлагали также евангеліе на чело болящихъ, чтобы исцѣлить лихорадку. Всѣ эти обычаи, хотя и внушенные чувствомъ благочестія, по мнѣнію св. Іоанна, не имѣли большого значенія. То, о чемъ онъ умолялъ, о чемъ не переставалъ проповѣдывать съ своимъ изумительнымъ краснорѣчіемъ,—это основательное знаніе богодухновенныхъ Писаній и размышленіе о содержащихся въ нихъ истинахъ. «Испытайте Писаній»,—повторялъ онъ съ св. евангелистомъ и предлагалъ на удивленіе вѣрныхъ благочестиваго эвнуха царицы Кандакіи. Онъ не только требовалъ, чтобы вѣрные приходили въ собраніе слушать дневныя чтенія и внимать слову епископа; но хотѣлъ, чтобы еще раньше прочитывали текстъ, полагавшійся въ основу бесѣды, и съ этою цѣлью заранѣе объявлялъ его. Ему хотѣлось, чтобы, по возвращеніи домой, отецъ семейства пересказывалъ своимъ домочадцамъ все то, что всего лучше удержалъ онъ изъ толкованій проповѣдника. Такъ каждый очагъ могъ сдѣлаться подобнымъ благословенному очагу Филимона. Какъ видно отсюда, у св. Іоанна не было никакихъ боязливыхъ опасеній, какія иногда имѣли силу въ новой дисциплинѣ Церкви; онъ былъ далекъ отъ того, чтобы запрещать, или хотя бы не совѣтывать, чтенія священныхъ книгъ изъ опасенія ереси или свободомыслія; онъ требовалъ, на-

противъ, чтобы всѣ, богатые и бѣдные, люди невысокаго ума и ученые,—старались освѣжать духъ и сердце въ самомъ источникѣ истины и вѣры. «Чтеніе св. Писаній есть лѣкарство отъ всѣхъ золъ».—«Вдали отъ солнца тѣнь увеличиваетъ тѣло, вблизи—уменьшаетъ его. Слѣдовательно нужно помѣститься въ полномъ свѣтѣ Писанія, чтобы вполнѣ сознать тщету человѣческихъ дѣлъ».—«Писаніе препятствуетъ видѣть чувственное и даетъ смыслъ и зрѣніе невидимаго». Любопытно отмѣтить здѣсь затрудненіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ комментаторовъ, въ виду тѣхъ точныхъ указаній, какія св. Златоустъ дѣлаетъ относительно этого важнаго предмета. Историкъ Селье, старается, напримѣръ, измѣнить смыслъ самыхъ ясныхъ текстовъ, или считаетъ себя почти вынужденнымъ подыскать имъ оправданіе. Но св. Златоустъ не думалъ, что нужны будутъ эти умаляющіе вину обстоятельства, хотя уже въ и его время часто злоупотребляли св. Писаніемъ, съ цѣлью выставить проповѣднику софистическія возраженія. Намъ уже представлялся случай привести текстъ изъ пророка Аггея, въ который дѣлали вставку, чтобы придать ему смыслъ, благопріятствующій богатству. Легко можно было бы привести гораздо большее число такихъ примѣровъ.—Точно такъ же въ то время много разсуждали о словахъ Іисуса Христа къ проклятой смоковницѣ, о чудѣ надъ бѣсами и свиньями, и св. Златоустъ защищалъ ихъ не всегда одинаково счастливыми доводами. Такъ напримѣръ, когда доказывали, что пророчество о разрушеніи храма не исполнилось, такъ какъ еще оставались развалины, онъ отвѣчалъ на это, что нужно имѣть немного терпѣнія, когда, наконецъ, и самыя развалины погибнутъ и пр. Но для того, чтобы убѣдить этихъ неутомимыхъ говоруновъ, онъ не хотѣлъ прибѣгать къ робкимъ мѣрамъ осторожности. Наоборотъ, онъ видѣлъ врачевство въ обильномъ изліяніи религіознаго ученія. Христіанство IV-го вѣка было увѣрено въ своей силѣ; оно обладало со-

знаніемъ своего превосходства и не боялось свѣта, но призывало его. Оно само было свѣтомъ.

Совѣты, постоянно повторяемые св. Златоустомъ, въ надеждѣ, что среди христіанскихъ семействъ, точно также, какъ и въ монастырскихъ келліяхъ, явится обычай чтенія евангелія и псалмовъ,—имѣли, однако, только посредственный успѣхъ. И онъ самъ очень ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ. Видно, что глаза его всегда были открыты на результаты собственной проповѣди и что, сообразно съ этимъ, онъ направлялъ свою тактику. Потому-то онъ самъ чувствовалъ, что его худо слушаютъ, даже во время самаго толкованія св. Писанія съ каѳедры. Сначала, въ своихъ первыхъ Антіохійскихъ гомиліяхъ, онъ жаловался, что долженъ посвящать слишкомъ много времени нравоученію и вынужденъ пренебрегать богословіемъ. Скоро онъ съумѣлъ соединить то и другое, однако, отдавая преобладаніе морали. Онъ достигъ этого въ особенности тѣмъ, что взялъ предметомъ своихъ бесѣдъ изъясненіе священныхъ книгъ. По свидѣтельству патріарха Фотія, онъ изъяснилъ цѣликомъ Ветхій и Новый Завѣты, и этому возможно повѣрить, такъ какъ и то, что дошло до насъ изъ его постояннаго толкованія, во всякомъ случаѣ уже весьма значительно. Въ особенности важны серіи бесѣдъ, въ которыхъ онъ изъяснялъ книгу «Бытія,» евангеліе св. Матѳея и посланія ап. Павла. Св. Златоустъ прилагаетъ здѣсь методу антіохійской школы, существенно отличавшуюся отъ методы александрійской, освященной Оригеномъ. Эта метода, которую онъ усвоилъ отъ Діодора Тарсійскаго и которую его другъ Ѳеодоръ Мопсуестійскій провелъ такъ ригористически, что она была осуждена Церковію, есть метода историческая, противоположная аллегоріи. Въ митрополіи, игравшей столь большую роль въ эпоху происхожденія христіанства, гдѣ впервые произнесено было даже самое имя «христіанинъ», всегда хорошо сознавали важность исторіи. Какъ трогателенъ и вмѣ-

стѣ оригиналенъ св. Златоустъ для своего времени, когда онъ показываетъ интересъ, представляемый книгою Дѣяній апостольскихъ или необыкновенно живо чувствуетъ безыскусственную прелесть посланія къ Филимону! Какъ даровито и поистинѣ глубоко его изъясненіе, хотя въ своемъ родѣ нѣсколько и смѣло, когда онъ раскрываетъ обстоятельства евангельской притчи, и по незначительному слову, по малѣйшей подробности возстановляетъ исторію, раскрываетъ прежнюю жизнь эпизодическаго лица и отсюда извлекаетъ затѣмъ всевозможныя поучительныя и трогательныя замѣчанія! Это представляетъ иного рода интересъ, чѣмъ непонятныя тайны иносказанія или мистическія размышленія о числахъ сто и шестьдесятъ! Въ особенности же ему нѣтъ равнаго, когда онъ прилагаетъ это толкованіе къ евангелію. Какъ глубоко изъясняетъ онъ исторію злого богача и Лазаря, или еще лучше, исцѣленіе разслабленнаго! Это вполнѣ законченное искусство моралиста, не исключительно только любознательнаго, но всегда практическаго и, тѣмъ не менѣе, столь же глубокаго, какъ чисто умозрительные лѣтописцы. Сравните теперь съ этимъ экзегисисомъ толкованіе бл. Іеронима, который, водворившись въ Виѳлеемѣ и будучи страстно увлеченъ всѣми воспоминаніями, сохраненными Палестиной, иногда очень хорошо чувствовалъ красоты священной исторіи. У послѣдняго толкованіе болѣе запутано и менѣе учено, не смотря на его претензіи на научность. Разница чувствуется еще болѣе, когда мы читаемъ, изданныя между твореніями св. Златоуста, рѣчи его соперника, Северіана Гавальскаго, пользовавшагося однако-же, столь великимъ ораторскимъ успѣхомъ, что онъ вмѣстѣ съ Антіохомъ Аскалонскимъ добывалъ деньги своимъ краснорѣчіемъ. Эти рѣчи не совершенно безъ таланта, но какъ онѣ загромождены мистическими аллегоріями или обширными научными изъясненіями, которыя стоятъ самаго ничтожнаго средневѣковаго набора словъ! При слѣ-

дованіи методѣ Сирійской школы, являлась довольно большая трудность: какъ изъяснить нѣкоторыя мѣста, весьма многочисленныя особенно въ Ветхомъ Завѣтѣ, которыя казались прямо оскорбительными здравому смыслу и даже нравственному чувству современниковъ? Вотъ что служитъ къ оправданію того, что Церковь весьма часто признавала законнымъ употребленіе иносказанія. Св. Іоаннъ иногда въ подобномъ случаѣ пользуется аллегоріей, но очень рѣдко. Обыкновенно его теорія гораздо проще и разумнѣе: онъ допускаетъ, что Богъ понижаетъ свой голосъ, чтобы быть слышимымъ человѣкомъ, и снисходитъ къ нему. Это онъ обозначаетъ терминомъ, который довольно точно можно перевести словомъ *снисхожденіе*.

Это-то безыскусственное и основательное изъясненіе разумѣлъ Виллеменъ, когда сказалъ, что «св. Златоустъ изъяснялъ св. Писаніе съ тою живостью воображенія и тѣмъ аллегорическимъ вкусомъ, который нравится восточнымъ». Безъ сомнѣнія, есть нѣкоторое иносказаніе въ толкованіи св. Златоуста, такъ какъ онъ не могъ же вполнѣ отрѣшиться отъ своего времени, но, во всякомъ случаѣ, существенный характеръ его толкованія—отверженіе аллегоріи, какъ главнаго метода. Только св. Іоаннъ не выдержалъ въ принципѣ этого экзегисиса, онъ не создалъ строгой и исключительной системы, такъ какъ не обладалъ систематическимъ умомъ. Вотъ почему подозрѣніе Церкви не коснулось его, тогда какъ Θеодоръ Мопсуестійскій былъ осужденъ.*)

Легко объяснить, что христіане, столь мало освоившіеся съ своею религіею и священными книгами, каково было большинство слушателей св. Златоуста, были воспріимчивы ко многимъ суевѣрнымъ мыслямъ и обычаямъ. Но даже зная

*) Ученикъ Златоуста, св Нилъ, далъ послѣ него очень искусное развитіе способовъ историческаго истолкованія, какъ его понимала антіохійская школа.

это заранѣе, все же, при чтеніи св. Златоуста, приходится удивляться той власти, какую суевѣріе имѣло надъ умами. Прежде чѣмъ входить въ обозрѣніе вѣрованій или обычаевъ, которые ввело суевѣріе, умѣстно сдѣлать между ними разграниченіе. Соблюдая справедливость, нужно сказать, что одни вели свое происхожденіе, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ самого христіанства, гдѣ во всѣ времена они занимали извѣстное мѣсто, хотя въ иныя эпохи болѣе просвѣщенное пониманіе религіи крайне ослабляло ихъ значеніе Другіе, наоборотъ, имѣли происхожденіе языческое, или скорѣе іудейское.

Въ первомъ ряду суевѣрныхъ мнѣній, свойственныхъ очень многимъ, слѣдуетъ поставить преувеличенное воззрѣніе на силу діавола и его вмѣшательство въ человѣческую жизнь. Вліяніе маркіонитскихъ и манихейскихъ ученій много способствовало утвержденію этого мнѣнія, и это очень хорошо видно изъ гомилій св. Златоуста. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ у другихъ св. отцевъ мы почти не находимъ ничего, кромѣ общей полемики противъ еретическихъ ученій, св. Златоустъ, благодаря массѣ подробностей, даетъ намъ возможность видѣть значительное вліяніе, оказываемое ересями на самихъ православныхъ. Онъ много заботился о томъ, чтобы отвратить вѣрныхъ отъ тѣхъ толкованій, какія ученики Маркіона предлагали на текстъ ап. Павла: «нѣсть наша брань къ крови и плоти», или на текстъ ев. Матѳея, что нельзя служить двумъ господамъ—Богу и мамонѣ. Легко видѣть, что многіе изъ вѣрныхъ склонны были вмѣстѣ съ ними вѣрить, будто могущество дьявола почти равно могуществу Божественному, и сильно тяготѣли къ дуализму. Такимъ образомъ, этимъ силамъ зла легко приписывали великія несчастія. Великія катастрофы относили на ихъ счетъ, и во время Антіохійскаго возмущенія, въ 387-мъ году, и язычники и христіане сходились въ общей иллюзіи. Ливаній

такъ же, какъ и св. Златоустъ, думалъ, что дьяволъ вдохнулъ въ нѣкоторыхъ несчастныхъ духъ возмущенія.

Это столь распространенное вѣрованіе иногда имѣло необычайныя обнаруженія и выражалось въ варварскихъ магическихъ дѣйствіяхъ. Таково было одно не безпримѣрное суевѣріе, именно вѣра въ превращеніе въ бѣсовъ всѣхъ тѣхъ, кто умиралъ насильственною смертью. Разсказывали,—и это ничуть не представляется чѣмъ-либо невозможнымъ въ нравахъ IV-го вѣка, хотя, конечно, народная молва и должна была преувеличивать число безспорно исключительныхъ фактовъ,—будто бы магики рѣзали маленькихъ дѣтей, чтобы затѣмъ пользоваться въ своихъ заклинаніяхъ ихъ душами, обратившимися въ демоновъ. Доказательство того, что они успѣвали въ этомъ, старались видѣть въ свидѣтельствѣ самихъ бѣсовъ, голосъ которыхъ устами схваченныхъ припадкомъ бѣсноватыхъ часто кричалъ: «я душа такого-то!» Св. Златоустъ вынужденъ былъ съ помощью текстовъ и разсужденій доказывать нелѣпость этого предразсудка. Онъ не отрицаетъ, что подобнаго рода слова дѣйствительно бывали слышаны; ничуть не отрицаетъ онъ и того, что ихъ въ самомъ дѣлѣ изрекаютъ бѣсы, но онъ видитъ здѣсь дьявольскую хитрость, имѣющую цѣлью обольщеніе и соблазнъ вѣрныхъ. Онъ выясняетъ, что души праведниковъ не могутъ по смерти блуждать здѣсь. «Праведныхъ души въ руцѣ Божіей» (Прем. 31), а души дѣтей—души праведниковъ, такъ какъ онѣ невинны. Между всѣми, отмѣчаемыми св. Iоанномъ, суевѣріями, можетъ быть, нѣтъ ни одного, которое давало бы болѣе невыгодное представленіе о грубости вѣрованій и о всеобщей слабости умовъ въ эту эпоху.

Св. Златоустъ вѣрилъ въ возможность демонскаго обладанія и, какъ вся церковь, признавалъ заклинанія и чудесныя исцѣленія бѣсноватыхъ. По этому предмету онъ произнесъ нѣсколько бесѣдъ. Два изъ его произведеній въ этомъ

отношеніи особенно интересны: это рядъ бесѣдъ о демонахъ и еще болѣе «утѣшеніе Стагирію».

Гомиліи о демонахъ*) принципіально посвящены наученію тѣхъ, которые, будучи вполнѣ христіанами, подпадали вліянію дуалистическихъ ученій, въ формѣ маркіонитства и манихейства. Св. Златоустъ старается вполнѣ опредѣлить настоящую роль демона. Безспорно, этотъ послѣдній участвуетъ въ искушеніи, но отъ человѣка зависитъ уступить ему или противостать. И здѣсь св. Іоанну представляется случай къ тому, чтобы развить,—какъ онъ часто дѣлалъ,—свою теорію о свободной волѣ. Зло не неизбѣжно, и Провидѣніе не раздѣляетъ управленія міромъ съ силами мрака Подверженный искушенію человѣкъ свободенъ, однако же, въ своей собственной участи. Правда, остается нѣкоторая неточность въ изложеніи этихъ идей, но все же у св. Іоанна повсюду чувствуется стремленіе по возможности ослабить роль сатаны, хотя и само священное Писаніе заставляло его усвоять ему извѣстное значеніе. Такъ, св. Іоаннъ даетъ почувствовать, что, если дьяволъ во образѣ змія склонилъ Еву ко грѣху, то св. Писаніе не говоритъ намъ ничего о томъ, что онъ «приблизился къ Каину и внушилъ ему убійство своего брата». Тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ себя вынужденнымъ прибавить нѣсколькими строками ниже, что намъ неизвѣстно, не вдохнулъ ли онъ дѣйствительно въ него нѣкоторыя злыя помышленія.

Исторія юнаго Стагирія, о которой мы уже много разъ упоминали,—одна изъ наиболѣе интересныхъ и характиристичныхъ; она переполнена поучительными подробностями о нравахъ времени. Рожденный въ высокой семьѣ, Стагирій, вопреки волѣ отца и съ соучастія матери, идетъ въ монастырь. Это былъ молодой человѣкъ, слабаго здоровья, дурно урав-

*) Такихъ гомилій три и всѣ онѣ относятся къ первымъ временамъ его проповѣди въ Антіохіи.

новѣшеннаго ума и отчасти, какъ кажется, жертва наслѣдственныхъ вліяній. И вотъ, однажды въ пустынѣ, гдѣ онъ стремился найти миръ и былъ до этого времени вполнѣ образцовымъ монахомъ, онъ былъ разбитъ жестокимъ припадкомъ. Когда съ другими монахами онъ стоялъ на молитвѣ, припадокъ повергъ его на земь, мучимаго корчами въ рукахъ, съ блуждающими глазами, съ полнымъ пѣны ртомъ, извергающаго несвязныя слова и трепещущаго всѣмъ тѣломъ,—какъ видно, всѣ признаки эпилепсіи. Затѣмъ продолжительный обморокъ и страшный упадокъ силъ изнурили его до такой степени, что ночью припадокъ возобновился. Больнымъ овладѣли галлюцинаціи, и ему казалось, что его преслѣдуетъ бѣшеный вепрь, весь омоченный кровью и готовый его растерзать. Съ этого времени Стагирій уже не излѣчивался: онъ постоянно оставался жертвою мрачной меланхоліи, прерываемой возвращеніемъ тѣхъ-же припадковъ, и его безпрестанно преслѣдовало тиранническое желаніе самоубійства. Напрасно прибѣгалъ онъ къ обыкновенному врачевству и обращался къ святому человѣку, «который по отношенію ко многимъ другимъ выказалъ силу своей добродѣтели»,— святой человѣкъ не могъ для него ничего сдѣлать. Не болѣе счастливъ былъ онъ подлѣ гробницъ св. мучениковъ, хотя и посѣщалъ ихъ часто, выбирая наиболѣе прославленныхъ, у которыхъ, какъ увѣряли, успокоивались самые ужасные изъ всѣхъ бѣсноватыхъ, «тѣ, неистовство которыхъ доводило ихъ до пожиранія человѣческаго мяса». Кажется, что даже по смерти св. Златоуста, Стагирій,—если только о немъ говоритъ св. Нилъ,—жилъ еще безъ малѣйшаго облегченія своего несчастія.

Значительная часть трактата, адресованнаго св. Златоустомъ своему другу, послѣ того какъ онъ узналъ о его несчастіи,—(почти цѣликомъ вторая и третья книга),—наполнены примѣрами несчастій, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ его собственное: одни примѣры,—и такихъ большинство,—заим-

ствованы изъ св. Писанія, другіе изъ современныхъ фактовъ, именно, св. Іоаннъ указываетъ случай съ нѣкими Демофиломъ и Аристоксеномъ, пораженными неисцѣлимыми болѣзнями. Въ остальной части изобилуютъ интересныя черты.—Ни священные останки, ни благочестивое предстательство отшельниковъ не могли освободить Стагирія отъ обладанія, и св. Златоустъ хочетъ бороться только съ той меланхоліей, въ которую Стагирій съ того времени впалъ,—съ тѣми мыслями возмущенія и даже самоубійства, какія такъ часто посѣщаютъ его. Въ самомъ дѣлѣ, больной смотритъ на себя, какъ на жертву жестокой несправедливости. Какъ! пока онъ жилъ въ мірѣ, никакое несчастіе не поражало его, и только послѣ того, какъ онъ посвятилъ себя религіозной жизни, имъ овладѣлъ демонъ. Какая награда за его жертву! Даже болѣе,—изъ лѣниваго и нерадиваго, какимъ онъ былъ въ монастырѣ поначалу, онъ сдѣлался теперь образцовымъ монахомъ. Онъ доводитъ до крайности строгость поста, принимая только немного хлѣба и воды въ продолженіи цѣлыхъ двухъ дней, и, не довольствуясь тѣмъ, что мужественно трудится цѣлый день,—проводитъ безъ сна всю ночь. И между тѣмъ, онъ не можетъ добиться никакого облегченія своихъ страданій! Инстинктъ, худо понимаемый, но тѣмъ не менѣе дѣйствующій, внушалъ нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ: онъ удивлялся, что, въ то время какъ онъ оставался неизлѣчимымъ, другіе, пораженные тѣмъ-же страданіемъ, довольно быстро выздоравливали. Каковы же были эти ихъ преимущества? «Это были люди, предававшіеся всѣмъ плотскимъ удовольствіямъ, и къ нимъ настолько возвращалась цѣлость чувства и здравый умъ, что они могли жениться, имѣть многочисленныхъ дѣтей и наслаждаться всѣми утѣхами жизни, ибо никогда злой духъ не овладѣвалъ ими снова». Стагирій не сознаетъ того, что исцѣленію препятствуютъ именно тѣ суровости, которыя слишкомъ тяжелы для вырождающагося и

нервнаго темперамента, что благосостояніе и обычный образъ общественной жизни мало-по-малу облегчали несчастіе другихъ. Удрученный болѣзнью, онъ не хотѣлъ ни въ чемъ видѣть убѣжища, какъ только въ смерти, хотя бы и произвольной.

Св. Златоустъ не болѣе его сомнѣвается въ истинномъ врачевствѣ. Въ его глазахъ Стагирій стоитъ на хорошей дорогѣ. Если онъ и не нашелъ исцѣленія, то, по крайней мѣрѣ, онъ далеко ушелъ въ совершенствованіи своей души. Предлагаемые имъ совѣты внушены превосходными намѣреніями, но, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время мы не можемъ повторить ихъ, не сдѣлавъ оговорокъ. Что всего болѣе замѣчательно и чѣмъ Златоустъ возвышается надъ своимъ временемъ, это то, что онъ,—какъ и въ своихъ бесѣдахъ о бѣсахъ,—пытается отвести злому духу свое мѣсто. Иногда на его долю онъ не оставляетъ почти ничего, кромѣ физической болѣзни. Въ печали и меланхоліи отвѣтственъ самъ Стагирій, онъ самъ виновникъ ихъ и самъ могъ бы ихъ исцѣлить. «Демонъ не виновникъ этой мрачной печали, но печаль приходитъ съ помощью дьявола и внушаетъ тебѣ всѣ эти дурныя мысли». «Пусть Стагирій продолжаетъ свои аскетическіе подвиги, пусть трудится и силится убѣдить себя, что онъ не исключеніе и не одинъ подвергается искушенію. Пусть для этого онъ идетъ посмотрѣть на заключенныхъ и посѣтитъ больницу неизлѣчимыхъ». Виллеменъ выразительно отмѣчалъ и восхвалялъ эти два послѣдніе совѣта, которые, конечно, сами по себѣ стоютъ этого. Они внушены нѣжнымъ чувствомъ и глубокимъ намѣреніемъ, но въ примѣненіи въ частности къ Стагирію позволительно утверждать, что они были ошибкою. Умѣстно было бы Сенекѣ давать ихъ Серенію, который, повидимому, былъ боленъ только душой и не имѣлъ нужды ни въ чемъ, кромѣ правильно урегулированной дѣятельности и спокойствія. И въ самомъ дѣлѣ, Сенека даетъ ему

нѣкоторые, хотя безъ сомнѣнія менѣе возвышенные, но аналогичные совѣты. Стагирій, напротивъ, былъ эпилептикомъ. Видъ страдающихъ ракомъ и прокаженныхъ могъ еще болѣе омрачить и разслабить его. Можетъ быть, исцѣлить Стагирія болѣе способенъ былъ его отецъ, котораго такъ боялся Стагирій и о которомъ такъ дурно говоритъ св. Златоустъ. Этотъ отецъ, конечно, былъ человѣкъ весьма мало достойный одобренія: онъ бросилъ свою жену и сына, чтобы жить съ наложницей, давшей ему другихъ дѣтей. Онъ сохранялъ всѣ предубѣжденія мірского человѣка противъ монашества, но на этотъ разъ справедливость была на сторонѣ этихъ предубѣжденій. Можно было опасаться ужаснаго гнѣва, которому онъ предался бы, еслибъ ему пришлось узнать о состояніи, до котораго дошелъ его сынъ. Съ цѣлью ободрить Стагирія, св. Златоустъ вынужденъ былъ говорить ему, что столь презрѣнный человѣкъ вмѣсто того, чтобы досадовать, безъ сомнѣнія, обрадовался бы, узнавъ, что его сынъ, дѣйствуя противъ его воли, дошелъ до такого несчастія. Онъ увидѣлъ бы здѣсь только заслуженное наказаніе.

Такую же мудрую осторожность св. Златоустъ обнаруживаетъ, говоря о чудесахъ. Онъ не перестаетъ поучать, что чудеса ниже дѣлъ, и любитъ повторять слова Іисуса Христа (Лук. 10, 20) къ семидесяти ученикамъ, радовавшимся власти, данной имъ Его именемъ надъ бѣсами: «не тому радуйтесь, что духи вамъ повинуются, но тому, что имена ваши написаны на небесахъ». Любовь — вотъ истинное чудо. Въ одномъ мѣстѣ онъ высказалъ даже, что еслибы мы имѣли любовь апостоловъ Петра и Павла, мы не были бы ниже ихъ, хотя они и имѣли бы передъ нами превосходство чудотворенія. «Скажи мнѣ, если кто-нибудь предоставилъ бы тебѣ на выборъ — или воскрешать мертвыхъ во имя Христа, или умереть за имя Его, — что предпочелъ бы ты? Не предпочелъ ли бы ты мученичества? А между тѣмъ, первое было бы чудомъ, а второе

дѣломъ. Если кто-нибудь предложилъ бы тебѣ на выборъ: или превращать траву въ золото, или попирать ногами всѣ богатства, какъ траву,--развѣ не избралъ бы ты второго преимущества? И, конечно, ты былъ бы правъ, ибо первое, безъ сомнѣнія, обольстило бы всѣхъ людей. Когда они увидѣли бы, что трава дѣлается золотомъ, они захотѣли бы всѣ обладать тою-же властью, и любовь къ богатству только возросла бы. А когда, наоборотъ, всѣ презрѣли бы золото, какъ солому, то послѣ нѣкотораго времени зло исчезло бы изъ міра. Что поистинѣ утверждаетъ нашу жизнь —чудеса или доброе поведеніе? конечно, послѣднее!» —Весьма часто онъ склоняется къ тому, чтобы провести абсолютное различіе между эпохою возникновенія христіанства и современною. Нѣкогда ощущалась нужда въ чудесахъ: но они уже не необходимы теперь, когда сами дѣла гласятъ объ истинности вѣры. Огнынѣ онъ допускаетъ только одно остающееся чудо, превосходящее всѣ другія — это универсальное распространеніе христіанства и его окончательный тріумфъ. Это конечно, не значитъ, что онъ абсолютно отказывается допустить чудо въ IV-мъ вѣкѣ,— понятно, что онъ не могъ не допускать его. Онъ не только вѣритъ въ исцѣленія бѣсноватыхъ отъ святыхъ мощей или благодаря ходатайству аскетовъ, но говоритъ и объ исцѣленіяхъ, получаемыхъ чрезъ помазаніе освященнымъ елеемъ, взятымъ изъ лампадъ, горящихъ въ церкви. Въ особенности онъ обращается къ чудесамъ, происшедшимъ при императорѣ Юліанѣ. Часто упоминаетъ онъ, какъ о двухъ поразительныхъ новыхъ примѣрахъ,—о сверхъестественныхъ препятствіяхъ, помѣшавшихъ попыткѣ возстановленія храма и о перенесеніи мощей св. Вавилы, Дафнійскаго мученика. Есть у него рѣчь и о чудесныхъ обстоятельствахъ, происшедшихъ при имп. Валентѣ, во время казни Ѳеодоры. Онъ вѣритъ также, что духъ пророчества не всецѣло исчезъ изъ Церкви, но временами еще дышетъ, по крайней мѣрѣ, у тѣхъ великихъ обла-

годатствованныхъ аскетовъ, родоначальникъ которыхъ, св. Антоній, былъ истиннымъ пророкомъ, точно предсказавшимъ послѣднее пораженіе аріанства. Доказательство этого можно найти въ «книгѣ, заключающей исторію его жизни», т. е., вѣроятно, въ его біографіи, написанной св. Аѳанасіемъ. Вообще св. Златоустъ обладалъ истиннымъ евангельскимъ духомъ, чистымъ преданіемъ Христа Спасителя, вѣря въ чудо, но не преувеличивая его важности, и съ прискорбіемъ видя, что на очень многихъ только одно оно и производитъ впечатлѣніе. Можетъ быть, любопытно отмѣтить, что св. Златоустъ не допускаетъ, будто бы Іисусъ Христосъ творилъ чудеса въ Своемъ дѣтствѣ: онъ понимаетъ всю опасность допустить тѣ смѣшныя ребячества, какія разсказываетъ «евангеліе дѣтства». Онъ чувствовалъ также, сколь трудно, разъ допустивъ чудо, разграничить истинныя чудеса отъ ложныхъ, когда всѣ секты тотчасъ приводятъ ихъ въ свою пользу. И вотъ почему онъ иногда говорилъ, что предпочелъ бы прорицаніе чуду въ собственномъ смыслѣ, потому что въ извѣстной степени и бѣсы могутъ подражать чудесамъ и давать своимъ подлогамъ обманчивое правдоподобіе, — тогда какъ, при ихъ попыткѣ предсказывать, прорицанія опровергаются событіемъ.

Съ сожалѣніемъ должно поставить въ рядъ обнаруженій суевѣрія обычай странствованія, сдѣлавшійся общимъ въ IV-мъ вѣкѣ, съ сожалѣніемъ потому, что нѣтъ болѣе нѣжнаго чувства, какъ то, которое влечетъ насъ къ посѣщенію мѣстъ, прославленныхъ жизнію и смертью тѣхъ, кому мы благоговѣйно изумляемся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это такое чувство, которое нужно умѣло умѣрять и хорошо направлять, — въ противномъ случаѣ никакъ не избѣжать плачевныхъ крайностей. Мы видѣли, какъ антіохійскіе вѣрные, то подъ руководствомъ св. Іоанна, то подъ руководствомъ св. Флавіана, тѣснились въ тѣ часовни которыя окружали городъ. Это было превосходное

обыкновеніе, весьма способное оживить вѣру и удовлетворить воображенію. Позднѣе, въ Константинополѣ св. Іоаннъ часто совершалъ удивительные крестные ходы, состоящіе изъ восторженной толпы, съ цѣлью перенесенія какихъ-либо мощей. На нихъ присутствовала даже сама императрица. Здѣсь пѣли псалмы по латыни, сирски, гречески и готски. Можно сказать, что тогда слѣдовало только хвалить тѣхъ, кто, увлекаемый благочестивымъ чувствомъ, побудившимъ бл. Іеронима остаться жить въ Виѳлеемѣ, собирался посѣтить Палестину. Извѣстно, въ какой любопытной картинѣ представилъ бл. Іеронимъ Іерусалимъ IV-го вѣка, переполненный множествомъ путешественниковъ всевозможныхъ народностей и сектъ. Благодаря крайней близости, сирійцы были тамъ особенно многочисленны, и, когда св. Златоусту случается говорить, напримѣръ, объ опустошенномъ мѣстѣ Содома и Гоморры и описывать, (какъ любили дѣлать въ то время), опустошенную страну по берегамъ Мертваго моря,—онъ обращается къ тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые посѣтили эти страны и ссылается на ихъ свидѣтельство «Весь міръ,—говоритъ онъ, —стекается посмотрѣть на гробъ, гдѣ нѣтъ уже Божественнаго тѣла, идетъ посѣтить мѣста, гдѣ Іисусъ Христосъ родился, былъ распятъ и погребенъ». Почти столь же сильное теченіе увлекало вѣрныхъ въ Египетъ, въ знаменитыя пустыни, гдѣ насаждена была св. Антоніемъ Великимъ и его продолжателями отшельническая и монастырская жизнь. Св. Златоустъ могъ еще призвать къ свидѣтельству довольно большое число своихъ соотечественниковъ, когда описывалъ чудеса почти сверхъестественнаго существованія великихъ египетскихъ монаховъ. Любопытно также констатировать тотъ фактъ, что христіанскій Римъ, привлекалъ къ себѣ всѣхъ съ необычайною силою. Ничуть не удивительно, что онъ отовсюду созывалъ жителей Запада, и что испанецъ, подобно поэту Пруденцію, не могъ сдержать

своего энтузіазма, празднуя, вмѣстѣ съ римлянами, годичный праздникъ апостоловъ Петра и Павла *). Болѣе замѣчательно то, что до самой Сиріи, Іерусалимъ не могъ совершенно заглушить стремленія къ Риму. Отдаленность, безъ сомнѣнія, препятствовала приходить въ Римъ большинству изъ тѣхъ, кого не призывали туда собственныя дѣла. Но зато объ этомъ горячо сожалѣли, и св. Златоустъ нѣсколько разъ былъ истолкователемъ этихъ сожалѣній. Часто, когда онъ говоритъ объ апостолѣ Павлѣ, (а извѣстно, что панегирикъ апостолу языковъ повторяется почти во всѣхъ его бесѣдахъ), онъ прославляетъ преимущество Римлянъ, обладателей достославнаго гроба св. Апостола. При чтеніи его, невольно вспоминается тотъ гимнъ, во славу св. Лаврентія, который Пруденцій написалъ передъ выполненіемъ Римскаго путешествія, и гдѣ онъ въ столь прекрасныхъ стихахъ выразилъ счастье тѣхъ, кто постоянно жилъ около славныхъ гробовъ. Слова св. Златоуста не менѣе восторженны; грекъ, который позднѣе долженъ былъ найти прочную опору у папы Иннокентія, любилъ Римъ почти такимъ-же сыновнимъ чувствомъ, какъ и латинянинъ. Послѣдній могъ удовлетворить своему желанію; грекъ утѣшался воспоминаніемъ того, что въ самой Антіохіи сначала жилъ и проповѣдывалъ апостолъ Павелъ.

Но что роняло цѣну этихъ путешествій, въ которыхъ обнаруживалась, впрочемъ, столь чистая и трогательная вѣра,—это вѣчное и часто безплодное, (какъ показала намъ исторія Стагирія), исканіе чудеснаго исцѣленія; это было одно и то-же, всюду представляющееся, зрѣлище несчастныхъ бѣсноватыхъ. Въ то-же время, съ славнаго момента обрѣтенія св. Еленою Креста Господня, во многихъ мѣстахъ появились

*) Златоустъ говоритъ, что въ его время, кромѣ гробницъ свв Петра и Павла, были извѣстны еще гробницы апостоловъ Іоанна и Ѳомы. Гробницы другихъ Апостоловъ не были извѣстны. (26-я бес. на посл. къ Евр.)·

различные священные останки, изъ которыхъ многіе лишены были всякаго правдоподобія. Можно ли повѣрить, что были люди, видѣвшіе въ Аравіи «гноище Іова», о которомъ упоминаетъ св. Златоустъ въ 5-й бесѣдѣ къ антіохійцамъ. Правдоподобно ли также, что въ Арменіи показывали останки Ноева ковчега?—Мы никогда не пришли бы къ концу, еслибы хотѣли показать здѣсь всѣ суевѣрія, помрачавшія въ умахъ большинства христіанское ученіе. Но какъ-бы ни достойно сожалѣнія было это наивное довѣріе, можно сказать, что многія изъ этихъ злоупотребленій были неизбѣжны. Большинство ихъ терпѣли и даже раздѣляли наиболѣе возвышенные умы того времени. Всего болѣе оскорбляла и возмущала св. Златоуста устойчивость языческихъ и іудейскихъ вѣрованій въ обществѣ, принявшемъ христіанство, и на искорененіе этого зла онъ сильно надѣялся. Въ постоянномъ соприкосновеніи, которое вѣрные имѣли съ іудеями и греками, затѣмъ въ старинныхъ преданіяхъ, коренившихся въ самомъ лонѣ семействъ, принадлежащихъ христіанству уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній,—былъ неистощимый источникъ этого зла, тѣмъ болѣе распространеннаго и тяжкаго, что и іудейство и язычество считали возможнымъ продолжать въ то время борьбу противъ христіанства не иначе какъ только при помощи суевѣрій.

Въ одномъ мѣстѣ св. Іоаннъ даетъ довольно полный перечень большинства языческихъ неискорененныхъ обычаевъ. Это были: вѣрованіе въ предзнаменованія и предсказанія, соблюденіе извѣстныхъ дней, признаваемыхъ несчастными, тогда какъ на другіе смотрѣли какъ на счастливые, и, наконецъ, амулеты и волшебныя дѣйствія. По поводу словъ пророка Исаіи «наполнися земля ихъ волхвованій», онъ показываетъ намъ, что вѣрованія въ предсказанія были крайне многочисленны. Были христіане, которымъ можно было почти прямо приписать суевѣрный характеръ, какъ его описалъ

Θеофрастъ. Естественно, что у оглашаемыхъ это зло было наиболѣе чувствительно, и въ концѣ второй катизической бесѣды св. Златоустъ описываетъ его съ очень большими подробностями. Онъ смѣется надъ тѣми, кто вѣритъ, что имъ угрожаетъ зло, если, выходя изъ дому, они встрѣтятъ хромого или кривого и указываетъ даже примѣръ гораздо болѣе странный. По какому-то странному суевѣрію воображали, что, если встрѣтятъ честную дѣвушку, то день будетъ безполезнымъ, и наоборотъ, если встрѣтятъ блудницу, то онъ будетъ счастливъ и плодотворенъ. Изъ всѣхъ дней года больше всего опасныхъ искушеній представляло вѣрнымъ 1-е Января, первые годовые календы *). Вѣрили, что, если проведутъ первый день новаго года въ радости и удовольствіи, то можно быть обезпеченнымъ, что такъ же проведутъ и цѣлый годъ. Пировать начинали уже на зарѣ; «мужчины и женщины наполняли стаканы и чаши». Двери домовъ украшались гирляндами и цвѣтами. Въ особенности приготовленія были великолѣпны на площади. «Агора походила на роскошную и пышно одѣтую женщину,которая съ гордостью хвастаетъ своими прекрасными украшеніями». Всѣ лавки, въ самомъ дѣлѣ, выставляли наружу свои лучшіе товары, потому что это былъ день обновокъ. Давались общественныя увеселенія, танцы и зрѣлища. Вечеромъ, блестяще иллюминованный городъ **) былъ полонъ пьяницами, распѣвающими позорныя пѣсни и непристойныя шутки. Св. Златоустъ въ первые дни своей проповѣди посвятилъ одну бесѣду всецѣло тому, чтобы обличить эти обычаи, большинство изъ которыхъ съ очевидностью носило слѣдъ своего языческаго происхожденія. Если казалось неправдоподобнымъ, что можно не дѣлать этого пиршества, то онъ хотѣлъ, по крайней мѣ-

*) Съ этими же самыми обычаями мужественно боролся еп. Астерій Амасійскій.

**) Разумѣется Антіохія, такъ какъ здѣсь была произнесена бесѣда на новолѣтіе.

рѣ, чтобы на нихъ приглашали бѣдныхъ. Такъ, насколько возможно прямо, онъ отклонялъ предразсудокъ, который намѣренъ былъ искоренить, потому что присутствіе нищаго за столомъ въ первый день года (точно такъ же, какъ и на тѣхъ брачныхъ пиршествахъ, относительно которыхъ мы слышали уже отъ него тотъ-же совѣтъ) считалось самымъ дурнымъ предзнаменованіемъ.

Амулеты имѣли иногда христіанскій характеръ: таковы были тѣ евангелія, уже упомянутыя нами, которыя обыкновенно носили повѣшенными на шею. Но другіе были вполнѣ языческіе: таковы медали съ изображеніемъ Александра Македонскаго, которымъ приписывали громадную силу. Св. Златоустъ настаивалъ, чтобы ихъ замѣняли крестами.

Волхвованія были въ весьма большомъ употребленіи. Благодаря воздѣйствію, какое, подъ вліяніемъ неоплатонизма, они оказывали на язычниковъ, а съ другой стороны, вслѣдствіе того, что и среди самихъ христіанъ, чувствовалось сильное расположеніе къ признанію извѣстныхъ чудесъ даже у своихъ противниковъ,—многіе, не колеблясь, прибѣгали къ чародѣямъ. Вѣрили во всемогущество извѣстныхъ заклинаній, а женщины особенно часто прибѣгали къ волшебницамъ. Онѣ умоляли ихъ въ случаѣ безплодія, и св. Златоусту стоило большого труда убѣдить ихъ, что молитва дѣйствительнѣе языческихъ формулъ. Среди этихъ волшебницъ нѣкоторыя были даже христіанками и въ своихъ колдовствахъ пользовались именемъ І. Христа; этихъ онъ обличалъ въ высшей степени сильно. Онъ говоритъ только намеками и прикровенно о нѣкоторыхъ подобнаго рода дѣйствіяхъ, употребляемыхъ бабками въ ихъ многотрудныхъ акушерскихъ заботахъ. Впрочемъ, и мужчины, подобно женщинамъ, имѣли тѣ-же самыя слабости; они жаловались на то, что нѣтъ больше чудесъ; вслѣдствіи этого облекали магію своимъ довѣріемъ, прибѣгали къ талисманамъ всякаго рода и признавали

дѣйствіе формулъ, иногда очень странныхъ. Такъ, особенную силу усвояли именамъ рѣкъ. Злоупотребленія подобнаго рода были столь тяжки, что св. Златоустъ вынужденъ былъ угрожать суровыми дисциплинарными мѣрами. «Если я узнаю снова, что кто-либо употребляетъ талисманы или заклинанія, я не пощажу его; я вамъ это говорилъ и снова повторяю». Ссылались на то, что въ концѣ концовъ все таки всегда обращались къ Богу и просили Его вмѣшательства; оправдывались тѣмъ, что старыя волшебницы, которыхъ призывали,—были христіанками. Но нужно думать, что это не только не смягчало св. Златоуста, а даже въ особенности раздражало. «Ваши обыкновенія языческія; —повторялъ онъ, употребляя выраженія, дающія вполнѣ ясное представленіе о глубинѣ зла. Уговаривая больныхъ отказаться отъ средствъ, къ которымъ они относились съ такимъ довѣріемъ, онъ говорилъ имъ, что, если они будутъ сопротивляться столь опасному искушенію, то будутъ вполнѣ вознаграждены, ибо это сопротивленіе относится къ числу наиболѣе рѣдкихъ и достохвальныхъ: оно столь достохвально и рѣдко, что зачтено будетъ имъ въ заслугу мученичества. «Это принесетъ тебѣ вѣнецъ мученичества!»

Однако, болѣзни не были единственнымъ случаемъ, когда люди поддавались искушеніямъ. Во всѣхъ непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ обращались за совѣтомъ къ гадателямъ; такъ же поступали и въ случаѣ покражи. Весьма любопытно то, что Златоустъ не отрицаетъ, будто чародѣи могутъ давать хорошіе совѣты, «ибо ихъ вдохновляетъ дьяволъ, а тотъ, кто вооружилъ вора, знаетъ, гдѣ воръ прячетъ свою добычу.» Но предпочтительнѣе потерять свои деньги, чѣмъ прибѣгать къ такимъ предосудительнымъ средствамъ, и за такое благоразуміе вѣрные будутъ вознаграждены, какъ за совершеніе милостыни. И немедленно эта мысль о милостынѣ, постоянно представлявшаяся уму св. Златоуста и всегда вдохновлявшая его какою-нибудь

новою идеею, диктуетъ ему новый возвышенный совѣтъ. «Тебя обкрадываютъ,— въ такомъ случаѣ не только не ищи вернуть свои деньги съ помощью этихъ языческихъ волшебниковъ, но твори милостыню посредствомъ того, что́ у тебя остается. Тогда Богъ будетъ тебѣ покровительствовать, и отнынѣ ты не подвергнешься никакой опасности».

Самыми нелѣпыми, быть можетъ, были тѣ суевѣрія, невинною причиною которыхъ являлись дѣти. Чтобы защитить этихъ послѣднихъ, прибѣгали къ всевозможнымъ талисманамъ. Имъ навязывали, напримѣръ, на руки нитку красной пряжи и ей усвояли чудесную власть, которую не должно было приписывать ничему, кромѣ креста. Было обыкновеніе еще болѣе нелѣпое: тщательно собирали грязь съ полу бань, и кормилицы съ служанками, окунувъ туда палецъ, отмѣчали ею лобъ ребенка, увѣряя, что это защититъ его отъ дурного глаза, зависти и ненависти. Нужно ли было дать ему имя,— знали все, что считалось необходимымъ для совершенія выбора. «Зажигали свѣтильники, каждому изъ нихъ усвояли одно изъ именъ, относительно которыхъ бывали колебанія, наблюдали, какой свѣтильникъ горѣлъ дольше, и имя, усвоенное ему, становилось именемъ ребенка; въ то-же время изъ продолжительности опыта извлекали предсказаніе о продолжительности его жизни». Св. Златоустъ пользовался случаемъ упрекать родителей по этому поводу, чтобы посовѣтовать давать своимъ сыновьямъ и дочерямъ имена святыхъ и подвижницъ. Онъ указывалъ имъ на примѣръ патріарховъ, выбиравшихъ для своихъ дѣтей имена, заключавшія предсказанія и таинственный смыслъ. Впрочемъ, онъ сообщаетъ намъ, что этотъ обычай уже начиналъ вводиться въ Антіохіи, гдѣ глубокая любовь, удивленіе и обожаніе, питаемые вѣрными къ св. Мелетію, часто заставляли послѣднихъ избирать имя своего возлюбленнаго епископа.

Послѣднія суевѣрія, только что отмѣченныя нами, казались

ребячествомъ, скорѣе смѣшнымъ, чѣмъ опаснымъ. Но умственные навыки, завершавшіеся столь частымъ употребленіемъ магическихъ дѣйствій, могли уже влечь вполнѣ тяжкія послѣдствія иного рода. Они приводили къ полному извращенію смысла самыхъ существенныхъ христіанскихъ обрядовъ. Такъ, въ глазахъ большинства вѣрныхъ, еще всецѣло проникнутыхъ идолопоклонническими идеями и языческими чувствами и вѣрующихъ въ дѣйствительность формулъ, молитва представлялась въ нѣкоторомъ родѣ заклинаніемъ, припѣвомъ волшебницы, могущественною по присущей ей силѣ, а не по благочестивымъ намѣреніямъ молящагося. Многіе изъ несовершенныхъ христіанъ готовы были предпочесть христіанскаго Бога, какъ Бога сильнѣйшаго, рука Котораго поражаетъ враговъ. Поистинѣ удивительны усилія, которыя долженъ былъ дѣлать св. Златоустъ во время всей своей жизни противъ этого предубѣжденія, ниспровергающаго всю истинную религію. Онъ зналъ, что Церковь была часто унижаема святотатственными мольбами людей, пытавшихся сдѣлать Провидѣніе участникомъ своей злобы и ненависти. Были люди, съ жестокою пылкостью молившіеся противъ своихъ враговъ—язычниковъ, которымъ они хотѣли доказать все безжалостное превосходство своей вѣры. «Отомсти за меня, Господи,—говорили они въ глубинѣ своего сердца,—чтобы они видѣли, что и у меня есть Богъ». И такіе случаи были часты. Проповѣдуя въ первый разъ объ этомъ предметѣ, можетъ быть, самъ св. Златоустъ не подозрѣвалъ вполнѣ, сколь справедливъ былъ урокъ, такъ какъ въ одной рѣчи, произнесенной нѣсколько позднѣе, онъ говорилъ своимъ слушателямъ: «когда я внушалъ вамъ не молиться противъ своихъ враговъ и доказывалъ, что дѣлать это—значитъ прогнѣвлять Бога и идти противъ Его законовъ, ибо Онъ сказалъ: «молитесь за враговъ вашихъ» (Матѳ. 5. 44),—тогда я видѣлъ, что многіе изъ васъ ударяли себя въ грудь, рыдали и воз-

дѣвали руки къ небу, чтобы испросить прощеніе за совершенное».

Въ возвышенныхъ выраженіяхъ св. Іоаннъ выясняетъ имъ грубость и нелѣпость подобнаго суевѣрія. Какъ! Ты испрашиваешь у Бога прощенія своихъ грѣховъ и молишься, чтобы Онъ былъ безпощаденъ къ грѣхамъ другихъ! «Что сказалъ бы ты, еслибы человѣкъ, пришедшій къ тебѣ просить себѣ пощады, увидя своего врага, въ моментъ стоянія предъ тобою на колѣняхъ, поднялся бы и сталъ бить его? Три отрока въ пещи не молились противъ Навуходоносора, ты же говоришь: «порази моего врага; возврати ему на сынѣ его зло, сдѣланное имъ мнѣ». «Не узнаешь-ли ты здѣсь своихъ собственныхъ словъ? Ты смѣешься? видишь, сколь смѣшнымъ кажется тебѣ этотъ порывъ гнѣва, послѣ того какъ онъ прошелъ». Правда, Церковь иногда ненамѣренно способствовала утвержденію этого взгляда, когда въ началѣ вѣка и затѣмъ въ эпоху Юліана призывала Божественное мщеніе на своихъ преслѣдователей и нѣсколько жестоко радовалась ихъ наказанію. Читавшіе трактатъ Лактанція «о смерти преслѣдователей» и видѣвшіе тамъ начертанный съ такою страстью образъ Божества, представленнаго въ духѣ Ветхаго Завѣта ревнующимъ и мстительнымъ, — читавшіе, затѣмъ, нареканія св. Григорія Назіанзина на своего стараго соученика, сдѣлавшагося императоромъ—отступникомъ,—безъ сомнѣнія, оставляли чтеніе не съ чувствомъ совершенной христіанской любви. Но не будемъ считать св. Златоуста отвѣтственнымъ за тѣ крайности, которыхъ не избѣжалъ ни Лактанцій, нерѣдко являющійся не вполнѣ авторитетнымъ истолкователемъ ученія, ни св. Григорій, душа котораго была такою пылкою и порывистою. Но св. Златоустъ даже въ томъ случаѣ, когда говорилъ о Юліанѣ съ двойнымъ къ нему отвращеніемъ христіанина и гражданина Антіохіи, былъ по истинѣ апостоломъ милости и любви.

Астрологія имѣла большое вліяніе на умы. Роль, какую играли нѣкогда волхвы по евангельскому разсказу, и явленіе звѣзды казались достаточнымъ оправданіемъ ея адептовъ. Эта ссылка на исторію волхвовъ, дѣлаемая нѣкоторыми суевѣрными христіанами, была въ ходу гораздо ранѣе Златоуста. Къ астрологамъ обращались за совѣтомъ, и у многихъ астрологическія басни принимали своеобразную форму. Существовало вѣрованіе въ смѣну однихъ и тѣхъже небесныхъ вращеній, производящихъ подобный же рядъ переворотовъ на землѣ. Св. Іоаннъ обличалъ эти суевѣрія съ крайнею энергіей, такъ какъ они предполагали вѣру въ фатализмъ, а онъ между всѣми св. отцами былъ ревностнымъ защитникомъ свободной воли и личной отвѣтственности.

Въ Константинополѣ, городѣ новомъ, вліяніе іудеевъ не было, вообще говоря, очень чувствительно, хотя здѣсь ихъ было довольно значительное число. Правда, св. Златоустъ сообщаетъ намъ, что нѣкоторые христіане не перестали праздновать вмѣстѣ съ ними субботу. Но ихъ вліяніе сказывалось гораздо значительнѣе въ Антіохіи, гдѣ была ихъ старинная и очень людная колонія. Вѣрующіе колебались тамъ между двумя весьма рѣдко совмѣстимыми чувствами: съ одной стороны, презрѣніемъ и пылкою ненавистью противъ народа, глухого къ голосу пророковъ и пролившаго кровь Богочеловѣка, и, съ другой стороны, непроизвольнымъ уваженіемъ, непреодолимымъ влеченіемъ къ тому-же самому народу, первому хранителю св. преданія и истины. Въ городѣ, гдѣ впервые пронесено было благовѣстіе, какъ только оно вышло изъ Іерусалима, движеніе христіанства отъ Іудеи было извѣстно всѣмъ, не только какъ историческій фактъ, сообщаемый въ книгахъ, но чрезъ неоскудѣваемое и живое воспоминаніе. Многіе тайно уважали іудеевъ и думали, что ихъ обычаи «донынѣ честны». Когда наступало время ихъ праздниковъ, такіе христіане устремлялись въ синагоги, и женщины въ пер-

выхъ рядахъ. Особенно Пасха подавала поводъ впадать въ этотъ грѣхъ: христіане не могли рѣшиться праздновать ее иначе, чѣмъ тѣ, для кого она была установлена первоначально; поэтому и начинали, и прекращали постъ вмѣстѣ съ іудеями. Но это значило унижать церковное ученіе и недавнія Никейскія постановленія. Въ этомъ случаѣ христіане какъ бы приносили повинную передъ тѣмъ преданіемъ, отъ котораго христіанство уже отрѣшилось. Прибавимъ, что, по словамъ св. Златоуста, іудейскіе праздники сопровождались тогда довольно соблазнительными увеселеніями. Такъ, св. Іоаннъ утверждаетъ, что евреи предавались распутству, замѣняя этимъ постъ; какъ пьяные, голыми ногами плясали они въ общественныхъ мѣстахъ; призывали театральный персоналъ, распутниковъ и актрисъ, и вводили ихъ въ свои синагоги, такъ что эти послѣднія становились ничѣмъ инымъ, какъ домами непотребства. Кромѣ синагогъ самой Антіохіи была синигога, можетъ быть, еще чаще посѣщаемая,—въ пригородѣ Дафны *). Вѣрные находили здѣсь то преимущество, что имъ легче было сохранять инкогнито, обманывая бдительность епископа. Въ то-же время нѣкоторые изъ нихъ вѣрили въ обязательность соблюденія субботы. Въ случаѣ болѣзни прибѣгали также къ волшебствамъ іудеевъ, пользовавшимся не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ и чары языческія. Особенную надежду на исцѣленіе, по увѣренію іудеевъ, получили люди, проспавшіе ночь подлѣ пропасти Матроны.

Было вѣрованіе, что присяга произносимая въ синагогѣ, имѣла силу болѣе всякой другой. Противъ обычая употребленія клятвы, въ частности въ тяжбахъ, какъ и противъ привычки къ простой божбѣ, св. Златоустъ выступалъ въ

*) Тамъ была мѣстность, называемая пропастью Матроны, относительно которой, къ сожалѣнію, св. Златоустъ не высказывается ясно, точно такъ же, какъ не употребляетъ ясныхъ выраженій о подобномъ же, весьма часто посѣщаемомъ святилищѣ Сатурна, въ Киликіи.

настоящемъ продолжительномъ походѣ, въ 387-мъ году, т. е. въ годъ возмущенія *). Всѣ его бесѣды оканчиваются весьма горячими увѣщаніями по этому предмету, и здѣсь обнаруживается его необычайно благоразумная и искусная тактика — раздроблять свою задачу и обличать пороки не всѣ заразъ, но каждый по одиночкѣ, и не прежде покидать предметъ, какъ достигнувъ дѣйствительнаго прогресса. Современники св. Златоуста не только оскорбляли Божественное имя клятвою и божбой, но даже для совершенія клятвы ходили въ синагогу. Вотъ одинъ весьма интересный случай. Св. Златоустъ встрѣтилъ однажды въ городѣ человѣка, силою тащившаго женщину въ синагогу; этотъ человѣкъ имѣлъ съ нею тяжбу и хотѣлъ вынудить отъ нея свидѣтельство въ пользу своего дѣла. Женщина-христіанка протестовала и отказывалась произнести присягу предъ іудеями; мужчина, конечно, также христіанинъ, хотѣлъ ее къ этому принудить. Св. Златоустъ становится между ними посредникомъ. Безъ сомнѣнія, не одинъ разъ въ Антіохіи подобнымъ образомъ проявлялось его благодѣтельное воздѣйствіе, но онъ обыкновенно не разсказываетъ намъ объ этомъ; здѣсь же, въ интересахъ своихъ слушателей, онъ идетъ противъ своей обычной скромности. Итакъ, ему удалось убѣдить этого плохого христіанина евангельскими текстами (и въ особенности текстомъ изъ Мѳ. 5, 34), что клясться запрещено, и что тѣмъ менѣе можно кого-либо вынуждать къ клятвѣ. Но всего болѣе его удивило то, что для клятвы мужчина избралъ синагогу, и онъ спросилъ послѣдняго о побужденіяхъ къ этому. «Меня увѣряли,— отвѣчалъ тотъ, что присяга, произнесенная въ этомъ мѣстѣ, страшнѣе, чѣмъ всѣ другія». Сначала предавшійся негодованію, св. Златоустъ кончилъ тѣмъ, что нашелъ это въ высшей степени смѣшнымъ и безумнымъ и началъ смѣяться. Изъ его столь глубокаго изум-

*) Впрочемъ св. Златоустъ признаетъ законность присяги въ случаѣ необходимости.

ленія позволительно заключать, что подобный фактъ былъ вообще болѣе исключительнымъ, чѣмъ кажется. Тѣмъ не менѣе, нельзя не допустить, что иногда іудеи, благодаря своей хитрости и упрямству, успѣвали убѣдить невѣжественныхъ христіанъ въ томъ, что болѣе древнее преданіе давало имъ извѣстныя преимущества; такъ іудеи «устрашали и пугали ихъ, какъ малыхъ дѣтей».

Въ томъ-же самомъ году, когда онъ предпринялъ свою полемику противъ аномеевъ, св. Златоустъ, съ приближеніемъ іудейскихъ праздниковъ, сдѣлалъ перерывъ въ этомъ первомъ походѣ, чтобы начать рядъ гомилій противъ іудеевъ. Доказавъ, вопреки аномейскому высокомѣрію, непостижимость Божественнаго существа, онъ воспользовался случаемъ сразиться, съ своей стороны, и съ іудейскою гордостью и ясно изложить вѣрнымъ разность ветхаго и новаго завѣтовъ. Онъ выказалъ при выполненіи этого дѣла такую страстность, что не безосновательно при чтеніи этихъ бесѣдъ принимать въ разсчетъ ораторское преувеличеніе. Св. Іоаннъ безжалостенъ къ своимъ противникамъ. Мы видѣли уже, что онъ обвиняетъ ихъ въ безнравственности; не меньше упрекаетъ онъ ихъ и за упрямство, называя ихъ псами и прилагая къ нимъ слова св. Матѳея. (15, 26). Синагога не что иное, «какъ пристанище для разбойниковъ, бездѣльниковъ и даже демоновъ». Души іудеевъ хуже бѣсовъ. Однажды, когда онъ произносилъ четвертую бесѣду, гдѣ разсуждалъ о разрушеніи храма, онъ говорилъ такъ долго и съ такою одушевленностью, что заключилъ ее охрипшимъ голосомъ, о чемъ мы узнаемъ изъ вступленія къ пятой бесѣдѣ. Чтобы отразить вліяніе іудеевъ на христіанъ, онъ даетъ столь свойственные ему совѣты: онъ хочетъ убѣдить своихъ слушателей, что каждый изъ нихъ отвѣтственъ не только за свое собственное спасеніе, но еще и за спасеніе ближняго. Св. Златоустъ былъ всегда апостоломъ взаимной отвѣтственности. Ему хотѣлось, чтобы христіане наблю-

дали другъ за другомъ, вразумляли одинъ другого и, строго соблюдая тайну, ради избѣжанія соблазна,—доносили о виновномъ только священнику и епископу. Этотъ совѣтъ постоянно повторяется въ его бесѣдахъ противъ іудеевъ, въ особенности въ первой и седьмой. Св. Златоустъ не скрываетъ, впрочемъ, что проявлять эту бдительность довольно трудно. Въ синагогу христіане ходили тайно и принимали предосторожности, чтобы ни другъ, ни сосѣдъ, ни рабъ не могли донести объ этомъ дѣлѣ церковной власти. Итакъ, эти слабости и компромиссы, среди которыхъ нѣкоторые были такъ постыдны, должно быть, встрѣчались довольно рѣдко, и нельзя думать, что они были столь общи, какъ сначала позволяли предполагать нѣкоторыя выраженія оратора и сила тона, сохраняемаго имъ во всемъ этомъ рядѣ бесѣдъ.

Въ слѣдующіе годы св. Златоустъ, не разсуждая никогда объ этомъ предметѣ съ такою-же подробностью, часто возвращался снова къ іудейскому вопросу, и, хотя всегда подтверждалъ свѣдѣнія, данныя ранѣе, однако, повидимому уже былъ не такъ жестокъ къ несчастнымъ іудеямъ и признавалъ въ нихъ нѣкоторыя достоинства. Ему случалось даже представлять ихъ въ примѣръ христіанамъ. Такъ, онъ основательно упрекалъ іудеевъ въ чисто формальной обрядности, но признавалъ, что все же было нѣчто похвальное въ ихъ точности при соблюденіи обычаевъ, хотя бы эти послѣдніе и были многочисленны до крайности; далѣе, эта точность была въ нихъ весьма почтенна и являлась контрастомъ съ слишкомъ часто проявляющеюся у христіанъ небрежностью. (Это мы видимъ изъ бесѣдъ на «начало дѣяній апостольскихъ», а эти послѣднія послѣ «словъ противъ іудеевъ» являются важнѣйшими для изученія мнѣнія св. Златоуста о евреяхъ. Въ частности, слѣдуетъ указать на первую и четвертую бесѣды, гдѣ онъ изъясняетъ тактику апостола Павла по отношенію къ своимъ древнимъ единовѣрцамъ). Въ суще-

ствѣ дѣла, что всего болѣе вооружало св. Златоуста противъ іудеевъ, — это ихъ упорство, съ которымъ они выставляли христіанамъ возраженія, не всегда одинаково сильныя, но часто представлявшія значительное затрудненіе. Таковы были ихъ старинныя насмѣшки надъ распятіемъ, надъ Пресвятою Дѣвою; онѣ возмущали св. Іоанна и заставляли говорить, что іудеи выставлены для назиданія рода человѣческаго, какъ «трупы на висѣлицѣ». Необычайно гордые своимъ происхожденіемъ, они кичились своимъ предкомъ Авраамомъ, и христіане склонялись предъ ихъ притязаніемъ, забывая, что родословіе Іисуса Христа обличало суетность всякой знатности. «И теперь, какъ нѣкогда въ древности, ихъ губитъ собственная несговорчивая гордость». Но іудеи не расположены были предаться отчаянію, и жители Антіохіи ясно увидѣли это при Юліанѣ, сторону котораго евреи энергично приняли. Они имѣли тогда связь съ греками, и, если до этого времени, говорилъ св. Златоустъ, они еще держатся спокойно, то это только потому, что боятся императоровъ. Что произошло позднѣе въ Константинополѣ, во время волненій, возбужденныхъ распрями св. Іоанна съ Евдоксіей,—мы не знаемъ, но были іудеи, радовавшіеся возвращенію св. епископа послѣ первой его ссылки.

И іудейскія, и языческія ученія согласно шли противъ вѣрованія въ самый существенный догматъ христіанства— въ догматъ воскресенія. Въ особенности въ этомъ смыслѣ дѣйствовали языческія предубѣжденія, хотя нѣкоторыя возраженія основывались и на неправильномъ пониманіи Библіи. Нѣкогда, во время Павловой проповѣди въ Ареопагѣ, многіе, даже изъ среды вѣрныхъ, не могли удержаться отъ смѣха при мысли, что это тѣло, которое видимо разрушается отъ огня и червей, сохранитъ неприкосновенною свою сущность. Безсмертіе души, и нетлѣнность нематеріальнаго бытія казались вполнѣ разумными чуть ли не всему міру, но что тѣло

должно ожить, тогда какъ его видѣли истлѣвающимъ,—это казалось противорѣчущимъ самому опыту. Съ полной справедливостью св. Златоустъ безпрестанно настаивалъ на необходимости воскресенія тѣлъ, и, въ пылу полемики, наоборотъ представлялъ смѣшнымъ платоническое безсмертіе. Тѣмъ, кто сомнѣвался даже въ безсмертіи души—(и любопытно, что тогда было не мало людей, которые, допуская бытіе Божіе, отрицали будущую жизнь),—онъ отвѣчалъ довольно легко, указывая на необходимость удовлетворенія, воздаваемаго добрымъ по смерти и возмездія злымъ. Относительно этого пункта во всѣхъ сектахъ замѣчалось почти единодушное согласіе, и разномыслящихъ было очень немного. Тѣмъ въ особенности, кто затруднялся допустить воскресеніе тѣла, онъ возражалъ классическимъ сравненіемъ съ сѣменемъ: приводилъ въ доказательство тѣ преобразованія, какимъ тѣло подвергается уже въ смѣнѣ различныхъ возрастовъ; напоминалъ также, что самое твореніе не менѣе, но даже еще болѣе, таинственно. Затѣмъ онъ искалъ доказательствъ въ св. Писаніи, находилъ главное въ воскресеніи Христа Спасителя, прообразѣ и символѣ воскресенія вѣрующихъ, и, восходя даже къ ветхому завѣту, указывалъ на вознесеніе Эноха и исторію пр. Іоны. Эти исторіи, вопреки его собственному обыкновенію, изъясненныя въ фигуральномъ смыслѣ, казались ему весьма знаменательными. Онъ почти гнушался отвѣчать на ребяческія придирки, совершенно подобныя тѣмъ, какія иногда слишкомъ легко придумывалъ Вольтеръ, напримѣръ, на нравившуюся толпѣ, но не имѣвшую цѣны предъ разумомъ, гипотезу тѣла, пожираемаго звѣрями, рыбами и т. п. *). Онъ не бралъ на себя труда отвѣчать, что это не болѣе вѣско, чѣмъ тлѣніе и разложеніе тѣла отъ червей.

---

*) Это послѣднее возраженіе не безынтересно, какъ примѣръ тѣхъ діалектическихъ мудрствованій, до какихъ доходили противники св. Златоуста. „Такой-то говорили они,—потерпѣлъ кораблекрушеніе и утонулъ

Но на чемъ въ особенности нужно было настаивать,— это на догматѣ о вѣчности мученій, который св. Іоаннъ много обсуждалъ, съ цѣлью сохранить его во всей неприкосновенности. Его слушатели любили воображать Бога весьма кроткимъ и милостивымъ. Мы сами,—говорили они,—часто являемся снисходительными къ великимъ преступникамъ,— какъ же Богъ будетъ суровѣе человѣка? «Почему грѣшившіе въ этой столь краткой жизни будутъ наказываемы вѣчно?» Но,—возражалъ св. Златоустъ,—почему преступникъ, совершившій убійство не болѣе какъ въ продолженіе минуты, осуждается въ рудники на всю жизнь? Пусть такъ,—въ свою очередь, отвѣчали слушатели, которыхъ никогда нельзя было застать въ расплохъ,—наша человѣческая справедливость несовершенна. Богъ не будетъ дѣйствовать такимъ образомъ. Тогда св. Іоаннъ говорилъ имъ: «Нѣтъ, вы не будете имѣть права жаловаться: развѣ вамъ не сдѣлали предупрежденія?» Особенно онъ настаивалъ на томъ, что истинная справедливость взываетъ одинаково къ наказанію злыхъ, какъ и къ вознагражденію добрыхъ; если не достаетъ одного чего-либо., одинаково долженъ оказаться недостатокъ и въ другомъ. А кто могъ бы повѣрить, что эти монахи, сверхъестественнымъ подвигамъ которыхъ дивится всякій человѣкъ, не будутъ вознаграждены? Притиснутые къ стѣнѣ, его возражатели рѣшались признать несбыточную мечту, которая имъ была дорога: «да, будетъ царство высочайшаго блаженства, но ада не будетъ.—Какъ! восклицалъ св. Іоаннъ,

---

Многія рыбы схватили утонувшаго, и каждая изъ нихъ съѣла часть его тѣла. Эти самыя рыбы были пойманы, одна въ одномъ, а другая въ другомъ заливѣ и съѣдены различными людьми. Въ свою очередь, люди съѣвшіе рыбъ, пожравшихъ человѣка, умерли въ различныхъ странахъ и, можетъ быть, даже были подобнымъ же образомъ съѣдены звѣрями. Какъ же послѣ такого смѣшенія и разсѣянія членовъ можетъ снова ожить человѣкъ, и кто снова соберетъ этотъ прахъ?" (7-я бес. на 1 Өесс.)

Прим. перев.

блудники и прелюбодѣи будутъ царствовать вмѣстѣ съ блаженными? Апостолъ Павелъ будетъ вмѣстѣ съ Нерономъ, діаволъ съ Павломъ!» Правда, не всѣ доходили до отрицанія существованія ада, большинство ограничивалось утвержденіемъ, что геенна, о которой такъ много говорятъ епископы, не будетъ столь ужасна, какъ хотятъ ихъ увѣрить; думали, что она будетъ относительно пріятною, а главное, временною. (Безъ сомнѣнія, многія изъ этихъ мнѣній болѣе или менѣе прямо исходили изъ извѣстныхъ идей Оригена). Этого св. Златоустъ не допускаетъ, противъ этого возражаетъ даже очень горячо. Другіе, по странному предположенію, которое является вмѣстѣ и доказательствомъ грубости вѣрованій того времени, — понимали христіанство такъ низко, что воображали, будто одно имя христіанина будетъ вѣрною защитою. Да геенна есть, но только для іудеевъ и язычниковъ; христіане же, хотя бы и дурно жившіе, имѣютъ вѣрный залогъ оказаться въ числѣ избранниковъ. Съ подобнаго рода противниками приходилось бороться и бл. Августину.

Съ трудомъ сдерживался св. Златоустъ, видя столь трусливыя и обольстительныя иллюзіи, видя столько людей, требующихъ отъ истинной религіи выгодъ и не желающихъ нести ея тяготы. Онъ мужественно возвѣщалъ ученіе во всей его суровости, никогда ни въ чемъ не потворствуя и не допуская ложнаго смягченія. Онъ зналъ, однако, какъ много его слушателей трепетало при одной этой мысли объ адѣ, въ какое томленіе онъ повергалъ ихъ каждый разъ, когда занимался этимъ ужаснымъ предметомъ; зналъ, что ему хотѣли бы заградить уста. «О, я знаю, что вы не любите слушать моихъ рѣчей о гееннѣ!» — и, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ ихъ, не дѣлая уступки. Но его душа была столь любящею, что онъ умѣлъ, по крайней мѣрѣ, снисходить съ трогательной симпатіей къ слабости своихъ возлюбленныхъ. Какъ удивительно слѣдующее его восклицаніе! «Да, эти мы-

сли ужасны и подвергаютъ сердце пыткѣ. Не знаю ли я этого по себѣ самому, и не испытываю ли я этого такъ же, какъ и вы? Мое сердце смущено и трепещетъ, какъ и ваше, и, чѣмъ яснѣе я постигаю, что геенна воистину есть, тѣмъ болѣе дрожу и терзаюсь страхомъ! Но нужно имѣть мужество говорить объ этомъ, изъ опасенія, чтобы и тѣмъ и другимъ не пасть прямо въ эту столь ужасную геенну». Когда проповѣдникъ входитъ въ такое тѣсное единеніе съ своими слушателями, то эти сладкія слова: «братья мои»—являются въ его устахъ не пустымъ звукомъ. И какъ рѣдко, даже въ IV-мъ вѣкѣ, кто-либо дѣлалъ это съ такою простотою, искренностью и съ такимъ глубокимъ душевнымъ волненіемъ!

Было, однако, любопытно узнать, гдѣ находилась эта геенна, о которой, хотя-бы изрѣдка, любили поразмыслить съ тѣмъ, чтобы вообразить ее, какъ мы видѣли, отчасти снисходительною и милостивою, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы освѣтить образы, которые не колебался представлять проповѣдникъ: образы огня пожирающаго, червя грызущаго и вѣчнаго мрака. Св. Златоустъ, не очень любившій праздное любопытство, рѣдко бралъ на себя трудъ удовлетворять ему. Какая важность для васъ,—говорилъ онъ,—знать гдѣ находится геенна? Для васъ достаточно убѣдить себя, что она есть. Однако, онъ сообщаетъ намъ, что многимъ казалось правдоподобнымъ, будто она будетъ въ долинѣ Іосафатовой, и, если онъ упоминаетъ объ этомъ мнѣніи, то только для того, чтобы отвергнуть его. Что касается меня,—прибавляетъ онъ,—то я полагаю, что она будетъ расположена «внѣ всего этого міра», подобно тому, какъ далеко отъ городовъ расположены темницы и рудники, куда ссылаютъ осужденныхъ. Но вмѣсто того, чтобы искать мѣсто геенны, или описывать мученія въ ней, онъ предпочтительнѣе любилъ иногда начертывать зрѣлище послѣдняго суда, и вызывать такимъ образомъ мы-

сли, столь же ужасающія, но, быть можетъ, болѣе дѣйствующія на истинно христіанскую совѣсть. Особенно онъ пользовался своимъ любимымъ сравненіемъ: пытался изобразить явленіе Высочайшаго Судіи, описывая тогдашнія, столь блистательныя, торжества въѣзда императора въ большіе города, хотя тотчасъ же заявлялъ, что сравненіе неудовлетворительно, и что здѣсь никакая аналогія невозможна. Еще чаще описывалъ онъ блаженство праведниковъ, чудеса и великолѣпіе небеснаго града. Если его душа была достаточно сильна для того, чтобы угрожать, когда это требовалось, то, переполненная любовью, она предпочитала останавливаться на утѣшительныхъ видѣніяхъ и внушать слова надежды. Тогда его пасомые съ наслажденіемъ слѣдили за обильными подробностями, въ какія его увлекало, по слѣдамъ святого ап. Павла или святого евангелиста Іоанна, его неисчерпаемое воображеніе.

Таковы-то были часто суевѣрныя воззрѣнія этого страннаго общества, еще совсѣмъ недостаточно отрѣшившагося отъ своихъ языческихъ и іудейскихъ началъ. Древнее греческое и римское язычество оказывалось еще довольно способнымъ къ тому, чтобы проникнуть во всѣ существующія религіи и довольно пластичнымъ, чтобы примириться съ ними. Мало по малу язычество было загромождено массою странныхъ суевѣрій, и, не смотря на временныя сопротивленія, мирно допустило ихъ въ свое лоно. И многіе изъ христіанъ, хотя въ своемъ культѣ и признавали только единаго Бога, однако, по массѣ мнѣній и обрядовъ, дѣлались виновными въ наивномъ и часто почти безсознательномъ идолопоклонствѣ.

Прослѣдимъ теперь, какъ св. Златоустъ, столь суровый по отношенію ко всякой нечистой примѣси вѣрованій, смотрѣлъ на тѣ сношенія, въ какія въ обыденной жизни вѣрные были вынуждены вступать съ язычниками и іудеями. Объ іудеяхъ, съ этой точки зрѣнія, онъ говоритъ очень мало.

Безъ сомнѣнія, онъ сильно желалъ, на сколько только возможно, чтобы было прервано всякое сношеніе съ подвергнувшимся проклятію народомъ. Онъ имѣлъ для этого то, вполнѣ благоразумное основаніе, что іудеи не подавали почти никакой надежды на обращеніе. Примѣры обращенія ко Христу были съ ихъ стороны крайне рѣдки; наоборотъ, съ каждымъ днемъ оказывалось, что своимъ упорствомъ, своею гордостью и обаяніемъ древности, они оказывали на вѣру христіанъ гибельное вліяніе. Всего благоразумнѣе было держаться вдали отъ нихъ. Что касается язычниковъ, эллиновъ, какъ ихъ всегда называетъ св. Златоустъ, — то здѣсь дѣло обстояло иначе, и по отношенію къ нимъ нужно было вести себя совершенно по другому.

Объ язычникахъ св. Златоустъ произносилъ довольно противорѣчивыя сужденія. То, въ пылу своей вѣры, онъ относится къ нимъ съ крайнимъ презрѣніемъ и не признаетъ у нихъ ничего хорошаго, то, — уступая своему природному благородству, или, можетъ быть, изъ желанія устыдить христіанъ, — наоборотъ, усвояетъ имъ весьма почтенныя добродѣтели. Эти различія оказываются и тогда, когда онъ говоритъ о древнемъ язычествѣ и о великихъ философскихъ эпохахъ, предшествовавшихъ тріумфу вѣры, и тогда, когда напротивъ, разсуждаетъ о послѣднихъ язычникахъ, своихъ современникахъ. Ему случалось въ особенно суровыхъ выраженіяхъ описывать ужасное состояніе міра предъ явленіемъ христіанства, — это было сплошное безчеловѣчіе и звѣрство. Всѣ находились въ междоусобной войнѣ, отцы умерщвляли своихъ дѣтей, матери были не лучше; не было ни естественнаго, ни писаннаго закона, и всюду царило нестроеніе. Достаточно вспомнить классическія трагедіи Фэдру, Эдипа и Ореста. Мы тѣмъ охотнѣе отмѣчаемъ это мѣсто, что упоминаніе о классическихъ поэтахъ у св. Златоуста весьма рѣдко; мы нигдѣ не встрѣчаемъ у него ихъ именъ; даже самого Гомера онъ просто называетъ «поэтомъ Грековъ». Однако,

у него мы найдемъ также и нѣчто совершенно противоположное. Онъ говоритъ, что Богъ прежде откровенія былъ извѣстенъ изъ природы и совѣсти, и по поводу стиха апостола Павла: «слава всякому дѣлающему благое, Іудею прежде и Эллину»—воздаетъ полную справедливость добродѣтельнымъ язычникамъ, жившимъ до І. Христа. Іоаннъ иногда излагаетъ теорію, которая отчасти аналогична съ теоріей воспитанія рода человѣческаго по Лессингу. Эта теорія являлась его отвѣтомъ язычникамъ, когда послѣдніе спрашивали у него, почему Христосъ такъ медлилъ придти. Онъ изъясняетъ, что состоянію міра должно было совершенствоваться прогрессивно. Богъ сначала даровалъ іудеямъ Моисея, какъ учителя перваго дѣтства, «грамматиста», чтобы онъ научилъ ихъ основному и въ вознагражденіе добродѣтели обѣщалъ имъ временныя блага, какъ обѣщаютъ сласти дѣтямъ. Сначала, такимъ образомъ, нужно было приготовить путь.

Подобнаго рода измѣнчивость можно усматривать и въ его взглядѣ на философовъ. Обыкновенно онъ очень суровъ по отношенію къ нимъ и говоритъ о нихъ почти съ Тертулліановской заносчивостью. Онъ любитъ сравнивать великихъ греческихъ мыслителей, Платона или Пиѳагора, равно какъ полководцевъ и образованныхъ государственныхъ людей,—Ѳемистокла или Перикла,—съ апостолами и учениками Христа Спасителя и унижать ихъ передъ этими рыбарями. Первые философы—Ѳалесъ и другіе—были нелѣпыми матеріалистами. Нѣтъ почти никого, кромѣ Платона и Пиѳагора, у кого были бы хотя проблески истины. Но и здѣсь они обязаны откровенію тѣмъ немногимъ, что у нихъ есть хорошаго, и св. Златоустъ допускаетъ, что они получили это чрезъ посредство Египта, т. е. признаетъ, что частицы истины, обнаруженныя ими, исходятъ отъ Моисея. Далѣе, ихъ система, взятая въ цѣломъ, изобилуетъ заблужденіями. Съ

страстною строгостью св. Златоустъ стыдитъ Платона за его «Республику,» именно за его общеніе въ женахъ. Св. Іоаннъ насмѣхается надъ нимъ, говоря, что онъ успѣлъ только продать себя, какъ рабъ, во время своего путешествія въ Сицилію, тогда какъ апостолъ Павелъ обратилъ всю вселенную. Что касается Пиѳагора, то онъ обвиняетъ его въ пустыхъ суевѣріяхъ и кстати разсказываетъ довольно забавныя легенды, такъ какъ противъ Эллиновъ онъ не всегда вполнѣ удачно выбиралъ свое оружіе. Въ особенности странно видѣть, какъ онъ,— столь благородный и готовый понимать добро всюду и подъ всякой формой, и, дѣйствительно, давшій много доказательствъ широты ума,—развѣнчиваетъ Сократа посредствомъ очень слабыхъ пріемовъ; вопреки правдѣ утверждаетъ, что Сократъ выпилъ настой цикуты только по насилію, тогда какъ мученики стремились сами къ казни, доказываетъ, наконецъ, будто смерть отъ цикуты вообще пріятна и есть не что иное, какъ сонъ. Только разъ дѣлаетъ онъ исключеніе для Эпиктета, невольно высказывая о немъ нѣсколько словъ удивленія. Впрочемъ, когда онъ такъ случайно удостоиваетъ фисософа снисхожденія, онъ торопится непосредственно прибавить, что всѣ его добродѣтели обезцѣнены тщеславіемъ. Самоувѣренности, отличающей этихъ мнимыхъ мудрецовъ, горделивости ихъ мысли, Іоаннъ противополагаетъ смиреніе апостоловъ. Онъ не хочетъ, какъ часто дѣлаетъ бл. Іеронимъ, возвышать этихъ послѣднихъ на одну высоту знанія и краснорѣчія съ философами. Это притязаніе легко обнаруживали тогда христіане въ своихъ спорахъ съ язычниками, и случалось, что искусные и образованные возражатели язычники довольно сильно опровергали ихъ. Св. Златоустъ присутствовалъ однажды при подобнаго рода спорѣ, гдѣ перевѣсъ, по его мнѣнію, оказался не на сторонѣ христіанина. И онъ совѣтовалъ избѣгать этой неблагоразумной тактики.

О современныхъ язычникахъ св. Іоаннъ не всегда высказывалъ одинаковое сужденіе. Въ извѣстные моменты онъ не перестаетъ повторять, что есть въ высшей степени почтенные люди у эллиновъ; тамъ, напримѣръ, можно видѣть презирающихъ деньги, за которыми съ такою безумною жадностью гонятся христіане; найдется также много людей, имѣющихъ больше довѣрія къ слову эллина, чѣмъ къ слову христіанина. Но, съ другой стороны, ему кажется, что, прежде всего, эти добродѣтели въ своей основѣ испорчены пустымъ тщеславіемъ, съ другой, онъ часто почти цѣликомъ беретъ обратно все только что сказанное. Тогда онъ возвѣщаетъ, что большинство язычниковъ проводятъ жизнь самую омерзительную, и что, если они не обращаются, то единственно потому, что у нихъ нѣтъ мужества пожертвовать своими пороками. «Мы слышимъ, какъ многіе язычники часто говорятъ, что, если они не переходятъ въ нашу вѣру, то это вслѣдствіе невозможности отрѣшиться отъ пьянства и блуда», и, какъ бы позабывъ эти, часто высказанныя имъ слова, онъ отвѣчаетъ возражающимъ, что какъ есть хорошіе христіане, такъ же есть и язычники, проводящіе философскую жизнь. «Нужно, прибавляетъ онъ, умѣть говорить чистосердечно!» Далѣе св. Іоаннъ доказываетъ, что, даже допустивъ существованіе такихъ людей въ язычествѣ, мы вовсе не дѣлаемъ чести послѣднему, потому что они добры, благодаря природѣ или темпераменту.—Наконецъ, онъ утверждаетъ, что многіе показываютъ только видъ добродѣтели, а когда ихъ не видятъ, предаются всевозможнымъ страстямъ. Ясно, что всѣ эти слова несвободны отъ пристрастія, и даже самъ св. Златоустъ даетъ это замѣтить, прерывая насрединѣ эту аргументацію изъ опасенія увлечься къ «несправедливымъ придиркамъ» *)

---

*) Во время достопамятнаго событія антіохійскаго возмущенія, св. Златоустъ говорилъ о философахъ съ особеннымъ презрѣніемъ. Ихъ трусости онъ противополагаетъ отвагу монаховъ, явившихся въ городъ

и кончаетъ тѣмъ, что ограничивается признаніемъ, будто добродѣтельный язычникъ не болѣе, какъ исключеніе. Когда онъ съ такою безпощадностью трактовалъ о язычествѣ, онъ какъ бы упускалъ изъ виду, что совершеннѣйшую христіанскую жизнь, т. е. жизнь монашескую, онъ самъ обозначалъ тѣмъ славнымъ словомъ «философія» — «любомудріе», которое, однако, не имѣло христіанскаго происхожденія.

Казалось, что былъ уже близокъ моментъ, когда послѣдніе язычники исчезнутъ, и торжествующее христіанство безъ соперника будетъ господствовать всюду. Св. Златоустъ сознавалъ это вполнѣ ясно. Реакція Юліана возбудила чрезвычайно глубокія опасенія. Достаточно видѣть, съ какимъ негодованіемъ св. Іоаннъ и въ особенности св. Григорій Назіазинъ говорятъ о ней, чтобы убѣдиться, что она не казалась лишенной всякой надежды на успѣхъ. Но послѣ нея, казалось, все было окончено. Послѣдніе язычники, безъ сомнѣнія, издѣвались надъ христіанами и всегда на языкѣ ихъ были традиціонныя возраженія: что необъяснимо, почему Христосъ такъ долго медлилъ придти; что христіанство побуждаетъ на грѣхъ, обѣщая отпущеніе грѣховъ, *) или, совершенно наоборотъ, что вѣчность мученій предполагаетъ жестокое Божество. Говорили, что евангельскія повелѣнія никогда, даже во время апостоловъ, не были выполняемы буквально, и что нѣкоторыя обѣтованія св. Писанія не исполнились. Но сильнѣйшимъ ихъ возраженіемъ была распущенность, вошедшая въ христіанскую жизнь, и соблазнъ оскорбляющаго контраста между ученіемъ и практикою. Съ цѣлью ихъ обраще-

---

цѣлыми толпами, съ цѣлью подержать мужество своихъ братьевъ, тогда какъ философы предались бѣгству, выказавъ всю тщету своей ложной добродѣтели. Но въ этомъ есть нѣкоторая доля преувеличенія: Ливаній, напримѣръ, не покинулъ города и, какъ кажется, выполнялъ свою обязанность.

*) Они злоупотребляли словами ап. Павла: *„идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать“* и говорили: *„сотворимъ злая, да пріидутъ благая“*.

нія, св. Златоустъ повторялъ, что вѣрнымъ должно дѣлать только одно: хорошо жить. «Вы здраво думаете, что, если братья, раздѣляющіе вашу вѣру, соблазняются вашими пороками, то невѣрные еще болѣе. Они находятъ тысячу предлоговъ къ нашему обвиненію, видя какъ здоровый человѣкъ, который могъ бы добывать себѣ пропитаніе, проситъ милостыню и нуждается въ другомъ. Вотъ почему они говорятъ, что мы злоупотребляемъ своею религіей, и называютъ насъ христопродавцами». Кто такимъ образомъ соблазняетъ язычниковъ, тотъ отвѣтственъ за ихъ упорство въ заблужденіи и понесетъ за это наказаніе. Знаешь ли ты, почему язычники отказываются намъ вѣрить? Потому, что они ждутъ, чтобы мы доказали нашу вѣру дѣлами, а не словами, и когда видятъ, что мы созидаемъ великолѣпныя дома, пріобрѣтаемъ бани и сады, скупаемъ поля,—они не хотятъ вѣрить, что земная жизнь для насъ не больше, какъ приготовленіе къ жизни вѣчной... Ты измѣняешь, такимъ образомъ, миссіи, данной тебѣ Христомъ. Ты уже не соль земли, и будешь наказанъ за то, что сдѣлался неосоляющею солью». Эллинъ, дурно живущій, не такъ виновенъ, какъ дурно живущій христіанинъ, потому что ихъ религія всецѣло тлѣнная, а наша всецѣло Божественная, достойная почтенія даже въ глазахъ тѣхъ, кто отказался ее признавать; ибо если, послѣ упрековъ намъ за наши слабости, какъ сильнѣйшее оскорбленіе, они кидаютъ намъ въ лицо слово «христіанинъ!» — то это значитъ, что они имѣютъ столь же высокое мнѣніе о нашемъ ученіи, сколько презираютъ самихъ насъ. Эллиновъ не такъ трогаютъ чудеса, какъ дѣла: часто обманщиковъ признавали за чудотворцевъ, но къ чистой жизни осужденіе неприложимо. Пока Евангеліе еще не оказало рѣшительнаго прогресса, чудеса были полезны. Теперь нужно, чтобы сама христіанская жизнь казалась чудесной. Ничто не производитъ на язычниковъ такого впечатлѣнія, какъ добродѣтель; ничто

такъ не оскорбляетъ, какъ порокъ. И они правы, когда признаютъ вздоромъ наши повелѣнія, видя, что скупой проповѣдуетъ противъ скупости, и тотъ, кто имѣетъ повелѣніе любить своихъ враговъ, свирѣпѣетъ противъ своего ближняго, какъ дикій звѣрь. Когда они видятъ, что кто-либо изъ насъ трепещетъ предъ смертью, какъ могутъ они увѣровать въ безсмертіе?—Не достаточно,—какъ рѣшаются нѣкоторые доказывать, — противополагать имъ славные примѣры первыхъ вѣрующихъ. Вѣдь они наблюдаютъ за нами. Докажите намъ, говорятъ они, вѣру чрезъ дѣла, и, такъ какъ мы безжалостно враждуемъ между собой, то они называютъ насъ язвою человѣческаго рода.

Дѣйствительно, по мнѣнію св. Златоуста, язычники отнынѣ всецѣло безсильны защитить свою религію въ такой-же мѣрѣ, какъ и ученіе. Они вполнѣ признаютъ свою несостоятельность. «Уже давно отказались они отъ своихъ вѣрованій и удивляются нашимъ». Преобразованное язычество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно является у нихъ, много походитъ на христіанство. Всѣ вѣрятъ въ бытіе верховнаго Бога, въ безсмертіе души, въ будущій судъ. Св. Златоустъ подчиняетъ всѣ эти вѣрованія вліянію христіанства, которое онъ возноситъ весьма высоко; и онъ вполнѣ правъ, такъ какъ въ его время это вліяніе дѣйствительно было могущественно. Въ его глазахъ, язычники могли имѣть только два основанія упорствовать въ своемъ заблужденіи: это влеченіе къ порокамъ и зрѣлище дурного примѣра, подаваемаго христіанами. Съ цѣлью ихъ обращенія, онъ даетъ превосходные совѣты, внушенные любовью и глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Онъ хочетъ, чтобы съ язычниками не обходились грубо. «Не считайте эллина жалкимъ, не будьте несправедливыми. Будьте непримиримы только въ догматѣ, и, если васъ спросятъ объ этомъ, тогда обличайте безъ обиняковъ все гнусное ихъ суевѣріе. Если же васъ не вызываютъ,—не вызывайте первые.

Дѣлайтесь друзьями эллина, щадите его и поначалу не оскорбляйте его предубѣжденія. Затѣмъ мало по малу старайтесь оказать на него вліяніе и тогда, можетъ-быть, вы достигнете его обращенія.

Хотя совѣты, данные св. Златоустомъ по вопросу объ обращеніи язычниковъ, исполнены мягкости, однако, онъ не былъ поистинѣ толерантнымъ въ современномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, онъ былъ человѣкомъ своего времени, и раздѣлялъ его идеи, хотя иногда умѣрялъ ихъ примѣненіе своею любовью. Онъ былъ исполненъ кротости по отношенію къ язычникамъ, взятымъ въ частности, и однимъ изъ обвиненій, выставленныхъ противъ него на соборѣ «при Дубѣ» было то, что онъ оказалъ свое покровительство нѣкоторымъ изъ нихъ противъ христіанъ. Но онъ преслѣдовалъ ихъ не безъ жестокости, какъ секту. Здѣсь, вопреки тенденціи, нѣсколько разъ нами констатированной, мы должны узнать, что съ лѣтами и опытностью его идеи сдѣлались даже менѣе либеральны. Когда онъ писалъ трактатъ «о священствѣ», онъ, казалось, почти допускалъ въ принципѣ совершенную терпимость. Наоборотъ, судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, во время своего епископства, онъ ходатайствовалъ даже предъ государственной властью, съ цѣлью оказать поддержку одному азіатскому епископу, просившему ея содѣйствія противъ язычниковъ. Во время его изгнанія мы видимъ также, что онъ обнаружилъ довольно мало умѣренности по отношенію къ послѣднимъ язычникамъ Финикіи. Финикія была одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей идолопоклонства, и св. Златоустъ заботился объ ней тѣмъ болѣе потому, что она находилась въ сосѣдствѣ съ его любезной Сиріей. Онъ употребилъ для ея обращенія всѣ средства и представилъ тогда прекрасное и трогательное зрѣлище. Въ тотъ моментъ, когда онъ велъ такую страшную борьбу ради собственной самозащиты, когда, казалось, у него не должно было оставаться ни времени, ни силы думать о

какомъ-либо иномъ дѣлѣ, во время долгаго и тягостнаго путешествія въ ссылку, затѣмъ въ самомъ Кукузѣ, страдая желудочною болѣзнью, вызванною суровыми подвигами юности, удрученный судьбою со всѣхъ сторонъ,—онъ утѣшалъ себя мыслью, что, быть можетъ, нѣкогда, благодаря его заботамъ, Финикія сдѣлается христіанскою. Съ цѣлью распространенія въ ней евангелія, была организована миссія, главнымъ мѣстопребываніемъ которой служила Антіохія. Беззавѣтный другъ св. Іоанна, священникъ Констансъ, былъ ея душою, да и самъ Іоаннъ постоянно былъ занятъ пріисканіемъ ему помощниковъ. Но задача была трудна, сопротивленія энергичны и часто даже жестоки, и св. Златоустъ умеръ прежде, чѣмъ они были окончательно побѣждены.

По всеобщей склонности человѣческой природы, св. Златоустъ былъ еще болѣе суровъ по отношенію къ еретикамъ, чѣмъ по отношенію къ іудеямъ или язычникамъ. *) Онъ относился къ нимъ въ духѣ посланія ап. Павла къ Титу: «отрицайся отъ еретика послѣ второго и третьяго увѣщанія». По его мнѣнію, ересь всегда исходитъ изъ постыднаго источника, такъ какъ всегда возникаетъ изъ гордости и зависти. Ересь—не только заблужденіе, она предполагаетъ порочность сердца. Разбирая трактатъ св. Златоуста «о дѣвствѣ», мы уже видѣли, какъ онъ усиливался свести къ нулю всѣ еретическія добродѣтели. Только одинъ разъ призналъ онъ, что и тамъ есть люди, ведущіе очень святую жизнь, вообще же онъ считалъ еретиковъ лицемѣрами. Если маркіониты, манихеи, аномеи и каѳары (а это были наиболѣе численные и опасные еретики его времени) кротки, то это только по-

*) Только въ одномъ случаѣ, въ своей бесѣдѣ „о томъ, что не должно предавать проклятію“, онъ высказалъ чрезвычайно свободныя мысли. Но здѣсь онъ имѣлъ въ виду только Павлиніанъ, которые, строго говоря, не были еретиками и отдѣлялись отъ Мелетіанъ только изъ-за вопроса о личностяхъ

тому, что они такими прикидываются. Это тѣ люди, которые «ласковыми словами обольщаютъ сердца простецовъ». (Рим. 16, 18). Св. Златоустъ, не колеблясь, думалъ, что съ полнымъ правомъ можно направлять противъ нихъ вмѣшательство закона и этимъ онъ вполнѣ ясно показываетъ, до какого предѣла падала идея терпимости даже у самыхъ либеральныхъ людей того времени. Тогда думали только, что не слѣдуетъ подвергать еретиковъ тѣлеснымъ наказаніямъ и въ особенности бить ихъ до смерти,—и это мнѣніе, въ сущности, осталось мнѣніемъ многихъ епископовъ и учителей Церкви. Потому-то, напримѣръ, осужденіе Присцилліана Максимомъ возбудило неодобреніе почти всего западнаго епископата. Но отсюда было еще слишкомъ далеко до предоставленія сектамъ свободнаго обнаруженія своего культа. Люди, проводившіе мысль о большей снисходительности, казались даже не православными и встрѣчались въ высшей степени рѣдко. Они опирались на два текста св. Писанія, прежде всего на слова ап. Павла—«*подобаетъ ересемъ быти*», а затѣмъ (и въ особенности) на притчу о плевелахъ и пшеницѣ Св. Златоустъ въ первомъ текстѣ старался придать слову «подобаетъ» своеобразное значеніе. Что же касается извѣстной притчи, то вотъ какъ онъ изъяснялъ ее въ томъ мѣстѣ, которое заслуживаетъ быть цитированнымъ дословно. «Бойтесь,—говоритъ І. Христосъ,—исторгнуть заразъ плевелы и пшеницу. Онъ сказалъ это, съ цѣлью запретить войны и убійства; потому что не должно убивать еретика; поступать такъ—значило бы вводить въ міръ неизгладимую войну... Но онъ не запрещаетъ стѣснять этихъ самыхъ еретиковъ, заграждать имъ уста, лишать ихъ свободы проповѣди, разгонять ихъ собранія. Онъ запрещаетъ только смертоубійство». Такъ понимали тогда прекрасныя слова пророка: Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но хочетъ, чтобы онъ обратился и жилъ. Пусть,—разсуждали обыкновенно,—

еретикъ живетъ, но такъ, чтобы возможно было его обращеніе.

Эта вѣротерпимость, такимъ образомъ, шла не очень далеко; при такомъ пониманіи, она даже не могла удовлетворять той цѣли, ради которой была предлагаема. Св. Іоаннъ хотѣлъ избѣжать раздоровъ, но достаточноли для ихъ избѣжанія только не карать еретиковъ смертною казнью? Развѣ раздоры не являются также слѣдствіемъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, какія и теперь остаются дозволенными. Онъ ясно увидѣлъ это въ Константинополѣ, гдѣ нѣкоторыя принятыя имъ мѣры вызвали довольно сильныя возмущенія. Съ аріанами, такъ долго царившими въ качествѣ господъ и запятнавшими свое царствованіе необычайными крайностями, обращались жестоко съ того момента, какъ власть перешла къ вполнѣ православному императору Өеодосію. Они вынуждены были дѣлать свои собранія внѣ стѣнъ города и съ этою цѣлью, собирались на нѣкоторыя городскія площади, откуда выходили процессіею, воспѣвая свои гимны. Это смущало св. Златоуста, видѣвшаго здѣсь какъ бы вызовъ и боявшагося, что еретики неминуемо увлекутъ нѣкоторыхъ вѣрующихъ. Въ отвѣтъ на аріанскія процессіи онъ установилъ въ тѣхъ-же мѣстахъ и въ тѣ-же самые часы православные крестные ходы, съ пѣніемъ псалмовъ и несеніемъ серебряныхъ крестовъ, украшенныхъ восковыми свѣчами. Дѣло устройства ихъ возложено было на эвнуха императрицы Евдоксіи—Бризона, человѣка весьма преданнаго архіепископу. Бризонъ же ходилъ во главѣ крестныхъ ходовъ. Встрѣча той и другой стороны была неизбѣжна, и неминуемо долженъ былъ произойти раздоръ. Дѣйствительно, скоро произошло столкновеніе: та и другая сторона обмѣнялась каменьями. Бризонъ былъ раненъ, но зато съ этого времени аріанскія процессіи подверглись запрещенію.

Таинства и обряды: крещеніе, исповѣдь, причащеніе, покаяніе, постъ, молитва, усердіе къ церкви.

Хотя, строго говоря, мы пишемъ не изслѣдованіе по богословію или церковной исторіи, однако, необходимо выяснить, какъ въ то время были поняты самые существенные религіозные обычаи. Ввести правильное совершеніе обрядовъ, согласное во всѣхъ пунктахъ съ дисциплиною, дѣйствительно, было дѣломъ попеченій епископовъ. Священнодѣйствія были сильными средствами, чрезъ которыя они надѣялись преобразовать общество и прекратить разслабленіе, грозившее серьезною опасностью. Посмотримъ, насколько они успѣвали въ этомъ, и изслѣдуемъ, не были ли пасомые, виновные въ загрязненіи своихъ вѣрованій суевѣріями различнаго происхожденія, виновны также и въ усвоеніи грубаго смысла таинствамъ и въ искаженіи обычаевъ.

Первое и важнѣйшее изъ таинствъ,—крещеніе, дверь и печать христіанства, подвергалось тягчайшему изъ злоупотребленій. Многіе замедляли принятіе этого таинства, какъ только возможно, и, въ ожиданіи его, проводили жизнь, преданную всякимъ страстямъ, думая, что всѣ преступленія будутъ изглажены обновляющимъ священнодѣйствіемъ въ моментъ смерти; и весьма часто многіе дожидались этого момента. По всему пространству тогдашняго христіанскаго міра жалобы епископовъ были одинаковы и единодушны. Бл. Августинъ въ Африкѣ и св. Златоустъ въ Сиріи и Константинополѣ, посрамляли поведеніе тѣхъ родителей, которые внушали своимъ дѣтямъ намѣреніе отлагать крещеніе «доколѣ не пройдетъ юность» и сами подавали имъ примѣръ такой медлительности. Припомнимъ, что предшественникъ св. Іоанна, Нектарій, не былъ еще крещенъ, когда рѣшено было возложить на него епископскій санъ. Знаменитый Пробъ, котораго всѣ епископы превознесли похвалами, быть можетъ, да-

леко не вполнѣ заслуженными, также не выказалъ особенной поспѣшности къ принятію крещенія. Число оглашенныхъ было всегда крайне велико и, къ досадѣ Церкви, то, что должно было быть только переходнымъ и подготовительнымъ періодомъ,— превращалось въ пожизненное и законное положеніе. Слишкомъ часто приходилось слышать, что крещеніе изглаживаетъ всѣ грѣхи, и потому считалось благоразумнымъ не очень поспѣшно прибѣгать къ врачеванію: кто знаетъ, что въ теченіе жизни имъ не будетъ допущено какое-нибудь великое преступленіе, для котораго покаяніе будетъ недостаточно? Если же прямо и немедленно отъ таинства предстать къ судилищу Бога, если умереть въ бѣлой одеждѣ крещаемаго,— то можно быть покойнымъ и ничего не бояться. Такимъ образомъ, до послѣдняго момента жизни многіе боялись рѣшиться принять крещеніе; родители дѣтей, находившихся при послѣднемъ издыханіи, совѣтывались съ врачемъ, насколько еще возможно помедлить крещеніемъ, и призывали священника не ранѣе, какъ умирающій, будучи уже не въ силахъ говорить, головой давалъ знакъ, который нужно было умѣть понять. По отношенію къ крещенію дѣлали то, что нынѣ дѣлается относительно елеосвященія *).

Св. Златоустъ съ своей обычной силою сражался съ этимъ зломъ. Какъ,—говорилъ онъ,—ты оказываешь меньше чести Богу, чѣмъ людямъ; ты съ меньшею серьезностью смотришь на таинство крещенія, чѣмъ на низменное дѣло завѣщанія. Ты хорошо знаешь, что завѣщаніе недѣйствительно, если оно

*) Маркіониты шли еще далѣе, и св. Златоустъ, пользующійся случаемъ возбудить вниманіе слушателей, оживляетъ однажды свою бесѣду разсказомъ о маркіонитскомъ крещеніи, совершаемомъ по смерти. Въ самомъ дѣлѣ, когда у этихъ еретиковъ умиралъ оглашенный, то одинъ изъ его единовѣрцевъ ложился на одръ, гдѣ покоился недавно умершій. Священникъ вопрошалъ покойнаго, желаетъ ли онъ быть крещеннымъ, и такъ какъ тотъ, естественно, молчалъ, то лежавшій на одрѣ отвѣчалъ за него утвердительно и, по его желанію, совершалось крещеніе.

не составлено при надлежащихъ условіяхъ, если оно не подписано самимъ завѣщателемъ, и притомъ въ то время, когда онъ еще былъ «живъ, въ доброй памяти и въ добромъ здоровьѣ». Что же касается крещенія, то здѣсь ты ждешь, чтобы тебя принудилъ врачъ, шепнувъ тебѣ на ухо, что оно необходимо!»

Если вы не вѣруете, то зачѣмъ приходите въ церковь, а если вѣруете, то зачѣмъ остаетесь оглашенными? Такъ вы идете,—говорилъ онъ съ особенной силой,—какъ разъ наперекоръ Божіей волѣ, и выходитъ вслѣдствіе вашихъ злоупотребленій, что таинство, установленное для изглажденія грѣховъ, служитъ только къ ихъ усиленію и отягощенію. Св. Іоаннъ пытался также представить слушателямъ аргументы, могущіе затронуть ихъ собственный интересъ, и одинъ изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. «Не думай, что тотъ, кто послѣ дурной жизни умираетъ крещенымъ, будетъ равенъ хорошо жившему. Представь двухъ солдатъ; одного вора, другого доблестнаго; представь, что императоръ по своей снисходительности прощаетъ перваго, а второй отличается настолько, что онъ самъ въ свою очередь дѣлается императоромъ. Безъ сомнѣнія, первый не будетъ наказаннымъ, но онъ будетъ имѣть основаніе завидовать второму. Не всѣ равны въ императорскихъ чертогахъ, и ликторъ стоитъ не въ одномъ ряду съ префектомъ. Такъ точно будетъ и на небѣ. Безъ сомнѣнія, будутъ многія обители въ дому Отца». Но это не трогало большинства антіохійцевъ или константинопольцевъ; они думали, что достаточно самой малой чести и малѣйшаго достоинства въ воинствѣ небеснаго Іерусалима. Въ концѣ концевъ, было достаточно, если имѣлась въ виду вѣчная жизнь, безъ страха мученій и геенны. Св. Златоустъ часто обличалъ честолюбіе, но бываютъ люди не имѣющіе честолюбія и умѣющіе довольствоваться немногимъ и въ отношеніи къ иному міру. На

такихъ слишкомъ умѣренныхъ людей св. Іоаннъ не могъ оказать воздѣйствія.

Но лишь только катастрофа, или угроза катастрофы, поражала эти непостоянные умы, какъ только какой-нибудь внезапный ударъ вдругъ приводилъ ихъ къ мысли о непредвидѣнной и всегда неизбѣжной смерти, – народъ, уже необольщаясь болѣе софизмами, тѣснился въ баптистеріи, и всѣ казались раскаявшимися и перемѣнившимися. Зрѣлище этихъ великихъ всеобщихъ подъемовъ духа представлялось всякій разъ, когда давалъ себя почувствовать столь частый въ IV-мъ вѣкѣ бичъ Востока, т. е. когда происходило землетрясеніе. Одинъ примѣръ оставался вѣчно въ памяти всѣхъ: это ужасное землетрясеніе, почти совершенно разрушившее Никомидію, послѣ котораго эта величественная митрополія уже не поднялась болѣе. Антіохія, которой позднѣе суждено было быть почти уничтоженною подобнымъ же землетрясеніемъ, въ эпоху св. Златоуста не подвергалась столь ужасному раззоренію. Но менѣе значительныя колебанія земли часто безпокоили ее и еще чаще ей угрожали; точно также не избавился отъ нихъ и Константинополь. И всякій разъ при этомъ возобновлялись тѣ-же сцены ужаса, потерянности и слишкомъ кратковременнаго раскаянія. Такъ въ 400-мъ году, когда св. Златоустъ изъяснялъ предъ своими слушателями «Дѣянія апостоловъ», онъ упоминалъ о землетрясеніи, которымъ былъ ознаменованъ предшествующій годъ. «Не всѣ ли тогда устремились къ крещенію? Значитъ ли это, что всѣ прелюбодѣи, всѣ развратники и безчестные люди отказались отъ своихъ пороковъ и сдѣлались, повидимому, благочестивѣе всѣхъ?» Три дня спустя все было забыто. Народъ пересталъ бояться гнѣва Бога, явившаго снисхожденіе; пороки снова получили свою власть, и тѣ, которые, повидимому, рѣшились облечься въ бѣлую одежду крещаемаго, снова подвергли опасности свое великое рѣшеніе.

Все это, впрочемъ, съ другой стороны, находило и свое оправданіе, и, если такъ замедляли крещеніе, если, повидимому, бѣжали этого таинственнаго обновленія, которое должно бы быть предметомъ самаго пламеннаго желанія всякаго христіанина,—то это дѣлалось не исключительно по тѣмъ лишь слишкомъ мало почтеннымъ побужденіямъ, какія мы только что указали. Отчасти это дѣлалось потому, что на покаяніе существовалъ болѣе серьезный и благоговѣйный взглядъ, чѣмъ теперь. Конечно, этого уже не было въ то время, когда покаяніе стало прилагаться во всей своей силѣ. Не должно поэтому говорить здѣсь только о разслабленіи. Нужно сказать еще, что Церковь, выходя на дорогу послабленій и уступокъ, одна только держалась единственно разумной стороны. Общество, исключительно состоящее изъ святыхъ, стремящееся къ изгнанію всѣхъ заблудшихъ овецъ, такое, какимъ его воображали непримиримыя секты, подобныя, напримѣръ, сектѣ новаціанъ, въ IV-мъ вѣкѣ еще очевиднѣе, чѣмъ въ III-мъ—было однимъ изъ самыхъ несбыточныхъ мечтаній. Въ Сиріи, какъ и въ Римѣ, епископы были склонны къ снисходительности. Вторая книга «Постановленій апостольскихъ» доказываетъ это такъ же хорошо, какъ и бесѣды св. Златоуста. Въ этихъ послѣднихъ, напримѣръ, нѣтъ никогда рѣчи о трехъ или четырехъ преемственныхъ степеняхъ покаянія, строгое приложеніе которыхъ предполагало весьма взыскательную дисциплину. Возможно вѣрить, что кромѣ исключительныхъ случаевъ, виновные довольно легко достигали общенія съ Церковью. Несмотря на это, кажется, что древняя строгость не была совершенно забыта: иначе какъ объяснить столь распространенный всегда обычай крещенія въ крайнемъ случаѣ, in extremis,—какъ не тѣмъ, что память о строгости покаянія еще была жива и что даже сама практика въ нѣкоторой мѣрѣ удержалась.

Не только испытанія, налагаемыя на кающихся, сдѣлались менѣе продолжительны и менѣе страшны, но и самое

признаніе въ грѣхѣ перестало уже казаться столь ужаснымъ. На всемъ Востокѣ все болѣе и болѣе занимались вопросомъ о достиженіи того, чтобы тяжкіе грѣхи не получали публичной огласки. Въ Константинополѣ, архіепископъ Нектарій, этотъ осторожный человѣкъ, врагъ всякаго грубаго обнаруженія, воспользовался происшедшимъ однажды соблазномъ для того, чтобы въ 390-мъ году упразднить должность священника, спеціально назначеннаго для принятія исповѣдей.*) Его примѣру послѣдовали съ тою готовностью, какая является всегда, когда дѣло идетъ о какомъ бы то ни было послабленіи въ дисциплинѣ. Были попытки думать, что св. Златоустъ противился этому, но это мнѣніе ошибочно. Св. Златоустъ безпрестанно преслѣдовалъ именно упадокъ нравовъ, болѣе даже, чѣмъ упадокъ дисциплины. Безъ сомнѣнія, никто не высказалъ большихъ похвалъ покаянію, чѣмъ онъ: онъ восхваляетъ его и тогда, когда изъясняетъ библейскіе примѣры и противополагаетъ нераскаянности Каина покаянное признаніе Ламеха; и тогда, когда осуждаетъ трусливую разборчивость тѣхъ, кто хотѣлъ пройти молчаніемъ заблужденія Давида, и показываетъ имъ, что это значило бы уничтожать и его удивительное раскаяніе.**) Но, какъ проницательный психологъ, какъ превосходный моралистъ, св. Іоаннъ показывалъ великія трудности публичнаго покаянія. Въ сущности,

*) Объ этомъ разсказываетъ намъ Сократъ въ церковной исторіи (v, xix) Дѣло касалось преступной связи одной женщины съ діакономъ. Изъ словъ Сократа, узнавшаго подробности дѣла отъ свидѣтеля—современника, пресвитера Эвдемона, не вполнѣ ясно, какимъ образомъ общество узнало о проступкѣ. Потребовалъ ли публичнаго признанія тотъ пресвитеръ, которому открыла свой грѣхъ женщина,—Сократъ не говоритъ. Но очень просто могло случиться, что въ подобномъ случаѣ была допущена какая-либо нескромность, или,—еще проще,—пасомые сдѣлали свои заключенія, видя карательныя мѣры, принятыя церковною властью.

**) Одно изъ обвиненій противъ св. Златоуста на Придубскомъ соборѣ состояло въ томъ, будто бы онъ попускалъ распущеность, говоря: „если ты снова грѣшишь,—снова кайся, и какъ бы часто ты не грѣшилъ,—приходи ко мнѣ, и я тебя уврачую“.

онъ думалъ, что послѣднее не было совершенно евангельскимъ обычаемъ, ибо оно имѣетъ результатомъ неизбѣжный соблазнъ, непримиримымъ и явнымъ врагомъ котораго является Іисусъ Христосъ. Безъ сомнѣнія, оно есть прекрасный примѣръ побѣды надъ человѣческимъ уваженіемъ и имѣетъ великое воздѣйствіе на общество вѣрныхъ. Но помыслимъ о будущемъ и взвѣсимъ, каковы будутъ послѣдствія его для самого раскаявшагося? Не только онъ окажется изгнанникомъ изъ общества, но еще, чувствуя себя презрѣннымъ и отверженцемъ,—онъ будетъ неспособенъ трудиться надъ своимъ собственнымъ возстановленіемъ. Его примѣръ, можетъ быть, спасетъ кого-либо изъ его братьевъ, но самъ онъ подвергнется риску погибнуть безвозвратно. «Ты знаешь, какую горькую муку испытываемъ мы, когда наши грѣхи оглашены, и какая сила души нужна для человѣка, всѣми обвиняемаго и имѣющаго столько свидѣтелей своихъ преступленій, чтобы не пасть совершенно.» Св. Златоустъ, вноситъ великую осторожность въ дѣло покаянія. Онъ всегда былъ весьма благоразуменъ и остороженъ, не смотря на свою пылкую душу, и страстно желалъ, чтобы всякій наблюдалъ за своимъ ближнимъ, по мѣрѣ надобности, сообщая о виновныхъ священнику, но подъ условіемъ, чтобы все это дѣлалось частнымъ образомъ и втайнѣ, по превосходному евангельскому изреченію. Онъ любитъ повторять вѣрующимъ, что требуемое имъ отъ нихъ не слишкомъ трудно,—нужно только, чтобы они признавались въ своемъ грѣхѣ предъ священникомъ, служителемъ Бога, свидѣтелемъ, уста котораго сомкнуты. Часто даже онъ идетъ далѣе и говоритъ имъ, что нужно исповѣдаться только одному Богу. Эти мѣста были часто приводимы протестантскими критиками, и нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, кажутся довольно характеристичными. Итакъ, практика покаянія переживала въ то время нѣчто вродѣ кризиса, и остается очевиднымъ, что св. Злато-

устъ слѣдовалъ общей тенденціи своего вѣка къ очень чувствительному смягченію древней дисциплины. Впрочемъ, какъ и во всемъ остальномъ, онъ не былъ никогда апостоломъ буквы, но всегда апостоломъ духа; обряды и формальность всегда казались ему менѣе важными, чѣмъ раскаяніе и обращеніе. По его мнѣнію, истинное раскаяніе состоитъ въ пламенномъ исканіи добродѣтелей, противуположныхъ прежнимъ порокамъ. Если ты похищалъ,—твори милостыню; прелюбодѣйствовалъ,—воздерживайся въ извѣстные дни отъ законнаго сношенія съ твоею женой.

Св. Златоустъ является однимъ изъ св. отцовъ, въ высшей степени величественно прославившихъ евхаристію, и Боссюэтъ былъ вполнѣ правъ, высказавъ эту мысль. Вѣрь, говорилъ онъ, что въ моментъ освященія хлѣба и вина, небо открывается, и ангелы сходятъ съ него. И сказаніе передаетъ, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ, какъ они окружали алтарь. Поэтому-то онъ такъ усиливался внушить своимъ слушателямъ, сколь совершенна должна быть чистота души того, кто хочетъ быть причастникомъ святыхъ таинствъ: она должна быть чище, чѣмъ святое святыхъ іудейскаго храма. Св. Іоаннъ употребляетъ еще и другое сравненіе, могущее сильно подѣйствовать на слушателей, страстно любившихъ общественныя игры. Онъ упоминаетъ о томъ, что, на олимпійскихъ играхъ, глашатай, объявивъ имена состязающихся, спрашиваетъ у зрителей, не имѣетъ ли кто сказать что-либо противъ нихъ. Приближаясь къ священной трапезѣ, нужно быть гораздо болѣе безупречнымъ. Но онъ жалуется, что въ этомъ отношеніи происходили великія злоупотребленія. Тогда всюду проникли рутина и формализмъ, и таинство причащенія страдало отъ этого столько же, сколько и таинство крещенія. Такъ, считалось обязательнымъ причащаться въ Пасху, и, если приходилось пропустить великій праздникъ безъ причащенія,—

то вѣрные испытывали величайшій и весьма суевѣрный страхъ. А между тѣмъ, причащались, не заботясь о соотвѣтствующемъ расположеніи духа. «Люди загрязненные тысячами пороковъ становятся причастниками святыхъ таинъ!» Священники не могутъ знать всѣхъ этихъ святотатцевъ, но пусть эти послѣдніе не забываютъ того, что Богъ ихъ видитъ и часто наказываетъ, поражая болѣзнями и внезапными бѣдствіями. Св. Златоустъ предаетъ таковыхъ сатанѣ, какъ сдѣлалъ ап. Павелъ съ коринфскимъ кровосмѣсникомъ. Зато, кромѣ дней пасхи, вовсе не причащались. Въ эту эпоху вопросъ о частомъ причащеніи уже ставился, и св. Златоустъ даетъ этому, весьма часто спорному, вопросу самое разумное рѣшеніе. Главное — имѣть чистую душу. Если душа чиста, пусть причащаются такъ часто, какъ хотятъ; если нѣтъ,— пусть не пріобщаются даже и въ Пасху. И онъ старается показать, что съ этой точки зрѣнія Пасха точно такой-же праздникъ, какъ и всѣ другіе, и что она вовсе не имѣетъ преимущества предъ пятидесятницею, субботою, воскреснымъ днемъ и годичными праздниками въ честь мучениковъ. Безъ сомнѣнія, были лица, часто пріобщавшіяся, но большинство вполнѣ заслуживало упрековъ св. Златоуста. Иногда выставляли противъ него тотъ странный аргументъ, что анахореты въ своемъ уединеніи, не причащаются даже одного раза въ годъ, будучи удалены отъ какого-бы то ни было священника или епископа.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ обычаевъ было соблюденіе поста. Мы уже видѣли, что постъ давалъ мѣсто одному большому злоупотребленію, вслѣдствіе смѣшенія іудейскаго поста съ постомъ христіанскимъ, но это было не единственнымъ злоупотребленіемъ. Посту, какъ и другимъ обычаямъ, и, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ другимъ, усвояли самостоятельную внутреннюю силу. Въ немъ видѣли достаточное искупленіе грѣховъ, хотя бы онъ и не сопровождался ни-

какимъ моральнымъ прогрессомъ. И, задаваясь цѣлью усвоить ему чрезмѣрное значеніе и магическую силу, упускали изъ виду дѣйствительныя основы его полезности.

Св. Златоустъ часто повторялъ панегирикъ посту и предлагалъ своимъ слушателямъ, съ одной стороны, примѣръ Ниневитянъ, столь часто восхваляемый въ христіанской литературѣ IV-го вѣка, а съ другой, примѣръ Іисуса Христа въ пустынѣ. Совершенно особенной любовью любилъ онъ священный періодъ четыредесятницы, въ особенности потому, что это былъ по преимуществу періодъ проповѣданія, тотъ періодъ, когда онъ восходилъ на амвонъ почти каждый день, и церковь наполнялась толпою, болѣе многочисленною и болѣе благочестиво настроенною, чѣмъ обыкновенно. Онъ переполняется радостью, и эта радость выражается въ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, когда онъ возвѣщаетъ приходъ этой невещественной весны душъ, *) и высказываетъ трогательное сожалѣніе, когда видитъ ея окончаніе. Онъ давалъ прекрасное изображеніе самособранности антіохіянъ во время четыредесятницы; призывалъ вѣрныхъ при ея наступленіи долго помнить о томъ воздержаніи отъ пороковъ, какое она влечетъ за собою, и плакать объ ея окончаніи такъ, какъ плачутъ объ уходѣ возлюбленнаго гостя. Ему хотѣлось дать высокую идею о воздержаніи и внушить, что постъ имѣетъ одинъ смыслъ, внѣ котораго онъ абсолютно безсиленъ: постъ долженъ служить къ обузданію плоти и имѣть результатомъ исправленіе пороковъ и нравственное усовершенствованіе. Безъ этого онъ недѣйствителенъ. Не слѣдуетъ думать, что одинъ постъ, безъ добрыхъ дѣлъ, можетъ обезпечить спасеніе. Съ тою прекрасною свободою ума, которая составляетъ его особенность, съ тѣмъ широкимъ пониманіемъ св.

*) У св. Златоуста находимъ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія относительно святой, или, какъ называли тогда, великой недѣли императоры предписывали закрывать суды давали помилованіе заключеннымъ и пр.

евангелія, съ какимъ онъ умѣлъ изъяснять самый глубокій и истинно нравственный смыслъ наставленій, безъ опасеній соблазна, св. Іоаннъ рѣшается представить образъ истиннаго Іисуса Христа, всегда чуждаго высокомѣрной добродѣтели и никогда не бывшаго формалистомъ. Онъ напоминаетъ, что Его противники, фарисеи, упрекали Его въ яденіи и питіи вина, какъ равно и въ томъ, что Онъ сообщается съ мытарями и грѣшниками. «Се человѣкъ ядца и пійца!» Противники заходили такъ далеко, что обвиняли св. Іоанна даже въ презрѣніи и отмѣненіи поста. «Нѣтъ, я его не хулю, — отвѣчалъ онъ, — я далекъ отъ этого, я его цѣню высоко, но скорблю, видя васъ, пренебрегающихъ всѣми другими повелѣніями и думающихъ, что для стяжанія спасенія достаточно одного поста, тогда какъ въ сонмѣ добродѣтелей онъ занимаетъ только послѣднее мѣсто». Особенно вызывали его негодованіе и ненависть тѣ, которые, воистину являясь фарисеями, не только преувеличивали дѣйственность поста, но еще при совершеніи его выказывали тщеславіе. Для наученія ихъ, онъ энергически толковалъ стихъ изъ св. Матѳея: «егда поститеся, не будите, яко лицемѣри, сѣтующе».

Но не должно думать, что всѣ одинаково соблюдали постъ, ради снисканія спасенія и пріобрѣтенія себѣ репутаціи святости. Прежде всего, находились настоящіе лицемѣры, втайнѣ пользовавшіеся самымъ утонченнымъ столомъ. Если это доходило до свѣдѣнія священника, то послѣдній обращался къ нимъ съ горячими упреками, но у нихъ уже наготовѣ было оправданіе: «я, — говорили они, — не хочу соблазнять никого, а мое слишкомъ слабое здоровье не позволяетъ мнѣ поститься. Я притворяюсь по духу благочестія». Многіе другіе, болѣе чистосердечные, даже не считали нужнымъ притворяться. Для такихъ приближеніе четыредесятницы было страшилищемъ, и, едва оканчивали они четыредесятницу одного года, какъ уже боялись ея приближенія въ

будущемъ году. Съ непристойною радостію привѣтствовали они прекращеніе поста въ Пасху и тотчасъ же давали пиршества, гдѣ безстыдно восполняли недавнія лишенія. Часто, впрочемъ, во время сорока священныхъ дней, они не соблюдали дисциплины, и св. Златоустъ легко узнавалъ это, такъ какъ суевѣрный страхъ заставлялъ такихъ лицъ держаться вдали отъ церкви, когда они прекращали постъ. Не видя ихъ во время бесѣды, св. Златоустъ зналъ, что̀ это значитъ, и, почти не надѣясь уже добиться отъ нихъ соблюденія совершеннаго воздержанія, находилъ лучшимъ выказывать имъ себя щедрымъ и толерантнымъ: приходите хотя теперь, говорилъ онъ имъ, и пусть одинъ грѣхъ не послужитъ поводомъ для другого. Предъ этими плохими постниками онъ восхвалялъ силу поста, подобно тому какъ старался умалить его значеніе предъ людьми суевѣрными. Онъ выставлялъ его, какъ превосходное врачевство противъ дьявольскихъ нападеній,—хотя въ силѣ этого лѣкарства и могъ усумниться, по крайней мѣрѣ, несчастный Стагирій. Св. Іоаннъ напоминалъ также, что великіе примѣры поста шли свыше, что теперь даже самъ императоръ соблюдалъ его. Наконецъ, его предписанія являлись чрезвычайно умѣренными: онъ вполнѣ допускалъ оправданіе слабостью здоровья, и съ тѣмъ осмотрительнымъ благоразуміемъ, какое сдѣлалось правиломъ въ Церкви, позволялъ въ этомъ случаѣ замѣнять постъ милостынею, усердіемъ къ проповѣди, примиреніемъ съ своими врагами, однимъ словомъ, добрыми дѣлами. «Да,—говоритъ онъ, и эти слова заключаютъ вкратцѣ всю его теорію поста,—такъ какъ главная цѣль поста—укрощеніе страстей, то какая важность въ томъ, что вы идете другимъ путемъ къ достиженію той же цѣли!»

Какъ и относительно поста, мы уже показали нѣкоторыя весьма преступныя суевѣрія, какимъ давала мѣсто молитва. Св. Златоустъ, имѣвшій о молитвѣ самое возвышенное пред-

ставленіе, и въ данномъ случаѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ церковныхъ обычаяхъ, боялся главнымъ образомъ того, чтобы молитвѣ не усвояли силы, независимой отъ настроенія молящагося. Онъ вынужденъ былъ напоминать большинству своихъ вѣрныхъ, что молитва имѣетъ силу только тогда, когда исходитъ изъ сердца праваго и чистаго; нужно прежде всего выполнять свой долгъ, и дѣлать добрыя дѣла: «чистая душа и обнаруженіе добрыхъ дѣлъ»,—это и есть истинная молитва. Опасаясь крайностей ритуализма, онъ говоритъ даже, что, въ сущности, молитва служитъ болѣе къ возвышенію души, чѣмъ къ снисканію благоволенія. Если ты забываешь это, если ты ведешь себя дурно, говоритъ онъ, изъясняя слова пр. Исаіи, то я отвращу очи мои отъ тебя. Съ живымъ воображеніемъ, свойственнымъ греку и жителю Востока, пластичнымъ и порою почти гомеровскимъ, онъ дѣлаетъ остроумное сравненіе, съ цѣлью показать, что не всѣ молитвы имѣютъ одинаковый успѣхъ. Бываютъ различные игроки на киѳарѣ: однихъ освистываютъ, другимъ рукоплещутъ. Точно такимъ же образомъ, молитвы добродѣтельныхъ христіанъ бываютъ услышаны, молитвы грѣшныхъ отвергнуты Божественнымъ вниманіемъ.

Наставленія св. Златоуста относительно молитвы кажутся съ перваго взгляда очень строгими: онъ не только хочетъ, чтобы молитва была чистою и пламенною, но требуетъ еще, чтобы ее повторяли весьма часто. Слѣдуетъ молиться предъ обѣдомъ, послѣ него и въ опредѣленные, установленные Церковью часы. Такъ какъ молитва есть единственное сильное средство сохраненія себя отъ искушеній, а эти послѣднія представляются ежеминутно, то молитва, въ свою очередь, должна быть непрерывною. Но и въ возраженіяхъ слушателей не было недостатка; въ особенности прибѣгали они къ одному, столь часто уже отмѣчавшемуся нами, что слѣдуетъ будто бы полагать различіе между жизнью монашескою и

мірскою. Какъ можетъ молиться трижды въ день человѣкъ, имѣющій семью и дѣла? Св. Златоустъ отвѣчалъ на это такъ, что его требованія, дѣйствительно, очень трудно осуществимыя при буквальномъ ихъ пониманіи, становились довольно легко выполнимыми. Нѣтъ нужды ходить въ церковь и въ строгомъ смыслѣ совершать молитву; достаточно внутренней и краткой, но усердной молитвы и вовсе нѣтъ надобности шевелить губами и воздѣвать руки. Особенно усиленно св. Златоустъ настаиваетъ на томъ, чтобы къ дневнымъ молитвамъ присоединяли еще молитвы ночныя. Онъ любитъ изъяснять псаломъ 118-й и повторять слова псалмопѣвца «полунощи востахъ». Вполнѣ сознавая, что совершеніе такой молитвы относится къ числу нелегко соблюдаемыхъ обычаевъ, онъ пытается убѣдить вѣрныхъ великолѣпнымъ описаніемъ ночного неба, свѣтоноснаго и безмятежнаго, созерцаніе котораго возвышаетъ и очищаетъ душу. Какъ бы ни малочисленны были тѣ, кого могло растрогать это поэтическое краснорѣчіе, однако, по мнѣнію Тильмона, кажется вполнѣ удивительнымъ уже и то, если такихъ нашлось хотя бы нѣсколько. «Этотъ обычай,—говоритъ онъ,—столь далекъ отъ нашей косности, что мы съ трудомъ понимаемъ, какъ можно было серьезно предлагать его общественному сознанію».

Вѣра въ почти магическое дѣйствіе молитвы была настолько сильна, что молившійся очень склоненъ былъ испытывать досаду, видя, что его молитва не услышана. Нечестивое отчаяніе стояло въ соприкосновеніи съ слишкомъ суевѣрной надеждою. Св. Златоустъ любилъ указывать на единственное цѣлительное средство,—терпѣніе, стараясь оправдать его библейскимъ примѣромъ. Двадцать лѣтъ молитвъ Исаака часто фигурируютъ въ его увѣщаніяхъ, и, дѣйствительно, трудно было бы подыскать лучшій примѣръ. Умѣстно было также повторять, что, если молитва не была услышана, то это, безспорно, потому, что ее совершали безъ надлежа-

щаго расположенія. «Должно испрашивать только то, на что Богъ можетъ согласиться, и притомъ нужно просить съ ревностью и вѣрой». *) Тогда, по мнѣнію св. Златоуста можно быть увѣреннымъ въ удовлетвореніи.

Молитва необходимо должна быть скромною и чуждою тщеславія. Не смотря на евангельское проклятіе, фарисеи оставили многочисленное и неисправимое потомство. Лицемѣръ, или по крайней мѣрѣ, святоша, склонный къ рѣзкимъ внѣшнимъ обнаруженіямъ, встрѣчался часто и въ Константинополѣ, и въ Антіохіи. «Запрись въ своей комнатѣ, говорилъ Златоустъ, и молись при закрытыхъ дверяхъ». Но тогда, возражали ему, нѣтъ надобности ходить въ церковь. «Не понимай этого буквально, нужно только не дѣлать себя предметомъ вниманія. Одинаково виновенъ и тотъ, кто изъ стремленія къ тщеславію запирается въ своемъ домѣ». Такимъ замѣчаніемъ онъ ясно показываетъ намъ, что и этотъ послѣдній видъ тщеславія далеко не былъ безызвѣстнымъ. «Есть и такіе, которые, скрываясь, заставляютъ обращать на себя вниманіе, возвышая свой голосъ, вскрикивая, подобно шутамъ, и всею своею внѣшностью обнаруживая притязаніе на смѣшное благочестіе».

До сихъ поръ мы говорили только о молитвѣ личной и частной, но св. Златоустъ не меньшую важность усвояетъ и молитвѣ общественной. Она, говоритъ онъ, имѣетъ особен-

*) Самое главное, какъ сказано, имѣть сердце, чистое отъ всякаго дурного чувства. Св. Златоустъ сообщаетъ, что его современники, съ суевѣрнымъ формализмомъ своего вѣка, „не дерзали приступать къ молитвѣ послѣ сношеній съ своею женою, хотя это было вполнѣ законно, и, наоборотъ, молились тотчасъ же по окончаніи ссоры или раздора, не достигнувъ спокойствія, хотя это заслуживало величайшаго осужденія.—„Въ судилищѣ, говоритъ далѣе св. Іоаннъ, нужно говорить по латыни; съ Богомъ же должно говорить языкомъ вѣры и цѣломудрія“. — У него мы найдемъ и нѣсколько образцовъ молитвословія; такъ онъ приводитъ молитву, заученную имъ отъ одного „святого мужа“ (несомнѣнно, какого-либо пустынника), которую онъ совѣтуетъ читать.

ную силу и болѣе вѣрное дѣйствіе. Этимъ-то объясняется та забота, съ какою св. ап. Павелъ просилъ молитвъ за самого себя. Богъ является какъ бы царемъ, который отказываетъ въ милости приговоренному, когда ходатайствуетъ за него одинъ проситель, и иногда снисходитъ къ мольбамъ цѣлаго города. Вотъ почему народъ всегда объединяется съ молитвами, произносимыми священникомъ, и приглашается принимать въ нихъ свое участіе. Съ чѣмъ особенно борется св. Іоаннъ, призывая къ общей молитвѣ,—это съ стремленіемъ возложить бремя ея на одного священника. Священникъ молился,—думали многіе,—и развѣ этого не достаточно для удовлетворенія Бога? Но св. Златоустъ напоминалъ имъ, что Церковь не что иное, какъ одно тѣло, и что рѣшительно всѣ вѣрные должны принимать участіе въ выраженіи благодарности или мольбы, возносимыхъ ею къ Богу *).

Частною формою общественной молитвы, которую особенно превозносилъ св. Іоаннъ, было пѣніе псалмовъ. Св. Златоустъ—одинъ изъ тѣхъ, кто болѣе всѣхъ способствовалъ введенію правильнаго употребленія ихъ, сначала совѣтомъ и проповѣдью въ Антіохіи, а затѣмъ (и еще болѣе) дѣйствительными мѣрами, какія можно было ему принимать въ Константинополѣ, благодаря своему епископскому авторитету. Въ своемъ изъясненіи 41-го псалма онъ въ прекрасныхъ выраженіяхъ опредѣлилъ происхожденіе и пользу псалмовъ. «Видя жестокосердіе человѣка и его лѣность, Богъ восхотѣлъ примѣшать къ пророчеству прелесть пѣнія, ибо ничто,

*) У св. Златоуста мы находимъ очень настойчиво выражаемое вѣрованіе въ предстательство святыхъ. Но, провозглашая ихъ превосходство, онъ опасался, какъ бы это не вызвало злоупотребленій. Онъ указываетъ на то, что хананеянка должна была молиться сама, и І. Христосъ не принялъ ходатайства ап. Петра и Іакова.—Очень распространеннымъ тогда предразсудкомъ была вѣра въ переходъ заслугъ съ одного лица на другое. Отъ св Іоанна мы узнаемъ, что нѣкоторые считали свое спасеніе обезпеченнымъ, такъ какъ въ ихъ семьѣ былъ епископъ, или среди ихъ предковъ былъ святой.

ничто такъ не возвышаетъ души, не окрыляетъ ее, не отвлекаетъ отъ земли, не освобождаетъ отъ тѣла, ничто не даетъ ей такой возможности любомудрствовать и смѣяться надъ всею этою плотскою жизнью, какъ пѣніе и мѣрная Божественная мелодія». Замѣть вліяніе пѣнія на дѣтей, работниковъ, корабельщиковъ и прядильщицъ. «Такъ какъ наша душа имѣетъ прирожденное и весьма сильное расположеніе наслаждаться подобнаго рода удовольствіемъ, то, чтобы демоны не развращали ее введеніемъ сладострастныхъ пѣсней, Богъ изобрѣлъ псалмы.. Нужно научить свою жену и дѣтей пѣть эти священныя пѣсни, когда онѣ прядутъ или работаютъ, начинаютъ или оканчиваютъ обѣдъ. Пусть подражаютъ ап. Павлу и Силѣ въ темницѣ (Дѣян, XVI, 25). Псаломъ — это благовонная губка, которою очищаютъ столъ». Въ то-же время онъ совѣтуетъ псалмопѣніе внутреннее, на полѣ, въ мастерской и въ судебной палатѣ. Безъ сомнѣнія, люди низкаго званія и нищіе не понимаютъ всѣхъ псалмовъ. Но пусть, по крайней мѣрѣ, въ церкви они запоминаютъ припѣвы: это явится для нихъ средствомъ замѣнить книги, достать которыхъ они не могутъ. — Можно сказать, что въ этомъ, столь полномъ и интересномъ отрывкѣ, св. Златоустъ не только выясняетъ пользу пѣнія псалмовъ, но что онъ прикровенно развиваетъ и самую теорію христіанской поэзіи, какъ она осуществилась въ IV-мъ вѣкѣ и какъ она представляется у св. Амвросія, Пруденція или св. Григорія Назіанзина. Всѣ основанія, какія онъ приводитъ въ пользу псалмовъ, показываютъ въ то-же время пользу и необходимость современной религіозной поэзіи; доказываютъ, что эта поэзія не была ничуть дѣломъ искусства, но имѣла глубокіе корни въ потребностяхъ христіанскаго общества.

Св. Златоустъ упоминаетъ псаломъ 140-й, какъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ и извѣстныхъ. «Всѣ знаютъ его наизусть и поютъ во всякомъ возрастѣ, но обыкновенно не

вполнѣ ясно понимаютъ его смыслъ». Этотъ псаломъ былъ избранъ для вечерней молитвы, и его, дѣйствительно, каждый вечеръ повторяли въ Антіохіи. Потому-то св. Златоустъ и изъясняетъ его съ особенною заботливостью и съ совершенно исключительными подробностями. Напротивъ, нами утрачено его толкованіе на псаломъ 62-й, читавшійся утромъ. Помимо же этихъ, назначенныхъ для спеціальнаго употребленія, псалмовъ, всѣ прочіе были довольно мало извѣстны; обычнымъ оправданіемъ служилъ отвѣтъ, что знаніе ихъ— дѣло монаховъ.

Въ Константинополѣ, какъ сказано, св. Златоустъ пытался сдѣлать пѣніе псалмовъ регулярнымъ и обязательнымъ. Мы уже видѣли, что онъ постановилъ пѣть ихъ въ тѣхъ крестныхъ ходахъ, которые совершались во время перенесенія мощей, а равно и въ процессіяхъ, установленныхъ имъ въ противодѣйствіе аріанамъ. Съ этимъ намѣреніемъ онъ собиралъ также по ночамъ всѣхъ тѣхъ, кому трудъ препятствовалъ молиться днемъ. Эти ночныя службы сдѣлались даже одною изъ главныхъ причинъ ненависти, какую возбудило въ византійскомъ клирѣ его епископское правленіе. Распущенные священники не простили ему того, что онъ такъ безцеремонно безпокоилъ ихъ сонъ. Въ это время онъ снова удивительно анализировалъ нравственное дѣйствіе псалмовъ, которые съ такимъ жаромъ усиливался распространить. «Пророкъ говоритъ, и мы отвѣчаемъ ему, воспѣвая всѣ вмѣстѣ. Нѣтъ больше различія между рабомъ и свободнымъ, между богачемъ и нищимъ, княземъ и подчиненнымъ! Неравенство положеній уничтожено, одинъ хоръ образуется изъ всѣхъ, и земля подражаетъ небу».

Но, какъ и всегда, св. Златоусту стоило немалыхъ трудовъ внушить это. Общая молитва требовала усердія къ церкви и вниманія, а тогда и тѣмъ, и другимъ качествомъ пасомые далеко не обладали въ совершенствѣ. Обыкновенно

присутствующіе были не весьма многочисленны и,—что замѣчательно,—въ большей своей части это были люди низкаго положенія. Богатые ходили только изрѣдка и, если рѣшались на это, то испытывали гордость, какъ будто оказывали Богу великую честь. Масса народа собиралась только по случаю большихъ праздниковъ, при наступленіи Пасхи или Пятидесятницы. Въ эти дни обычай и привычка влекли въ церковь всѣхъ, но въ этомъ не было и слѣда истиннаго благочестія: «это дѣло привычки, а не благочестія». Помимо того, внезапность одной изъ тѣхъ великихъ катострофъ, во время которыхъ оглашенные массою устремлялись въ баптистеріи, призывала въ церковь неожиданный потокъ нерадивыхъ людей. Такъ случилось послѣ землетрясенія, потрясшаго Антіохію, когда св. Златоустъ проповѣдывалъ свои прекрасныя гомиліи о Лазарѣ. Возмущеніе, во время котораго мы, въ рядѣ его бесѣдъ, почти день за днемъ, можемъ прослѣдить настроеніе нервной и измѣнчивой толпы,—предлагаетъ также весьма характерный примѣръ. Словомъ, мы видимъ, что церковь наполняется или пустѣетъ, и собраніе становится болѣе многочисленнымъ или безлюднымъ, смотря по тому, удручено ли общество отчаяніемъ, или же въ немъ начинаетъ возраждаться надежда.

Въ тѣ праздничные дни, когда толпа, слѣдуя обычаю и привычкѣ, наводняла базилики, въ особенности трудно было овладѣть ея вниманіемъ. Но даже и въ обычное время, при маломъ числѣ избранныхъ слушателей, невозможно было всегда пользоваться имъ вполнѣ. Епископу въ высшей степени часто представлялся поводъ быть недовольнымъ: и тогда, когда онъ произносилъ, повидимому, слишкомъ длинное поученіе,—какъ бы не велика была въ то время любовь къ краснорѣчивому слову,—и тогда, когда совершалась молитва и служба. Должность діакона, обязаннаго обходить тѣсные ряды и наблюдать за порядкомъ, не была только синекурою.

Можно было сколько угодно возглашать громкимъ голосомъ священный возгласъ «вонмемъ!», но сумятица и разсѣянность не прекращались. Предстоящіе безпрестанно разговаривали, даже въ самые торжественные моменты священнодѣйствія. «Какой позоръ!—говорилъ св. Златоустъ, когда ты присутствуешь при чтеніи правительственной грамоты, ты не осмѣливаешься ни шепнуть слова, ни сдѣлать малѣйшаго движенія: ты знаешь, что за самое незначительное неблагоразуміе тебя обвинятъ въ оскорбленіи величества. Но ты не боишься подвергнуться худшему преступленію и подпасть болѣе тяжкой опасности, пренебрегая уваженіемъ къ Божественному слову». Церковь сдѣлалась мѣстомъ собранія, подобно всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, какія въ огромномъ множествѣ предлагали древніе города праздношатающемуся народу, привыкшему жить внѣ дома и мало чувствительному къ тихимъ радостямъ домашняго очага. Въ церковь шли такъ же, какъ шли на площадь, или останавливались въ лавкахъ лѣкарей и брадобрѣевъ, гдѣ происходили безпрестанныя сборища. Входившіе въ церковь прямо направлялись къ своимъ родственникамъ и друзьямъ, съ цѣлью разузнать отъ нихъ новости. Не забывали здѣсь и своихъ дѣлъ, назначали свиданія тѣмъ, съ кѣмъ собирались заключить торговую сдѣлку, и обсуждали условія. Въ большую жару тутъ можно было укрыться удобнѣе, чѣмъ на площади. Охотники до новостей, весьма многочисленные въ этихъ восточныхъ городахъ, гдѣ люди такъ любопытны, такъ падки до всевозможныхъ пересудовъ, наперерывъ разсказывали политическія новости и слухи, идущіе отъ двора. Нѣкогда, писалъ св. Іоаннъ, помышляя о томъ домѣ Филимона, который онъ столь часто приводилъ въ примѣръ,—дома были церквами; нынѣ,—увы!—церкви сдѣлались домами и даже хуже, чѣмъ домами: тамъ слышится шумъ и суматоха таверны.

Естественно, что болтливѣе всѣхъ были женщины, гото-

вые смѣяться по малѣйшему предлогу. Св. Златоустъ призывалъ ихъ къ долгу словами апостола: «жена да учится въ безмолвіи». Но и мужчины, подобно женщинамъ, безъ уваженія къ святости мѣста, толкались, съ цѣлью занять первыя мѣста и лучше слышать, повидимому, нѣсколько слабый голосъ проповѣдника. Отсюда проистекали соблазнительныя ссоры, происходившія даже во время раздаянія евхаристіи. Какъ все это было далеко отъ того времени, когда въ моментъ проповѣди ап. Павла въ скромной горницѣ (coenaculum) въ самомъ верхнемъ этажѣ дома,—паденіе Евтихія, одного изъ слушателей, сидѣвшаго на подоконникѣ, не прервало собранія, и св. Павелъ продолжалъ изъяснять Божественное слово! Стоявшіе въ церкви рядомъ ссорились другъ съ другомъ, и нужно было безпрестанное вмѣшательство діакона для водворенія мира и порядка между этими взрослыми дѣтьми. Все являлось предлогомъ для самой пустой разсѣянности. Однажды, напримѣръ, св. Златоустъ видитъ, что взоры всѣхъ отвратились отъ него; онъ слышитъ, что въ собраніи проходитъ легкій говоръ, непогрѣшимый показатель невниманія, и видитъ, что глаза всѣхъ съ любопытствомъ наблюдаютъ какое-то неожиданное зрѣлище. Причиною было то, что въ это время зажигали лампады. И, чтобы снова привлечь разсѣянные умы, оратору нужно было возвысить тонъ и въ внезапномъ порывѣ импровизаціи воспользоваться однимъ изъ тѣхъ сравненій, которыя такъ восхищали воображеніе сирійцевъ. «Вѣдь и я возжигаю свѣтильники, и я возбуждаю въ васъ искры истины»!... и пр.

Бывали злоупотребленія и болѣе тяжелыя, чѣмъ эта ребяческая разсѣянность. Извѣстно, что языческіе храмы иногда дѣлались мѣстами свиданій для влюбленныхъ, и что въ Римѣ разсказывали нѣкоторые скандальные анекдоты, въ которыхъ церковникъ, а иногда даже и жрецъ, отчасти играли роль сводней. Въ частности, довольно дурной репутаціей пользо-

вались храмы Изиды. Христіанскіе епископы и священники никогда не были виновны въ подобныхъ непристойностяхъ, но они скоро замѣтили, что нравы, позорившіе языческіе храмы, стремились, хотя и въ смягченномъ видѣ, проникнуть и въ христіанскія церкви. Если теперь здѣсь уже не распутывались интриги, какъ подъ благосклоннымъ взоромъ Изиды, то иногда завязки ихъ совершались здѣсь. Женщины, являвшіяся въ собраніе, соперничали въ кокетствѣ, одѣвали свои лучшіе наряды и богатѣйшія драгоцѣнности, будучи исполнены честолюбивымъ стремленіемъ затмить другъ друга. Мужчины искали здѣсь похожденій, принимали къ этому мѣры и посреди церкви пускали въ ходъ всѣ тѣ уловки, какими, благодаря опытной тактикѣ, рекомендуемой нѣкогда Овидіемъ, они располагали для театра и цирка. Св. Златоустъ рѣшается даже сказать, что, «если кто-либо хочетъ увлечь женщину, то никакое мѣсто не кажется ему болѣе подходящимъ для этого, какъ базилика». Но, конечно, Церковь принимала свои предосторожности. Въ базиликѣ IV-го вѣка особое мѣсто было предназначено каждому классу, изъ которыхъ составлялось общество вѣрующихъ. Оглашенные и кающіеся не смѣшивались съ тѣми, кто уже получилъ крещеніе и принималъ участіе въ св. евхаристіи. Каждый полъ стоялъ отдѣльно. Въ антіохійскихъ церквахъ деревянная перегородка отдѣляла половину женщинъ отъ половины мужчинъ. Св. Златоустъ находилъ эту предосторожность слишкомъ недостаточною и въ то-же время сожалѣлъ объ ея необходимости. «Между вами и женщинами нужна бы стѣна, но такъ какъ вы не хотите стѣны, то отцы наши устроили, по крайней мѣрѣ, эту перегородку. Ибо я слышалъ отъ стариковъ, что изначала ея не существовало. Тогда знали, что во Христѣ Іисусѣ нѣтъ болѣе различія пола (Гал. III, 28), и во времена апостоловъ мужчины и женщины стояли вмѣстѣ». Теперь, прибавляетъ онъ, женщины

уподобились блудницамъ, а мужчины неистовствующимъ конямъ. Въ Константинополѣ мѣры предосторожности были приняты лучше, чѣмъ въ Сиріи: здѣсь женщины находились на хорахъ; таково, по крайней мѣрѣ, было расположеніе знаменитой церкви Анастасіи или Воскресенія, столь дорогой для св. Григорія Назіанзина и не менѣе любимой св. Златоустомъ.

Наконецъ, народъ обнаруживалъ слишкомъ много торопливости при оставленіи церкви и стремился скорѣе стряхнуть ту принужденность, какую на него налагала сначала проповѣдь, а затѣмъ и служба, въ то время, дѣйствительно, довольно продолжительная. Что касается проповѣди, то св. Златоустъ, хотя и не безъ сопротивленія, еще дѣлалъ здѣсь нѣкоторыя уступки, именно — тѣмъ, кто находилъ ее слишкомъ длинною, дозволялъ уходить, когда они чувствуютъ себя уставшими. Но онъ запрещалъ уходить, прежде чѣмъ оканчивались молитвы. Были нѣкоторыя молитвы, которыя священникъ говорилъ почти одинъ, такъ какъ при нихъ никто не считалъ нужнымъ присутствовать. Между тѣмъ, св. Златоустъ не только хотѣлъ удержать вѣрныхъ до тѣхъ поръ, пока священникъ не закончитъ ихъ совершенно, но желалъ еще большаго, именно того, чтобы нѣкоторое время послѣ службы пасомые оставались въ церкви, съ цѣлью сосредоточенія и размышленія.

Св. Златоустъ, безъ сомнѣнія, боролся съ болѣе тяжкимъ зломъ, чѣмъ недостатокъ усердія къ церкви или невнимательность и недостатокъ уваженія къ святому мѣсту. Онъ, конечно, прекрасно сознавалъ, чтò дѣлалъ, безпрестанно возобновляя по этому поводу самые сильные упреки. Безъ усердія къ церкви, и въ частности къ поученію, почти невозможно было надѣяться на совершенствованіе весьма невѣжественной толпы, которую нужно было подчинить безпрестанному ученію, суровой бдительности и дисциплинѣ, для того, чтобы имѣть какой-нибудь разсчетъ на искорененіе ея страстей. И болтовня, смѣхъ, разговоры среди самой церкви,

все это неприличное и небрежное поведеніе, было очевиднымъ показателемъ глубокихъ золъ; эти пороки ясно выдавали распущенность, холодность и рутину, т. е. именно все то, съ чѣмъ св. Іоаннъ имѣлъ миссію бороться, и что̀, по мѣрѣ возможности, онъ хотѣлъ исправить.

Клиръ, его организація и нравы.—Оффиціальная постановка дѣла благотворительности. — Дѣвственницы и вдовы.—Евангелизація селъ.

Весь обзоръ вѣрованій и священнодѣйствій того времени показалъ намъ, что общимъ стремленіемъ, которое св. Златоустъ отмѣтилъ яснѣе, чѣмъ кто-либо другой, въ IV-мъ вѣкѣ было стремленіе возложить на сословіе священниковъ и епископовъ, т. е. вообще на клиръ, огромную часть тѣхъ должностей и обязанностей, какія въ первоначальный періодъ были общими для всѣхъ вѣрующихъ. Разграниченіе между клириками и мірянами обозначалось все рѣзче и рѣзче. Казалось, что эти послѣдніе хотѣли передать въ руки первыхъ вмѣстѣ со многими своими правами и весьма существенныя свои обязанности. На клиръ возлагалась забота о раздаяніи милостыни, на клирѣ лежала обязанность содержанія больныхъ и вдовъ, клиру хотѣли передать даже молитву. И весьма важно поэтому узнать, какъ въ то время былъ организованъ клиръ и какія средства принималъ онъ, по мѣрѣ возможности, съ цѣлью исправить зло, причиняемое косностью мірянъ.

Смотря по тому, возвышенный ли или низменный взглядъ имѣли церковные сановники на свои обязанности, дѣло ихъ казалось или въ высшей степени труднымъ, или легкимъ, и въ послѣднемъ случаѣ жизнь ихъ представлялась самою завидною и отрадною. Бл. Августинъ энергически говорилъ однажды: «въ наше время нѣтъ ничего легче, пріятнѣе и желаннѣе епископства, священства или діаконства, если эти

должности выполнять легкомысленно и стараясь только угождать другимъ. Но въ такомъ случаѣ передъ Богомъ нѣтъ ничего болѣе жалкаго, печальнаго и достойнаго осужденія. Зато напротивъ, въ наше время нѣтъ ничего болѣе труднаго, удручающаго и опаснаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшаго въ очахъ Божіихъ, какъ епископство, священство или діаконство, если выполнять обязанности этого священнаго служенія по повелѣніямъ небеснаго Государя». Это же самое безпрестанно повторялъ, съ своей стороны, и св. Златоустъ и въ особенности доказывалъ это въ своемъ прекрасномъ трактатѣ «о священствѣ», самомъ стройномъ и наиболѣе тщательно отдѣланномъ своемъ твореніи, которое полно возвышенныхъ и благородныхъ мыслей и изобилуетъ, кромѣ того, весьма характерными чертами нравовъ.

Дѣло добросовѣстнаго и строгаго священника становилось особенно затруднительнымъ главнымъ образомъ по слѣдующей причинѣ. Вмѣсто того, чтобы находить поддержку въ сочувствіи и любви, онъ скоро замѣчалъ, что соотвѣтственно его добродѣтелямъ къ нему питаютъ или зависть, или боязнь. Безъ сомнѣнія, твердость характера, благотворительность и святость жизни привлекали ему полное и надежное расположеніе, но число такихъ усердныхъ друзей было незначительно. Большинство, всегда индифферентное и измѣнчивое, готово было по малѣйшему предлогу выказать ему свою враждебность. При чтеніи нѣкоторыхъ страницъ трактата «о священствѣ», написаннаго въ первые годы жизни св. Іоанна въ Антіохіи, сильно кажется, что онъ уже предвидѣлъ и заранѣе заклеймилъ тѣ жалкія интриги, подъ бременемъ которыхъ нѣкогда ему суждено было пасть. Да, еще задолго до провозглашенія епископомъ, онъ имѣлъ и весьма высокое понятіе объ этомъ священномъ санѣ, и вмѣстѣ достаточную опытность и потому зналъ, что, если когда-либо онъ будетъ призванъ къ прохожденію этого служенія, то ему нужно будетъ

всего опасаться. Онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно мужества, непоколебимости и безкорыстія, чтобы считать себя обреченнымъ на неизбѣжное преслѣдованіе. Едва только вступивъ въ церковную іерархію, онъ могъ видѣть всѣ коварные замыслы, какіе ежедневно составлялись въ тайнѣ. За священникомъ ежеминутно слѣдили, его подстерегали и на него клеветали всѣ тѣ, кто хотѣлъ занять его мѣсто; помимо того, онъ былъ подверженъ злорѣчію и женскимъ сплетнямъ. Если казалось, что онъ живетъ въ довольствѣ, или его видѣли не въ слишкомъ изношенной одеждѣ, или, наконецъ, его столъ могъ подлежать какому-либо осужденію,—малѣйшее неблагоразуміе раздували въ преступленіе. Даже тѣ, которые сначала были дружественно преданы ему, первые дѣлали ему впослѣдствіи упреки за его мнимую роскошь. Развитіе, какое со дня на день получала церковная юрисдикція, естественно давала также мѣсто многимъ неудовольствіямъ. Со всѣхъ сторонъ взывали къ ея необходимости, но, когда она явилась, готовы были тотчасъ же обвинять ее и на нее жаловаться. Наконецъ, вслѣдствіе самолюбія и тщеславія, столь общихъ всѣмъ грекамъ и сирійцамъ, каждому хотѣлось, чтобы священникъ исключительно занимался имъ однимъ, и ревновалъ своего пастыря ко всякому, кому онъ, повидимому, оказывалъ предпочтеніе. Не было ничего труднѣе, какъ избѣжать всякаго обнаруженія благосклонности или пристрастія. Такъ, существовалъ обычай посѣщенія епископомъ больныхъ; но люди совершенно здоровые требовали такихъ-же посѣщеній. Не по побужденіямъ благочестія, но изъ гордости добивались того, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, время отъ времени, показывался у всѣхъ, и эти соревнователи подстерегали его малѣйшіе выѣзды. Въ особенности же, если его можно было обвинить въ томъ, что онъ былъ склоненъ слишкомъ часто посѣщать богатыхъ, то бѣдные удручали его ужаснѣйшими упреками. Епископъ въ нѣкоторомъ родѣ сдѣлался

покровителемъ цѣлаго города; только теперь это былъ покровитель, шедшій навстрѣчу своимъ кліентамъ и самъ являвшійся къ нимъ, вмѣсто того, чтобы принимать ихъ утреннія привѣтствія въ своемъ атріумѣ. Сколь велики и страшны были, слѣдовательно, обязанности епископа! Конечно, онъ былъ не ниже монаха. Онъ являлся отцомъ семейства, и до какой степени его семья была вмѣстѣ и обширна, и непріучена къ повиновенію! Онъ управляетъ не болѣе, какъ однимъ городомъ, но между тѣмъ у него больше заботы, чѣмъ у самого императора, такъ какъ онъ почти не можетъ дѣйствовать иначе, какъ убѣжденіемъ и рѣдко властью. Какъ выполнитъ онъ это, если на его задачу смотрятъ, какъ на удовольствіе, и площадь не думаетъ оставить своихъ пошлыхъ жалобъ, безпрестанно возводимыхъ на него?

Значитъ ли это, что все въ этихъ жалобахъ было несправедливо? Увы,—нѣтъ, и св. Златоустъ сознавалъ это лучше, чѣмъ кто-либо другой. Но, по своему обыкновенію, онъ одновременно боролся съ двумя противоположными злоупотребленіями. Съ одной стороны, нужно было ограничить гордость, честолюбіе и пороки дурныхъ священниковъ, съ другой,—обуздать непокорность вѣрныхъ. Этимъ-то послѣднимъ занимается св. Іоаннъ въ только что указанныхъ текстахъ. Но онъ ясно сознавалъ и то, что эта непокорность слишкомъ часто имѣла свои весьма законныя основанія; зналъ это настолько хорошо, что формально ставилъ и обсуждалъ вопросъ: какого поведенія слѣдуетъ держаться паствѣ, если, къ несчастью, она встрѣтитъ дурного пастыря. Тогда,—говоритъ онъ, выказывая толерантность, достаточную для доказательства того, что подобные случаи были часты (хотя бы свидѣтельства и были немногочисленны),—тогда нужно дѣлать различіе между погрѣшностями въ дѣлѣ вѣры и ошибками противъ нравственности. Что касается нравовъ, то здѣсь всякій имѣетъ право судить и сознательно высказываться,

помня, однакоже, что *даже и порочный священникъ будетъ давать только добрые совѣты*: до такой степени непреоборима сила истины. Что касается вѣры, то нужно особенно бояться судить необдуманно и помнить о своей некомпетентности. Развращенныхъ или мало православныхъ священниковъ св. Златоустъ встрѣчалъ слишкомъ часто на своемъ собственномъ пути.

Во время писанія своего трактата «о священствѣ», св. Іоаннъ, еще не обладая горькимъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ позднѣе, уже достаточно ясно видѣлъ, что, если Церковь могла жаловаться на общее разслабленіе вѣрныхъ, то большую часть удручающаго ее зла, слѣдовало приписать дурному выбору пастырей. И въ своей третьей книгѣ онъ не преминулъ отмѣтить это тяжелое зло и раскрыть его причины. Одною изъ такихъ причинъ могло быть, безспорно, то, что, вслѣдствіе увеличенія числа епископій, съ возрастаніемъ христіанства, требовалось бо́льшее число епископовъ и, въ виду этого, уровень ихъ величія понизился. Тѣмъ не менѣе, въ эту плодотворную эпоху не было недостатка въ достойныхъ избранникахъ, и самому св. Златоусту казалось, что скорѣе тогда, въ первыя времена христіанства, скудость пасомыхъ могла обусловливать неудачный выборъ. Такъ, когда онъ изъясняетъ образъ епископа, какимъ его представляетъ первое посланіе къ Тимоѳею, онъ признается, что этотъ идеалъ не весьма возвышенъ, и склоненъ даже признать его довольно низкимъ. И въ самомъ дѣлѣ, идеалъ представленный имъ въ свою очередь въ трактатѣ и, можно сказать, точно выполненный имъ самимъ,—несравненно болѣе высокъ и обнимаетъ гораздо большее число труднѣйшихъ требованій. Но, къ чести IV-го вѣка, нужно сказать, что въ то время возможно было найти людей, нисколько не боявшихся этой великой суровости жизни и такой тяжкой отвѣтственности. Зло, такимъ образомъ, происходило отъ способа, посредствомъ кото-

раго совершалось избраніе, и виноваты въ этомъ были какъ сами кандидаты, такъ и вѣрные.—Епископство, какъ говоритъ намъ бл. Августинъ, сдѣлалось завидною должностью. Вліяніе, какое оно давало, превосходило даже вліяніе, предоставляемое общественными магистратурами, и должно было неизбѣжно увлекать честолюбцевъ. Освобожденіе отъ муниципальныхъ повинностей, обширныя богатства, какими располагалъ каждый діоцезъ, пышная жизнь, какую могъ вести епископъ Рима или Византіи и въ меньшихъ размѣрахъ епископы меньшихъ городовъ,—все это должно было манить друзей роскоши, равно какъ скупыхъ и жадныхъ людей. А когда честолюбцы и скупцы домогались сана, то они могли имѣть много шансовъ, силою своей хитрости и лицемѣрія, взять перевѣсъ надъ людьми скромными и благочестивыми. Народъ, принимавшій довольно большое участіе въ избраніи, и самый клиръ могли увлекаться самыми невысокими соображеніями. Исторія многихъ епископскихъ престоловъ того времени показала бы, что нѣтъ никакого преувеличенія въ осужденіяхъ св. Златоуста, когда онъ утверждаетъ, что при избраніи столько же принималось во вниманіе богатство или знатность происхожденія, сколько и добродѣтель избираемаго. Могущественныя связи, интрига, возрастъ—все это могло благопріятствовать тому или другому кандидату. Нѣкоторыхъ даже предпочли только вслѣдствіе боязни, что, если отвергнутъ ихъ притязанія, то они или увлекутся ересью, или отмстятъ какимъ-нибудь другимъ способомъ. Безъ сомнѣнія, въ слишкомъ поспѣшныхъ выборахъ народъ иногда имѣлъ очень счастливую руку и слѣдовалъ весьма справедливому инстинкту; въ этомъ отношеніи самымъ характернымъ примѣромъ является избраніе св. Амвросія Медіоланскаго. Но, съ другой стороны, сколько происходило здѣсь ошибокъ и безразсудства, сколько соблазнительныхъ сценъ, раздоровъ и даже убійствъ! Событія, аналогичныя съ тѣми, какія происходили

въ Римѣ, во время соперничества Дамаза и Урсина, справедливо заклейменнаго безпристрастнымъ Амміаномъ, по словамъ св. Златоуста, происходили также и на Востокѣ. Впрочемъ, народъ далеко не одинъ былъ отвѣтственъ въ этомъ, и св. Іоаннъ вовсе не имѣлъ желанія лишать его этихъ правъ. Онъ настаивалъ на томъ, что составъ вѣрныхъ долженъ сохранять свое участіе въ управленіи церковью, что епископъ долженъ имѣть больше труда, но не больше чести. Великая отвѣтственность падала также на епископовъ, соглашавшихся рукоположить недостойнаго избранника, послѣ того какъ предварительно всѣми средствами они покровительствовали ему и поддерживали его кандидатуру.

Вотъ почему въ клиръ удавалось проникнуть многимъ заблудшимъ овцамъ. Лицемѣры, сначала обнаруживавшіе только строгость и святость жизни, тотчасъ же по избраніи выказывали всю черноту своей души. Подобныхъ примѣровъ много среди современныхъ св. Іоанну епископовъ, съ которыми онъ вступалъ въ сношенія. Не говоримъ о тѣхъ, которые, подобно Нектарію, его предшественнику по константинопольской каѳедрѣ, будучи тщеславными прелатами, любителями наслажденій и вельможами, имѣли, по крайней мѣрѣ, заслугу честности и умѣренности. Но что сказать объ Антіохѣ, добывавшемъ деньги своимъ краснорѣчіемъ? о Северіанѣ Гавальскомъ, всегда готовомъ на какую-нибудь новую интригу? о Ѳеофилѣ Александрійскомъ, расходующемъ на безсмысленныя сооруженія милостыню, предназначенную нищимъ, и не останавливающемся въ своей борьбѣ съ противниками ни передъ какою-угодно ложью, ни предъ какимъ-угодно насиліемъ? Что, наконецъ, сказать объ Акакіѣ Берійскомъ, по самому незначительному предлогу сдѣлавшемся непримиримымъ врагомъ св. Златоуста и говорившемъ, что онъ «приготовитъ ему его же блюдо»*). Есть ли какой-либо

*) Приведенныя слова произнесены еп. Акакіемъ при слѣдующихъ об-

примѣръ поразительнѣе примѣра симоническихъ епископовъ, низложенныхъ св. Іоанномъ во время его путешествія въ Азію? Эти епископы съ безстыдною наивностью, много говорящею о нравахъ того времени, признавались, что они заплатили за свое избраніе; высказывали, что желали епископства ради избѣжанія муниципальныхъ повинностей, и въ своемъ цинизмѣ доходили до того, что послѣ своего низложенія просили вернуть имъ ихъ издержки. Чтобы увидѣть, насколько этимъ интриганамъ удавалось иногда увѣрить своихъ овецъ въ самоотреченіи, слѣдуетъ подумать надъ исторіей Геронтія, стараго клирика Миланской церкви, изгнаннаго изъ нея св. Амвросіемъ. Геронтій достигъ нареченія во епископы Никомидіи потому, что пріобрѣлъ въ городѣ репутацію искуснаго и услужливаго врача, и вѣрные энергически защищали его противъ всѣхъ нападокъ.—Зато правда, что люди, истинно достойные епископства, какова бы ни была ихъ скромность, рѣдко успѣвали отъ него уклониться. Самъ св. Златоустъ представляетъ доказательство этого: въ своей молодости, цѣною одной благочестивой уклончивости, ему удалось избѣжать этого бремени. Но его неожиданное нареченіе въ Константинополь, можетъ быть единственный хорошій поступокъ Евтропія (и особенно важно, что оно было дѣломъ такого недостойнаго правителя), показываетъ, что истинная заслуга въ IV-мъ вѣкѣ, столь же богатомъ добродѣтелями, сколько и пороками, почти всегда увѣнчивалась возложеніемъ сана и имѣла, по крайней мѣрѣ, свой часъ.

стоятельствахъ. Отправлявшійся для переговоровъ съ римскимъ папою, Сириціемъ, еп. Акакій остановился въ домѣ св. Златоуста. Константинопольскій архіепископъ не измѣнилъ, по причинѣ его пріѣзда, своего образа жизни, и Акакій принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ-же скуднымъ столомъ, какимъ святитель пользовался всегда. Здѣсь-то Акакій, оскорбленный этою простотою, въ присутствіи постороннихъ лицъ, высказалъ свою угрозу св. Іоанну—„сострялать для него его же блюдо“.

Прим. перев.

тріумфа надъ честолюбивой интригой, хотя, быть можетъ, позднѣе кратковременный успѣхъ искупался незаслуженнымъ паденіемъ.

Однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ явленій въ исторіи Церкви IV-го вѣка, которое также поражало и св. Златоуста, представляется внезапное и удивительное обогащеніе Церкви. Это не значитъ, что до Константина Великаго она была очень бѣдна; напротивъ, и тогда она уже имѣла значительныя владѣнія. Но со времени тріумфа, доброхотныя пожертвованія, идущія отъ государей или частныхъ лицъ, съ каждымъ днемъ увеличивали ея наслѣдіе. Извѣстны слова Претекстата, говорившаго, что еп. Дамазъ, по вліянію, какимъ онъ пользовался, и по богатствамъ, какими располагалъ, былъ не только равенъ первому государственному вельможѣ, но даже превосходилъ его. «Я сдѣлался бы христіаниномъ, еслибы вы поставили меня римскимъ епископомъ», — прибавлялъ онъ съ насмѣшкой. Церковь антіохійская и особенно константинопольская были не менѣе богаты, чѣмъ римская. Св. Златоустъ часто признаетъ, что ихъ владѣнія неизмѣримы, но не предлагаетъ точныхъ цифръ. Онъ сообщаетъ, однако, приблизительное число, по крайней мѣрѣ, для Антіохіи. Въ 85-й бесѣдѣ на евангеліе Матѳея, часть которой мы уже приводили, онъ утверждаетъ, что Церковь почти имѣла доходъ одного антіохійскаго вельможи, хотя и не изъ самыхъ богатыхъ.

Церковное богатство состояло не исключительно изъ денегъ, но включало многочисленныя недвижимыя имѣнія, поля, дома, повозки, муловъ и ихъ погонщиковъ. Часть своихъ имуществъ Церковь отдавала въ наемъ. Словомъ, образъ жизни, какой могъ вести епископъ, былъ совершенно аналогичнымъ съ образомъ жизни вельможи, такъ какъ богатства того и другого были одинаковы. Такое положеніе дѣлъ неизбѣжно влекло за собою тяжкія злоупотребленія. Безспорно,

существовали въ дѣйствительности тѣ епископы, которыхъ Амміанъ представляетъ намъ безпрестанно разъѣзжающими по всѣмъ направленіямъ имперіи, подъ предлогомъ поѣздки на соборы, на счетъ разоряемаго ими правительства. Это не подлежало бы никакому сомнѣнію даже тогда, еслибы у насъ было только одно указанное свидѣтельство языческаго историка, такъ какъ этотъ язычникъ безпристрастенъ и вполнѣ заслуживаетъ довѣрія. Но то-же самое показываетъ намъ и св. Златоустъ. Да, говоритъ онъ, есть—и я самъ видѣлъ ихъ—священнослужители, имѣющіе дурную славу; не безъ нѣкоторыхъ законныхъ основаній подозрѣваютъ честность ихъ правленія. Но невозможно, чтобы нѣчто злое не примѣшивалось иногда къ добру. Увы, бывали соблазны и во времена апостольскія!

Но даже и тогда, когда неподкупность священника или епископа была извѣстна за идеальную, не смотря на это, очень часто казалось соблазномъ уже одно то, что духовныя лица были заняты дѣлами и вносили сюда тѣ-же обычаи, какъ и міряне; т. е. бережливость, скупость и жадность. Управленіе большимъ богатствомъ совершается всегда одинаково. Да, съ печалью говорилъ тогда св. Іоаннъ, мы не можемъ болѣе упрекать вѣрныхъ, ибо сами священнослужители ничѣмъ не отличаются отъ мірянъ, и это заграждаетъ намъ уста. Быть надсмотрщикомъ, экономомъ и негоціантомъ—не епископское дѣло, и, однако, теперь необходимо, чтобы онъ входилъ во все это лично, или черезъ посредство діакона. Такимъ образомъ случается, что члены клира входятъ въ сношенія съ продавцами вина, хлѣба и другихъ припасовъ, затѣваютъ съ ними споры и даже распри. Какъ далеко было все это отъ той прекрасной первоначальной эпохи, когда Апостолы не хотѣли сами заниматься даже раздаяніемъ сборовъ, сдѣланныхъ благодаря ихъ заботамъ!

Св. Златоустъ первый же призналъ, что это плачевное поло-

женіе дѣлъ было неизбѣжнымъ и почти не могло быть исправлено. Нельзя было основательно расчитывать на то, чтобы съ того времени, какъ общество почти всецѣло сдѣлалось христіанскимъ, всѣ вѣрующіе выполняли существенную обязанность милостыни. Справедливо, что съ увеличеніемъ числа несчастныхъ, требующихъ помощи, возрасло, безъ сомнѣнія. и число богатыхъ христіанъ, но не всѣ эти богачи въ такой же мѣрѣ были дѣйствительно проникнуты сознаніемъ своихъ обязанностей. Было бы настоящею мечтой думать, что частная иниціатива и личная благотворительность удовлетворили бы огромной задачѣ, взятой на себя Церковью. Поэтому было желательно, чтобы самъ клиръ взялъ въ свои руки администрацію милостыни и наблюдалъ за устройствомъ постоянныхъ, поддерживаемыхъ имъ учрежденій: госпиталей, богадѣленъ и пр. Всѣ величайшіе епископы IV-го вѣка понимали это; одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ столько же по твердости, ясности и точности своего пониманія, сколько и по своей практичности,—св. Василій Великій стоялъ во главѣ этого движенія. Его митрополія, Кесарія, долго стояла впереди прочихъ городовъ имперіи по числу и по лучшему управленію основанныхъ въ ней учрежденій, такъ что для всѣхъ она сдѣлалась достоподражаемымъ идеаломъ. Проникнутый тѣми-же мыслями, св. Златоустъ защищалъ право Церкви владѣть доходами и недвижимыми имѣніями. Основаніемъ такого права, въ его глазахъ, являлась необходимость уврачевать слишкомъ общее нерадѣніе вѣрныхъ. «Исполняйте вашъ долгъ, говорилъ онъ антіохійцамъ и константинопольцамъ, выполняйте дѣла благотворительности, какъ повелѣваетъ евангеліе, и тогда мы съ радостью откажемся отъ имѣній, какія удерживаемъ теперь только противъ воли».

Таковы идеи св. Златоуста о церковныхъ имуществахъ, но въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, его чувства иногда возносили его выше собственныхъ идей. Мы уже нѣ-

сколько разъ отмѣчали, что въ нѣкоторыхъ его упованіяхъ было нѣчто трудноосуществимое. Онъ былъ христіаниномъ въ самомъ истинномъ смыслѣ слова, а истинный христіанинъ всегда является нѣсколько склоннымъ къ мечтательности. Даже при томъ предположеніи, что, съ своей стороны, онъ идетъ къ полному осуществленію возвышенныхъ повелѣній, неправдоподобно, что всѣ будутъ ему подражать. Отсюда происходитъ, что въ извѣстные моменты онъ прямо надѣется на то, чего такъ страстно желаетъ. И уже въ Антіохіи, когда св. Іоаннъ проповѣдывалъ прекрасныя бесѣды на евангеліе Матѳея (откуда въ этой главѣ нами взяты важнѣйшія цитаты), онъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе ввести въ обычай частную благотворительность, съ тѣмъ, чтобы уменьшить бремя, тяготившее клиръ. Онъ надѣялся, что, вслѣдствіе этого, клиръ могъ бы освободиться отъ части своихъ богатствъ, отягощавшихъ его своимъ управленіемъ, поглощавшихъ его время и заботы (а и то, и другое легко нашло бы для себя лучшее употребленіе) и развивавшихъ въ священнослужителяхъ привычки и складъ ума, совершенно противоположные ихъ профессіи. Въ прекрасномъ развитіи 85-й бесѣды, послѣ цитированнаго нами исчисленія главныхъ владѣній антіохійской церкви, онъ прерываетъ себя восклицаніемъ: «*не безъ намѣренія* сожалѣю я объ этомъ: я не хочу, чтобы мои сѣтованія оставались тщетными и стремлюсь къ тому, чтобы они имѣли результатомъ драгоцѣнное совершенствованіе». Успѣлъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, сколько-нибудь въ Антіохіи? Это мало правдоподобно, такъ какъ въ санѣ пресвитера онъ имѣлъ только служеніе слова, довѣренное ему еп. Флавіаномъ, и могъ принимать только косвенное и ограниченное участіе въ управленіи обществомъ. Но идея, такъ ясно имъ высказанная, съ этихъ поръ уже не покидала его. Когда онъ вошелъ на епископскій тронъ Константинополя и сдѣлался полнымъ господиномъ своихъ дѣй-

ствій, эта мысль была не менѣе близка его сердцу. Такъ какъ его всегда болѣе смущали затрудненія, какія представляло огромное расширеніе церковныхъ имуществъ, чѣмъ извлекаемыя изъ нихъ выгоды, то онъ во всемъ держалъ противную Нектарію сторону. Нельзя не удивляться реформѣ, произведенной имъ въ епископскомъ домѣ. Нектарій сдѣлалъ изъ своего дома настоящій дворецъ; онъ жилъ тамъ такъ же, какъ привыкъ жить въ бытность свѣтскимъ человѣкомъ—тщеславнымъ вельможей, принимающимъ за своимъ обѣдомъ или на изысканномъ пиршествѣ тѣхъ префектовъ, съ которыми онъ соперничалъ въ роскоши. Св. Златоустъ, сынъ главнаго военачальника (magister militae), привыкъ въ юности къ тому-же образу жизни, какъ и Нектарій, но скоро предпочелъ ему суровые подвиги аскетизма, продалъ цѣнные предметы, казавшіеся ему безполезными; заперъ дверь своего дома для празднолюбцевъ; прекратилъ пиры, доставившіе такую громкую популярность его предшественнику, и подалъ константинопольцамъ прекрасный примѣръ, многими изъ нихъ дурно истолкованный,—примѣръ епископа, обѣдающаго одиноко. Не менѣе удивительно то, какъ онъ воспользовался вліяніемъ, которое скоро возымѣлъ на одну весьма богатую вдову, Олимпіаду, съ цѣлью вырвать ее изъ рукъ мало добросовѣстныхъ клириковъ, эксплоатировавшихъ послѣднюю, и научить ее направлять свои пожертвованія такъ, чтобы производить ими возможно большую истинную пользу. Онъ выказалъ также рѣдкую смѣлость, принявъ мѣры противъ тѣхъ нищенствующихъ монаховъ, которые злоупотребляли нѣсколько суевѣрною милостыней мірянъ. Но кажется, что онъ шелъ и дальше и что нѣкоторые упреки его противниковъ имѣли, по крайней мѣрѣ, кажущуюся основательность. Такъ, напримѣръ, его обвинители были, можетъ быть, отчасти справедливы, если правда, что онъ продавалъ часть церковныхъ имуществъ, хотя бы и для того, чтобы помочь содер-

жанію или учрежденію госпиталей. Св. Василій, обладавшій болѣе умѣреннымъ и практическимъ умомъ, едва ли доходилъ до такого благороднаго неблагоразумія. Но можно ли, однако, слишкомъ строго осуждать св. Златоуста? Зло, которое онъ хотѣлъ уврачевать, казалось достаточно великимъ, чтобы ему позволительно было нѣсколько вдаться въ крайность. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, если ошибочно утверждать вмѣстѣ съ слишкомъ осторожными критиками, что св. Златоустъ не допускалъ никакой крайности, и, если безъ большихъ ограниченій надо принять нѣкоторые эпитеты, усвояемые ему историкомъ Сократомъ,—то не менѣе несправедливо сурово осуждать его и направлять противъ него фарисейское порицаніе. Какой реформаторъ для лучшаго достиженія цѣли не подвергается опасности допустить крайность? И гораздо болѣе заслуга тѣхъ, кто дѣлаетъ подобный промахъ, чѣмъ тѣ, у кого не хватаетъ малѣйшаго порыва для достиженія цѣли. А св. Златоустъ былъ дѣйствительно реформаторомъ нравовъ своего вѣка, сначала посредствомъ проповѣди въ Антіохіи, потомъ посредствомъ проповѣди и дѣйствій въ Константинополѣ.

Посмотримъ теперь поближе, каковы были тѣ главнѣйшія повинности, которыя, вслѣдствіе нерадѣнія слишкомъ равнодушныхъ вѣрующихъ, Церковь несла на себѣ, и которыя обязывали ее имѣть правильный бюджетъ. Св. Златоустъ перечисляетъ ихъ почти сполна въ 24-й бесѣдѣ на первое посланіе къ Коринѳянамъ. Прежде всего, это была милостыня, оказываемая бѣднымъ. Но Церковь не ограничивалась только раздачею имъ пропитанія или одежды. Во всѣхъ большихъ христіанскихъ городахъ наперерывъ воздвигались, по примѣру Кесаріи, богадѣльни, и ихъ-то разумѣлъ св. Златоустъ, совѣтуя Стагирію посѣщать «пристанище бѣдныхъ». Здѣсь содержали больныхъ и слабыхъ, прокаженныхъ, страдающихъ ракомъ,—всѣхъ тѣхъ неизлѣчимыхъ больныхъ, на которыхъ

св. Іоаннъ указывалъ Стагирію, какъ на людей, болѣе его несчастныхъ. Для нихъ строили первыя больницы, носившія обыкновенно имя nosocomia. Иногда также усвоялось имъ названіе страннопріемницъ (xenodochium), прилагаемое въ частности къ убѣжищамъ, открытымъ для чужестранцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, на Церкви лежала обязанность предлагать имъ кровъ, такъ какъ частныелюди отказывались слѣдовать добрымъ совѣтамъ, уже приведеннымъ нами въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, такъ какъ эти чужестранцы были обыкновенно нищіе или больные, то, строго говоря, страннопріимство сливалось съ другими, прежде поименованными формами милостыни. Еп. Палладій въ своемъ діалогѣ (V) разсказываетъ намъ, что св. Златоустъ выстроилъ въ Константинополѣ много новыхъ учрежденій, кромѣ уже существовавшихъ, и снабдилъ ихъ очень полнымъ персоналомъ надзирателей и служителей. Наконецъ, Церковь горячо заботилась о посѣщеніи заключенныхъ и объ оказаніи имъ помощи. Эта послѣдняя форма милостыни представлялась въ IV-мъ вѣкѣ гораздо болѣе важною, чѣмъ теперь, потому что въ то время участь заключенныхъ была безмѣрно суровѣе. Св. Златоустъ, весьма строгій ко всему гражданскому законодательству, видѣвшій въ большей части судей только «грабителей и убійцъ», говоритъ еще хуже о тюремщикахъ. Впрочемъ, предлагаемыя имъ подробности, совершенно подтверждаются другими авторами, въ частности Ливаніемъ, и яркій примѣръ мы видимъ въ лицѣ несчастныхъ антіохійскихъ сенаторовъ, заключенныхъ въ тюрьмы, вслѣдствіе возмущенія 387-го года, и подвергшихся тамъ ужаснымъ страданіямъ. Въ частности, св. Іоаннъ описываетъ въ одномъ обстоятельномъ сравненіи жалкое положеніе преступниковъ, осужденныхъ на копаніе руды. Этимъ послѣднимъ страданіямъ Церковь не всегда могла приносить облегченіе, такъ какъ рудники въ большинствѣ случаевъ находились въ большомъ отдаленіи отъ городовъ. Нужно

еще вспомнить, что строгости административныя и фискальныя и несправедливости необузданнаго деспотизма могли наводнять эти столь страшныя тюрьмы людьми невинными, или, хотя и виновными, но заслуживавшими упрека только за незначительные проступки.

Послѣ всего этого Церковь одновременно продолжала высказывать спеціальную заботливость по отношенію къ вдовамъ и дѣвственницамъ и подавать первымъ особенную помощь. Число вдовъ, фигурировавшихъ въ ея спискахъ вспомоществованія, возростало, по словамъ св. Златоуста, до трехъ тысячъ въ городѣ Антіохіи, считавшемъ, какъ извѣстно, не болѣе ста тысячъ христіанъ. Для нѣкоторыхъ это число казалось слишкомъ высокимъ. Пытались, какъ всегда, найти благовидные предлоги, чтобы оправдать свою жесткость сердца, такъ какъ, хотя Церковь и содержала этихъ вдовъ, но, при недостаточности источниковъ дохода, она иногда дѣлала призывъ къ частной благостынѣ. Богатые пользовались текстомъ: «вдова да избирается...» и пр., по поводу котораго св. Златоустъ произнесъ одну бесѣду, съ цѣлью напомнить довольно строгія условія, назначаемыя ап. Павломъ для избранія вдовъ. Св. Іоаннъ вынужденъ былъ доказывать своимъ возражателямъ,—невѣжество которыхъ, быть можетъ, было притворнымъ, — необходимость помнить, что вдовство во время апостола было вмѣстѣ и саномъ церковной іерархіи, и правомъ на общественную благотворительность. Поэтому, когда Апостолъ требуетъ отъ вдовы столько добродѣтелей, то онъ говоритъ о санѣ, а не о правахъ на благотворительность.

Эти бѣдствующія вдовы не всѣ были одинаково почтенны. Находились среди нихъ и такія, которыя славились интригами, втирались въ богатыя семьи, выказывали здѣсь хитрое пронырство, ссоря однихъ, примиряя другихъ, стараясь во всемъ этомъ найти свою собственную выгоду. Ихъ бѣдность, возрастъ и положеніе давали крайнюю свободу ихъ

языку, и онѣ услаждались сплетнями и злословіемъ. Ради этой болтовни, онѣ часто оставляли тѣ дѣла, какія имъ рекомендовалъ св. Златоустъ, именно—воспитаніе дѣтей и гостепріимство, на что онъ смотрѣлъ, какъ на главныя ихъ обязанности. Но часто также многимъ изъ нихъ онъ высказываетъ высочайшія похвалы, превозноситъ ихъ безропотность и душевное равновѣсіе, какое онѣ умѣютъ сохранять и тогда, когда имъ даютъ какой-нибудь оболъ, и тогда, когда вовсе отказываютъ въ милостынѣ. Онъ показываетъ цѣну ихъ усердія къ церкви, которое, впрочемъ, какъ можно замѣтить, не всегда было добровольнымъ, но скорѣе было условіемъ оказываемой имъ помощи. «Ты приходишь, когда хочешь,—говорилъ онъ остальнымъ вѣрующимъ,—а онѣ должны молиться и творить псалмопѣніе и днемъ и ночью». И предвидя возраженіе, только что отмѣченное нами, онъ прибавлялъ: «и въ такомъ положеніи онѣ находятся не только ради милостыни, какую имъ оказываютъ, такъ какъ онѣ могли бы просить милостыню на площади и на перекресткахъ улицъ, а, если бы не были честными, могли бы даже пускаться въ тѣ мелкія постыдныя занятія, какія служатъ столь многимъ старухамъ средствомъ существованія».

Тѣ-же самые контрасты встрѣчались и между богатыми вдовами. Многія изъ нихъ пребывали во вдовствѣ не для того, чтобы отрѣшиться отъ жизни міра, но, наоборотъ, для того, чтобы проводить ее съ большею свободою и удовольствіемъ. Таковытѣ вдовы, которыя описаны въ «утѣшеніи вдовѣ Ѳерасія» въ началѣ его поприща; таковыхъ же св. Іоаннъ встрѣтилъ и въ концѣ своей жизни въ лицѣ трехъ своихъ непримиримыхъ враговъ—Марсы, Кастриціи и Евграфіи. Но находились также между богатыми вдовами и такія, которыя «погашали всѣ плотскія пожеланія, обуздывали похоть, попирали ее ногами, повергали на землю и приводили къ полному безсилію». Эти всецѣло обрекали себя на воспитаніе

своихъ дѣтей, какъ сдѣлала мать св. Іоанна, Анѳуса; или, оставшись безъ дѣтей, всецѣло посвящали себя интересамъ Церкви, подобно Олимпіадѣ. Изъ среды-то этихъ послѣднихъ вдовъ Церковь избирала діакониссъ, среди которыхъ св. Златоустъ нашелъ въ высшей степени удивительную преданность. Къ нимъ-то, предъ тѣмъ какъ навсегда покинуть Константинополь, въ моментъ выдачи себя чиновнику, имѣвшему приказаніе отвезти его въ ссылку, онъ обратилъ свои послѣдніе совѣты и имъ-то сказалъ свое послѣднее прости.

Поведеніе дѣвственницъ, посвятившихъ себя Господу, было далеко не всегда безупречнымъ. Если обычнымъ недостаткомъ вдовъ была склонность къ сплетнямъ и интригѣ, то у дѣвъ такимъ недостаткомъ было стремленіе нравиться. По этому поводу св. Златоустъ давалъ самые осторожные совѣты и показывалъ имъ, посредствомъ весьма тонкаго и остроумнаго анализа, какимъ глубокимъ знаніемъ ихъ ума и сердца обладалъ онъ. Лучшихъ совѣтовъ мы не найдемъ и въ извѣстныхъ письмахъ бл. Іеронима. Подобно послѣднему, св. Іоаннъ не игнорируетъ того, что и въ простомъ нарядѣ можетъ сказываться столь же искусное кокетство, какъ и въ золотыхъ и шелковыхъ одеждахъ. «И въ простой одеждѣ можно обнаруживать достаточно притязаній, чтобы превзойти одежду богатую... Можно подобрать оттѣнокъ, идущій къ темнымъ матеріямъ, и съ искусствомъ подвязаться поясомъ. Есть дѣвственницы, выказывающія себя столь же искусными, какъ и актрисы. Онѣ умѣло избѣгаютъ и того, чтобы поясъ не образовалъ на боку складокъ, и того, чтобы онъ не былъ слишкомъ натянутъ, искусно уклоняясь, такимъ образомъ, отъ той и другой крайности. Онѣ дѣлаютъ красивыя складки,—и во всемъ этомъ больше обольщенія, чѣмъ въ шелковыхъ одеждахъ. Какое значеніе имѣетъ то, что онѣ носятъ черную обувь, если она прекрасно блеститъ и имѣетъ изящную форму—острый носокъ и низкій каблукъ? Какой

смыслъ въ томъ, что онѣ не румянятся, если моются съ величайшею заботливостью и носятъ покрывало, еще болѣе ослѣпительной бѣлизны, чѣмъ лицо, а поверхъ покрывала, съ цѣлью искусно оттѣнить его, надѣваютъ еще черную повязку? Что сказать о движеніяхъ ихъ глазъ, походкѣ и жестахъ?... Но,—говорятъ нѣкоторыя,—я не думаю ни о чемъ дурномъ, и съ моей стороны нѣтъ желанія нравиться. Я дѣлаю это совершенно естественно и не думая объ этомъ... Вотъ почему не уважаютъ дѣвственницъ, вотъ почему надъ ними смѣются. Это происходитъ по ихъ собственной винѣ».

Впрочемъ, это—еще довольно легкіе недостатки, и, можетъ быть, св. Златоустъ заходитъ нѣсколько далеко въ своей строгости. Дѣвственницы подвергались, или точнѣе, сами подвергали себя гораздо большей опасности. Многія хотѣли имѣть только видъ и славу той трудной добродѣтели—воздержанія, которую Церковь цѣнила столь высоко, и въ тоже время, посредствомъ какого-нибудь легко допустимаго компромисса, ухитрялись придумывать облегченія этого повелѣнія. Св. Златоустъ не только боролся съ скупостью въ средѣ своего клира: онъ часто видѣлъ, что клиръ является жертвою страшнаго плотского искушенія. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что энергія, съ какою онъ обличалъ виновныхъ, была одною изъ первыхъ причинъ ненависти, разразившейся противъ него такою сильной бурей.

Прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ Церковь боролась съ опаснымъ, неискоренимымъ, безпрестанно осуждаемымъ и безпрестанно возрождающимся зломъ: сожитіемъ духовныхъ лицъ съ дѣвственницами, Какъ тѣ, такъ и другія, стремясь соблюдать полное воздержаніе, сознавались, что не могутъ жить одиноко. То клирики говорили о необходимости дѣвственницъ для поддержки своего дома, то обратныя требованія шли со стороны дѣвственницъ, имѣвшихъ нужду въ клирикахъ для управленія своими дѣ-

лами. Зло было одинаково распространено и на Западѣ, и на Востокѣ. Въ Африкѣ, во времена св. Кипріана, оно сдѣлалось въ особенности тяжкимъ. Поимка на мѣстѣ преступленія, въ одной изъ пограничныхъ съ Кареагеномъ общинъ, діакона, находившагося въ связи съ одною дѣвственницею, дала поводъ извѣстному Помпонію совѣтоваться съ великимъ учителемъ Церкви, и св. Кипріанъ отвѣтилъ ему очень любопытнымъ письмомъ. Виновные доказывали, что они не поддались никакому искушенію и не совершили никакого грѣха. Подобный случай не былъ единственнымъ: напротивъ, онъ повторялся очень часто. Св. Кипріанъ высказался по этому вопросу съ величайшей суровостью: онъ не имѣлъ наивности вѣрить приводимымъ виновниками извиненіямъ и хорошо зналъ, что нельзя играть съ огнемъ и «давать мѣсто діаволу». Онъ объявляетъ прежде всего, что сожитіе, даже въ томъ случаѣ, если при этомъ соблюдаютъ цѣломудріе,—какъ это стараются доказать,—было бы достойно осужденія уже по причинѣ только соблазна. Но въ то-же время видно, что св. отецъ не подверженъ ни малѣйшей иллюзіи и на увѣренія въ невинности смотритъ, какъ на совершенно лицемѣрныя. И не одна Африка была запятнана этимъ зломъ. На Востокѣ, въ частности въ Антіохіи, легко можно было бы указать много примѣровъ того-же злоупотребленія. Даже одинъ епископъ, знаменитый Павелъ Самосатскій, если вѣрить его противникамъ, жилъ съ двумя молодыми и очень красивыми женщинами, которыя слѣдовали за нимъ во всѣхъ его переѣздахъ*). Въ IV-мъ вѣкѣ нравы не измѣнились. Третій канонъ Никейскаго собора запретилъ священнослужителямъ жить съ другими женщинами, кромѣ ихъ сестеръ, матерей и тетокъ. Но это правило почти не было соблюдаемо, и свидѣтельство св. Златоуста доказываетъ, что его столь же нару-

*) Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Павелъ Самосатскій былъ преслѣдуемъ страстною ненавистью.

шали въ Сиріи, сколько и въ Константинополѣ. Есть нѣкоторое сомнѣніе о времени составленія св. Іоанномъ своего главнаго трактата противъ такъ называемыхъ *синизактовъ* или *агапитовъ*, т. е. духовныхъ сестеръ*). Но, съ одной стороны, мы знаемъ, что въ Константинополѣ онъ предпринялъ противъ нихъ очень энергичныя мѣры, а съ другой, во многихъ бесѣдахъ, безъ всякаго сомнѣнія, произнесенныхъ имъ въ Антіохіи, мы находимъ виновныхъ отмѣченными со *всею желательною точностью*.

Точно такъ же, какъ и св. Кипріанъ, Златоустъ не скрываетъ отъ себя тяжести проступковъ. Онъ очень хорошо знаетъ, чтó въ большинствѣ случаевъ значитъ это странное притязаніе на соблюденіе образцовой чистоты въ сожительствѣ. Впрочемъ, яснѣе Кипріана, онъ допускаетъ возможность случая (всегда, однакоже, по его мнѣнію, исключительнаго), когда это притязаніе законно, и кажется правдоподобнымъ, что такъ иногда бывало и въ дѣйствительности. Но его неодобреніе все же ничуть не менѣе всеобще и абсолютно, чѣмъ и неодобреніе Кареагенскаго епископа. Прежде всего, распознавать невинныхъ отъ виновныхъ возможно было не иначе, какъ послѣ великаго соблазна, именно—послѣ того медицинскаго освидѣтельствованія, какому нѣкоторыя дѣвственницы подвергались въ Константинополѣ или Антіохіи, столь же легко какъ и въ Африкѣ. Далѣе, если, при весьма чувствительномъ упадкѣ дисциплины, дѣйствительно и могло случиться, что нѣкоторые честные, и въ сущности правдивые, но слабые клирики обольщали себя иллюзіей и безъ преступнаго намѣренія жили съ агапитами, то имъ всегда предстояла двойная опасность. Во-первыхъ, неизбѣжное злословіе

*) Латинское названіе ихъ subintroductae. Это имя усвоялось упомянутымъ вдовамъ и дѣвственницамъ, вводившимъ въ свои дома клириковъ, ради управленія своими хозяйственными дѣлами. Ихъ называли еще „возлюбленными“ и „подругами“.

Прим. перев.

и во вторыхъ, опасность самимъ подвергать себя искушенію. И послѣднее было не менѣе опасно, такъ какъ даже тотъ, кто долгое время торжествовалъ побѣду надъ плотью, не могъ быть увѣренъ, что его паденіе не совершится сегодня или завтра. Было и еще нѣчто, чего можно было опасаться въ видахъ будущаго. Сдѣлать уступку въ одномъ пунктѣ,—не значило ли давать поводъ плоти становиться все болѣе и болѣе требовательною? Не грозило ли это опасностью увидѣть въ скоромъ времени церковное безбрачіе явно оскорбленнымъ, и дисциплину воздержанія ниспровергнутою? Всѣхъ этихъ основаній было вполнѣ достаточно для оправданія строгости св. Златоуста. Нѣтъ ничего любопытнѣе чтенія его трактата «противъ агапитовъ». Здѣсь онъ выказываетъ необычайную глубину моралиста и совершенное знаніе не только основныхъ характеровъ человѣческой природы, но и ея сокровеннѣйшихъ и глубочайшихъ наклонностей. Безъ ложнаго стыда, безъ всякаго боязливаго замалчиванія, онъ входитъ въ анализъ, еще болѣе смѣлый, чѣмъ отмѣченный нами анализъ страсти дѣвственницъ къ нарядамъ. Всюду чувствуется ученикъ пророковъ, который столь же часто и въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ и они, защищалъ свободу слова, отстаивалъ право выражать мысль безъ покрова и рѣзко изображать зло, съ цѣлью вѣрнѣйшаго его исправленія.

Мы только что прослѣдили долгую и побѣдоносную борьбу св. Златоуста противъ различныхъ чиновъ клира и видѣли, что и епископамъ, и священникамъ, и вдовамъ, и дѣвственницамъ онъ одинаково долженъ былъ внушать любовь къ простотѣ, отвращеніе къ роскоши и пышности. Но и въ самомъ богослуженіи, не меньше, чѣмъ и въ клирѣ, ему приходилось замѣчать стремленіе къ уклоненію отъ первоначальной простоты. Безъ сомнѣнія, отрадно было видѣть, какъ всѣ провинціи имперіи, всѣ большіе города, иногда поддерживаемые щедростью государей, наперерывъ соперничали между

собою и созидали величественные храмы. Но св. Златоустъ предпочиталъ этимъ золотымъ куполамъ и великолѣпнымъ базиликамъ ту скромную горницу, въ самой верхней части дома, гдѣ проповѣдывалъ ап. Павелъ, когда юноша Евтихій упалъ изъ окна. Та небольшая горница была полна ревностными и добродѣтельными вѣрующими, а этого нельзя было сказать о Великой церкви въ Антіохіи или о церквахъ константинопольскихъ, когда эти послѣднія наводняла шумная, разсѣянная и нескромная толпа, въ которой нѣсколько праведниковъ терялись среди индифферентной и нерадивой массы. Безспорно, св. Златоустъ зналъ, что необходимо дѣлать много уступокъ духу вѣка, и ему случалось даже (такъ какъ, будучи опытнымъ проповѣдникомъ, онъ не пренебрегалъ пользоваться слабостями своихъ слушателей, съ цѣлью приведенія ихъ къ раскаянію) восхвалять удобства, представляемыя этими прекрасными сооруженіями, обращать вниманіе на прочную, обшитую крышу храма, подъ которою народъ былъ защищенъ отъ непогодъ, тогда какъ имъ приходилось подвергаться на открытыхъ скамейкахъ цирка или театра. Но съ лѣтами и по мѣрѣ возрастанія своего авторитета, въ особенности съ того момента, когда онъ, въ санѣ константинопольскаго архіепископа, могъ свободно прилагать свои идеи, Іоаннъ, насколько позволительно, противодѣйствовалъ развитію литургической роскоши. Онъ не былъ епископомъ-строителемъ, подобно своему противнику Ѳеофилу Александрійскому, и, если и строилъ, то отдавалъ предпочтеніе больницамъ передъ церквами. Никогда онъ не побуждалъ своихъ пасомыхъ давать Церкви или епископу болѣе, чѣмъ нищимъ, но напротивъ, съ негодованіемъ осуждалъ то тщеславное мнѣніе,—такъ часто встрѣчающееся еще и въ наши дни,—которое заставляетъ предпочитать скромной и тайной милостынѣ тщеславное пожертвованіе драгоцѣнныхъ предметовъ для богослуженія. Эти щедрыя даянія казались ему въ своей основѣ не менѣе смѣш-

ными, чѣмъ и тѣ щедрыя раздачи, какія городскіе начальники дѣлаютъ народу, изъ разсчетовъ пустой популярности. Впрочемъ, стремясь къ ограниченію такихъ пожертвованій, онъ выступалъ съ мудрою и благоразумною осторожностью, въ какой онъ рѣдко чувствовалъ недостатокъ. «Если ты видишь, что кто-либо предлагаетъ дорогія священныя чаши, или какую-либо мозаику, не давай приказанія продать или разбить эти пожертвованія. Не искореняй этой ревности! Но, если прежде окончательнаго рѣшенія, жертвователь спроситъ у тебя совѣта, то съумѣй разубѣдить его и научи предпочесть милостыню». Такъ онъ говорилъ въ Антіохіи; въ Константинополѣ онъ былъ менѣе остороженъ.

Въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни ему хотѣлось обратить эти тщеславныя пожертвованія не только на одну милостыню: онъ имѣлъ намѣреніе дать имъ другое назначеніе. Судя по нѣкоторымъ, выше приведеннымъ нами мѣстамъ, кажется, что селенія въ окрестностяхъ Антіохіи всѣ были обращены въ христіанство. Число язычниковъ, быть можетъ, было тамъ не многимъ значительнѣе, чѣмъ въ самомъ городѣ. Но, безспорно, этого нельзя было сказать объ окрестностяхъ Константинополя. Бѣдные крестьяне въ обширныхъ владѣніяхъ богачей,—оставались ли они язычниками, или приняли христіанство,—одинаково были почти лишены всякаго религіознаго образованія. Христіанство имѣло свои крѣпости въ большихъ городахъ. Чуткій ко всѣмъ несчастіямъ бѣдняковъ, св. Іоаннъ не могъ не замѣтить того пренебреженія, въ какомъ оставались крестьяне. Онъ зналъ, что священники между ними очень рѣдки или весьма невѣжественны, и однажды высказалъ благородное пожеланіе: еслибы ему удалось поднять своихъ городскихъ пасомыхъ до такого совершенства, что у него оставался бы небольшой досугъ, то съ какимъ наслажденіемъ посвятилъ бы онъ его проповѣди евангелія въ селеніяхъ! Но чѣмъ болѣе двигалась впередъ предпринятая

имъ реформа среди самаго города, тѣмъ яснѣе онъ чувствовалъ тщету этой надежды. Тогда онъ обращался къ сторонѣ богачей, къ крупнымъ собственникамъ. «Вы создаете,—говорилъ онъ имъ,—бани и рынки въ деревнѣ, вы такимъ образомъ вводите туда изнѣженные городскіе нравы, развращаете своихъ крестьянъ, и роковымъ слѣдствіемъ этого является то, что они дѣлаются непокорными ученію. Такъ, въ своемъ пустомъ исканіи тлѣнной популярности, вы идете прямо противъ собственныхъ интересовъ. Попытайтесь лучше обратить поселянъ въ христіанскую вѣру, если они еще язычники, или привести къ обнаруженію христіанскихъ добродѣтелей, если они уже обращены. Но какъ исправите вы ихъ, если они по прежнему видятъ ваше нерадѣніе, по отношенію къ ихъ душамъ? Воздвигай церкви вмѣсто бань. Пусть ни у кого не будетъ помѣстья безъ церкви. Не говори, что церковь есть въ какомъ-нибудь сосѣднемъ пригородѣ,—ей нужно быть въ собственномъ твоемъ имѣніи. Обезпечь ее въ то-же время необходимою суммою для содержанія священника, діакона и всей необходимой іерархіи. Дай приданое этой церкви, какъ даешь его своей дочери, и она по истинѣ будетъ твоею дочерью. Еслибы императоръ просилъ у тебя построить ему домъ для своего помѣщенія, не въ одинъ ли день ты поспѣшилъ бы ему повиноваться? Не поступай же иначе по отношенію къ Богу. Ты находишь, что эта издержка слишкомъ значительна?—тогда начни со скромной постройки, и твой наслѣдникъ увеличитъ ее».

Такъ какъ слушатели притворялись глухими, то св. Іоаннъ позволялъ себѣ указывать на вознагражденіе, имѣвшее, по понятіямъ того времени, высокую цѣну: онъ обѣщалъ, что имена строителей сельской церкви будутъ произноситься во время совершенія литургіи.

Монахи и аскетизмъ.

При видѣ того зрѣлища, какое представляло изображенное нами общество IV-го вѣка, съ момента тріумфа христіанства,—понятно, сколь многія истинно христіанскія души испытывали смѣшанную съ негодованіемъ печаль. Въ ихъ глазахъ несравненно выше стоялъ вѣкъ предшествующій, вѣкъ гоненій, и св. Златоустъ восклицалъ: «Я слышалъ отъ отцовъ нашихъ,—(впрочемъ, да не будетъ этого съ нами, ибо намъ заповѣдано не искать искушеній),—что во время древнихъ гоненій можно было видѣть мужей истинно христіанскихъ». Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, была теперь прежняя чистота въ тѣхъ городахъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, крестъ свободно блисталъ надъ вратами базиликъ и даже на дворцахъ, но гдѣ по прежнему существовали всѣ мѣста для наслажденій античнаго города, начиная съ цирка и театра и кончая люпанаромъ? Гдѣ была любовь,—когда крупныя фамиліи сохраняли свои безчисленныя наслѣдія и, утвердившись въ своихъ высокихъ магистральныхъ должностяхъ, повидимому, принадлежавшихъ имъ по праву наслѣдства, безпрестанно увеличивали ихъ посредствомъ вымогательствъ, тогда какъ огромное число бѣдняковъ такъ жалко оставалось у пороговъ ихъ величественныхъ домовъ? Гдѣ была чистая вѣра въ этомъ странномъ смѣшеніи догматовъ съ дѣтскими суевѣріями? Христіанство побѣдило міръ и дивилось не величію своей побѣды, но своимъ посредственнымъ результатамъ. Все было подчинено, и ничто не измѣнилось. «Сдѣлавшись христіанскимъ, міръ,—по словамъ Флери,—не пересталъ быть міромъ».

Очевидно было, что никогда чистое ученіе евангелія не сдѣлается абсолютнымъ правиломъ нравственности, и что Церковь будетъ вынуждена терпѣть извѣстныя послабленія

въ дисциплинѣ. Мы видѣли, что даже самъ св. Златоустъ, обладавшій столь же мудрымъ умомъ, сколько и высокимъ сердцемъ, по временамъ уступалъ этому неодолимому стремленію. Невозможно было надѣяться удержать неприкосновенною строгость повелѣній иначе, какъ только въ обществѣ избранниковъ, вдали отъ большихъ городовъ, развращенныхъ неисцѣлимыми пороками. Этимъ-то и объясняется появленіе аскетизма. Отсюда возникло то теченіе, которое увлекло лучшихъ людей, вслѣдъ за первыми египтянами, въ пустыни и монастыри; отсюда произошло то великое движеніе, которое налагаетъ свой характеристическій знакъ на IV-й вѣкъ. Возвышенные умы того времени видѣли это вполнѣ ясно, и бл. Іеронимъ самъ дѣлалъ слѣдующее сравненіе: теперь аскетизмъ набиралъ избранниковъ изъ христіанскаго общества, подобно тому какъ въ предшествующіе вѣка христіанство выбирало лучшихъ людей изъ общества языческаго. Почти всѣ великіе люди того времени, всѣ святые отцы, болѣе или менѣе прямо и полно подпадали великому вліянію аскетизма. Почти всякій изъ нихъ въ извѣстный моментъ своей жизни колебался, подобно св. Григорію Назіанзину, между «жизнью дѣятельною и умозрительною», и лучшій удѣлъ избрали тѣ, которые, подобно св. Златоусту, послѣ испытанія своей души въ отшельническихъ размышленіяхъ и суровыхъ аскетическихъ подвигахъ, возвращались для того, чтобы вступить въ церковной іерархіи въ тотъ санъ, къ которому призывали ихъ заслуги, и получить ту власть, которую они считали долгомъ принять.

Сирія была одною изъ первыхъ провинцій имперіи, гдѣ нашлись послѣдователи примѣру, данному въ Египтѣ святымъ Антоніемъ и его подражателями. Очень скоро горы вокругъ Антіохіи заселены были отшельниками и монахами, находившимися въ общежитіи. Въ самомъ городѣ, какъ и во всей остальной имперіи, одни встрѣтили эту новость съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ презрѣніемъ и злобою

отнеслись къ ней другіе. Въ наиболѣе отдаленныхъ странахъ въ эту эпоху мы встрѣтимъ такое-же глубокое раздѣленіе общественнаго мнѣнія по этому предмету. Когда, въ Аквитаніи, Постуміанъ, по возвращеніи изъ своего путешествія на Востокъ, остановился у Сульпиція Севера, чтобы разсказать ему о тѣхъ чудесахъ, какія онъ только что видѣлъ, то его рѣчи вызвали великое удивленіе слушателей, и только на долю друзей хозяина выпало счастье послушать его. Но почти въ то-же время, въ Бордо, всеобщее ожесточеніе направилось противъ Павлина, порвавшаго съ мірскою жизнью и тайно удалившагося въ испанскія горы, вмѣстѣ съ своею женою Ѳерасіей, съ этого времени сдѣлавшейся для него только сестрой. Прежде уже нѣчто точно такое-же происходило въ самой Антіохіи. Стремленіе къ аскетизму увлекало большинство лучшихъ юношей, которые, подъ высокимъ управленіемъ епископа Мелетія, получали тамъ образованіе подъ учительскимъ надзоромъ Діодора Тарсійскаго. Св. Василій и Ѳеодоръ, друзья св. Златоуста, уступили этому влеченію. Самъ Златоустъ былъ удержанъ Анѳусой и отказался отъ своего намѣренія съ глубокимъ сожалѣніемъ; лишь только явилась возможность, онъ послѣдовалъ примѣру своихъ друзей. Но родители вообще имѣли не одинаковое мнѣніе съ сыновьями. Уже такая совершенная христіанка, какъ Анѳуса, оказывала непреодолимое сопротивленіе желаніямъ своего сына. Отцы же еще болѣе матерей были враждебны къ аскетизму. Мы не говоримъ уже объ язычникахъ, которые почти не имѣли возможности судить объ отшельничествѣ иначе, какъ пристрастно, о чемъ свидѣтельствуютъ сочиненія Юліана и особенно краснорѣчивыя нападки Рутилія. Но сами христіане вели себя почти такъ же. Нѣкоторые изъ нихъ въ своей горячности доходили до того, что готовы были, по ихъ словамъ, отречься отъ христіанства, еслибы христіане все болѣе уходили въ пустыни. Когда въ семьѣ сынъ господина уходилъ

въ уединеніе, то даже рабы чувствовали къ нему какъ бы нѣкоторое презрѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, это произошло въ Бордо послѣ обращенія Павлина, и нѣкоторыя страницы св. Златоуста, кажется, заранѣе описываютъ весьма любопытную исторію этого обращенія, въ томъ видѣ, какъ она извѣстна намъ благодаря перепискѣ Авзонія съ его старымъ ученикомъ. Часто только съ помощью благочестивой хитрости, юношамъ удавалось осуществить то желаніе, которое неудержимо увлекало ихъ всѣхъ. Мы уже видѣли, что Стагирій жилъ въ монастырѣ съ соучастія своей матери, но безъ вѣдома отца и сильно боялся бури, которую можно было предвидѣть, еслибы его отецъ узналъ, что его обманули. Св. Златоустъ разсказываетъ еще другую, совершенно аналогичную исторію и, можетъ быть, еще болѣе любопытную по частнымъ подробностямъ. Это исторія молодого человѣка, отецъ котораго, выполнявшій одну изъ высшихъ военныхъ должностей, предназначалъ своего сына къ той-же карьерѣ и хотѣлъ, чтобы и онъ подготовлялъ себя къ подобной должности. Но жажда отшельничества объяла юношу, и, къ счастью, ему удалось склонить мать къ своему предпріятію. Оба вмѣстѣ они весьма искусно устроили благочестивый обманъ. Юношѣ слѣдовало отправиться въ Антіохію, съ цѣлью выслушать правильный курсъ того риторскаго ученія, которое было тогда необходимымъ предварительнымъ условіемъ для всѣхъ будущихъ кандидатовъ на общественныя должности. Но одинъ монахъ согласился покинуть свое уединеніе и, въ качествѣ педагога, сопровождалъ его, подготовляя его къ аскетизму и научая своими совѣтами и примѣромъ вести въ самомъ городѣ монашескую жизнь.—Зложелательство, которое выказывала такая значительная часть гражданскаго общества, рано или поздно, должно было разрѣшиться жестокимъ ударомъ. Это и произошло въ 365-мъ году, когда императоръ Валентъ, издалъ законъ, имѣвшій цѣлью прекратить монашеское дви-

женіе. Основаніемъ закона отчасти служило то, что въ ряды монаховъ поступали наиболѣе пылкіе защитники православія, безстрашные противники аріанства, уже съ самаго своего начала осужденнаго святымъ Антоніемъ,—отчасти же и то, что общее влеченіе къ уединенію вредило интересамъ имперіи, отнимая у нея драгоцѣнныя силы въ то время, когда всего сильнѣй чувствовалась нужда въ неприкосновенномъ сохраненіи того, что еще было цѣло. Тогда началось нѣчто вродѣ гоненія на монаховъ. Все это облегчаетъ намъ пониманіе того, какъ св. Златоустъ пришелъ къ мысли о составленіи своего важнаго трактата «къ противникамъ жизни монашеской», гдѣ онъ имѣетъ въ виду не только языческихъ противниковъ этого учрежденія, но столько же,—и даже еще болѣе,—противниковъ изъ самихъ христіанъ.

Изъ всѣхъ любопытныхъ подробностей, сообщаемыхъ намъ св. Златоустомъ, прежде всего выясняется, что нѣкоторые, правда, исключительные, но характерные факты могли вооружать противъ аскетизма даже искреннихъ и добродѣтельныхъ христіанъ. Великое рѣшеніе быть отшельникомъ, принимаемое многими внезапно и въ полномъ разцвѣтѣ молодости, не всѣмъ одинаково хорошо удавалось выполнить. Мы не имѣемъ въ виду Стагирія, конечно, остающагося самымъ разительнымъ примѣромъ ошибочности избранія рода жизни; но говоримъ о другихъ, довольно опасныхъ случаяхъ. Таковъ, напримѣръ, случай съ Θеодоромъ, будущимъ епископомъ Мопсуестійскимъ, который вмѣстѣ съ св. Златоустомъ является замѣчательнѣйшимъ изъ учениковъ Діодора Тарсійскаго и которому суждено было позднѣе сдѣлаться весьма оригинальнымъ и, можетъ быть, даже оригинальнѣйшимъ для всей греческой церкви учителемъ, послѣ Оригена *). Θеодоръ

*) Представляется правдоподобнымъ, что Θеодоръ, которому предназначены два письма св. Златоуста, есть дѣйствительно лицо, бывшее впослѣдствіи епископомъ Мопсуестійскимъ.—Но это отожествленіе нельзя, однако, считать безусловно вѣрнымъ.

очень скоро раскаялся въ своемъ рѣзкомъ разрывѣ съ міромъ и, однажды, захотѣлъ снова возвратиться въ міръ. Онъ увлекся весьма пылкою любовью къ одной дѣвицѣ и готовъ былъ на ней жениться. Болѣе его твердый, св. Златоустъ съ негодованіемъ взглянулъ на это рѣшеніе, какъ на измѣну, клятвопреступленіе и поруганіе святыни, и направилъ къ нему два горячо написанныя письма, гдѣ не щадитъ упрековъ. Бывали паденія еще болѣе тяжкія, таково, напримѣръ, паденіе того монаха, который, не имѣя возможности противостать одолѣвшимъ его видѣніямъ, нашелъ предлогъ для прихода въ Антіохію и здѣсь, однажды, былъ застигнутъ своимъ сожителемъ, наблюдавшимъ за нимъ, при входѣ въ мѣсто непотребства. Паденіе юнаго Финикса было только кратковременнымъ, и его исторія, разсказываемая св. Златоустомъ Ѳеодору, совершенно аналогична съ исторіей паденія самого Ѳеодора. Весьма богатый человѣкъ, оставшійся сиротою въ совершенной юности, Финиксъ неожиданно простился съ риторическими школами, уединился въ горахъ, съ цѣлью проводить здѣсь философскую жизнь, (такъ въ то время именовалось отшельничество) и выказалъ превышающую его возрастъ добродѣтель. Но скоро въ немъ явилось сожалѣніе о мірѣ. Опекуны его, замѣтивъ это, усилили нарождавшійся огонь похоти, и вотъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Финиксъ возвратился въ Антіохію. Его встрѣчаютъ на площади, верхомъ на конѣ, окруженнаго многочисленными слугами. Немедленно у него появляются любовницы, и, въ обществѣ льстецовъ и паразитовъ, онъ проводитъ вольную и веселую жизнь юноши знатной фамиліи. Пользуясь его совершенною неопытностью, его эксплоатируютъ всѣ, и до такой степени, что разореніе предвидится неизбѣжно. Противники монашеской жизни уже заранѣе расположены приписать эту катастрофу не разнузданнымъ страстямъ юноши, но аскетизму и одиночеству. Они повторяютъ, что, покинувъ слишкомъ рано всѣ свои науч-

ныя занятія, прежде чѣмъ достигнуть какого-либо плода, онъ сдѣлался неспособнымъ управлять своими домашними дѣлами. Но злословіе завистниковъ не оправдалось. Уже готовый вступить въ бракъ съ Герміоною, Ѳеодоръ нашелъ подлѣ себя друга своего—св. Златоуста, который, благодаря своему страстному краснорѣчію, снова призвалъ его къ выполненію обѣта. Финиксъ же былъ спасенъ своими неизвѣстными друзьями, смиренными защитниками, которые были опечалены его паденіемъ и составили планъ снова возвратить его къ добродѣтели и вѣрѣ. Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и искусствомъ они мало по малу съумѣли приблизиться къ нему. Всякій разъ, при встрѣчѣ, они привѣтствовали его, и онъ, сидя на конѣ, едва удостоивалъ ихъ пренебрежительнаго кивка головою. Но, твердо держась своего намѣренія, они не приходили въ уныніе отъ этихъ, заранѣе предвидѣнныхъ обидъ, и, пользуясь всѣми благопріятными случаями, продолжали осаду этой души. Человѣкъ слабый, съ слабою волею и измѣнчивымъ умомъ, Финиксъ не имѣлъ силы восторжествовать надъ этой искусной и упорной стратегіей, подобно тому, какъ не могъ противостать ухищреніямъ своихъ опекуновъ или продѣлкамъ паразитовъ. Мало по малу, подъ вліяніемъ ихъ осторожной дѣятельности, онъ началъ чувствовать себя въ безвыходной сѣти. Съ большею любезностью отвѣчалъ онъ на привѣтствія, началъ останавливаться и даже слѣзать съ своей прекрасной лошади, служившей предметомъ соблазна для своихъ прежнихъ почитателей. Съ опущенною головою, молча, прогуливался онъ, слушая совѣты этихъ благочестивыхъ людей. Послѣ нѣкотораго колебанія въ немъ произошла новая, и на этотъ разъ уже рѣшительная перемѣна. Раздавъ все свое имѣніе нищимъ, онъ такимъ образомъ отрѣзалъ себѣ путь къ возвращенію и «достигъ, наконецъ, высочайшей степени добродѣтели». Эта прекрасная исторія, за сообщеніе которой мы

должны быть обязаны благодарностію св. Златоусту, показываетъ, что и въ IV-мъ вѣкѣ всегда была дѣйствительная добродѣтель. При видѣ этого искуснаго прозелитизма неизвѣстныхъ намъ людей низкаго происхожденія, приходятъ на память времена апостольскія.

Итакъ, если иногда и случались слабости и паденія монаховъ, то въ большинствѣ случаевъ онѣ были временными, и въ концѣ концовъ согрѣшившіе снова становились достояніемъ Церкви. Но это не препятствовало тому, чтобы жители городовъ пользовались такими случаями противъ самаго монашества. Міркскіе люди хотѣли видѣть только паденіе и отвращали глаза отъ покаянія. Они слѣдили за монахами, весьма близко наблюдали ихъ поведеніе, и были безжалостны къ малѣйшему послабленію. Если узнавали, что кто-либо изъ нихъ имѣетъ какую-нибудь лишнюю одежду, или пользуется менѣе скудною трапезою, то предавались самымъ язвительнымъ осужденіямъ. Но въ то-же время всѣ уступали тому неудержимому порыву благоговѣйнаго уваженія по отношенію къ святымъ личностямъ, которымъ усвоялась чудодѣйственная сила. Со всѣхъ сторонъ у нихъ просили здравія и, съ этою эгоистическою цѣлью, ихъ преслѣдовали въ самыхъ нѣдрахъ ихъ уединенія. Имъ были часто благодарны за ту неизмѣримую власть, какую давало имъ ихъ совершенное безкорыстіе. Къ ихъ посредничеству прибѣгали съ цѣлью смягчить жестокость городскихъ начальниковъ, и часто они дѣйствительно выпрашивали милость, какой не могъ бы добиться никто другой. Одинъ достопамятный примѣръ самоотреченія и любви данъ былъ монахами въ 387-мъ году. Тѣ самые люди, которые въ 365-мъ году, по закону Валента, были прокляты своими соотечественниками и одно время подвергались даже преслѣдованіямъ, представили теперь прекрасное зрѣлище. Когда Антіохія пустѣла и всѣ, кто только могъ, бѣжали далеко отъ общей опасности, эти пустынники, напро-

тивъ, сошли съ своихъ горъ; съ каждымъ днемъ приходили новыя толпы монаховъ, жившихъ въ монастыряхъ или въ полномъ уединеніи. Св. Іоаннъ не одинъ поднималъ тогда духъ своихъ пасомыхъ: у него было много безвѣстныхъ помощниковъ, о которыхъ съ благочестивымъ одушевленіемъ говоритъ онъ самъ въ одной изъ бесѣдъ. До насъ сохранилось имя одного изъ этихъ пустынниковъ, именно Македонія, который смѣло схватилъ за узду лошадь Эллебиха*) и изрекъ ему пророческимъ тономъ слова, на другой день сдѣлавшіяся извѣстными всему городу и возродившія въ сердцахъ слабую надежду. «Развѣ не знаетъ императоръ, что эти статуи можно возстановить; если же онъ разрушитъ эту живую статую—человѣка, то онъ не въ силахъ будетъ исправить причиненное имъ зло?» Эта исторія разсказана современнымъ свидѣтелемъ—св. Златоустомъ и представляетъ всѣ черты самой строгой подлинности. И всего удивительнѣе представляется здѣсь не столько отважная смѣлость монаха, сколько терпѣніе начальника, который, обладая полною властью въ городѣ, находящемся на военномъ положеніи, со смиреніемъ выслушиваетъ увѣщаніе пустынника и склоняется предъ этимъ увѣщаніемъ, какъ предъ словами, внушенными Богомъ. Это—фактъ, характерный для того вѣка.

И въ Константинополѣ точно такъ же, какъ въ Антіохіи, св. Златоустъ оставался восторженнымъ почитателемъ этой философской жизни, какъ въ то время именовали монашескую жизнь. Тѣмъ не менѣе, различныя показанія опыта, добытыя имъ во время совершенія своего длиннаго поприща, произвели нѣкоторыя значительныя измѣненія въ его взглядѣ, какія намъ и слѣдуетъ отмѣтить.

---

*) Эллебихъ и Кесарій—государственные чиновники, прибывшіе изъ столицы въ Антіохію для разслѣдованія дѣла о низверженіи царскихъ статуй.

Прим. перев.

Сначала къ его восторженности не примѣшивались никакіе чуждые элементы. Онъ былъ молодъ, а тогда отшельничество для всѣхъ юношей религіознаго и возвышеннаго характера являлось идеальнымъ желаніемъ сердца. Панегирикъ въ честь учрежденія монашества, заключающійся въ его трактатѣ «къ противникамъ монашеской жизни», исходитъ всецѣло отъ чистаго сердца и написанъ удивительно горячо. Св. Златоустъ не только показываетъ всю святость отшельниковъ, но описываетъ и тѣ почести, какія имъ воздаются при ихъ появленіи въ городахъ, и восхваляетъ повсемѣстную славу, заслуженную ими. Подобно св. Василію, онъ дѣлаетъ даже воззваніе къ эстетическому чувству и, въ доказательство своего положенія, ссылается на любовь къ сельской природѣ, живо ощущаемую его современниками. Въ то-же время въ св. Писаніи онъ находитъ примѣры, являющіеся опорою этого учрежденія, большинству казавшагося новшествомъ. Естественно, что онъ приводитъ, скоро сдѣлавшійся классическимъ, примѣръ св. Іоанна Крестителя, на котораго справедливо смотрѣли, какъ на покровителя пустынножителей; указываетъ также на еще болѣе любопытный фактъ пребыванія евреевъ въ пустынѣ, «которая являлась для нихъ какъ бы монастыремъ». Въ одномъ небольшомъ трактатѣ, составленномъ имъ около того-же времени («сравненіе царя и монаха»), на которомъ весьма ясно сказывается вліяніе свѣтской риторики, онъ сопоставляетъ монаха съ царемъ и отдаетъ преимущество первому въ выраженіяхъ, видимо навѣянныхъ изреченіями стоиковъ о своемъ мудромъ идеалѣ. Впрочемъ, съ цѣлью узнать его мнѣніе объ этомъ предметѣ въ юности, еще болѣе важно припомнить, что онъ дѣлалъ, чѣмъ читать написанное имъ. Безспорно, его сыновняя любовь была до такой степени глубока и почтительна, что онъ не хотѣлъ противиться настояніямъ своей матери; несомнѣнно, и то, что, — по его собственному признанію въ книгѣ «о со-

крушеніи»,—онъ покинулъ міръ не безъ нѣкоторой внутренней борьбы. Но, если эта борьба могла быть очень горячею, то она не должна была долго продолжаться. Какъ только онъ получилъ свободу, онъ направился въ пустыню, чтобы тамъ проводить жизнь, полную суровыхъ подвиговъ, въ качествѣ общежительнаго монаха и затѣмъ отшельникомъ. Послѣ своего возвращенія, онъ сохранялъ объ этомъ признательное и трогательное воспоминаніе, и въ его бесѣдахъ мы постоянно встрѣчаемъ прекрасныя похвалы философской жизни. Иногда онъ сопоставляетъ ее съ жизнью тѣхъ, кто проводитъ свои дни въ театрѣ, и показываетъ въ монахахъ—ангеловъ, а въ послѣднихъ—свиней; иногда старается дать понять строгость этой жизни, сравнивая ее съ существованіемъ кочевниковъ, скиѳовъ, живущихъ въ кибиткахъ (амаксовіи).

Съ любовью описываетъ св. Іоаннъ провожденіе дня въ монастыряхъ и приводитъ, какъ образцы, тѣ молитвы, какимъ его научили пустынники. Иногда онъ восхваляетъ Египетъ, тѣ пустыни, прекраснѣйшіе рая, гдѣ въ огромномъ множествѣ живутъ сонмы ангеловъ въ человѣческомъ образѣ, цѣлые лики исповѣдниковъ и неисчислимыя общины дѣвъ. Особенно любитъ онъ повторять, что монахи не живутъ праздною жизнью, но трудятся и оказываютъ милостыню. Наконецъ, онъ совѣтуетъ время отъ времени посѣщать сосѣдніе монастыри, такъ сказать, уединяться, и высказываетъ удивленіе по поводу вельможъ, соглашающихся проводить нѣсколько дней среди царящаго тамъ равенства всѣхъ людей.

Но скоро, однако, св. Златоустъ увидѣлъ, что и въ отшельничествѣ, какъ во всѣхъ человѣческихъ начинаніяхъ, возможны крайности и опасность. Собственный учитель его, подъ руководствомъ котораго онъ воспитался, св. епископъ Мелетій, человѣкъ весьма оригинальный по умѣренности своего характера и широтѣ идей, могъ открыть ему глаза. Еп. Мелетій, согласно истинно-евангельскому духу, привыкшій всегда

цѣнить глубину сердецъ и искренность мыслей и не высоко ставившій внѣшнія обнаруженія, сказалъ однажды монаху, носившему вериги, слѣдующія слова: «не великую цѣну имѣетъ желѣзо: разумъ долженъ сдерживать плоть въ духовныхъ узахъ». Подобно ему, и св. Іоаннъ, повидимому, всегда, даже въ самой юности, думалъ, что менѣе существенно убѣгать въ пустыню, чѣмъ «умѣть приходить въ истинное душевное уединеніе», какъ онъ высказалъ это Стелехію. Намъ кажется, — хотя это чистое предположеніе, — что онъ покинулъ свою пещеру, въ которой жилъ анахоретомъ, и вступилъ въ ряды церковной іерархіи не только потому, что къ этому побуждало его надломленное здоровье, но и потому, что, исчерпавъ радости пустыни и сознавая себя достаточно закаленнымъ шестью годами строгаго уединенія, — онъ иногда чувствовалъ побужденія своей дѣятельной натуры и пылкаго характера. Какъ бы то ни было, но уже въ трехъ своихъ книгахъ «къ противникамъ монашества», гдѣ онъ всего болѣе говоритъ о подвигѣ отшельничества, встрѣчаются нѣкоторыя страницы, въ которыхъ онъ не столько защищаетъ пустынническую жизнь въ самой себѣ, сколько набираетъ въ защиту ея смягчающія обстоятельства. Его желаніемъ было такое положеніе общества, чтобы, не удаляясь въ пустыню, можно было въ самомъ мірѣ выполнять во всей строгости евангельскія повелѣнія, и эту мысль, высказанную еще здѣсь, онъ проводилъ позднѣе съ большею силою и безъ той нерѣшительности, съ какою онъ высказалъ ее сначала. Но развращеніе городовъ, въ которыхъ уже невозможно было жить совершенному христіанину, сдѣлало необходимымъ суровое врачевство аскетизма. Выраженія св. Златоуста становятся еще болѣе ясными въ трактатѣ «о священствѣ» и въ «бесѣдѣ о блаж. Филогоніи», когда онъ сравниваетъ монаха съ епископомъ. Онъ отдаетъ преимущество послѣднему, такъ какъ ему должно имѣть столь же совершенныя личныя

добродѣтели, какъ и монаху, и сверхъ того, на него возложена великая обязанность дѣятельной любви, отъ которой монахъ свободенъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ св. Златоустъ становится старше, и опытность его увеличивается, его мысль опредѣляется точнѣе и выражается болѣе открыто. Въ его нравственной жизни не было жестокихъ кризисовъ, потрясеній и переворотовъ: онъ развивался правильно, въ прекрасной гармоніи и съ чуднымъ единствомъ; только его истинная личность, сначала нѣсколько прикрытая неизбѣжнымъ вліяніемъ его вѣка, безпрестанно освобождалась и очищалась отъ всякой примѣси, съ цѣлью болѣе и болѣе приблизиться къ чистѣйшему евангельскому идеалу. Нѣкоторыя идеи, зачатки которыхъ мы видимъ въ его первыхъ произведеніяхъ, мало по малу обнаружились во всемъ своемъ значеніи и въ полномъ смыслѣ; нѣкоторыя душевныя чувствованія, сначала нѣсколько подавляемыя другими, случайными и посторонними, въ концѣ концовъ достигли въ немъ полнаго господства.

Что повидимому, оказало на св. Іоанна главное вліяніе относительно интересующаго насъ теперь вопроса, и привело его къ довольно значительному измѣненію прежнихъ взглядовъ,—хотя онъ формально не противорѣчилъ себѣ и не отказался отъ сущности своихъ первоначальныхъ идей,— это убѣжденіе въ одномъ довольно странномъ явленіи. Отшельничество, которое вполнѣ основательно могло внушать опасенія государственнымъ людямъ и гражданскимъ начальникамъ и казаться для нихъ причиною ослабленія несчастной имперіи, уже снѣдаемой смертельными недугами,—точно такъ же (какъ это, повидимому, ни странно) могло представляться въ глазахъ епископовъ опаснымъ для самого христіанскаго общества, могло нанести ему обратный ударъ. Мы уже очень часто отмѣчали безпрестанно возрастающее зло, отъ котораго страдала Церковь. Ея стариннаго единства теперь уже не существовало; клиръ болѣе и болѣе ясно отдѣлялся отъ

народа, и всѣ міряне, всѣ проводящіе свѣтскую жизнь, болѣе и болѣе привыкали къ мысли о возможности двоякой нравственности: одна предназначается для священниковъ, другая для нихъ самихъ. Отъ священника требуется больше благочестія, отъ мірянъ меньше; на священниковъ возложены трудно выполнимыя добродѣтели: цѣломудріе или нищета, на нихъ же лежитъ забота о священнодѣйствіи и даже о самой молитвѣ. Въ то время, какъ священники сообразуются съ евангельскими повелѣніями, міряне могутъ заниматься своими дѣлами и даже предаваться своимъ удовольствіямъ. И вотъ теперь, послѣ того какъ уже окончательно почувствовалось это полное дѣленіе христіанскаго общества на два класса, къ нимъ присоединяется третій, и мірянамъ представляется новая возможность освободиться отъ тяжелаго бремени, доселѣ возлагаемаго на одинъ только клиръ. Въ бесѣдахъ св. Златоуста намъ постоянно встрѣчалось то возраженіе, какое пасомые выставляли противъ него всякій разъ, какъ онъ призывалъ ихъ къ осуществленію какой-либо слишкомъ забываемой добродѣтели. «Это не наше дѣло, говорили міряне, это хорошо для монаховъ». И сами монахи, бѣжа изъ городовъ, не показываютъ ли тѣмъ самымъ, что въ городахъ невозможно вести жизнь, совершенно соотвѣтствующую евангельскому идеалу? Но невозможно уничтожить городовъ, какъ невозможно уничтожить міръ, и, слѣдовательно, Церковь должна допустить извѣстныя средства къ примиренію. Отъ честныхъ людей, имѣющихъ свое хозяйство и дѣла, она не можетъ требовать тѣхъ добродѣтелей, къ какимъ призываетъ людей, живущихъ въ пустынѣ и свободныхъ отъ всякой заботы. Это притязаніе возмущало св. Златоуста, и вся его жизнь прошла въ борьбѣ съ нимъ. Оно приводитъ его въ негодованіе, потому что, выйдя разъ на путь послабленій, нельзя предвидѣть, гдѣ будетъ ихъ конецъ, и притомъ, дѣлая уступки послабленію, весьма трудно соблюсти должную мѣру: повелѣнія или абсолют-

ны, или вовсе не существуютъ. Наконецъ, это притязаніе возмущаетъ его и потому, что вполнѣ естественно даетъ невѣрнымъ одинъ изъ сильнѣйшихъ ихъ аргументовъ. Если они спросятъ: почему вы вовсе не проводите той жизни, какую вамъ заповѣдалъ І. Христосъ? – вы отвѣчаете имъ: правда, мы не проводимъ ее, такъ какъ въ мірѣ нельзя осуществлять ее, – но зато есть монахи, осуществляющіе эту жизнь за насъ. Какъ же хотите вы, чтобы они не торжествовали надъ вами и не восклицали: ваши правила нехороши и неистинны, такъ какъ они неприложимы вездѣ, тогда какъ нравственность должна быть всеобщею и совершенною. Нужно не пріискивать отговорки, но въ самыхъ городахъ вести монашескую жизнь, иначе говоря, жизнь евангельскую, такъ какъ это одно и то-же. Нужно быть трезвеннымъ, подобно монахамъ; подобно имъ молиться, трудиться и выказывать себя милосердымъ. «Всѣ повелѣнія закона у насъ общи съ монахами, за исключеніемъ только одного—безбрачія».

Такимъ образомъ, иногда отшельничество вдвойнѣ противорѣчило своей цѣли, Люди, уединявшіеся въ пустыню, часто лишали гражданское общество добродѣтелей и талантовъ, а эти послѣдніе въ тѣ несчастныя времена легко нашли бы для себя употребленіе. Противъ своей воли и вѣдома, эти люди нѣкоторымъ образомъ давали міру опору въ его уклоненіи отъ евангельскихъ требованій. И покинутое ими общество пользовалось ихъ добродѣтелями и суровыми подвигами, какъ аргументомъ въ пользу своей косности и слабости.

Въ послѣдніе годы своей жизни св. Златоустъ узналъ и иныя опасности, проистекающія изъ монашества. Повидимому, въ Антіохіи онъ видѣлъ только такихъ монаховъ, какіе служили къ чести своего сана. Въ Константинополѣ и, во время своей ссылки, въ Каппадокіи, онъ нашелъ совершенно иныхъ. Прежде всего, онъ узналъ, каковы были тѣ

голодные нищіе, больше жившіе въ городѣ, чѣмъ въ своихъ монастыряхъ, которые злоупотребляли общественною благотворительностью и осаждали богатство Олимпіады. Наконецъ, на его пути ему встрѣтились невѣжественные фанатики, которые наводнили Кесарію при первомъ извѣстіи о его прибытіи, угрожали поджечь домъ, гдѣ онъ остановился, и ожесточенно преслѣдовали его до того загороднаго дома, въ которомъ одна благочестивая христіанка предложила ему убѣжище. Даже и отсюда они принудили его, въ полночь, скрыться бѣгствомъ, хотя онъ уже до послѣдней степени былъ истощенъ утомительно-долгимъ путешествіемъ и тою болѣзнью желудка, которою страдалъ многіе годы.—Умъ его былъ слишкомъ возвышенъ, и душа слишкомъ благородна, чтобы личныя несчастія могли повліять на его идеи. Ни въ его послѣднихъ письмахъ, ни въ трактатѣ, составленномъ имъ въ самыхъ нѣдрахъ изгнанія, мы не найдемъ ни одного выраженія, гдѣ бы онъ высказался о монашествѣ съ суровостью, можетъ быть оправдываемою (для всякаго другого) этими послѣдними обстоятельствами. За проступки нѣкоторыхъ онъ не считалъ отвѣтственнымъ цѣлое учрежденіе. Но тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что съ того времени, какъ онъ покинулъ Антіохію для осуществленія жизни пустынниковъ, его идеалъ подвергся измѣненію и расширенію. Тогда онъ думалъ, что совершенная христіанская добродѣтель не можетъ найти мѣста въ городахъ, и ради спасенія одного избранника онъ жертвовалъ судьбою многихъ. Но скоро онъ созналъ односторонность и неполноту этого, повидимому, высочайшаго правила. Изъ его переписки мы знаемъ одинъ весьма характерный случай, который даетъ намъ полную возможность судить о настроеніи его ума въ эти послѣдніе годы. Во время своего тягостнаго путешествія въ ссылку, онъ встрѣчаетъ одного изъ тѣхъ монаховъ, которые совершенно запирались въ кельѣ, прекращая всякое общеніе съ міромъ и

только чрезъ окно или отверстіе получая пищу, предлагаемую имъ общественною благотворительностью. Выразилъ ли св. Іоаннъ удивленіе предъ этимъ чудомъ подвижничества, которое всѣ окружающіе считали возвышеннымъ и даже превосходящимъ человѣческую природу? Нѣтъ, его поразило только одно: то бездѣйствіе, на какое осудилъ себя этотъ затворникъ, а такъ какъ въ этотъ моментъ онъ въ особенности занятъ былъ пріисканіемъ миссіонеровъ для обращенія ко Христу Финикіи, то онъ и пытается убѣдить монаха, что было бы дѣломъ несравненно болѣе угоднымъ Господу, если бы онъ возвратился къ дѣятельной жизни и отправился въ эту миссію. Это дѣло удается св. Іоанну, и аскетъ выходитъ изъ своей келліи, съ цѣлью соединиться съ пресвитеромъ Констансомъ. Такое направленіе приняли тогда мысли св. Златоуста. Онъ находилъ пищу въ постоянномъ чтеніи св. евангелія, получилъ лучшее, чѣмъ большинство его современниковъ, образованіе въ школѣ Діодора Тарсійскаго и, помимо того, былъ одаренъ глубоко чуткою и гуманною душею. Онъ понималъ историческій смыслъ евангелія, не затемняя его сверхъ мѣры аллегорическими тонкостями, и безъ труда могъ замѣтить, что и Самъ Божественный Учитель, Самъ І. Христосъ уединялся въ пустыню только на краткій срокъ. Извѣстно, что Онъ жилъ среди своихъ соотечественниковъ, находился съ ними въ сношеніяхъ, имѣлъ общеніе съ самыми униженными людьми и знался съ мытарями и грѣшниками: «*Се человѣкъ ядца и пійца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ!*» Св. Іоаннъ зналъ, что долгъ его учениковъ всѣхъ временъ,—долгъ, такъ прекрасно понятый Апостолами,—точно подражать Его урокамъ и примѣрамъ. Отнынѣ его идеаломъ была уже не пещера, гдѣ онъ жилъ отшельникомъ, и даже не обитель, гдѣ онъ находился въ общежитіи, но первоначальное Іерусалимское общество и городъ, который онъ проклиналъ въ пылу своей юности,—т. е. Ан-

тіохія или Константинополь. Но, въ его представленіи, это былъ уже городъ христіанскій, населенный вѣрующими, всецѣло повинующимися строгости новаго закона, безъ отговорокъ выполняющими евангельскія повелѣнія, однимъ словомъ, истинными монахами въ міру, подобными во всемъ строжайшимъ отшельникамъ, за исключеніемъ брака.

ГЛАВА V

Зрѣлища.

Если вѣрить свидѣтельству самого св. Златоуста, относящемуся къ той эпохѣ, когда, вѣроятно, онъ судилъ свою юность съ крайнею суровостью, какъ бы мало она ни была смущаема страстями,—то въ первые годы своей дѣятельности, когда онъ впервые выступалъ въ судѣ, онъ позволялъ себѣ увлекаться сценическими удовольствіями. Не вѣрится, впрочемъ, чтобы когда-либо онъ могъ такъ горячо увлекаться ими, чтобы они могли грозить опасностью его душѣ. Ничто не даетъ права думать, что когда-либо Іоаннъ былъ похожъ на бл. Августина. Невозможно представить, что онъ вполнѣ отдавался театральной иллюзіи точно такъ же, какъ нельзя вообразить, что, во время чтенія Гомера въ школѣ Ливанія, онъ раздѣлялъ выражаемыя поэтомъ чувства, объединялся нѣкоторымъ образомъ съ его героями и переживалъ ихъ жизнь и страсти, какъ дѣлалъ это тотъ же самый бл. Августинъ, при чтеніи четвертой книги «Энеиды». Никакое невольное сожалѣніе не проскользнуло у него позднѣе въ той отдѣльной фразѣ трактата «о священствѣ», гдѣ онъ сообщаетъ намъ, что его, подобно всѣмъ другимъ, иногда видали на зрѣлищѣ. Не видно этого сожалѣнія и въ

тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ онъ дѣлаетъ упоминаніе, впрочемъ безъ точнаго обозначенія, о «поэтѣ эллиновъ», т. е. о Гомерѣ, котораго онъ не удостоиваетъ даже поименовать, или говоритъ о «развязкахъ древнихъ трагедій»,—очевидно, ему не хочется даже произносить имени Эврипида. Жертва была принесена такъ полно, что, вѣроятно, она не потребовала отъ него большихъ усилій. Напротивъ, кто читалъ пламенныя страницы бл. Августина, не чувствуя себя увлеченнымъ неодолимою страстью, какъ и самъ онъ былъ увлеченъ прекрасными стихами Виргилія? Всякій при этомъ чтеніи, отчасти вопреки намѣреніямъ автора «Исповѣди», получилъ не спокойное и ясное впечатлѣніе, но испыталъ волненія, столь глубоко прочувствованныя сначала самимъ бл. Августиномъ, что малѣйшее прикосновеніе бередило рану.

Часто, со стороны тѣхъ, кто находилъ нѣсколько чрезмѣрною строгость святоотеческихъ осужденій зрѣлищъ, дѣлалось замѣчаніе, что эта строгость можетъ объясняться упадкомъ и безнравственностью, въ какую впалъ театръ послѣднихъ вѣковъ имперіи. Этотъ упадокъ и безнравственность неоспоримы, и въ этомъ смыслѣ замѣчаніе не лишено справедливости, но не слѣдуетъ заключать отсюда, что св. отцы оправдали бы нашъ театръ XVII-го вѣка, или классическій греческій театръ, въ эпоху его настоящаго величія. Они относятся неодобрительно вообще ко всякому представленію человѣческихъ страстей, и въ знаменитомъ преніи Боссюэтъ правъ, по крайней мѣрѣ, исторически. Мы только что сказали, что св. Златоустъ говоритъ совершенно исключительно и только намеками о великихъ трагикахъ и уже ничуть не въ духѣ снисходительности. Можно думать, какія рѣзкія выраженія употребилъ бы онъ, говоря объ Аристофанѣ. Но слѣдуетъ признать, что соблазны современнаго драматическаго искусства въ особенности дѣлали рѣзкими и жестокими обличенія св. отцовъ, и въ частности относительно св. Златоуста, отличающагося

такимъ практическимъ умомъ, извѣстно, что онъ не теряетъ времени на теоретическое обсужденіе выгодъ и неудобствъ театра вообще, хотя и позволяетъ ясно усматривать свое весьма неблагосклонное мнѣніе. Онъ имѣетъ въ виду театръ своего времени и его-то преслѣдуетъ своими жесточайшими обличеніями. Сюда же, какъ и всѣ св. отцы, онъ присоединяетъ циркъ и всѣ другія общественныя игры, которыя осуждаетъ въ принципѣ и безотносительно къ тому, каковы бы онѣ ни были.

Общественныя игры въ Антіохіи, какъ и въ Римѣ, давались на счетъ главныхъ членовъ сената, когда они занимали магистральныя должности. Игры носили названіе «литургій», заимствованное отъ старинной политической Аѳинской системы. О нихъ часто идетъ рѣчь въ произведеніяхъ Ливанія, дяди котораго, въ свою очередь, уплатили по отношенію къ своимъ согражданамъ этотъ весьма значительный долгъ. Предлагаемыя народу развлеченія стоили дорого и были разнообразны, такъ какъ сирійцы издавна привыкли къ большимъ требованіямъ. Страна ихъ не только сама прокармливала множество актеровъ, шутовъ, музыкантовъ и наѣздниковъ, но еще съ давнихъ поръ поставляла ихъ заграницу. Въ Римѣ популярность игральщицъ на флейтѣ (ambubajae) утвердилась очень давно, и,—не восходя слишкомъ далеко,—танцоры и музыканты, вывезенные Люціемъ Веромъ изъ Антіохіи, пользовались необычайной славой.

Зрѣлища, предлагаемыя жителямъ Антіохіи ихъ городскими начальниками, были различнаго рода. И прежде всего это былъ театръ въ собственномъ смыслѣ, гдѣ уже ни древняя трагедія, ни комедія классическихъ временъ не занимали никакого мѣста. Весь успѣхъ выпадалъ на долю мима и пантомимы, и, если судить по Златоустовымъ описаніямъ, иногда довольно точнымъ, то положеніе, въ какомъ находился греческій театръ его эпохи, было почти то-

жественно съ положеніемъ театра латинскаго,—какъ онъ извѣстенъ намъ во время имперіи, въ эпоху Ювенала или Марціала. Завязки имѣли обыкновенно предметомъ прелюбодѣяніе, какъ въ томъ традиціонномъ мимѣ, описанномъ Ювеналомъ, гдѣ любовникъ, представляемый знаменитымъ актеромъ Латиномъ, принужденъ былъ прятаться въ сундукѣ. Встрѣчается здѣсь также личность глупца (Stupidus), осыпаемаго насмѣшками и преслѣдуемаго тумаками и пощечинами, а эти послѣднія были однимъ изъ подспорьевъ мима еще во времена Цицерона. Очень часто при этомъ св. Златоустъ говоритъ о важномъ значеніи, какое въ этихъ зрѣлищахъ имѣла музыка, и упоминаетъ о пѣсняхъ, полныхъ неприличными намеками на миѳологическія любовныя басни. И это былъ уже не просто мимъ, это была та пантомима, созданіемъ которой при Августѣ гордился Пиладъ. Роли женщинъ въ большинствѣ случаевъ исполнялись актрисами, и св. Златоустъ не боялся съ довольно смѣлымъ реализмомъ описывать ихъ весьма вольный нарядъ, нарумяненное лицо и нахальную прическу. *) Иногда же,—и это казалось ему еще болѣе соблазнительнымъ,—эти роли брали на себя мужчины, до того изнѣженные, что они могли выполнять свои роли съ полнѣйшимъ правдоподобіемъ. Такимъ образомъ, очень грубая комедія—мимъ и весьма нескромный балетъ—пантомима,—вотъ каковы были тогда единственные виды драматическаго искусства. Кромѣ того, въ театрѣ, какъ и на пирахъ, смотрѣли на толпу шутовъ, акробатовъ, шарлатановъ и канатныхъ плясуновъ, и громадный успѣхъ ихъ всѣхъ показываетъ, какъ мало разборчивъ и возвышенъ былъ общественный вкусъ.

Циркъ пользовался не меньшею славой, и бѣга были

*) Св. Златоустъ говоритъ даже, что иногда онѣ выходили совершенно обнаженными, но тотчасъ же поправляетъ себя и говоритъ почти обнаженными, что представляется болѣе близкимъ къ правдѣ.

одною изъ приманокъ, въ особенности славившихся въ Антіохіи и вообще во всей Сиріи. Этими бѣгами дѣйствительно весьма славились Лаодикія, Беритъ, Тиръ и Кесарія Палестинская, и изъ Лаодикіи выходили самые славные наѣздники, какъ изъ Тира и Берита лучшіе актеры, а изъ Кесаріи лучшіе танцоры. Не довольствуясь тѣмъ, что имъ давала собственная страна, антіохійскіе вельможи добывали изысканную упряжь даже изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; такъ, изъ Испаніи вывозили колесницы для четырехъ коней.

Кромѣ нѣкоторыхъ весьма нелѣпыхъ, но тѣмъ не менѣе пользовавшихся во всей имперіи славой, зрѣлищъ, какъ напримѣръ, зрѣлища плавальщицъ, нужно отмѣтить еще два значительныхъ развлеченія. Съ одной стороны, древніе эллинскіе инстинкты всегда требовали удовлетворенія, и обычай борьбы гимнастовъ не вышелъ изъ употребленія. Таковы были Олимпійскія игры, которыя дали, напримѣръ, дяди Ливанія. Съ другой стороны, не смотря на сопротивленіе, которое оказывала противъ этихъ жестокостей греческая гуманность, ни борьба дикихъ звѣрей, ни даже борьба гладіаторовъ не были окончательно отмѣнены. Сраженія давались обыкновенно въ концѣ «литургіи», и сюда сзывались семнадцать сирійскихъ городовъ.

Тѣ-же самыя зрѣлища, какія давались въ Сиріи, были и въ Константинополѣ. Находимъ нужнымъ прибавить только одну любопытную подробность, сообщаемую, впрочемъ, не св. Златоустомъ, но его біографомъ и апологетомъ—епископомъ Палладіемъ. Театры здѣсь не оставались безучастными къ современнымъ богословскимъ спорамъ и «отзывались на соблазнительныя исторіи Северіана Гавальскаго и Антіоха Аскалонскаго». Не вполнѣ ясно, однако, сами ли зрители старались найти намеки на эти факты, или о нихъ дѣйствительно шла рѣчь въ предлагаемыхъ піесахъ.

Сирійцы относились ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ зрѣ-

лищамъ съ крайнею страстью, но и жители Константинополя не оставались позади сирійцевъ. Впрочемъ, то-же было тогда и во всей имперіи, одинаково на Западѣ и на Востокѣ, и сцены, какія намъ описываетъ св. Златоустъ, одинаково, и даже почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, описаны латинскими святыми отцами. Въ Антіохіи, въ день представленія, были заполнены не только скамейки цирка, но любопытные взбирались даже на крыши сосѣднихъ домовъ. А любопытными, можно сказать, былъ весь городъ: богачи и бѣдняки, слабые и больные въ такой-же мѣрѣ, какъ и здоровые. Старики были не менѣе фанатичны, чѣмъ молодые люди. Какова бы ни была погода, сюда стекались съ одинаковою готовностью и съ одинаковымъ терпѣніемъ выстаивали эти представленія, продолжавшіеся не часъ или два, но большую часть дня. Зимній или осенній дождь и вѣтеръ были не болѣе страшны, какъ и невыносимый лѣтній зной, и слушатели скорѣе предпочитали оставаться здѣсь, подвергаясь всѣмъ непогодамъ, чѣмъ искать убѣжища подъ прекрасною обшитою крышей «Золотой церкви, одинаково прохладной лѣтомъ и теплой зимой»,—какъ къ тому призывалъ голосъ св. Златоуста. И такимъ образомъ теряли не только самый день игръ, но еще наканунѣ во всемъ городѣ не говорили ни о чемъ иномъ, и не имѣли иной мысли въ головѣ. Друзья, члены одной партіи, сторонники одной и той-же фракціи соединялись еще съ вечера и затѣмъ утромъ, съ раннихъ поръ, сплоченными группами отправлялись на зрѣлище. Имена лошадей и наѣздниковъ, если рѣчь шла о скачкѣ, равно какъ и имена актеровъ и актрисъ, танцоровъ и танцовщицъ, если дѣло касалось мима или пантомимы,—были всѣмъ извѣстны и у всѣхъ на языкѣ. Совершенно такъ же, какъ и теперь, съ крайнею точностью знали генеалогію лошадей и, на основаніи этихъ данныхъ, взвѣшивали ихъ относительные шансы на побѣду. Не менѣе хорошо знали происхожденіе, жизнь и

поведеніе славныхъ актрисъ, и въ то время, когда онѣ играли на сценѣ, сосѣди шопотомъ разсказывали другъ другу скандальныя исторіи, въ какихъ онѣ были замѣшаны. Атлеты, которые должны были состязаться на олимпійскихъ играхъ, были весьма популярны, и общественное мнѣніе цѣнило ихъ выше, чѣмъ актеровъ, на которыхъ всегда смотрѣли, какъ на людей безчестныхъ. Соблюдались при этомъ извѣстныя церемоніи, подобныя церемоніямъ древнихъ священныхъ панегирій классической Греціи. Прежде борьбы гимнастовъ, глашатай объявлялъ имена состязающихся и спрашивалъ у народа, не имѣетъ ли онъ сказать что-либо противъ какого-нибудь изъ нихъ. Сторонники каждаго соперника выказывали надъ нимъ величайшую бдительность въ теченіи ночи, предшествовавшей борьбѣ; препятствовали ему допустить какую-нибудь крайность и съ этимъ намѣреніемъ проводили около него все промежуточное время. Эти олимпійскія игры праздновались каждые четыре года въ пригородѣ Дафны, и Палладій сохранилъ намъ одинъ анекдотъ, показывающій, какое множество народа онѣ привлекали. Во время изгнанія св. Іоанна, старый епископъ Флавіанъ умеръ, и противники св. Златоуста,— такъ какъ изъ Константинополя партія ихъ распространилась во всѣхъ большихъ городахъ Востока,— хотѣли склонить народъ къ избранію на его мѣсто нѣкоего Порфирія, пользовавшагося очень дурной репутаціей. Но большинство народа, казалось, не было расположено въ ихъ пользу. Тогда они рѣшились дѣйствовать на удачу, внезапно рукоположить своего кандидата и для этого выбрали день Олимпійскихъ игръ, потому что городъ былъ почти совсѣмъ пустъ.

Чрезвычайная извѣстность, которою пользовался весь персоналъ цирковъ и театровъ, есть лучшее доказательство того необычайнаго значенія, какое имѣли игры и зрѣлища въ жизни того времени. И эта популярность неминуемо повлекла за собою злоупотребленія, являющіеся почти неизбѣжнымъ

слѣдствіемъ преувеличеннаго расположенія, оказываемаго публикою тѣмъ, кто ее развлекалъ. Эти любимцы толпы эксплоатировали ея доброжелательное терпѣніе: они обладали великимъ нахальствомъ, проводили самую свободную жизнь по своему вкусу и, такимъ образомъ, косвенно вполнѣ вознаграждали себя за то лишеніе правъ, какимъ упорно поражалъ ихъ законъ. Актрисы и танцовщицы всѣ были содержимы главными лицами города; изъ ихъ-то среды выходили извѣстнѣйшія блудницы, и для св. Златоуста—актриса и блудница синонимы. Онѣ весьма высоко простирали свои надежды, и, если никакая изъ нихъ еще не успѣла возвыситься до царскаго трона, то многія добивались того, что проникали въ знатныя семейства посредствомъ браковъ, которые гражданскій законъ нѣсколько разъ пытался предотвратить и которые св. Златоустъ заклеймилъ крайнимъ презрѣніемъ. Нравы актеровъ были не лучше, и опять изъ ихъ-то среды набиралось множество тѣхъ юношей, тѣхъ μαλακοί, которые пользовались не меньшею любовью, чѣмъ и женщины, и являлись величайшимъ позоромъ античнаго общества. Танцовщицы и танцоры, комедіанты и комедіантки, допущенные къ столу богачей, присутствовали на пиршествахъ и здѣсь, какъ всѣ паразиты, выказывали крайнее безстыдство. Домашняя обстановка самыхъ безславныхъ актеровъ была великолѣпна, они держали себя вельможами, и часто можно было видѣть, какъ они на конѣ переѣзжали площадь, предшествуемые служителемъ. Наѣздники были столь же тщеславны, и имъ позволялось такое же крайнее безстыдство. Если съ кѣмъ-либо изъ нихъ случалось несчастіе, печаль была всеобщею. Такъ, всѣ сожалѣли объ участи одного возницы, раздавленнаго колесницами въ Константинополѣ, въ первое время епископства св. Іоанна, когда онъ, въ 399-мъ году, произнесъ прекрасную бесѣду, о которой мы скоро будемъ говорить съ большими подробностями. Жертва этого несчастнаго случая на другой день должна была всту-

пить въ бракъ; такимъ образомъ здѣсь было все нужное для того, чтобы затронуть самыя нѣжныя струны чувствительности византійцевъ. Бл. Іеронимъ разсказываетъ, что въ Газѣ страсть къ лошадинымъ бѣгамъ смѣшивалась съ религіозными страстями. Лошади богатаго язычника состязались съ лошадьми такого-же христіанина, и побѣда коней послѣдняго, на которую смотрѣли, какъ на торжество Христа надъ Марною, влекла за собою большое число обращеній.

Подлѣ этого персонала актеровъ и наѣздниковъ, нравы которыхъ были такъ разнузданны, группировалась толпа несчастныхъ, еще болѣе развращенныхъ людей. Это были ихъ паразиты, подобно тому какъ сами они были паразитами богачей, почитатели ихъ богатствъ, глашатаи ихъ пустой популярности. Какъ въ циркѣ, такъ и въ театрѣ они составляли настоящій и очень хорошо организованный классъ хлопальщиковъ, всегда готовыхъ на безпорядки, а этимъ послѣднимъ, какъ извѣстно, часто давало мѣсто страстное дѣленіе на фракціи. Неспособные что-либо потерять, эти безсовѣстные негодяи, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстно откуда пришедшіе и чуждые городу, въ Антіохіи, самомъ неугомонномъ изъ городовъ, отличались особеннымъ буйствомъ и стояли въ первомъ ряду всѣхъ возмущеній. Если вѣрить св. Златоусту, то они-то были настоящими виновниками возстанія 387-го года. Они стояли во главѣ той толпы, которая сначала устремилась въ церковь, чтобы требовать вмѣшательства епископа Флавіана, затѣмъ ниспровергла статуи императорской фамиліи, подожгла домъ одного сенатора, но легко разсѣялась при первой попыткѣ обузданія. Что дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ увѣреніе, будто бы они дѣйствительно принимали весьма большое участіе въ этихъ возмущеніяхъ, это то, что и Ливаній, въ своей рѣчи противъ Тимократа, говоритъ о нихъ совершенно такъ-же, какъ и св Златоустъ. «Эти люди, —говоритъ онъ, —всѣ безъ исклю-

ченія чужестранцы, которые были изгнаны изъ своего отечества, вслѣдствіе своего дурного поведенія, и не захотѣли заниматься тѣмъ ремесломъ, къ какому предназначали ихъ родители. Они не могутъ и не хотятъ жить иначе, какъ въ лѣности. Одни отдали душу и тѣло мимикамъ, большинство— танцорамъ, и вся жизнь ихъ состоитъ въ томъ, чтобы служить имъ и льстить. А эти, съ своей стороны, оказываютъ имъ кой-какія подачки, болѣе или менѣе крупныя, смотря по силѣ ихъ рукоплесканій». Число ихъ Ливаній опредѣляетъ почти въ четыре сотни. Въ подобныхъ же выраженіяхъ говоритъ еще объ этомъ и св. Златоустъ въ одной позднѣйшей бесѣдѣ — на ев. Матѳея. Нужно, впрочемъ, не забывать, что Ливаній и св. Златоустъ имѣли интересъ оправдать антіохійскихъ гражданъ и уменьшить ихъ отвѣтственность въ тѣ ужасные дни. Что касается Рима, то эту же толпу оборванныхъ празднолюбцевъ, проводящихъ дни въ лѣности, а ночью спящихъ подъ покрывалами театровъ, намъ описалъ Амміанъ.

Во всеобщемъ походѣ, открытомъ въ IV-мъ вѣкѣ христіанствомъ противъ зрѣлищъ, невозможно найти епископа, который предпринялъ бы борьбу, болѣе рѣшительную чѣмъ св. Златоустъ, и который бы выдержалъ ее съ большею энергіей. Въ первый же годъ своей проповѣди въ Антіохіи онъ произнесъ свои первыя проклятія противъ зрѣлищъ. Во время своего епископства въ Константинополѣ, въ великой столицѣ, можетъ быть, еще болѣе развращенной, чѣмъ сирійская митрополія, онъ повторялъ ихъ безпрестанно и также не достигая болѣе замѣтнаго успѣха. И онъ, не любившій употреблять насильственныхъ мѣръ, хотѣвшій скорѣе преобразовать все любовью и исправить милостью,—говоря противъ зрѣлищъ, весьма нерѣдко позволяетъ себѣ прибѣгать къ угрозѣ и давать почувствовать свою власть. Еще будучи простымъ священникомъ, онъ уже объявлялъ, что не задумается прибѣгнуть

къ законамъ церковной дисциплины. «Я хотѣлъ бы,—говорилъ онъ,—знать имена тѣхъ, кто покидаетъ церковь ради театра; я предалъ бы ихъ временному отлученію». Мы видимъ, что въ санѣ епископа онъ, дѣйствительно, произноситъ однажды слова торжественнаго отлученія и выполняетъ часто дѣланную, но долго отлагаемую, угрозу.

Попытка подавить тотъ могущественный инстинктъ, который во всѣхъ цивилизаціяхъ и у всѣхъ народовъ вызвалъ къ жизни общественныя зрѣлища и въ частности драматическія представленія,—была предпріятіемъ тяжелымъ, такимъ предпріятіемъ, въ которомъ добились успѣха только очень немногіе религіозные реформаторы. Жители Антіохіи и Константинополя дерзали оспаривать осужденія св. Златоуста и спорить съ нимъ. Въ этомъ случаѣ они не принимали упрека съ поникшею головой, съ глазами увлажненными слезами, ударяя себя въ грудь, какъ часто дѣлывали они, когда онъ считался съ ихъ скупостью или сладострастіемъ, впрочемъ, вполнѣ готовые, по выходѣ изъ церкви, забыть свое минутное душевное движеніе и по прежнему взимать большіе проценты или пировать съ красивыми блудницами: здѣсь они были болѣе смѣлы и больше любили разсуждать. Строго говоря, они въ большинствѣ случаевъ не предавались негодованію, но скорѣе смѣялись надъ этимъ, и это всего болѣе безпокоило св. Златоуста, вполнѣ сознававшаго, что труднѣе бороться съ ироніей,чѣмъ со страстью. «Но что же худого смотрѣть, какъ бѣгутъ лошади? Можно ли повѣрить, что за зрѣлища люди подвергнутся осужденію»? Безъ сомнѣнія, театральныя представленія болѣе сомнительны: по крайней мѣрѣ, во всякомъ мимѣ, какъ и во всякой пантомимѣ, является прелюбодѣянье или какая-нибудь незаконная любовь. Но это не болѣе, какъ вымыселъ, а вполнѣ извѣстно и доказано, что никакой вымыселъ не можетъ причинить вреда душѣ, господствующей надъ собою. Правда также, что нарядъ актрисъ не весьма прили-

ченъ,—если онѣ не совершенно обнажены, то *почти* обнажены, и вынуждать этихъ жалкихъ женщинъ порывать со всякою стыдливостью—значитъ мало дорожить человѣческою природой. Да, здѣсь есть кой-что достойное сожалѣнія, но вѣдь въ концѣ концовъ эти актрисы не кто иной, какъ блудницы. Что намъ за дѣло до блудницъ и рабынь? Наконецъ, нужно сказать и то, что эти зрѣлища законны; они оплачиваются расходами государства, или по крайней мѣрѣ, издержками людей, на время облеченныхъ общественными должностями; зданія, въ которыхъ мы присутствуемъ,—общественныя сооруженія; члены магистрата предсѣдательствуютъ здѣсь и даютъ знакъ къ открытію; императоръ и весь дворъ присутствуютъ въ первомъ ряду зрителей. Итакъ, ихъ узаконяетъ государство, а государство вполнѣ знаетъ, что оно дѣлаетъ, въ особенности теперь, когда оно сдѣлалось христіанскимъ, и не только христіанскимъ, но, со времени Ѳеодосія, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова православнымъ.

На эти ироническія возраженія, выставляемыя съ большимъ или меньшимъ чистосердечіемъ, св. Златоустъ отвѣчаетъ доводами, изъ которыхъ нѣкоторые, повторяемъ, приложимы ко всѣмъ временамъ и ко всѣмъ видамъ зрѣлищъ, но большинство, впрочемъ,—и самые сильные,—внушены ему безнравственностью современнаго театра. Онъ не признавалъ никакихъ правъ за вымысломъ и не дѣлалъ ни малѣйшей уступки воображенію. Онъ находитъ опаснымъ, что ради мечты оставляютъ дѣйствительность, и враждебно относится къ самому принципу искусства и поэзіи. Однако, св. Іоаннъ только рѣдко обсуждаетъ это общее положеніе и скорѣе позволяетъ угадывать свое мнѣніе, чѣмъ ясно развиваетъ его. Если же онъ такъ горячо осуждаетъ вымыслы, то особенно потому, что любимые въ его время вымыслы—неприличны и позорны. Нельзя отрицать того, что имъ съ глубокою вѣрностью анализа описаны нѣкоторыя почти неизбѣжныя

послѣдствія частаго посѣщенія театра. Онъ видитъ здѣсь два главныя слѣдствія: скуку и развратъ. «Ты только что прожилъ нѣсколько часовъ въ идеальномъ мірѣ, болѣе прекрасномъ, чѣмъ природа, и затѣмъ снова возвращаешься къ дѣйствительности. Какъ хочешь ты, чтобы дѣйствительность не оскорбляла тебя и не казалась тебѣ невыносимою? Ты возращаешься домой и страдаешь непонятною тоской, тоской безъ всякой видимой причины *). Твое слишкомъ простое жилище раздражаетъ тебя, потому что въ своемъ умѣ ты еще представляешь великолѣпіе сцены. Твоя жена тебѣ не нравится, потому что она менѣе красива и хуже разукрашена, чѣмъ та актриса или танцовщица, которой ты только что рукоплескалъ. На ней-то, не сопровождавшей тебя въ театръ, и на своихъ рабахъ ты вымѣщаешь свое дурное настроеніе». Замѣчательно, что св Златоустъ предполагаетъ, будто его слушатели будутъ болѣе заинтересованы видомъ актеровъ и великолѣпіемъ декорацій, чѣмъ интригою и самымъ содержаніемъ мима или пантомимы; это объясняется глубокимъ упадкомъ драматическаго искусства въ ту эпоху. Отсюда вытекаетъ также, что первое изъ двухъ прискорбныхъ послѣдствій, отмѣчаемыхъ св. Златоустомъ, тѣсно связано со вторымъ: тоска и сладострастіе стоятъ рядомъ. «Ты выносишь изъ театра неприличные образы, и образъ почти обнаженной актрисы остается глубоко отпечатлѣннымъ въ твоемъ умѣ. Въ себѣ самомъ ты носишь блудницу, не видимую и дѣйствительно существующую, но воображаемую, хотя лучше было бы, еслибы блудница была дѣйствительно подлѣ тебя: тогда опасность была бы меньше потому что жена твоя скоро выгнала бы ее за дверь. А этотъ скрывающійся въ твоемъ воображеніи, властный и неразрушимый образъ не можетъ уничтожить ни жена твоя, ни ты самъ,

*) Этотъ анализъ находится въ бесѣдѣ о зрѣлищахъ, произнесенной въ 399-мъ году, при обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

и вотъ почему теперь все въ домѣ тебѣ не нравится, ты не находишь уже никакой прелести въ своемъ домашнемъ очагѣ, въ собственныхъ дѣтяхъ, вотъ почему ты сдѣлался жертвой волненія безъ видимой причины, жертвой внутренней горячки возбуденныхъ чувствованій». Затѣмъ онъ ищетъ какого-либо энергичнаго нареканія на этотъ театръ, источникъ столькихъ золъ, и сравниваетъ его съ пиршествомъ Иродіады.—«Театръ—это всегда пиршество Иродіады. Если тамъ не убиваютъ Іоанна, то члены Христа страдаютъ тамъ отъ недостойныхъ оскорбленій. И ты сносишь такое безчестіе: члены Христа, ты дѣлаешь членами блудницы. Ибо, хотя тамъ и нѣтъ уже Иродіады, но по прежнему присутствуетъ демонъ, плясавшій тогда въ ней. Это онъ-то ведетъ эти хоры пляшущихъ и вмѣстѣ съ собою уводитъ плѣнницами души присутствующихъ».

Эта образность и живость должны были нравиться жителямъ Антіохіи, и они, безъ сомнѣнія, не упускали случая шумно аплодировать проповѣднику. Но и теперь они не были болѣе убѣждены и продолжали смѣяться, говоря, что все это вздоръ. Развѣ кто сдѣлался когда-либо прелюбодѣемъ въ театрѣ?—повторяли они, можетъ быть, наполовину чистосердечно, поддаваясь одной изъ тѣхъ иллюзій, въ какія входитъ доля самодовольства. Но они имѣли дѣло съ сильнымъ противникомъ, сильнѣйшимъ, чѣмъ они сами, и св. Златоустъ не довольствовался отговорками и болѣе или менѣе неопредѣленными возраженіями. Думали стѣснить его въ послѣднемъ убѣжищѣ и вызывали къ тому, чтобы онъ назвалъ имена. Онъ, дѣйствительно, остерегался назвать ихъ, потому что избѣгалъ соблазна, потому что въ Антіохіи въ особенности былъ крайне благоразуменъ и остороженъ. Онъ хорошо сознавалъ чего хотѣлъ, умѣрялъ свою смѣлость и, если иногда рѣшался на нее, то съ цѣлью достигнуть полезнаго разультата. Вотъ чѣмъ отличается онъ отъ классическихъ сатириковъ,

съ которыми иногда у него оказывается сходство по рѣзкой выразительности картинъ. Но, если онъ не называлъ никого по имени, то, по крайней мѣрѣ, высказывалъ сожалѣніе о томъ, что не могъ этого дѣлать. «О, еслибы я могъ назвать имена!» говорилъ св. Іоаннъ, и безъ сомнѣнія, когда онъ произносилъ подобныя слова, не одинъ слушатель краснѣлъ и опускалъ голову. Но и теперь были еще такіе, которые не представлялись убѣжденными, и св. Златоустъ читалъ сопротивленіе на ихъ устахъ и въ глазахъ. Тогда онъ доходилъ до послѣдней границы возможныхъ уступокъ. «Пусть такъ, я допускаю, что самъ ты выходишь изъ театра, не испытавъ никакой похоти, допускаю, что ты обладаешь достаточною властью надъ самимъ собою, чтобы ничего не бояться. Но можешь ли ты отвѣчать за ближняго? И, если ты не можешь отвѣчать, то развѣ не на тебѣ лежитъ вина въ томъ, что ты одобрялъ дѣло, погубившее столь многія души?» Впрочемъ, эту уступку онъ сдѣлалъ всего только одинъ разъ и скорѣе ради формы, чѣмъ серьезно. Онъ слишкомъ хорошо зналъ слабость плоти, и такимъ образомъ ясно и безъ обиняковъ высказывалъ, что его возражатели были нечистосердечны, ибо, подобно всѣмъ другимъ, ощущали жало пожеланія. Однажды у него вырвались по этому поводу удивительно смѣлыя слова, и мы охотно приводимъ ихъ, какъ весьма ярко характеризующія его краснорѣчіе, свободное отъ какой бы то ни было помѣхи, чуждое всякой ложной разборчивости и полное неотразимой силы обличенія. Онъ начинаетъ съ того, что весьма подробно, съ большимъ остроуміемъ и яркостью, описываетъ безстыдный нарядъ актрисъ, всѣ ихъ уловки и ухищренія, свойственныя блудницамъ. Въ точности своего описанія онъ зашелъ такъ далеко, что его слушатели нѣсколько минутъ находились въ недоумѣніи и удивленіи: имъ говорилъ уже не священникъ; казалось, это былъ Ювеналъ, авторъ шестой сатиры, или

лучше сказать, — (такъ какъ мы ведемъ рѣчь о Сиріи), — Лукіанъ, авторъ «діалоговъ блудницъ». Но предъ ними былъ св. Златоустъ, не увлекавшійся легкостью слова и своимъ восточнымъ воображеніемъ. Онъ обдумалъ свое намѣреніе и взвѣсилъ свою смѣлость. Видно, какъ тщательно наблюдалъ онъ за малѣйшими впечатлѣніями народа, который, впрочемъ, и не старался скрыться. И вотъ онъ пользуется моментомъ, когда его слушатели взволнованы живостью его красокъ, смущены и охвачены плотскимъ ознобомъ. Тогда-то онъ порывисто останавливается и восклицаетъ: «развѣ ничего не испытали вы въ то время, когда я такъ говорилъ вамъ? О, не краснѣйте и не стыдитесь, потому что этого требуетъ природная необходимость. Но если здѣсь, въ церкви, слушая меня—священника, вы не могли господствовать надъ собой, то что же сказать о театрѣ? Дерзнете ли вы еще утверждать, что тамъ вы присутствуете, холодные, какъ камень?» Никогда болѣе священно-смѣлыя слова не были произнесены въ христіанской базиликѣ. Это одинъ изъ отрывковъ, по которому можно узнать, чѣмъ краснорѣчіе св. Іоанна обязано краснорѣчію пророковъ. Въ ихъ-то школѣ научился онъ той нестѣсняемой свободѣ слова, свободѣ— всецѣло очищенной и облагороженной возвышенностью намѣреній. Во всѣхъ евангеліяхъ не найти ничего, что могло бы вдохновить его какъ на это прекрасное мѣсто, такъ и на нѣкоторыя другія мѣста въ подобномъ же родѣ; — это дыханіе суроваго еврейскаго генія. И на этотъ разъ это даже не рѣчь Исаіи, но обличеніе Іезекіиля. Побѣда была куплена, можетъ быть, нѣсколько дорогою цѣною, но зато она была рѣшительною, и лицемѣры схвачены на мѣстѣ преступленія. Употребляя сильное выраженіе Боссюэта, «ржаніе плоти» изобличило во лжи ихъ возраженія.

Возражатели св. Златоуста считали себя еще болѣе увѣренными въ себѣ, когда защищали циркъ и Олимпійскія игры.

Что бы ни говорили, въ ихъ глазахъ это было только довольно невинное развлеченіе. Однако, св. Іоаннъ и здѣсь былъ точно такъ же суровъ, въ особенности по отношенію къ цирку, потому что онъ говорилъ только очень немногое объ Олимпійскихъ играхъ, и даже тѣ подробности, какія мы ранѣе заимствовали у него касательно этого предмета, даны намъ только косвенно и въ сравненіяхъ. (О борьбѣ дикихъ звѣрей, о которой мы уже сказали, рѣчь идетъ почти въ одной только двѣнадцатой бесѣдѣ на первое посланіе къ Коринѳянамъ). Каковы же были на этотъ разъ основанія, диктовавшія ему его приговоръ? Несомнѣнно, ихъ было немало. Прежде всего, онъ слѣдовалъ уже давно утвердившейся въ Церкви традиціи, восходившей еще къ тому времени, когда Церковь безразлично осуждала всѣ зрѣлища, какъ стоящія въ тѣсной связи съ языческими праздниками и, слѣдовательно, запятнанныя идолопоклонствомъ. Затѣмъ, онъ принималъ въ соображеніе тѣ непрестанныя волненія, поводомъ для которыхъ служили скачки: дѣленіе массы на фракціи, которое, хотя и не было въ IV-мъ вѣкѣ такимъ тяжкимъ зломъ, какимъ оно сдѣлалось позднѣе, однако, и теперь не представлялось безопаснымъ. Наконецъ, онъ весьма ясно видѣлъ, что во всѣхъ этихъ собраніяхъ, и въ циркѣ, и въ театрѣ, представлялось множество искушеній и въ его время точно такъ же, какъ во времена Овидія. Нѣтъ, говорили ему, ничего худого въ зрѣлищѣ бѣга лошадей, и было бы совершенно безосновательно дѣлать изъ этого преступленіе. Пусть такъ, отвѣчалъ онъ, но циркъ полонъ публичныхъ женщинъ и молодыхъ распутницъ, и потому является мѣстомъ такого-же неизбѣжнаго развращенія, какъ и театръ. Въ самомъ дѣлѣ, цирки неизбѣжно служили мѣстомъ свиданій всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ никакого иного дѣла, кромѣ наслажденія, и намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, что въ древнихъ городахъ сосѣдившіе съ циркомъ кварталы пользовались весьма дурной славой. Въ Римѣ, около Великаго

цирка копошился весь народъ, отличавшійся болѣе, чѣмъ сомнительною нравственностью, и тѣмъ болѣе вѣроятно, что тоже самое было и въ Антіохіи, потому что въ самомъ Римѣ, въ этомъ подпольномъ мірѣ, (о которомъ мы только что вели рѣчь и о которомъ часто бесѣдуютъ съ нами Ювеналъ и Марціалъ, во множествѣ были сирійскія флейтщицы—ambubajae.

Послѣднимъ основаніемъ, дѣлавшимъ Златоуста одинаково неумолимымъ какъ къ цирку, такъ и къ театру, является то, что зрѣлища, каковы бы они ни были, — если можно такъ выразиться,—вступали въ состязаніе съ церковью, отнимали отъ послѣдней ея посѣтителей и чаще всего были причиною тѣхъ неявокъ въ собраніе, которыя для св. Іоанна являлись предметомъ сильнаго безпокойства. Уже съ давнихъ поръ епископы думали исцѣлить это зло, даже рѣшаясь прибѣгнуть къ вмѣшательству гражданской власти. Они хотѣли, по крайней мѣрѣ, отстоять воскресный день, и законъ 386-го года выражается по этому предмету такимъ образомъ: *пусть никто не погрѣшаетъ въ законѣ нашемъ, который мы нѣкогда установили,—въ день солнца пусть никто не предлагаетъ народу зрѣлища и не разстраиваетъ божественнаго почитанія устроеніемъ праздеенства**). Видно, что этотъ законъ не впервые касался предмета (*нѣкогда*), и, можетъ быть, инициатива его шла уже отъ Константина Великаго. Но, какъ и многія другія предписанія въ IV-мъ вѣкѣ, и это постановленіе было исполняемо довольно слабо, и роковое совпаденіе по прежнему продолжало въ одно и тоже время созывать на игры и въ церковныя собранія. И это случалось не только по воскресеньямъ, но даже и въ самые важные годовые праздники, напримѣръ, во время четыредесят-

*) Ne quis in legem nostram, quam dudum tulimus, committat, nullus solis die populo spectaculum praebeat, nec divinam venerationem confecta solemnitate confundat.

ницы и въ Пасху *). Съ самаго начала своей проповѣди св. Златоустъ убѣдился въ этомъ горькимъ опытомъ. Онъ только что началъ свои бесѣды противъ аномеевъ, и онѣ имѣли большой успѣхъ, когда вдругъ въ день произнесенія седьмой гомиліи, замѣтилъ, что собраніе поразительно уменьшилось. «Это произошло потому, что снова бѣга на ипподромѣ!» Позднѣе, еще въ Антіохіи же, онъ начинаетъ въ теченіе четыредесятницы изъяснять книгу «Бытія» и, какъ всегда, на первыя собранія стекаются массы. Каждый разъ онъ радуется этому, не безъ нѣкотораго удивленія видя, что эта прекрасная ревность возрастаетъ. Въ частности, въ пятой гомиліи онъ болѣе живо, чѣмъ обыкновенно, радуется совершенствованію своихъ слушателей. Но уже шестая готовила ему неизбѣжное разочарованіе: на этотъ разъ опять назначаются конскія скачки, и снова ради ипподрома антіохійцы покидаютъ церковь. Св. Златоустъ могъ скорбѣть тогда тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе надеждъ слушатели подавали ему раньше, и онъ выступилъ противъ отсутствовавшихъ съ такими сильными порицаніями, что на другой день, въ седьмой гомиліи, счелъ долгомъ «перевязать нанесенныя имъ раны» и началъ бесѣду печальнымъ, но нѣжнымъ и милостивымъ вступленіемъ. Аналогичные примѣры безчисленны, но мы воспользуемся только однимъ, какъ самымъ выразительнымъ. Мы заимствуемъ разсказъ изъ той бесѣды св. Іоанна, которая представляетъ характеристичнѣйшія доказательства славы, пріобрѣтенной тогда театромъ, и той ревности, съ какою самъ св. Златоустъ пытался бороться съ послѣднимъ. Это гомилія, произнесенная въ Константинополѣ, въ 399-мъ году, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

*) Законъ Аркадія и Гонорія, изданный въ Равеннѣ въ началѣ 400 го года, запрещаетъ зрѣлища въ недѣлю предшествующую Пасхѣ, въ недѣлю послѣ Пасхи и въ дни Рождества и Богоявленія. Въ 399-мъ году тѣ-же императоры ограждаютъ только воскресный день, причемъ, не простираютъ закона на тѣ воскресенья, когда случится царскій день.

Уже цѣлый годъ св. Златоустъ занималъ Константинопольскій престолъ (съ 26-го февраля 398-го) года и продолжалъ здѣсь свою антіохійскую проповѣдь съ жаромъ, удвоеннымъ вслѣдствіе сознанія своей усилившейся власти и отвѣтственности. Внезапно выпадаетъ страшный дождь, едва не всецѣло уничтожившій жатву. Съ цѣлью предотвратить невзгоду, жители Константинополя совершаютъ крестные ходы въ честь св. Андрея и св. Павла, возносятъ торжественныя моленія въ церкви св. апостоловъ и даже идутъ на богомолье въ церковь святыхъ Петра и Павла. Это было въ среду; въ четвергъ буря утихла: мольбы епископа и вѣрныхъ были услышаны. Но въ пятницу даны были конскія состязанія, — и всѣ устремились на нихъ. Въ субботу была очередь за театромъ, и опять всѣ константинопольцы безсовѣстно поспѣшили на зрѣлище. Можно думать, что долженъ былъ выстрадать св. Златоустъ въ теченіе двухъ этихъ дней! Вынужденный сдерживать свое негодованіе въ продолженіе сорока восьми часовъ, казавшихся ему вѣками, въ воскресенье онъ восходитъ на амвонъ и разражается рѣчью. *) «Можно ли это стерпѣть, можно ли снести? Послѣ столь продолжительной моей проповѣди и такого ученія нѣкоторые, оставивъ насъ, побѣжали смотрѣть на ристалище коней и дошли до такого бѣшенства, что весь городъ наполнился ихъ безчиннымъ крикомъ и воскли-

*) Въ данномъ случаѣ не все представляется вполнѣ яснымъ. Нѣкоторыя подробности бесѣды позволяютъ думать, что этотъ фактъ совершился на страстной недѣлѣ. Если такъ, то цирковыя и театральныя представленія даны были въ страстную пятницу и субботу, и ясно, сколь тяжкимъ являлся проступокъ пасомыхъ. Монфоконъ видѣлъ нѣкоторыя затрудненія въ такомъ объясненіи, и главнѣйшее въ томъ, что св. Іоаннъ въ своей бесѣдѣ, произнесенной,—при такомъ пониманіи,—въ самый день Пасхи, не дѣлаетъ намековъ на празднованіе этого дня. Но это не неотразимый аргументъ, такъ какъ, по крайней мѣрѣ, въ бесѣдѣ встрѣчаются довольно ясные намеки на страстную пятницу. Прибавимъ, что все, ранѣе сказанное нами о нравахъ времени, позволяетъ предполагать возможность существованія въ то время многихъ людей, вполнѣ способныхъ идти въ циркъ или въ театръ даже въ день Страстей Господнихъ.

цаніями, возбуждающими великій смѣхъ, или лучше—плачъ. Сидя дома и слыша раздающіеся крики, я страдалъ гораздо болѣе, нежели обуреваемые волнами».

Затѣмъ онъ выясняетъ слушателямъ, насколько ничтожно зрѣлище бѣга, показываетъ имъ неизбѣжные соблазны театра, и его рѣчь становится почти столь же сильною и смѣлою, какъ и въ восемнадцатой гомиліи на евангеліе св. Іоанна. Подъ этимъ наплывомъ неудержимаго краснорѣчія,—(и замѣтимъ, что эта рѣчь, безспорно, одна изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ страстныхъ рѣчей, какія онъ когда-либо произнесъ), растроганное собраніе смирилось. Но св. Іоаннъ не сжалился надъ слушателями, и ихъ сокрушеніе не утѣшало его. «Теперь, во время моей бесѣды, я вижу среди васъ бьющихъ въ перси и благодарю васъ за то, (говоритъ онъ не безъ нѣкоторой ироніи), что васъ такъ не трудно растрогать. Но, къ несчастію, я думаю, что многіе изъ дѣлающихъ это невиновны, и что это—добрыя души, оплакивающія заблужденія своихъ братьевъ». И далѣе онъ побуждаетъ такихъ пасомыхъ воспользоваться своимъ вліяніемъ на друзей, чтобы привести ихъ къ покаянію. Онъ оканчиваетъ свое слово, возвращаясь къ безжалостному тону начала, угрожаетъ отлученіемъ всякому, кто снова ради театра отвергнетъ церковное собраніе, произноситъ даже и самую формулу: «да будутъ эти люди изгнаны отсюда!» и, пользуясь произведеннымъ этими словами впечатлѣніемъ, продолжаетъ: «Если вы вострепетали, слыша эту угрозу (а я видѣлъ, что вы вострепетали и исполнились сокрушенія), то пусть виновные покаются, и угроза будетъ взята назадъ. Если нѣтъ,—перестаньте знаться съ виновными. «Не сообщайтесь съ нимъ!» (2 Ѳесс. ш, 14). Не говорите съ ними, не принимайте ихъ за вашимъ столомъ, избѣгайте ихъ на площади, и тогда мы снова вернемъ ихъ».

Но не пытался ли св. Златоустъ предложить какое-ли-

бо удовлетвореніе тому инстинкту, съ которымъ онъ боролся, въ замѣну требуемыхъ жертвъ. Будучи такимъ глубокимъ моралистомъ, не понималъ ли онъ, что инстинкты неискоренимы, и что самое благоразумное—только управлять ими въ томъ или иномъ смыслѣ? Большинство св. отцовъ, противъ своей воли, съ раннихъ поръ сознали, что воображеніе имѣетъ свои потребности. Вотъ что побуждало Церковь къ тому, чтобы создавать и мало по малу развивать все свое литургическое великолѣпіе, столь блестящее въ IV-мъ вѣкѣ и уже теперь почти достигшее своей окончательной формы. Но эта благочестивая уловка никогда, однако, не давала полнаго удовлетворенія. Ввести театръ въ церковь, конечно, является хорошимъ средствомъ привлеченія вѣрныхъ, но всегда найдутся неспокойные умы, настаивающіе на признаніи театра внѣ церкви. Когда Тертулліанъ писалъ свой трактатъ «о зрѣлищахъ» онъ больше, чѣмъ обыкновенно кажется, былъ занятъ этимъ затруднительнымъ вопросомъ. Только, не зная вполнѣ, гдѣ найти рѣшеніе, онъ вышелъ изъ своего затрудненія посредствомъ свойственныхъ его риторикѣ пріемовъ, посредствомъ метафоръ, не заключающихъ въ себѣ ничего вполнѣ серьезнаго. Такъ, тѣмъ вѣрнымъ, которые любили услаждать свои взоры красотой и пышностью сценической обстановки, онъ говорилъ, что имъ слѣдуетъ только дожидаться послѣдняго суда, когда они увидятъ прекраснѣйшее зрѣлище. И съ чисто африканскимъ жаромъ онъ заранѣе предлагаетъ ужасное описаніе этого суда, какъ бы приглашая слушателей посредствомъ подобныхъ размышленій заблаговременно приготовить себѣ мѣсто на зрѣлищѣ. Подобнымъ же образомъ онъ говоритъ своимъ слушателямъ, что, если имъ нравится борьба гладіаторовъ, то пусть они наблюдаютъ только за самими собою и созерцаютъ ужасающую борьбу страстей. Но любопытно, что этотъ совѣтъ, съ перваго взгляда кажущійся не многимъ серьезнѣе перваго, привелъ къ совершенно практиче-

скому результату. Въ самомъ дѣлѣ, весьма правдоподобно, что изъ этой главы трактата «о зрѣлищахъ» поэтъ Пруденцій заимствовалъ первоначальную идею своей «Психомахіи», поэмы, весьма посредственной по замыслу, (хотя и написанной съ талантомъ), но имѣвшей огромное историческое значеніе, потому что въ средніе вѣка она вызвала безконечный рядъ аллегорическихъ поэмъ и оказала много вліянія на искусство той-же эпохи. Правдоподобно даже, что уже въ этой главѣ Тертулліана не все относится къ чистой риторикѣ, и что, во время писанія ея, Тертулліанъ желалъ и болѣе или менѣе ясно предусматривалъ рожденіе аллегорической христіанской поэзіи того рода, какой создалъ Пруденцій; почти можно сказать, что онъ далъ первый образецъ ея въ прозѣ. Интересно констатировать, что св. Златоустъ, современникъ Пруденція, даетъ чуть ли не тѣ-же самые совѣты, что и Тертулліанъ. Онъ такъ же желаетъ, чтобы зрѣлища цирка были замѣнены внутреннимъ зрѣлищемъ душевной брани. «Если вы хотите видѣть бѣга,—говоритъ онъ жителямъ Константинополя въ только что изложенной нами вкратцѣ бесѣдѣ,—то почему вы не подводите страстей подъ иго любомудрія и не руководите ихъ разсудкомъ»? Еслибы ему была извѣстна поэма Пруденція и еслибы онъ говорилъ къ испанцамъ или итальянцамъ въ какой-либо церкви латинскаго нарѣчія,—онъ могъ бы посовѣтовать имъ чтеніе этой поэмы.

Такъ нарождался новый родъ зрѣлищъ, который можно было бы назвать зрѣлищемъ не въ креслѣ, но въ келліи, и лучшимъ образцомъ котораго, безъ сомнѣнія, является искушеніе святого Антонія.

Но чаще всего св. Златоустъ даетъ болѣе практичные и серьезные совѣты, хотя и не вполнѣ достигавшіе цѣли. Такъ, онъ любилъ иногда ссылаться на тотъ примѣръ варваровъ, которымъ позднѣе весьма рѣшительно долженъ былъ пользо-

ваться Сальвіанъ, но которымъ еще рѣдко пользовались св. отцы IV-го вѣка. У варваровъ нѣтъ общественныхъ игръ. «Какое же оправданіе останется намъ, если, будучи христіанами, т. е. гражданами небесъ и общниками ангеловъ и херувимовъ, мы, тѣмъ не менѣе, ведемъ себя хуже язычниковъ и невѣрныхъ?» Онъ приводитъ затѣмъ слова, которыя,—какъ говорятъ,—сказалъ одинъ варварскій начальникъ, хотя, по признанію св. Златоуста, они достойны величайшихъ философовъ.—Слыша рѣчь о театрѣ, готѳъ воскликнулъ: «повидимому у римлянъ нѣтъ, ни женъ ни дѣтей, и, вслѣдствіе этого, они вынуждены искать развлеченій внѣ дома». Въ свою очередь отсюда же выходитъ и св. Іоаннъ, рекомендуя мирныя радости домашняго очага. «Поистинѣ, что можетъ быть пріятнѣе дѣтей? Что можетъ быть милѣе цѣломудренной жены для цѣломудреннаго мужа?» Помимо того, онъ совѣтовалъ присоединять сюда наслажденія дружбы, часто восхваляемыя имъ въ трогательныхъ выраженіяхъ. Ему хотѣлось также, чтобы понимали красоты природы и наслаждались ими, хотя самъ онъ говоритъ о нихъ не весьма часто и не описываетъ ихъ съ разумнымъ сочувствіемъ св. Василія Великаго *). «Если ты хочешь дать отдыхъ своему уму,—иди въ садъ, прогуливайся по берегу рѣки или озера, уходи въ то мѣсто, откуда открывается прекрасный видъ, слушай пѣніе птицъ, или,—если хочешь развлекаться еще болѣе свято,—посѣщай гробницы св. мучениковъ».

Св. Отцы IV-го вѣка, какъ и ихъ предшественники, какъ и Тертулліанъ, видимо, имѣли въ виду не реформу театра, но его уничтоженіе, и надѣялись, что нѣкогда зрѣлища исчезнутъ. Въ этомъ они ошибались: зрѣлища всегда пережи-

*) Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ указываемаго въ данный моментъ мѣста, мы можемъ отмѣтить еще только одинъ отрывокъ, уже цитированный нами ранѣе,—о ночной молитвѣ, гдѣ онъ поэтически описываетъ величіе звѣзднаго неба.

вали ихъ суровыя нападенія, и традиція никогда не была поистиннѣ нарушена. Подъ грубѣйшею своею формою они пережили самую мрачную эпоху германскихъ нападеній, и скоро въ средневѣковомъ обществѣ, христіанскомъ до мозга костей, когда Церковь гораздо полнѣе, чѣмъ въ IV-мъ вѣкѣ, осуществила свой идеалъ, мало по малу возродился настоящій театръ, безспорно менѣе совершенный по формѣ, чѣмъ театръ античный, но болѣе живучій и самобытный. И не слѣдуетъ думать, что св. Златоустъ достигъ большихъ результатовъ въ той энергической битвѣ, какую онъ, не теряя бодрости, велъ съ зрѣлищами своего времени. Антіохія была тѣмъ легендарнымъ городомъ, жители котораго, по сказанію, замѣтили нападеніе пареянъ съ ступеней самаго театра, и она никогда не перестала быть Антіохіею. Въ Константинополѣ подобнымъ же образомъ болѣе и болѣе развивались цирковыя партіи, и по прежнему народъ апплодировалъ безстыднымъ актрисамъ. Но, если св. Златоустъ не достигъ, да и не могъ достигнуть, глубокой и всеобщей реформы, все же несомнѣнно, что онъ долженъ былъ одержать частныя побѣды,—а для него этого было, безспорно, достаточно. Онъ предпринималъ многое, но безъ крайней иллюзіи оптимизма, зная, что въ паствѣ всегда будутъ непокорныя овцы. Если ему удалось вывести на надлежащій путь только нѣкоторыхъ,— онъ былъ уже вполнѣ удовлетворенъ, и его сердце испытывало сладчайшую радость, какой онъ и желалъ.

ГЛАВА VI.

Дворъ и государство.

Дворъ.

Безспорно, всего лучше изученною частью поприща св. Златоуста является его епископство въ Константинополѣ. Это великое зрѣлище епископа, въ борьбѣ противъ императрицы, сопротивляющагося съ неукротимою энергіей, наконецъ, побѣждаемаго, но все же еще могущественнаго и возбуждающаго страхъ даже въ своемъ изгнаніи, привлекало взоры тѣхъ, кто находилъ здѣсь прекрасный случай подивиться непреклонной независимости и чудному безкорыстію несравнимаго христіанина. У насъ нѣтъ намѣренія воспроизводить здѣсь разсказъ объ этихъ событіяхъ: это внѣ нашего предмета, и намъ нѣтъ никакой пользы отъ такого пересказа, потому что предшествующія работы освѣтили эти событія почти настолько, насколько возможно, т. е., если и остаются въ нѣкоторыхъ частяхъ этой драмы темныя стороны (а онѣ дѣйствительно есть), то причина этого—неполнота документовъ, къ которымъ нельзя прибавить ничего, иначе какъ черезъ произвольныя догадки. Но намъ нужно изъ этого, столь важнаго періода жизни св. Златоуста выбрать главныя черты, даю-

щія свѣдѣнія о нравахъ византійскаго двора и о томъ образѣ поведенія, какое усвоилъ епископъ по отношенію къ этому двору.

Изгнаніе св. Златоуста имѣло много причинъ. Объ одной изъ нихъ мы до сихъ поръ еще не имѣли случая говорить, но достаточно указать на нее въ двухъ словахъ: это былъ богословскій споръ, возбужденный его вмѣшательствомъ въ довольно запутанное дѣло оригенистовъ и покровительствомъ, которое онъ оказалъ «Долгимъ братьямъ». *) Впрочемъ, вопросъ объ Оригеновой ереси былъ не болѣе, какъ предлогомъ, позади котораго скрывалась сколько осторожная, столько же и пылкая ненависть Александрійскаго патріарха. На самомъ дѣлѣ такою причиною было главнымъ образомъ личное соперничество между епископомъ Ѳеофиломъ и св. Златоустомъ, причемъ, нападеніе шло отъ перваго и на сторонѣ его же, была тяжкая вина. О двухъ другихъ причинахъ мы уже упоминали: это была, прежде всего, реформа, предпринятая имъ, лишь только онъ вступилъ на епископскій престолъ, по отношенію къ весьма распущенному и даже очень развращенному клиру. Наконецъ,—и отнынѣ только это должно интересовать насъ,—такою причиною было настойчивое продолженіе въ Константинополѣ той борьбы противъ роскоши, какую онъ предпринялъ въ Антіохіи. Только теперь удары св. Іоанна направлялись выше, и онъ поражалъ зло сильнѣе.

*) Подъ именемъ „Долгихъ“ или „Длинныхъ“ (Longi, Magni) братьевъ извѣстны четыре нитрійскихъ монаха: Аммоній, Діоскоръ, Евсевій и Евѳимій. Эти лица, славныя своею добродѣтельною, строго-подвижническою жизнью, были обвинены Ѳеофиломъ Александрійскимъ въ оригенизмѣ и отлучены имъ отъ церкви. Спасаясь отъ возбужденныхъ противъ нихъ преслѣдованій, братья, послѣ многихъ скитаній, прибѣгли къ заступничеству Златоустаго святителя. Послѣдній, сознавая ихъ правоту, принялъ бѣглецовъ въ общеніе и ходатайствовалъ предъ Ѳеофиломъ объ ихъ помилованіи, что послужило для александрійскаго епископа поводомъ къ обвиненію самого Іоанна въ ереси и ускорило печальный ходъ событій.

Прим. перев.

Онъ не щадилъ ни непосредственно окружающихъ императрицу лицъ, ни даже самой императрицы, и соотвѣтственно вліянію и могуществу тѣхъ, на кого нападалъ, усиливалъ не умѣренность, но смѣлость своихъ рѣчей. Мы не представили бы полной картины нравовъ IV-го вѣка и не опредѣлили бы важности совершеннаго св. Златоустомъ подвига, еслибы не изслѣдовали нѣсколько ближе, какова была эта рѣшительная фаза его апостольства.

Св. Златоустъ повиновался строгому правилу, которое ставили предъ собою всѣ великіе христіане IV-го вѣка: онъ не искалъ епископства и даже прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы избѣжать его. Будучи еще совсѣмъ юнымъ, онъ отказался отъ него, не смотря на данное своему другу, св. Василію, обѣщаніе, и нельзя его упрекать за это, потому что онъ вознаградилъ свое смиреніе прекрасными годами своего священства въ Антіохіи, представляющими періодъ, въ который онъ далъ проповѣдникамъ всѣхъ временъ въ высшей степени законченный образъ совершенствованія. Когда эвнухъ Евтропій избралъ его на первый престолъ имперіи, его пришлось увезти изъ Антіохіи хитростью. Но по примѣру прочихъ великихъ епископовъ — современниковъ онъ не отказался отъ сана, сознавъ его неизбѣжность. Позволительно даже думать, что къ глубокимъ сожалѣніямъ, какія онъ испытывалъ, покидая своихъ возлюбленныхъ сирійцевъ, примѣшалась скоро тайная радость: у него была теперь возможность, безъ всякой помѣхи, съ полнотою высочайшей въ ту эпоху власти, трудиться надъ реформою нравовъ. Человѣкъ, обладающій его энергіей, не безъ нѣкотораго внутренняго удовлетворенія встрѣчаетъ случай свободно предаться осуществленію своихъ идей.

Начальные шаги его епископскаго управленія — (онъ былъ посвященъ Θеофиломъ Александрійскимъ 26-го Февраля 398-го года), — повидимому, не предвѣщали всѣхъ грозъ, какія должны

были послѣдовать позднѣе. Будучи хорошимъ психологомъ, Ѳеофилъ Александрійскій, по словамъ еп. Палладія, уже съ перваго взгляда предвидѣлъ, какъ да́леко увлечетъ Златоуста его неукротимая и безкорыстная энергія. Общественное мнѣніе, быть можетъ, не въ такой степени поддавалось этимъ предчувствіямъ, потому что время съ 398-го по 399-ый г. казалось относительно довольно спокойнымъ. Безъ сомнѣнія, было бы преувеличеніемъ сказать, какъ выражается Палладій своимъ оригинальнымъ языкомъ, что «св. Іоаннъ, руководя свою паству, употреблялъ только свирѣль разума и рѣдко пользовался посохомъ». Но, если судить объ этомъ по нѣкоторымъ бесѣдамъ, оставшимся отъ того времени (а онѣ представляютъ, правда, только незначительную часть всѣхъ тѣхъ, какія онъ тогда долженъ былъ произносить) онъ началъ, какъ и въ Антіохіи, столько же съ богословія, сколько и съ морали. Справедливо, что въ то-же время онъ съ крайнею энергіей боролся противъ частаго посѣщенія зрѣлищъ; но, такъ какъ онъ обличалъ здѣсь зло, которому были причастны всѣ, и такъ какъ, обличая его, не дѣлалъ указаній на личности, не брался за какой-либо частный классъ общества, то и не могъ подать повода къ слишкомъ сильной ненависти.

Но если его проповѣдь, повидимому, была первое время довольно умѣренною, то дисциплинарныя мѣры, принятыя имъ въ то-же время, указывали уже всю твердость его рѣшенія, всю необузданность его смѣлости. Палладій даетъ намъ очень полный перечень этихъ мѣръ, который мы охотно у него заимствуемъ. Нѣкоторые критики безспорно находили, что Палладій былъ пристрастенъ въ пользу св. Златоуста, и что въ его біографіи слишкомъ много снисходительности, но, кажется, что это не вполнѣ справедливо. Мы находимъ, что въ цѣломъ фигура св. Іоанна, какою она отражается въ этомъ діалогѣ,—совершенно та-же самая, какою намъ представляется она въ разсказахъ Сократа или Созомена. По Пал-

ладію, св. Златоустъ прежде всего хотѣлъ исправить нравы клира и дѣвственницъ, — отсюда его мѣропріятія противъ *синизактовъ.* *) Затѣмъ онъ озаботился устранить безполезные расходы епископіи, и суммы, расходуемыя прежде на пустыя надобности, израсходовалъ на существующія больницы и богадѣльни; построилъ много новыхъ больницъ и снабдилъ ихъ полнымъ персоналомъ врачей, поваровъ, слугъ и проч. Далѣе, онъ исправлялъ нравы вдовъ, предлагая имъ выборъ между строгою жизнью или вторичнымъ бракомъ; учредилъ общую ночную молитву и созывалъ къ ней пасомыхъ, что, какъ кажется, вызвало недовольство многихъ священниковъ и діаконовъ, вынужденныхъ бодрствовать вмѣстѣ съ вѣрными. Ему хотѣлось исправить нравы и мірянъ, и онъ обличалъ своимъ словомъ и примѣромъ объяденіе и пиршества, терпимыя и даже поощряемыя епископами, вродѣ Нектарія или Ѳеофила. Наконецъ, онъ преслѣдовалъ жадность, гордость и жестокость богачей, «напоминая имъ наставленіе ап. Павла къ Тимоѳею (1. 16—17): «богатыхъ нынѣшняго вѣка увѣщевай, чтобы они не высоко думали о себѣ и не уповали на невѣрное богатство».

Всѣ эти разнообразныя попытки не могли быть вполнѣ одновременны. Палладій не даетъ никакихъ хронологическихъ свѣдѣній о порядкѣ ихъ послѣдовательности, но намъ извѣстно, что св. Іоаннъ, по словамъ Флёри, «всегда обличалъ пороки не иначе, какъ одинъ послѣ другого и прекращалъ бороться съ ними не раньше, какъ искоренивъ ихъ, или, по крайней мѣрѣ, замѣтно ослабивъ». Казалось бы вѣроятнымъ, что онъ началъ съ исправленія клира и въ частности съ очень затруднительнаго дѣла синизактовъ, и нужно заключить, что походъ противъ роскоши и богачей стоялъ только на второмъ мѣстѣ. Чтó служитъ къ подтвержденію этой до-

*) Разумѣются вышеупомянутыя сестры „Агапиты“.

Прим. перев.

гадки, это то, что, въ теченіе двухъ лѣтъ—398 и 399,— мы видимъ епископа въ весьма добрыхъ отношеніяхъ съ Евдоксіей. Тогда-то, напримѣръ, онъ устроилъ перенесеніе мощей нѣкоторыхъ святыхъ, имена которыхъ намъ неизвѣстны. Мы хорошо освѣдомлены объ этой религіозной церемоніи, благодаря гомиліи, въ первый разъ появившейся въ изданіи Монфокона. Крестный ходъ среди ночи вышелъ изъ Великой церкви и, идя съ торжественною медлительностью, только на разсвѣтѣ пришелъ къ предѣлу своего пути, къ Дрипійской часовнѣ святого ап. Ѳомы, почти въ девяти миляхъ отъ города. И всего удивительнѣе были здѣсь не толпы монаховъ, не хоры дѣвственницъ, не ряды священниковъ, не безчисленное множество мірянъ, свободныхъ и рабовъ, великихъ и малыхъ, константинопольскихъ гражданъ и чужестранцевъ, ни самый Босфоръ, покрытый иллюминованными суднами. Всего удивительнѣе было благочестивое смиреніе императрицы, которая, облеченная въ порфиру и увѣнчанная діадемою, пѣшкомъ, какъ рабыня, слѣдовала посреди этой массы, всю дорогу за священными мощами, касаясь своею рукою раки и одѣвавшихъ ее покрововъ, тогда какъ она никогда не выходила изъ дворца, гдѣ ее могли видѣть даже не всѣ придворные эвнухи. Подлѣ нея, сіяющій видимою радостью, шелъ архіепископъ, и эта радость его излилась въ бесѣдѣ, произнесенной имъ тотчасъ послѣ, прибытія, изъ которой мы и извлекли предшествующее описаніе. Поведеніе Евдоксіи было тѣмъ болѣе замѣчательно, что ея мужъ, безтактный Аркадій, выказалъ здѣсь гораздо меньше расположенія. Безспорно, св. Златоустъ радовался тому, что на другой день самъ императоръ посѣтилъ часовню св. Ѳомы. Но онъ долженъ былъ испытать и разочарованіе,—о которомъ, впрочемъ, не сообщаетъ намъ,—потому что онъ проповѣдывалъ также и въ этотъ день, но надменный государь не удостоилъ его чести выслушать его поученіе. Таково было единодушіе и

полное согласіе, царившее между Златоустомъ и императрицей въ сентябрѣ 398-го года.

Съ 399-го и въ особенности съ 400-го года быстро слѣдуютъ важныя событія, и дѣятельность св. Златоуста проявляется во многихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Таковы прежде всего мѣры, принятыя Евтропіемъ противъ права убѣжища, принадлежащаго церкви, которымъ Іоаннъ оказывалъ сильное противодѣйствіе, а затѣмъ катастрофа, низложившая эвнуха и повергшая его въ трепетѣ къ подножію тѣхъ самыхъ алтарей, право защиты которыхъ онъ недавно отвергалъ. Св. Златоустъ беретъ на себя его защиту и напрасно пытается поддержать его. Далѣе слѣдуютъ волненія, возбужденныя готѳскимъ вождемъ Гайной. *) Вмѣшательство св. Іоанна въ это дѣло, насколько мы можемъ выяснить его по неполнымъ документамъ, остается довольно неяснымъ, но оно во всякомъ случаѣ должно было имѣть скорѣе религіозный, чѣмъ политическій характеръ. Повидимому, главнымъ его намѣреніемъ было—воспрепятствовать отдачѣ аріанамъ-готамъ той церкви внутри города, которой требовалъ ихъ вождь. Но уже тотъ авторитетъ, съ какимъ архіепископъ предсталъ глазамъ народа въ этихъ двухъ процессахъ, безспорно, возбудилъ зависть двора. Евдоксія была въ такой-же степени честолюбива, въ какой жадна и чувственна. Слабый Аркадій, всецѣло управляемый своею супругой, съ своей стороны, былъ весьма гордъ и обидчивъ по отношенію ко всякому, кто, повидимому, посягалъ на его

---

*) Готѳъ-аріанинъ Гайна, пользуясь своимъ значеніемъ для имперіи, предъявилъ императору Аркадію рядъ унизительныхъ требованій, на которыя послѣдній вынужденъ былъ согласиться. Послѣднимъ требованіемъ Гайны было предоставленіе аріанамъ одной изъ церквей столицы для общественнаго богослуженія. Св. Златоустъ склонилъ Аркадія „не отдавать святыни псамъ“ и убѣдилъ Гайну въ незаконности его требованія, обнаруживъ въ этомъ дѣлѣ рѣдкую самоотверженность и мужество.

Прим. перев.

права. Замѣтимъ, однако, что до этой поры мы не находимъ яснаго слѣда какого-либо открытаго нападенія св. Іоанна на Евдоксію.

Тѣмъ не менѣе достовѣрно, что съ 401-го года былъ уже полный раздоръ между архіепископомъ и императрицей, такъ какъ, когда епископъ Газскій, Порфирій. захотѣлъ затворить храмы своей страны и просилъ у св. Іоанна его ходатайства, то этотъ послѣдній уже не рѣшился прямо рекомендовать его Евдоксіи, но ограничился тѣмъ, что направилъ его къ вельможѣ Амантію. Итакъ, что же произошло? Кажется, трудно предположить, что св. Златоустъ первый позволилъ себѣ какое-либо неблагоразумное наступательное движеніе, разумѣемъ—личный намекъ, въ полномъ смыслѣ ясный, намѣренный и публичный. Позднѣйшіе разсказы, представляющіе будто бы онъ защищалъ противъ императрицы имѣніе одной бѣдной вдовы, могутъ заключать въ себѣ полнѣйшую правду. но они не достаточно автентичны, чтобы осторожная критика могла извлечь отсюда пользу. Всего вѣроятнѣе, что началомъ кризиса послужила хитрость, съ какою богачи, устрашенные тѣмъ образомъ жизни, который св. Іоаннъ освятилъ собственнымъ примѣромъ, а равно и тономъ первыхъ словъ его, произнесенныхъ по ихъ адресу. съумѣли заинтересовать Евдоксію въ своемъ дѣлѣ. Главнѣйшая отвѣтственность должна падать на тѣхъ вдовъ, поведеніе которыхъ онъ такъ смѣло пытался улучшить съ самаго начала. Безъ сомнѣнія, это—Марза, Кастриція и Евграфія донесли императрицѣ нѣкоторыя изъ его рѣчей, необдуманно извращая ихъ смыслъ и измышляя произвольныя истолкованія. Онѣ-то, безспорно, разгласили также и мнимые намеки, которые съ этого времени св. Іоанну слѣдовало-бы дѣлать съ осторожностью, изъ опасенія подвергнуть риску свое дѣло. Не менѣе дѣятельна и вѣроломна была зависть, возбужденная имъ въ церковномъ мірѣ. Главными агентами ея были два епископа—Северіанъ и Антіохъ,

соучастники Θеофила, и въ особенности Северіанъ, прекрасный фразеръ и ловкій интриганъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ Евдоксіи.

Поле для всевозможныхъ интригъ открылось вслѣдствіе путешествія св. Златоуста въ Азію, по дѣлу симоническихъ епископовъ. Его отсутствіе было довольно продолжительно: оно длилось нѣсколько мѣсяцевъ. Какой благопріятный случай представлялся для Марзы и ея подругъ, для Северіана и его соучастниковъ! Ихъ дѣло облегчалось еще, благодаря суровости и безтактности діакона Серапіона, замѣщавшаго св. Іоанна и пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ. Но, если ему нужно поставить въ заслугу его строгую нравственность и нельзя отказать въ самоотреченіи, то онъ не имѣлъ, однако, въ себѣ тѣхъ живыхъ источниковъ милости и любви, какіе смягчали великую строгость его епископа. По возвращеніи, св. Іоаннъ нашелъ свою церковь раздѣленною и смущенною, и въ порывѣ гнѣва, гнѣва, впрочемъ, благороднаго, обусловливаемаго исключительно его пламенною и рѣдкою любовью къ своимъ вѣрнымъ, онъ изгналъ Северіана. Но Евдоксія, разыгравъ настоящую комедію, въ которой выпала роль и на долю ея сына Θеодосія *), добилась, благодаря просьбамъ, того, что между епископами совершилось примиреніе. Северіанъ возвратился изъ Халкидона, и оба епископа въ двухъ одна за другою произнесенныхъ рѣчахъ торжественно возвѣстили народу, что миръ водворился. Нужно прочесть эти двѣ бесѣды, чтобы увидѣть различіе между двумя характерами: между св. Златоустомъ, пылкимъ и страстнымъ, но христіаниномъ до глубины души, и Северіаномъ, интрига-

*) По разсказу историка Сократа, царица Евдоксія, въ церкви апостоловъ, повергла къ ногамъ св. Іоанна своего сына Θеодосія, бывшаго тогда еще въ младенчествѣ, и такъ говорила архіепископу „ради этого малолѣтняго отрока моего, духовнаго твоего сына, котораго я родила, а ты принялъ отъ купѣли крещенія, примирись съ Северіаномъ!“ (Церк. исторія, кн. VI). *Прим. перев.*

номъ, человѣкомъ холоднымъ и хитрымъ, лицемѣріе котораго сквозитъ въ первыхъ же словахъ.

Что же произошло далѣе? Мы достаточно хорошо освѣдомлены о пререканіяхъ св. Златоуста съ Θеофиломъ, причиною которыхъ было догматическое разномысліе и въ особенности столкновеніе авторитета. Все дѣло «Долгихъ братьевъ», этихъ египетскихъ монаховъ, обвиняемыхъ въ оригенизмѣ, представляется довольно яснымъ въ своемъ послѣдовательномъ ходѣ. Легко понять и оцѣнить и роль св. Епифанія, человѣка вполнѣ честнаго, но необычайно безпокойнаго по характеру, и роль Θеофила, во всемъ имѣвшаго въ виду только удовлетвореніе своей ненависти и личныхъ интересовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императрица Евдоксія, о дѣятельности которой въ неясныхъ выраженіяхъ говорятъ Палладій, Созоменъ и Сократъ, въ самомъ дѣлѣ дѣйствовала весьма энергично, хотя мы и не можемъ прослѣдить точныя обнаруженія этой дѣятельности. Никакого очевиднаго факта нельзя установить съ достовѣрностію. Справедливо ли, какъ говоритъ историкъ Зосима, что св. Златоустъ не переставалъ осмѣивать Евдоксію? Это утвержденіе языческаго историка, по крайней мѣрѣ, кажется весьма преувеличеннымъ. Правдоподобно то, что всегда продолжались вѣроломныя ухищренія истолкователей мнимыхъ намековъ. Пользуясь характеромъ Іоаннова краснорѣчія, при нѣкоторой недобросовѣстности, они могли смотрѣть на свою задачу какъ на довольно легкую, и она должна была сдѣлаться еще легче по причинѣ состоянія духа, въ какомъ находился архіепископъ со времени своего возвращенія изъ Азіи. Энергія, съ какою онъ дѣйствовалъ противъ своего стараго друга, епископа Северіана, даетъ намъ видѣть до чего онъ былъ раздраженъ, узнавъ, что его обманули. Гомиліи, какія можно отнести почти къ тому времени, до котораго доведенъ нашъ разсказъ, въ самомъ дѣлѣ представляютъ его намъ раздраженнымъ и болѣе страстнымъ, чѣмъ ког-

да-либо. Тогда съ нимъ случилось то, что случается со всѣми великими идеалистами: пробилъ часъ, когда онъ выступилъ въ борьбу съ дѣйствительностію, съ тѣмъ, что было въ ней самаго жестокаго и въ чемъ онъ чувствовалъ непобѣдимое препятствіе. Предчувствуя надвигающееся преслѣдованіе, онъ иногда, противъ своей воли, въ несвойственной его слову рѣзкости выдавалъ горечь своего разочарованія.

Но повторяемъ, что неправдоподобно, будто бы онъ позволилъ себѣ дойти до настоящаго вызова. Въ огнѣ импровизаціи, несомнѣнно, онъ не всегда былъ *господиномъ своего* слова. Но тѣ, кто пытался навязать ему умышленный вызовъ, судили о немъ весьма ложно. Св. Златоустъ былъ слишкомъ привязанъ къ своей церкви и слишкомъ преданъ своей паствѣ, чтобы искать преслѣдованія, равно какъ слишкомъ отваженъ и гордъ, чтобы избѣгать его или склониться предъ нимъ. Столкновенія между властью церковною и гражданскою были такъ часты и неизбѣжны въ томъ вѣкѣ, что интересно спросить себя, неужели св. Іоаннъ, прежде чѣмъ самъ вынужденъ былъ начать дѣло подобнаго рода, никогда не изслѣдовалъ предположительно, какого поведенія слѣдуетъ держаться въ такомъ случаѣ. Такъ какъ, вслѣдствіе пробѣловъ въ нашихъ документахъ, его настоящій образъ дѣйствій представляется нѣсколько неяснымъ, то весьма важно изслѣдовать, не высказалъ ли онъ своего идеала въ болѣе мирные часы своей жизни. И дѣйствительно, въ Антіохіи, еще въ самое раннее *время своей проповѣди* онъ открылъ его намъ въ такихъ выраженіяхъ, ясность которыхъ не оставляетъ желать ничего большаго,—и именно въ своей книгѣ о святомъ Вавилѣ противъ язычниковъ. Здѣсь объ этомъ Вавилѣ, святыя мощи котораго причинили столько безпокойства Юліану, онъ разсказываетъ исторію, довольно аналогичную съ столкновеніемъ св. Амвросія съ императоромъ Ѳеодосіемъ во время Ѳессалоникійской рѣзни и знаменитаго по-

каянія, возложеннаго на императора. Эта исторія совершенно легендарна, и можно сказать, даже баснословна. Императоръ,— котораго св. Златоустъ не называетъ по имени, но подъ которымъ, очевидно, разумѣетъ Филиппа, видоизмѣненнаго, впрочемъ, народнымъ воображеніемъ,—предалъ незаслуженной казни юнаго царевича, выданнаго ему въ качествѣ заложника. Св. епископъ Вавила отказалъ за это императору во входѣ въ цертовь, и св. Златоустъ, изъясняя поступокъ епископа, высказываетъ по этому поводу слѣдующія размышленія. «Сказать ли вамъ и нѣчто странное? Я удивляюсь этому блаженному епископу не столько за то, что онъ противосталъ ярости властителя, сколько за то, что понялъ, въ какой мѣрѣ надо было это сдѣлать, и не переступилъ границы ни своимъ дѣломъ, ни словами. Что послѣднее удивительнѣе перваго, легко понять изъ того, что многіе выказали подобное дерзновеніе, но не съумѣли остановиться во время». (Выше онъ дѣлаетъ ссылку на языческихъ философовъ, а ниже, въ частности, вспоминаетъ анекдотъ о Діогенѣ и Александрѣ). «Обнаруживать дерзновеніе свойственно и обыкновеннымъ людямъ, но, чтобы оказывать себя дерзновеннымъ по мѣрѣ надобности и въ надлежащее время, т. е. съ приличною соразмѣрностью и соотвѣтственнымъ благоразуміемъ,— для этого требуется душа великая и благородная. Семей весьма сильно порицалъ блаженнаго царя Давида и назвалъ его *мужемъ крови*, но я не могу назвать этого дерзновеніемъ,—и назову невоздержностью языка, дерзостью ума, необузданностью, неразуміемъ, всѣмъ скорѣе, чѣмъ дерзновеніемъ. Ибо я думаю, что тому, кто хочетъ быть обличителемъ, должно какъ можно дальше отклонять душу свою отъ дерзости и гордости и выказывать ревность свою только въ словахъ и дѣлахъ. И врачъ, которому нужно отсѣчь загноившійся членъ, или остановить огонь воспаленія, приступаетъ къ врачеванію не съ полною гнѣва душою, а напротивъ, уси-

ливается особенно сохранить свой умъ въ спокойствіи, изъ опасенія ошибиться въ своемъ искусствѣ, вслѣдствіе смущенія. Если же тотъ, кто хочетъ лѣчить тѣло, имѣетъ нужду въ такомъ спокойствіи, то,—скажи мнѣ,—въ какое состояніе поставимъ мы врачующаго души, и какого потребуемъ отъ него любомудрія?» Безъ сомнѣнія, бываетъ много противорѣчій въ жизни каждаго человѣка, есть они и въ жизни св. Іоанна, хотя его жизнь и замѣчательна по вообще очень правильному и гармоничному развитію. Но, повидимому, можно утверждать, что человѣкъ, имѣвшій такое ясное пониманіе пользы умѣренности, не долженъ былъ легко отказаться отъ достоинства, признаваемаго столь цѣннымъ, и намъ кажется, что тотъ, кто осуждалъ Семея за наименованіе Давида мужемъ крови, не долженъ былъ сразу назвать императрицу Іезавелью. Слѣдуетъ повторить, что у св. Златоуста былъ характеръ пылкій, но соединенный съ умомъ, способнымъ понять мѣру.

Что св. Іоаннъ не могъ избѣжать паденія и пораженія, не смотря на огромную власть, какою обладалъ епископскій санъ того времени, не смотря даже на ту исключительную силу, какую давала ему страстная любовь Константинопольскаго народа,—это объясняется тѣмъ, что въ своей святой отвагѣ, онъ, какъ мы сказали ранѣе, одновременно велъ нѣсколько непріятныхъ дѣлъ. Св. Амвросій торжествуетъ побѣду тамъ, гдѣ св. Іоаннъ терпитъ пораженіе, потому что онъ, напротивъ, умѣетъ ограничивать свое нападеніе однимъ пунктомъ и сосредоточиваетъ свои силы въ одномъ мѣстѣ. Но ненависть священнослужителей, соединенная съ злобою женщинъ, шла гораздо дальше. Эта ненависть сдѣлалась неудержимою и низвергла св. Златоуста, лишь только врагамъ Іоанна удалось убѣдить Евдоксію, что она подлежитъ тому бызызъятному проклятію, какое онъ бросалъ противъ богатства, роскоши и скупости.

Итакъ, мы довели нашъ разсказъ до первой ссылки. До этого времени св. Іоаннъ представляется вполнѣ безупречнымъ, и лучшее его оправданіе дано самими его врагами. Нужно прочесть перечень обвинительныхъ пунктовъ, выставленныхъ противъ него на соборѣ «при Дубѣ», чтобы увидѣть, что здѣсь нѣтъ ни одного серьезнаго обвиненія, а многія служатъ явно къ его чести.

Между тѣмъ, народъ почти готовъ былъ поднять въ Константинополѣ возмущеніе, и надменная Евдоксія противъ воли должна была уступить. Причиною почетнаго возвращенія архіепископа послужило землетрясеніе. По суевѣрнымъ понятіямъ того времени, самая упрямая гордость могла, не унижая себя, уступить предъ явленіемъ, на которое нужно было смотрѣть, какъ на обнаруженіе Божественнаго гнѣва. И вотъ св. Златоустъ вызванъ изъ ссылки и спѣшитъ возвратиться. Послѣдствія показали, что эта поспѣшность не была совершенно благоразумна, такъ какъ можно было позднѣе сказать, что онъ, хотя и незаконно низвергнутый, не былъ правильно утвержденъ въ своихъ правахъ. Но нужно знать также, что добровольно подвергаясь этой опасности, мысль о которой не ускользнула отъ него, онъ доказывалъ свое великое безкорыстіе, такъ какъ почти одно только возвращеніе его могло усмирить народное волненіе. Итакъ, онъ возвратился, и, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что возвратился безъ озлобленія въ сердцѣ. Мы уже видѣли, какъ онъ былъ раздраженъ послѣ своего возвращенія изъ Азіи; теперь, по возвращеніи изъ ссылки, было совершенно иное. И доказательство этого нѣкоторые пытались видѣть даже въ чрезмѣрныхъ похвалахъ, удѣляемыхъ имъ Евдоксіи въ той гомиліи, гдѣ онъ приводитъ и самый текстъ письма, какимъ императрица возвѣщала ему свою милость. Не надѣялся ли еще онъ на искреннее примиреніе? Можетъ быть ему хотѣлось отчасти поддаться этой иллюзіи, но онъ не могъ не

знать, что Евдоксія весьма рѣшительно стала на враждебную ему сторону, и что большая часть отвѣтственности въ его низложеніи лежала на ней. Въ первый разъ, можетъ быть, его, столь чистосердечное слово, примѣнялось къ политическимъ соображеніямъ.

Миръ продолжался недолго, и мы уже приступаемъ къ одному ясному моменту въ исторіи этого раздора между архіепископомъ и императрицей,—моменту, который разсказанъ неопровержимыми свидѣтелями съ надлежащими подробностями и передается ими вообще довольно согласно. Это —знаменитое дѣло по поводу серебряной статуи Евдоксіи, воздвигнутой прямо противъ Великой церкви, съ другой стороны площади. Константинопольскій префектъ постановилъ праздновать открытіе этой статуи обрядами и увеселеніями мірского и даже языческаго характера. Тогда-то, приведенный въ негодованіе, св. Златоустъ произнесъ бесѣду, гдѣ не могъ удержаться и не имѣть въ виду императрицы. Передавая этотъ эпизодъ, Сократъ относится неодобрительно къ св. архіепископу, и мы не отрицаемъ того, что столь смѣлое поведеніе отчасти не можетъ не смущать сторонниковъ умѣренной партіи. Всегда будутъ люди, способные повторять нѣкоторыя замѣчанія историка Сократа относительно того, что св. Златоустъ допустилъ въ этотъ разъ безполезный вызовъ, что онъ долженъ былъ вести себя совершенно иначе, добиться свиданія съ префектомъ, испросить аудіенцію у императрицы, дѣйствовать осторожно, и что такимъ образомъ онъ скорѣе достигъ бы успѣха. Конечно, св. Златоустъ велъ себя не какъ политикъ; онъ дѣйствовалъ даже не какъ епископъ IV-го вѣка, т. е. той эпохи, когда между гражданскими и церковными властями установились необходимыя соотношенія и взаимныя обязанности, требовавшія осторожности и толерантности. Но зато онъ дѣйствовалъ какъ апостолъ, и ни его душа, ни его христіанская совѣсть не могли ни въ чемъ упрек-

нуть его. При своемъ пониманіи священнаго епископскаго служенія, онъ не могъ отступить. Онъ всегда преслѣдовалъ въ лонѣ семействъ всѣ суевѣрные или идолопоклоннические обычаи, упорно стремившіеся примѣшаться къ домашнимъ обрядамъ, и не могъ потерпѣть ихъ въ обрядѣ общественномъ, въ честь христіанской правительницы. Безспорно, онъ всегда совѣтовалъ сдержанность по отношенію къ ближнему, но только касательно проступковъ, остающихся втайнѣ, а не въ случаѣ оглушительного соблазна.

Мы сказали уже, что кажется правдоподобнымъ, будто св. Іоаннъ прямо имѣлъ въ виду Евдоксію въ своей бесѣдѣ о статуѣ. Во всякомъ случаѣ, она считала себя оскорбленною и оскорбленною сильно его отпоромъ. Какого же мнѣнія слѣдуетъ держаться о той знаменитой бесѣдѣ, начинавшейся, какъ говорятъ, мстительнымъ сравненіемъ съ Иродіадой? Были попытки заподозрить ея подлинность, и это нужно принять въ соображеніе. Мы имѣемъ одну рѣчь, начинающуюся этими словами, и Савиль вмѣстѣ съ Монфокономъ отнесли ее къ spuria—т. е. къ подложнымъ. Съ другой стороны, нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ, Павелъ Альбертъ и аббатъ Мартэнъ, основательно думая, что святая пылкость Іоанна была слишкомъ смягчена школою осторожныхъ историковъ,—повидимому, склоняются къ признанію ея подлинности. Въ дѣлѣ критики не слѣдуетъ уступать чувству, каково бы оно ни было; здѣсь нужно судить, и, что касается насъ, то намъ кажется, что подлежащая спору гомилія дѣйствительно не совсѣмъ достойна св. Іоанна. Мы думаемъ скорѣе, что она — апокрифъ, но нельзя заключить изъ этого, что намекъ на Иродіаду вовсе не былъ произнесенъ. Бесѣда цитируется уже Сократомъ, который,—что бы ни говорили,—кажется вообще довольно хорошо освѣдомленнымъ обо всемъ этомъ дѣлѣ, и едва ли основательною уловкою является утвержденіе, будто бы апокрифическая гомилія была составлена

еще до Сократа, и ввела его въ заблужденіе. Нужно только не забывать, что Сократъ,—почти современникъ св. Златоуста и принадлежитъ къ непосредственно слѣдующему поколѣнію. Весьма вѣроятно, напротивъ, слѣдующее предположеніе: такъ какъ подлинная бесѣда не сохранилась, то была составлена апокрифическая гомилія въ тонѣ первой фразы вступленія, воспоминаніе о которой оставалось традиціоннымъ.

Сравненіе съ Иродіадою, конечно, равносильно было сравненію съ Іезавелью. Заслуживала ли императрица это сравненіе, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ это было уже оскорбленіемъ, которое св. Іоаннъ осуждалъ въ устахъ Семея. «Я не могу назвать этого дерзновеніемъ, но назову невоздержанностью языка, дерзостью ума, необузданностью, неразуміемъ, всѣмъ скорѣе, чѣмъ дерзновеніемъ». Съ полнымъ правомъ можно было теперь направить противъ него эти слова. Но при подобныхъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ болѣе дивиться его отвагѣ, чѣмъ осуждать неблагоразуміе. Заключая свою рѣчь о св. Вавилѣ, св. Златоустъ говорилъ, что этотъ послѣдній былъ чуждъ робости, ненависти, страха, лести и гнѣва. Отъ всего этого,—заключимъ и мы,—свободенъ былъ и самъ св. Іоаннъ, исключая гнѣва, но это былъ гнѣвъ благородный и, можно сказать, святой.

Св. Златоустъ вторично отправляется въ ссылку, на этотъ разъ уже окончательную, и возмущеніе, или, по крайней мѣрѣ, мятежъ снова заливаетъ кровью улицы Константинополя. Цѣлый кварталъ былъ истребленъ пожаромъ, но мы уже говорили, что св. Златоустъ не былъ отвѣтственъ за это, такъ какъ онъ не призывалъ на свою помощь никакого иного оружія, кромѣ краснорѣчія. Непреклонный въ области религіозной, онъ никогда не вышелъ изъ этой области; никогда не бѣжалъ отъ преслѣдованія, но и не сопротивлялся ему. Любопытно было бы узнать, каковы были его душев-

ныя чувства въ тотъ моментъ, когда императорскіе чиновники везли его вдаль отъ епископскаго города. Правда, у насъ есть его письма, но они относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени. Кажется, что въ эти минуты онъ долженъ былъ бороться съ двумя противоположными мыслями. Безспорно, онъ сожалѣлъ о той власти, о томъ вліяніи, какими пользовался въ интересахъ религіи надъ своею вѣрною паствою. Онъ могъ теперь задавать себѣ вопросъ: не лучше ли было бы, съ цѣлью сохраненія этой власти, выказывать себя нѣсколько болѣе толерантнымъ по отношенію къ гражданской власти. Но безспорно также, онъ говорилъ себѣ, что примѣры величественной независимости были всегда рѣдки, и что, если онъ нѣсколько виноватъ передъ своими пасомыми, за то имъ данъ прекрасный урокъ будущему. И это убѣжденіе, совершенно свободное отъ всякой примѣси тщеславія, могло служить для него самымъ законнымъ и самымъ сильнымъ изъ всѣхъ утѣшеній.

Государство.

Св. Златоустъ представляется всецѣло монахомъ, а не политикомъ, и мы думаемъ, что у насъ достаточно ясно показано, какъ ярко онъ отличается отъ большинства современныхъ ему епископовъ. Только очень рѣдко говорилъ онъ о гражданскихъ дѣлахъ своего времени, поэтому было бы интересно выставить на видъ немногое, сказанное имъ, посмотрѣть, подверждаетъ ли онъ или нѣтъ то, что обыкновенно думаютъ о состояніи государства въ IV-мъ вѣкѣ, и, наконецъ, изслѣдовать, каковы могли быть его надежды или опасенія за будущее.

Такъ какъ св. Іоаннъ былъ глубоко проникнутъ своимъ идеаломъ апостольской общины, то, строго говоря, онъ могъ чувствовать къ гражданскому обществу только пренебреженіе. Не-

сомнѣнно, государство его времени было христіанскимъ; оно считалось такимъ уже въ теченіе цѣлаго вѣка, и не было основаній бояться наступательнаго возвращенія язычества. Реакція при Юліанѣ, въ сущности, была столь же жестока, сколько и эфемерна. По рѣзкости выраженій книги о св. Вавилѣ и бесѣдъ св. Григорія Назіанзина, по силѣ и постоянству вражды, можно угадывать, какъ велики должны были быть нѣкоторое время опасенія всего епископства. Но, говоря словами метафоры св. Аѳанасія, «облако прошло», и отнынѣ небо казалось яснымъ. Св. Златоустъ не рѣшался однакоже вполнѣ радоваться побѣдѣ; онъ зналъ, сколько было корыстныхъ обращеній, и чувствовалъ, что этимъ отчасти обусловливалось столь чувствительное разслабленіе нравовъ вѣрующихъ. Онъ напоминалъ о томъ, что въ эпоху гоненій вѣра была чище и смѣлость отважнѣе, впрочемъ, не жалѣлъ объ ихъ прекращеніи, зная, что возбранено искать искушенія, и трепеталъ даже при одной мысли о тѣхъ слабостяхъ, какихъ ему пришлось бы быть свидѣтелемъ, при возобновленіи преслѣдованій. Но, говоря вообще, онъ оставался довольно равнодушнымъ къ обращенію императоровъ. Эти властители, изъ которыхъ одни часто принимали сторону ереси, а другіе, будучи христіанами по имени, сохраняли при своемъ дворѣ всю крайнюю роскошь прошлаго,—не могли его удовлетворить. Самое большее,—онъ могъ только дѣлать исключеніе для Ѳеодосія, по крайней мѣрѣ, всегда сохранявшаго за собою заслугу православія, и въ честь его онъ произнесъ панегирикъ въ одной изъ своихъ Константинопольскихъ бесѣдъ. Однако, нужно замѣтить, что, спустя много лѣтъ, при другихъ обстоятельствахъ, когда ему не нужно было дѣлать оффиціальной похвалы, онъ, вспоминая дѣло о низверженіи статуй, сурово говорилъ о его жестокости.

Въ твореніяхъ Іоанна напрасно мы стали бы искать элементовъ политики, заимствованной изъ священнаго Писанія.

Иногда въ его толкованіяхъ Ветхаго Завѣта, напримѣръ, въ изъясненіи поступка Озіи, проглядываетъ тенденція къ ѳеократіи. Вообще же онъ довольствуется воздаяніемъ кесарева кесарю и Божьяго Богу, причемъ, слишкомъ мало заботится о кесарѣ. Въ другихъ мѣстахъ, въ весьма точныхъ выраженіяхъ онъ заповѣдывалъ повиновеніе власти. Иногда онъ бралъ примѣромъ поведеніе Давида по отношенію къ Саулу, иногда воспроизводилъ наставленія св. ап. Павла, въ въ частности 4-й стихъ 13-й главы посланія къ Римлянамъ. Сначала онъ говорилъ, что большинство государей развращены и испорчены, но тотчасъ же прибавлялъ, что преимущества царской власти столь значительны, что учрежденіе остается полезнымъ даже въ томъ случаѣ, когда цари недостойны. Что же было бы, еслибы они выполняли свои обязанности! «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется»,— повторялъ онъ и, предвидя возраженіе: «развѣ всякое начальство имѣетъ въ основѣ Божественное право?»—не безъ нѣкотораго затрудненія и замѣшательства отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ. «Всякій ли правитель поставленъ Богомъ? Я не утверждаю этого,—говоритъ Апостолъ,—ибо говорю не о каждомъ въ отдѣльности, но о царской власти вообще. Итакъ, я утверждаю, что существующій порядокъ есть дѣло Божественной мудрости. Благодаря ей существуютъ власти, одни повелѣваютъ, а другіе подчиняются, все бываетъ не случайно и безпорядочно, и народы не колеблются туда и сюда, какъ бы гонимые волнами».

Человѣкъ, котораго такъ мало ослѣпляло царское величіе, долженъ былъ еще менѣе снисходительно относиться къ членамъ магистратовъ. Онъ не имѣлъ къ нимъ никакого довѣрія, и нужно, дѣйствительно, признать, что, если еще и встрѣчалось въ IV-мъ вѣкѣ много весьма почтенныхъ высокопоставленныхъ чиновниковъ, то, наоборотъ, много было, повидимому, и мелкихъ властителей, весьма тиранническаго

характера. На взглядъ св. Златоуста, судьи «носятъ только имя судей, въ дѣйствительности же суть воры и убійцы». Общественной должности люди домогаются только «для того, чтобы найти поводы къ грабительству, ибо я не хочу назвать это именемъ простой выгоды,—домогаются только для того, чтобы, съ одной стороны, дѣлать безполезныя раздачи, а съ другой—угнетать подчиненныхъ». Сборщики податей для св. Іоанна являются предметомъ ужаса. «Что можетъ быть хуже сборщика пошлинъ?»—Это они-то грабятъ вдовъ и сиротъ. Государственныя нужды того времени были, дѣйствительно, велики, и доказательства этого столь же неопровержимы, сколько и многочисленны. Св. Златоустъ сообщаетъ на этотъ счетъ, по крайней мѣрѣ, одну любопытную подробность. «Если невозможно вынудить какой-нибудь излишекъ поборовъ, и сборщики не знаютъ, какимъ образомъ можно сдѣлать это, то они входятъ въ сдѣлку съ своими сослуживцами (несомнѣнно, непосредственно высшими) и эти послѣдніе на глазахъ несчастныхъ плательщиковъ угрожаютъ имъ и наносятъ удары». Посредствомъ подобной комедіи они смягчаютъ сердца плохихъ плательщиковъ и вымогаютъ нѣсколько грошей.

Еще менѣе гражданскихъ магистратуръ св. Іоаннъ щадитъ войско. Обозрѣвая однажды различныя человѣческія положенія, онъ говорилъ. «Хочешь ли ты, чтобы я началъ съ сословія воиновъ? Въ какіе грѣхи не впадаютъ они ежедневно? Они обильно наносятъ удары и оскорбленія, безпрестанно входятъ въ ярость и радуются несчастіямъ другихъ. Подобно волкамъ, они никогда не свободны отъ преступленій. Да и можетъ ли быть море безъ волнъ? Они завидуютъ равнымъ себѣ и исполнены тщеславія; жадно обманываютъ тѣхъ, кто находится у нихъ въ подчиненіи, обижаютъ тѣхъ, кто въ своей тяжбѣ обращается къ ихъ заступничеству. Сколько хищеній, обмановъ, лицемѣрія, безстыдныхъ торговъ и ра-

болѣпной лести»! Больше всего ихъ характеризуетъ жадность. Подобно монахамъ, они не знаютъ, что такое корыстолюбіе, но по противоположной причинѣ: первые чисты отъ этого преступленія, послѣдніе опьянены имъ до такой степени, что потеряли всякую совѣсть.

Но каковы были взгляды св. Златоуста на будущность имперіи? Видѣлъ ли онъ ясно тѣ опасности, какія ей угрожали? Многіе въ IV-мъ вѣкѣ поддавались въ этомъ отношеніи иллюзіи; люди обыкновенно не хотятъ думать о великихъ катастрофахъ до того момента, когда послѣднія уже надвигаются. Почти наканунѣ взятія Рима, послѣ сраженія при Полленціи, западные писатели, прославлявшіе эту побѣду, смотрѣли на нее, какъ на рѣшительную и нимало не предвидѣли того несчастія, которое стояло у дверей. Греческой имперіи суждено было существовать дольше, чѣмъ имперіи латинской, однако, послѣ того какъ она подверглась при имп. Валентѣ набѣгу Готѳовъ, уже можно было весьма сильно опасаться за ея существованіе. Св. Златоустъ въ тѣхъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ, какія онъ преемственно высказывалъ относительно силъ и положенія этой имперіи, показываетъ намъ нестроенія тѣхъ несчастныхъ временъ, когда постоянно надежда смѣнялась страхомъ.

Въ своей юности, въ извѣстные моменты, онъ вовсе не представлялъ будущаго въ мрачномъ свѣтѣ и, повидимому, не помышлялъ о томъ, что варварскія нападенія нѣкогда должны грозить серьезною опасностью существованію имперіи. Тогда онъ противополагалъ нынѣшній миръ состоянію постоянной войны у іудеевъ и грековъ, ставя это исключительно въ честь Христу и не совсѣмъ справедливо забывая Римъ. «Солнце правды,—восклицалъ онъ,—возсіяло, и города, народы и всѣ націи не только не живутъ уже среди подобныхъ опасностей, но наслаждаются такимъ спокойствіемъ, что военное искусство болѣе неизвѣстно. Мирно

устроившись внутри городовъ, за своими стѣнами, мы издалека узнаемъ о военныхъ событіяхъ, и весь міръ наслаждается свободою, освободясь отъ столь тягостнаго рабства. Если еще и есть теперь кой-какія битвы, то онѣ происходятъ вдали на рубежахъ имперіи, а не въ городахъ или въ селахъ, какъ прежде. Тогда,—какъ уже сказалъ я,—дѣйствительно, въ одномъ и томъ-же народѣ постоянно возобновлялись безконечныя смятенія и всевозможныя войны; теперь же на всемъ освѣщаемомъ солнцемъ пространствѣ, отъ Тигра до британскихъ острововъ, равно какъ въ Ливіи, Египтѣ и Палестинѣ, вся римская имперія живетъ въ мирѣ. Города наслаждаются сладкимъ досугомъ и только по слуху знаютъ, что существуютъ войны. Христосъ возмогъ бы уничтожить эти послѣдніе слѣды древняго порядка вещей, но Онъ попустилъ имъ оставаться ради предостереженія нерадивыхъ, чтобы привести ихъ къ исправленію, и варварскіе набѣги совершаются для того, чтобы держать на сторожѣ тѣхъ, кого усыпилъ бы совершенный миръ». *).

Но уже въ первой гомиліи на текстъ: «видѣхъ Господа» онъ показываетъ намъ, насколько въ дѣйствительности тяжело было положеніе вещей. Всюду чувствовалось недовольство и безпокойство, всюду обвиняли власти въ неправоспособности. Св. Златоустъ, насколько могъ, оправдывалъ ихъ и старался отнести выше причину бѣдствія: онъ видѣлъ здѣсь Божественную кару. «Насъ губятъ наши собственные пороки, и, еслибы нашими вождями были Авраамъ, Моисей,

*) Было бы важно съ большею точностью, чѣмъ это дѣлаютъ ученые Тильмонъ, Монфоконъ и Штиллингъ, установить время произнесенія тѣхъ бесѣдъ, изъ которыхъ заимствованы какъ это, такъ и цитируемыя нами непосредственно ниже мѣста. Но достигнуть этого мы могли бы не иначе, какъ войдя въ такія подробности какихъ не позволяетъ планъ нашего труда. Поэтому мы ограничимся здѣсь только тѣмъ, что укажемъ извѣстныя измѣненія во взглядѣ св. Златоуста, не задаваясь цѣлью сопоставлять ихъ съ тѣми политическими перемѣнами, какимъ они должны соотвѣтствовать.

Давидъ и Соломонъ, то было бы то-же самое. Впрочемъ, обыкновенно и въ строѣ гражданскомъ, и въ строѣ религіозномъ являются такіе вожди, какихъ заслуживаетъ народъ». И онъ заключалъ эти рѣчи нѣсколько неожиданнымъ совѣтомъ выказывать болѣе усердія къ церкви.

Не смотря, однако, на осужденіе начальствующихъ, всякій питалъ къ нимъ весьма большое видимое почтеніе. Очень сильное монархическое чувство царило тогда вообще во всей имперіи. Всѣ очень интересовались тѣмъ, что происходило при дворѣ, много разсуждали о политическихъ дѣлахъ, относительно которыхъ въ большинствѣ случаевъ были довольно слабо освѣдомлены, такъ какъ, въ ту эпоху подозрительнаго деспотизма, все было обставлено тайными интригами. Многія изъ описаній св. Златоуста даютъ намъ ясно понять, какое сильное впечатлѣніе на умы всѣхъ производило то величіе, въ какое облеклись императоры со времени Діоклетіана. «Представь себѣ этотъ конвой воиновъ, блистающихъ золотомъ, эти колесницы, везомыя бѣлыми мулами, подобнымъ же образомъ украшенными золотомъ. Самыя колесницы убраны драгоцѣнными камнями, покрыты бѣлоснѣжными коврами, увѣшаны металлическими бляхами, подвижными и блестящими. На шелковыхъ одеждахъ вышиты драконы, въ центрѣ щитовъ укрѣплены золотыя выпуклости, латы усѣяны драгоцѣнными камнями, конскія узды въ золотѣ. Но когда мы видимъ самого императора, мы уже не обращаемъ никакого вниманія на все это: одинъ онъ привлекаетъ взоры всѣхъ, и мы смотримъ на его пурпуровыя одежды, на діадему, тронъ, застежки, на обувь и на величественное выраженіе его лица».

По мѣрѣ того, какъ время двигалось впередъ, бѣдствія имперіи возрастали, и мы находимъ живое отраженіе этого въ гомиліяхъ св. Златоуста. Во время произнесенія бесѣдъ на посланіе къ Ефесянамъ онъ напоминалъ своимъ слуша-

телямъ о войнахъ и несчастіяхъ, угрожающихъ со всѣхъ сторонъ, говорилъ о городахъ и провинціяхъ совершенно опустошенныхъ, указывалъ на тысячи людей, находящихся въ рабствѣ у варваровъ, и на многочисленныя Божественныя наказанія, предвѣстники геенны. Съ того момента, какъ побѣдители императора Валента пробили великую брешь въ пограничной стѣнѣ, варвары мало по малу наводняли имперію. Въ концѣ концовъ и посредствомъ силы, и подъ видомъ союзниковъ, имъ удалось составить значительную часть населенія и въ самомъ Константинополѣ, и въ особенности въ его окрестностяхъ. Большинство этихъ варваровъ представляли готѳы, а большинство готѳовъ сдѣлались аріанами. Мы уже видѣли, насколько необходимымъ считалъ св. Златоустъ отражать ихъ притязанія, когда ихъ вождь Гайна домогался уступки для нихъ одной изъ церквей внутри города, тогда какъ со времени Ѳеодосія послѣдніе аріане вынуждены были устроять свои сборища внѣ городскихъ стѣнъ. Но ему казалось недостаточнымъ только воспрепятствовать захватамъ еретиковъ: онъ хотѣлъ привлечь къ православію этихъ новыхъ жителей имперіи, или, точнѣе, рѣшилъ склонить къ вѣрѣ тѣхъ, которые еще оставались язычниками, такъ какъ почти невозможно было надѣяться на обращеніе массы готѳовъ, уже принявшихъ аріанство. Мало по малу въ Константинополѣ образовалось христіанское общество изъ варваровъ, и среди бесѣдъ, впервые изданныхъ въ свѣтъ Монфокономъ и въ большей части очень важныхъ, самою любопытною является та, которую св. Іоаннъ произнесъ передъ этимъ обществомъ въ церкви святого Павла, послѣ того какъ сначала на готѳскомъ языкѣ проповѣдывалъ священникъ—готѳъ. Онъ выказываетъ въ этой гомиліи всю свою гордость и радость по поводу этихъ новыхъ завоеваній. Ему хотѣлось бы, чтобы здѣсь присутствовали язычники и засвидѣтельствовали бы обращеніе самихъ варваровъ. Тогда какъ языческіе

философы никогда не могли привлечь къ своимъ ученіямъ даже соотечественниковъ, апостолы Христовы, эти бѣдные рыбари, не только привлекли къ вѣрѣ весь римскій міръ, но теперь распространяютъ свою побѣду еще далѣе и научаютъ Божественному слову тѣ народы, даже существованія которыхъ не подозрѣвалъ Платонъ. Пусть посрамятся также и іудеи, такъ какъ новый приливъ язычниковъ въ Церковь опередилъ ихъ уже во второй разъ. Съ цѣлью окончательно устыдить іудеевъ и въ то-же время библейскимъ авторитетомъ освятить благородство новообращенныхъ, онъ вызываетъ воспоминаніе объ Авраамѣ, патріархѣ, вышедшемъ изъ Халдеи, т. е. также варварѣ, и объ евангельскихъ волхвахъ. Не будемъ же удивляться, видя въ церкви этихъ братьевъ, принадлежащихъ къ другой народности, но, напротивъ, будемъ этимъ гордиться.

Съ этого времени готская община всегда оставалась одною изъ главнѣйшихъ заботъ св. Златоуста. Во время своей ссылки, въ нѣдрахъ Каппадокіи и даже въ самомъ Кукузѣ, какъ только онъ получалъ облегченіе своихъ несчастій, онъ, насколько могъ, издалека выполнялъ свое служеніе и, одновременно заботясь съ пламенною ревностью о финикійскихъ миссіяхъ, имѣя даже въ виду обращеніе Персіи,—не терялъ изъ виду своихъ дорогихъ варваровъ. Своимъ Константинопольскимъ друзьямъ онъ поручалъ наблюдать за ихъ православіемъ и замѣстить православнымъ епископомъ изъ ихъ народности того, кого они только что утратили.

Зрѣлище внутреннихъ бѣдствій имперіи, все болѣе и болѣе угрожающихъ нападеній, наконецъ, разслабленія христіанскихъ нравовъ,—должно было вселять печальныя мысли въ мрачно настроенные умы. И не слѣдуетъ удивляться тому, что мысль о близкомъ концѣ міра была тогда вообще довольно распространенною. Это убѣжденіе, питавшее вѣру перваго христіанскаго поколѣнія, было уже довольно жестоко

опровергнуто. Такимъ образомъ, со времени прекращенія гоненій, съ того момента, когда увидѣли то, что̀ Тертулліанъ признавалъ никогда неосуществимымъ, т. е. кесаря—христіанина,—намѣчалось уже новое теченіе. Многіе думали, что обращенной имперіи предназначена обширная будущность. Вотъ почему поэтъ Пруденцій, одновременно прославляя сраженіе при Полленціи и общее обращеніе римскаго сената, былъ чуждъ всякой мысли объ уныніи. Ему казалось очевиднымъ, что христіанскому Риму предназначена участь, конечно, не менѣе прекрасная, чѣмъ и Риму языческому. Св. Златоустъ раздѣлялъ обыкновенно другого рода мысли. Несомнѣнно, что онъ весьма заботливо настаивалъ на томъ, что не слѣдуетъ пытаться рѣшать неразрѣшимыя задачи, что Провидѣніе разумно оставляетъ неизвѣстнымъ для насъ конецъ міра, подобно дню смерти каждаго изъ насъ, и что, наконецъ, Сынъ человѣческій придетъ, какъ тать,—но, тѣмъ не менѣе, можно видѣть, къ какому предположенію онъ былъ болѣе склоненъ. Въ своихъ бесѣдахъ на евангеліе св. Матѳея онъ выражается однажды слѣдующимъ образомъ: «Кончина приближается; мы не знаемъ того, что, можетъ быть, конецъ міра совершится при жизни нашего поколѣнія, и что настанетъ ужасный день, который привлечетъ насъ предъ страшное судилище, гдѣ нѣтъ ни для кого лицепріятія. Ибо большинство знаменій исполнилось: вотъ уже почти всей вселенной проповѣдано евангеліе, уже происходятъ войны, землетрясенія и глады. Остающееся время не можетъ быть очень значительнымъ. А вы еще и теперь не видите знаменій! Это самое и есть величайшее знаменіе!» Спустя нѣсколько времени, при изъясненіи евангелія Іоанна, онъ высказывалъ тѣ-же неизмѣнныя мысли. «Господь близь есть, поэтому *пецытеся!* мы уже недалеки отъ свѣтопредставленія, и міръ уже клонится къ концу. Объ этомъ возвѣщаютъ войны, бѣдствія и землетрясенія, объ этомъ говоритъ оскудѣ-

ніе любви. Ибо, какъ тѣло, находящееся при смерти, бываетъ удручено множествомъ болѣзней, и какъ известь обсыпается съ крыши и стѣнъ готоваго рухнуть дома,—такъ же точно несчастія обременяютъ насъ со всѣхъ сторонъ, потому что уже близится и стоитъ при дверяхъ конецъ вселенной». Вполнѣ естественно, что люди, занятые подобными догадками, стремились найти точную дату этого событія, и дѣйствительно относили это послѣднее къ 400-му году. Строго сохраняя мысль о томъ, что этотъ моментъ невѣдомъ, св. Іоаннъ, однакоже, иногда не выказывалъ сильнаго сопротивленія такому мнѣнію. Въ той-же самой бесѣдѣ, изъ которой мы только что привели выдержку, онъ обсуждаетъ значеніе слова «близь» въ изреченіи І. Христа и говоритъ, что оно вполнѣ можетъ означать и 400-тый годъ, и что поэтому должно быть во всякомъ случаѣ готовымъ. Во 2-й его бесѣдѣ на посланіе къ Колоссянамъ мы находимъ опять слѣды тѣхъ-же самыхъ опасеній,—опасеній, свойственныхъ массѣ, но не самому св. Златоусту. Въ изъясненіи перваго посланія къ Ѳессалоникійцамъ онъ высказывается, что этотъ моментъ, можетъ быть, слишкомъ близокъ, и извлекаетъ отсюда мысль, весьма дорогую для его сердца: какое значеніе для насъ имѣетъ опредѣленіе этого момента? Всякій убѣжденъ въ своей смерти, и развѣ этого недостаточно? Впрочемъ, еще позднѣе, во время изъясненія посланія къ Евреямъ, напоминая слова: «еще мало елико елико Грядый пріидетъ и не укоснитъ»,—онъ замѣчалъ, что, по словамъ евангелія, (Мѳ. 24, 14) конецъ міра совершится тогда, когда евангеліе будетъ извѣстно всей вселенной, и даетъ понять, что теперь это уже почти совершившійся фактъ.

Но и наоборотъ, находились люди, повторявшіе, что всѣ эти опасенія—не болѣе, какъ смѣшныя иллюзіи. Столько времени протекло уже послѣ Іисуса Христа, а конецъ міра еще не наступилъ! Св. Іоаннъ страшился такихъ разсуж-

деній, ясно сознавая, что они служатъ только къ ободренію тѣхъ, кто проводитъ дурную жизнь. Раздѣлявшимъ эти мысли онъ говорилъ, что подобнымъ же образомъ разсуждали люди и наканунѣ самаго потопа.

Св. Мартинъ, епископъ Турскій, человѣкъ менѣе свѣтлаго ума, чѣмъ св. Златоустъ, но столь же чистаго и любвеобильнаго сердца, жившій на противоположномъ краю имперіи, въ въ провинціи, еще болѣе, чѣмъ Сирія или Ѳракія, подверженной бѣдственнымъ испытаніямъ,—точно также считалъ неизбѣжною идущую свыше катастрофу: онъ думалъ даже, что антихристъ уже находится въ юности. Весьма знаменательно отмѣтить это вѣрованіе, общее двумъ христіанамъ, болѣе всѣхъ другихъ людей своего времени проникнутыхъ евангельскимъ духомъ. Благодаря ему, они несравненно ближе всѣхъ своихъ современниковъ стоятъ къ апостольскому вѣку и даже прямо съ нимъ соприкасаются. И понятно, что они оба имѣли такъ мало заботъ о гражданскомъ обществѣ: какое значеніе можетъ имѣть то, что завтра должно окончить свое существованіе?

Заключеніе.

Общее сужденіе объ антіохійскихъ и константинопольскихъ нравахъ въ эпоху св. Златоуста.—Результаты Златоустовой проповѣди.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ произнести общее сужденіе о нравственной цѣнности эпохи. Сколько невѣрныхъ и ошибочныхъ понятій имѣемъ мы даже о нашемъ собственномъ времени! Тѣмъ болѣе мы рискуемъ быть поверхностными и несправедливыми, когда рѣчь идетъ о весьма отдаленномъ вѣкѣ, мнѣнія и предразсудки котораго были совершенно различны отъ царящихъ въ настоящее время и о которыхъ сохранились до насъ только весьма неполные документы. Положеніе не теряетъ своей силы даже тогда, когда эти документы еще относительно довольно богаты, что можно сказать о нашемъ предметѣ. Опасность становится еще большею, когда дѣло идетъ не объ изученіи цѣлаго, причемъ, историкъ обращается ко всѣмъ свидѣтельствамъ и провѣряетъ ихъ одно посредствомъ другого, но когда, наоборотъ, приходится имѣть дѣло только съ однимъ свидѣтелемъ, каково условіе нашего труда.

Однако, можно видѣть, что это самое условіе, которое съ

перваго взгляда вселяетъ столько опасеній, въ данномъ случаѣ представляетъ нѣчто утѣшительное, такъ какъ свидѣтель, только что изученный нами, не является обыкновеннымъ свидѣтелемъ. Малѣйшее подозрѣніе не можетъ коснуться его добросовѣстности, и, если въ благородномъ порывѣ своей мысли, онъ иногда приближается къ области неосуществимаго, то даже и въ такихъ случаяхъ, по рѣдкому дару, онъ почти никогда не лишенъ совершенно чувства и пониманія практическихъ нуждъ. Безспорно, каждый изъ насъ, смотря по характеру и различнымъ требованіямъ своего собственнаго нравственнаго идеала, можетъ различно оцѣнивать строгость сужденій св. Златоуста и законность его обличеній. Но всѣ должны согласиться въ признаніи, что его картины въ высшей степени рѣдко преувеличены. Онъ зналъ, что преувеличеніе повергаетъ слушателя въ отчаяніе, былъ слишкомъ опытенъ и слишкомъ желалъ успѣха, чтобы могъ впасть въ такую грубую ошибку. И поэтому нужно попытаться, со всѣмъ необходимымъ благоразуміемъ (которое въ подобномъ случаѣ никогда не будетъ лишнимъ), показать теперь въ надлежащемъ освѣщеніи общія черты, какія на самомъ дѣлѣ, по его бесѣдамъ, кажутся характеризующими то время, когда онъ жилъ, и тѣ города, гдѣ онъ проповѣдывалъ.

Съ того времени, какъ Константинъ Великій призналъ христіанство оффиціальною государственною религіею, римское общество было утверждено на компромиссѣ между двумя властями, изъ которыхъ одна, долгое время стѣсненная, стремилась побѣдить другую: рѣчь идетъ объ античномъ государствѣ и христіанской Церкви. Политическій строй оставался почти такимъ-же, какой былъ утвержденъ Діоклетіаномъ; строй гражданскій по прежнему покоился на законодательствѣ, выработанномъ правовѣдами, чисто языческаго и философскаго происхожденія. Христіанскій духъ внесъ теперь

сюда нѣкоторыя детальныя измѣненія, но не коснулся самыхъ основъ его. Противное этому строю христіанство представлялось религіознымъ обществомъ, всегда абсолютно отличнымъ отъ общества гражданскаго и политическаго по своимъ традиціямъ, идеалу и, наконецъ, по своей сущности. Послѣ примиренія и объединенія, ни государство, ни Церковь не хотѣли подчиниться или пожертвовать собою одно для другого. Но онѣ должны были дѣлать взаимныя уступки, и отсюда вытекало, что ни то, ни другое не выполняло въ совершенствѣ своей функціи. Мы не будемъ заниматься здѣсь порядкомъ политическимъ; для насъ достаточно будетъ вспомнить, что, хотя христіанство не выступало прямо противъ государства,— это было бы нелѣпостью послѣ происшедшаго переворота,— однако, оно не могло не вредить ему. Оно требовало отъ людей совершенно иныхъ добродѣтелей, чѣмъ добродѣтели гражданскія, иногда же прямо непримиримыхъ съ послѣдними. Въ аскетизмѣ оно подавляло и поглощало живыя силы, которыя, при хорошемъ употребленіи, оказали бы неоцѣнимыя услуги. Справедливо, что св. Златоустъ въ концѣ своей жизни пересталъ быть сторонникомъ крайняго аскетизма. Но, тѣмъ не менѣе, какъ бы самъ онъ ни былъ умѣренъ, онъ обращалъ свои взоры почти исключительно къ небесному Іерусалиму, презиралъ городъ земной и, раздѣляя мысль объ очень близкомъ концѣ міра, не могъ интересоваться будущностью государства.

Гражданское общество оставалось построеннымъ по началамъ древней греко-римской цивилизаціи. Первое впечатлѣніе, производимое многими изъ наиболѣе важныхъ бесѣдъ св. Златоуста, то, что это общество страдало отъ двухъ соприкасающихся золъ, именно отъ крайностей богатства, выпавшаго на долю небольшого числа фамилій, и отъ крайностей нищеты въ низшихъ классахъ. Мы показали, однако, что въ тѣхъ случаяхъ, когда пламенный проповѣдникъ, без-

пощадный врагъ богачей и неутомимый защитникъ бѣдняковъ, даетъ намъ поистинѣ драгоцѣнныя подробности о соціальныхъ классахъ,—онъ ясно допускаетъ существованіе средняго класса, имѣющаго все необходимое для существованія и живущаго, если не въ совершенномъ достаткѣ, то по крайней мѣрѣ, безъ слишкомъ большихъ лишеній. Въ самомъ дѣлѣ, если богачи, владѣльцы дѣйствительно чрезмѣрныхъ богатствъ, составляли въ Антіохіи одну десятую долю, и такую-же долю представляли совершенно жалкіе нищіе, то эта пропорція, повидимому, не имѣла ничего необычайнаго; не такова ли она даже и теперь въ нашихъ большихъ новѣйшихъ столицахъ? Если было огромное разстояніе, съ одной стороны, между сенаторомъ Антіохіи или Константинополя, владѣльцемъ обширныхъ домовъ и чудовищныхъ доходовъ, а съ другой,—однимъ изъ ремесленниковъ, съ такою радостью слушавшихъ слово св. Златоуста, то развѣ теперь менѣе значительно разстояніе между богатѣйшимъ владѣльцемъ завода и его мастеровымъ, между милліонеромъ, королемъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ, и рабочимъ одного изъ многочисленныхъ обществъ, находящихся въ управленіи перваго? Единственное, поистинѣ коренное, различіе между античнымъ обществомъ и обществомъ новымъ заключалось въ институтѣ рабства, къ которому св. Златоустъ относился съ негодованіемъ, но съ которымъ не хотѣлъ открыто бороться, признавая, что христіанство никогда не должно быть революціоннымъ, въ современномъ смыслѣ слова, т. е. не должно передѣлывать гражданскій строй. Прибавимъ только, что жесткость сердца была тогда, быть можетъ, гораздо значительнѣе у большинства богачей, чѣмъ теперь. Преимущественная христіанская добродѣтель—любовь, была усвоена только лучшею частью общества. Прошло еще недостаточно много времени съ тѣхъ поръ, какъ она была проповѣдана, для того, чтобы ея вліяніе

могло чувствоваться повсюду и чтобы она успѣла преобразовать, такъ сказать, самую душу человѣчества. *)

Свобода античныхъ нравовъ царила еще почти въ полной неприкосновенности. Крайне трудно было внушить людямъ значеніе цѣломудрія. Гражданскій законъ и общественное мнѣніе благопріятствовали распутству,—и своею снисходительностью въ извѣстныхъ случаяхъ, и своимъ неодинаковымъ взглядомъ на мужчину и женщину. Помимо того, институтъ рабства дѣлалъ обычными и какъ бы позволительными самыя преступныя злоупотребленія и допускалъ упорное сохраненіе почти неискоренимыхъ обычаевъ.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти пороки были бы легко исправлены, еслибы всѣ точно слѣдовали правиламъ христіанскаго ученія. Но Церковь, сдѣлавшись госпожею міра, сама страдала теперь мірскими пороками. Прежде всего, область ея завоеваній безмѣрно увеличилась: большинство жителей имперіи уже обратилось въ христіанство, но многія обращенія были корыстны. Въ результатѣ получалось, что внутреннимъ настроеніемъ многихъ душъ была глубокая индифферентность, что у большинства не было никакого знанія священнаго Писанія, догматовъ и морали. Религія, почти всецѣло игнорируемая, оказывала слишкомъ мало вліянія на всѣхъ тѣхъ людей, которые являлись въ церковь только въ дни великихъ праздниковъ, оставались, насколько возможно, дольше въ составѣ оглашенныхъ и, строго говоря, заботились о вступленіи въ должность истиннаго христіанина только въ моментъ смерти. Отсюда и проистекала та странная смѣсь въ высшей степени разнообразныхъ суевѣрій, которая является отличительною печатью эпохи. Вліяніе греческихъ или іудейскихъ вѣ-

*) Въ этомъ заключеніи мы имѣемъ въ виду города, гдѣ исключительно проявлялась дѣятельность св. Златоуста, и ограничиваемся только замѣчаніемъ, что, по его собственному свидѣтельству, положеніе поселянъ было, повидимому, гораздо болѣе жалкимъ, чѣмъ положеніе нашихъ крестьянъ.

рованій было еще очень значительно. Секты производили постоянные обмѣны одна съ другою. Кое-что оставалось и отъ того стараго языческаго предразсудка, что благоразумно имѣть наибольшее число возможныхъ боговъ. Безспорно, теперь признавали уже единаго Бога, но ничуть не смущались тѣмъ, что формы культа, какія Ему воздавали, были крайне разнообразны и грозили даже опасностью быть противорѣчивыми. Симмахъ говорилъ, что невозможно придти однимъ путемъ къ открытію истины. (Non potest uno itinere perveniri ad tam grande secretum). Многіе, избравшіе великій христіанскій путь, при случаѣ охотно уклонялись на поперечныя дороги и заблуждались.

Съ другой стороны, въ среду вѣрныхъ, рожденныхъ въ лонѣ самой Церкви, въ семейства, бывшія христіанскими уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, проникало разслабленіе и рутина. Съ того времени, какъ христіане начали рождаться, вмѣсто того, чтобы ими дѣлаться, уже не чувствовалось въ такой-же степени, какъ ранѣе, обновляющее вліяніе вѣры. Теперь люди уже не переживали того перелома, который прежде приводилъ человѣка къ обращенію; не заботились объ отрѣшеніи отъ ветхаго человѣка, и крещеніе уже не принималось, какъ обязательство къ дѣйствительному нравственному преобразованію жизни. Отсюда получалась тенденція видѣть только внѣшнія и матеріальныя формы культа, возникалъ родъ суевѣрнаго ритуализма. Такъ искажалась самая сущность христіанства, которое должно было быть духомъ и истиною. Нравы подверглись распущенности въ той-же самой степени, какъ обычаи подчинились рутинѣ. Раздѣленіе между клириками и міряиами обозначалось все рѣзче и рѣзче; міряне все болѣе и болѣе приходили къ той мысли, что всѣ суровыя и трудно выполнимыя предписанія культа и дисциплины возложены только на духовенство. А между тѣмъ, часть клира слишкомъ часто подавала примѣръ соблазна.

Таково, повидимому, было общество IV-го вѣка. Далекое по политическому строю отъ нашего общества настолько, насколько возможна подобная отдаленность, оно, однако, имѣло и нѣкоторыя черты сходства съ нашимъ, по крайней запутанности своего нравственнаго и религіознаго строя. Выше ли или ниже нашего оно стояло,—вопросъ праздный, въ который мы не будемъ входить, такъ какъ историкъ не можетъ испытывать глубину сердецъ. Это общество имѣло великія слабости и великіе пороки, но одного примѣра св. Златоуста уже довольно для доказательства, что тогда не было недостатка въ удивительныхъ людяхъ, всею душею стремившихся къ исправленію общества. И развѣ въ какую-нибудь другую эпоху было выказано большее общественное стремленіе къ самому возвышенному идеалу?

Возможно ли опредѣлить, каковы были результаты проповѣди св. Златоуста? Это такой вопросъ, какимъ нельзя не интересоваться, такъ какъ именно имъ всего болѣе интересовался и самъ святитель. Св. Іоаннъ не бросалъ сѣмя на вѣтеръ, не заботясь узнать, гдѣ оно упадетъ и что произраститъ. Онъ хотѣлъ, чтобы оно взошло, и не только имѣлъ всегда возвышеннѣйшее понятіе о своей миссіи, но и въ себѣ самомъ носилъ это непобѣдимое убѣжденіе, которое поистинѣ необходимо для всякаго реформатора для того, чтобы его реформа сопровождалась успѣхомъ. Это не значило, что ему была свойственна какая-либо мысль ложной гордости, такъ какъ онъ не столько надеждъ возлагалъ на одну свою личность, сколько на Божественное вдохновеніе, съ готовностью воспринимаемое, и на возвышенное ученіе, котораго онъ былъ истолкователемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было присуще и сознаніе того, что могутъ сдѣлать безкорыстная пылкость и отвага, одушевлявшія его. «Будьте закваскою!» (ζύμη)—безпрестанно повторялъ онъ своимъ слушателямъ, совѣтуя имъ оказывать другъ на друга вліяніе, въ интересахъ взаимнаго со-

вершенствованія, и самъ онъ былъ такою закваскою, въ высшей степени дѣйственною и плодотворною. И какъ далеко простирались его упованія и надежды! Въ одной изъ своихъ первыхъ бесѣдъ, относящейся къ тому времени, когда онъ, сразу же и безъ обиняковъ, хотѣлъ открыть жителямъ Антіохіи свои намѣренія и желанія, онъ признавался, что «одного человѣка, преисполненнаго ревностью, достаточно для того, чтобы преобразовать цѣлый народъ». Высказывая это, онъ думалъ о превосходствѣ св. Павла, того великаго апостола, восхваленіемъ котораго полны всѣ его бесѣды и котораго онъ столь часто совѣтовалъ брать примѣромъ для подражанія. Не дерзая сравняться съ ап. Павломъ, онъ чувствовалъ, однако же, что и самъ онъ охваченъ Божественною ревностью, и не считалъ себя неспособнымъ предпринять это смѣлое дѣло реформы цѣлаго народа. Это дѣло онъ и дѣйствительно предпринялъ, и безустанно стремился къ достиженію его до самой своей смерти. Итакъ, насколько же онъ достигъ здѣсь успѣха?

Нужно сдѣлать разграниченіе между пороками, которыхъ св. Златоустъ былъ противникомъ. Одни, исключительно являвшіеся слѣдствіемъ извѣстнаго порядка вещей, свойственные IV-му вѣку и вообще древности и характеризующіе опредѣленный историческій періодъ,—возникали изъ случайныхъ причинъ и были обречены на постепенное исчезновеніе подъ вліяніемъ времени. Это вліяніе времени могло получать могущественную поддержку въ людяхъ—избранникахъ, какими являлись великіе греческіе и латинскіе епископы. Другіе пороки, присущіе природѣ человѣческой, оставались неискоренимыми и должны были только измѣнять свою форму.

Къ первой категоріи мы отнесемъ всѣ обычаи, обусловливавшіеся слишкомъ общимъ незнаніемъ религіи, весьма легко терпимою примѣсью суевѣрій всякаго происхожденія и, наконецъ, упорнымъ вліяніемъ старинныхъ языческихъ тра-

дицій, уже съ очень давняго времени постепенно проникшихъ рѣшительно повсюду. Такимъ образомъ, когда св. Златоустъ осуждаетъ свадебные или похоронные обряды, онъ борется съ обычаями, хотя и могущественно укрѣпившимися въ сердцѣ почти всѣхъ современниковъ, но все же подлежащими измѣненію и исправленію, благодаря вліянію христіанства. И почти невозможно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь онъ достигъ извѣстныхъ результатовъ. За отсутствіемъ какого бы то ни было доказательства этого, мы удовольствуемся тѣми его самоувѣренными словами, какія онъ нѣкогда произнесъ и какія мы только что цитировали, именно, что одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать очень многое. Сверхъ того, мы видѣли, что въ своихъ бесѣдахъ ему иногда случалось радоваться прогрессу, какой онъ констатировалъ. И онъ говорилъ это не легкомысленно, потому что чрезвычайно близко наблюдалъ за поведеніемъ своихъ пасомыхъ и ежедневно, даже внѣ церкви, имѣлъ съ ними непрерывныя и въ высшей степени искреннія сношенія. Къ несчастію, слѣдуетъ прибавить, что жители Востока, подлежавшіе его исправленію и въ Константинополѣ и въ Антіохіи, отличались крайнею подвижностью и впечатлительностью. Краснорѣчіе св. Златоуста могло въ извѣстный моментъ производить поразительное дѣйствіе; но скоро оно было забываемо, слушатели впадали въ свои прежнія заблужденія, и возобновлялись прежніе соблазнительные поступки.

Гораздо труднѣе было св. Златоусту бороться противъ тѣхъ врожденныхъ наклонностей нашей природы, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма легко переходятъ въ опасные пороки, какъ напримѣръ, противъ жадности и любви къ роскоши. Онъ могъ, по крайней мѣрѣ, приходить на помощь весьма настоятельнымъ нуждамъ посредствомъ тѣхъ благочестивыхъ сооруженій, на которыя онъ посвящалъ почти всѣ доходы своей епископіи. Но успѣлъ ли онъ насадить милосердіе въ сердцахъ

вѣрныхъ? Его постояннымъ намѣреніемъ было преобразованіе богачей и онъ страстно хотѣлъ этой радикальной реформы. Мы видѣли, какъ онъ много разъ въ категорическихъ выраженіяхъ повторяетъ, что, стремясь къ этой реформѣ, не считаетъ ея неосуществимой мечтой, но надѣется придти къ практическому результату и ради этого трудится изъ всѣхъ силъ. Но онъ не достигъ этой всеобщей реформы и не могъ ея достигнуть.

Впрочемъ, для него оставалось и нѣкоторое утѣшеніе. Онъ сгруппировалъ около себя весь цвѣтъ общества и ему внушилъ свои добродѣтели. Мы уже указали его главныхъ противниковъ: они были многочислены и пылки. Его сторонники были не менѣе преданы ему, и его подражатели не менѣе достойны удивленія. Съ первыхъ дней своей молодости, послѣ того какъ онъ самъ подпалъ постороннему вліянію, и между прочимъ вліянію своего друга Василія, его собственное вліяніе разливалось на всѣхъ окружающихъ: на Максима, Ѳеодора, Стагирія, Димитрія, *) и на множество другихъ лицъ, неизвѣстныхъ намъ. Самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ его въ Константинополѣ было пріобрѣтеніе вліянія на Олимпіаду, на долю которой выпало счастье сначала быть назидаемою св. Григоріемъ Назіанзинымъ и окончить свое воспитаніе подъ руководствомъ св. Златоуста. Но Олимпіада была не единственнымъ лицомъ, и сообщниками св. Іоанна въ его добрыхъ дѣлахъ былъ цѣлый сонмъ благочестивыхъ діакониссъ, изъ которыхъ извѣстнѣйшею является Пентадія. Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать для архидіакона Серапіона, который, несомнѣнно, отличался строгою добродѣтелью, такъ какъ безъ

---

*) Максимъ, впослѣдствіи епископъ Селевкіи Исаврійской, и Ѳеодоръ, позднѣе епископъ Мопсуестійскій, въ Киликіи, были товарищами св. Златоуста по школѣ Ливанія и Діодора Тарсійскаго. Димитрій—благочестивый монахъ, которому св. Іоаннъ написалъ свое первое слово „о сокрушеніи“. О личности Стагирія выше дѣлались многократныя упоминанія.

Прим. перев.

этого условія онъ не заслужилъ бы искренняго довѣрія со стороны своего епископа, но которому недоставало мягкости. Онъ довелъ свою строгость до жестокости и многократно подавалъ поводъ къ жалобамъ, какъ напримѣръ, тогда, когда усилилъ раздоръ св. Іоанна съ Северіаномъ Гавальскимъ, вмѣсто того, чтобы способствовать его прекращенію. А сколько преданныхъ друзей св. Златоустъ оставилъ сзади себя, отправляясь въ изгнаніе! И замѣчательно, что онъ оставилъ ихъ въ самыхъ противоположныхъ классахъ общества. Олимпіада и діакониссы принадлежали къ самымъ высокимъ фамиліямъ. Наоборотъ, среди самыхъ незначительныхъ людей набирались тѣ неизвѣстные друзья его, которые дѣлали все возможное, чтобы удержать своего архіепископа; рѣшались даже на бунтъ и почти на возстаніе въ улицахъ. Правда, Константинополь уже и раньше былъ не разъ театромъ многихъ религіозныхъ волненій, и въ будущемъ ему суждено было испытать еще болѣе серьезныя возмущенія. Безпорядки, вызываемые богословскимъ споромъ, являлись даже характеристическимъ признакомъ византійской имперіи, но на этотъ разъ причиною ихъ были благороднѣйшіе побужденія: въ основѣ спора лежалъ вопросъ о христіанской нравственности. И это произошло потому, что, благодаря замѣчательному исключенію, на престолъ, почти всегда занимаемый епископами-богословами или епископами-политиками, теперь вступилъ апостолъ.

Этихъ безвѣстныхъ сторонниковъ св. Іоанна, или, какъ ихъ тогда называли,—Іоаннитовъ, не могли устрашить никакія угрозы. Съ того самаго момента, когда онъ въ крещальнѣ обратился съ своими трогательными прощальными словами къ праведнымъ діакониссамъ, прежде чѣмъ выдать себя куріосу, имѣвшему приказаніе увезти его, св. архіепископъ совѣтовалъ имъ самую благоразумную сдержанность. Однако, даже самымъ мудрымъ военачальникамъ не всегда удается сообщить свою

сдержанность всѣмъ воинамъ. Пылкость и ревность Іоаннитовъ увлекли ихъ до нѣкоторыхъ крайностей. Правительство хотѣло обрушить на нихъ отвѣтственность за пожаръ, истребившій одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ кварталовъ Константинополя, Великую Церковь и зданіе сената. Префектъ обвинялъ въ этомъ прямыхъ учениковъ, любимцевъ св. Златоуста, и выказалъ въ этомъ дѣлѣ несправедливость и зложелательство. Но не представляется невозможнымъ,—и даже нѣсколько вѣроятно,—что въ толпѣ сторонниковъ св. Іоанна нашлись и такіе, которые пытались мстить тѣми средствами, какія самъ учитель ихъ строго осуждалъ. Во всякомъ случаѣ, это остается неизвѣстнымъ, но твердость Іоаннитовъ поистинѣ возбуждаетъ удивленіе. Они не хотѣли подчиниться новымъ епископамъ, сначала Арзакію и затѣмъ Аттику. Разсѣянные съ первыхъ же дней военною силою въ церкви и, позднѣе, въ крещальняхъ, гдѣ они готовились къ крещенію, сторонники Іоанна безпрестанно обновляли свои ряды и долгое время составляли небольшое православное общество, дѣлавшее свои собранія внѣ города. Іоанниты терпѣливо дождались того дня, когда сынъ той-же Евдоксіи, Θеодосій Младшій, возстановилъ добрую память св. Златоуста и торжественно перенесъ изъ Комана останки епископа-мученика.

Въ то-же время, и помимо діакониссъ, многія значительныя лица оставались вѣрными святому изгнаннику. Онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ высокихъ византійскихъ фамилій, хотя большинство изъ нихъ, устрашенное его обличеніями богатства и роскоши, оказывали ему озлобленное сопротивленіе. Фактъ его близости къ такимъ лицамъ мы можемъ засвидѣтельствовать, благодаря его весьма любопытной перепискѣ, главнымъ образомъ, составленной изъ писемъ, относящихся ко времени изгнанія. Мы видимъ здѣсь, что многіе сенаторы спорили о чести предложить ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, которыми они располагали

около Кукуза. Они посылали ему дары, но онъ отказывался принять ихъ и отсылалъ ихъ на устройство финикійской и киликійской миссій. Правда, нельзя сказать, что эти обнаруженія благочестія были изъ числа тѣхъ, какія высоко цѣнилъ св. Златоустъ, и это вполнѣ чувствуется въ его отвѣтахъ. Быть можетъ, что лица, предлагавшія ему гостепріимство, или посылавшія ему подарки, на дѣлѣ не выполняли,—какъ предпочелъ бы онъ,—строгихъ правилъ его морали. Но нѣкоторые другіе факты показываютъ намъ, однако, его вліяніе, проникающее въ самую глубину человѣческой души. Самою любопытною представляется исторія того юноши Ѳеодота, сына Ѳеодота, который былъ увлеченъ примѣромъ св. Іоанна къ монашеской жизни и въ концѣ концовъ добился согласія своего отца, хотя и противъ его желанія.

Не менѣе интересно видѣть по этой, приписываемой св. Златоусту перепискѣ, сколько глубокой преданности сохранили къ нему жители Антіохіи. Его несчастія воспламенили горячую любовь къ нему всего народа, не смотря на интриги недостойнаго и, по свидѣтельству біографа Палладія, даже позорно дѣйствовавшаго епископа. Когда Ѳеофилъ и Северіанъ, пользуясь обычнымъ для Ѳеофила пріемомъ и уже примѣнивъ его въ дѣлѣ пресвитера Исидора, послали въ Сирію тайныхъ развѣдчиковъ, съ цѣлью поразузнать о прошломъ св. Іоанна, то эти послѣдніе, не только не открыли ничего, что могло бы служить для него упрекомъ, но не могли даже вызвать малѣйшаго лжесвидѣтельства, не могли уловить ни малѣйшаго шума клеветы, т. е. лишены были того средства, которымъ они пользовались съ величайшимъ безстыдствомъ. Когда Ѳеофилъ взялъ, наконецъ, верхъ, и св. Златоустъ совершалъ свое путешествіе въ Кукузъ, во время своего долгаго перехода чрезъ Малую Азію, святой изгнанникъ безпрестанно получалъ изъ родного ему города драгоцѣнныя свидѣтельства сочувствія. Въ частности, клиръ, тотъ самый

сирійскій клиръ, который онъ восхвалялъ, не забылъ его: многіе пресвитеры писали ему трогательныя письма, и по тону письма священника Констанса, мы можемъ судить, насколько эти друзья св. Іоанна были похожи на него, т. е. одушевлены его духомъ и проникнуты его добродѣтелями.

Итакъ, св. Златоустъ не реформировалъ, какъ на то надѣялся, нравовъ всего Антіохійскаго или Константинопольскаго народа. Но во первыхъ, онъ могъ искоренить нѣкоторыя частныя злоупотребленія, или, по крайней мѣрѣ, подготовить мѣсто для будущей реформы. Во вторыхъ, онъ оказалъ чрезвычайно могущественное вліяніе на всѣхъ тѣхъ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ нимъ, на тѣ избранныя души, которыя чувствовали къ нему страстное влеченіе. Намъ извѣстны тѣ, имена которыхъ сохранилъ епископъ Палладій, и сколь многіе еще намъ извѣстны! Тотъ, кто составилъ столь возвышенное представленіе о своей епископской миссіи, кто считалъ такою страшною отвѣтственность проповѣдника и вѣрилъ, что ему нужно отдать отчетъ предъ Богомъ не только за себя, но и за всю свою паству,—могъ имѣть спокойную совѣсть, если этому не служило бы препятствіемъ его смиреніе. Онъ былъ увѣренъ, что въ день суда онъ предстанетъ предъ вышнимъ престоломъ съ прекраснымъ сонмомъ обращенныхъ его словомъ и примѣромъ душъ. И онъ прекрасно зналъ, что пріятнѣе спасенной души не можетъ быть дара Отцу и Сыну, и любилъ повторять, что пріобрѣтеніе единой души является несравнимымъ дѣломъ. «Ибо нѣтъ ничего драгоцѣннѣе души, ни даже весь міръ».

Принципы Златоустовой морали.—Его нравственный и религіозный идеалъ.

Если политика судятъ по достигнутымъ имъ результатамъ, то не такъ оцѣниваютъ апостола. Здѣсь важнѣе все-

го узнать, къ какому идеалу апостолъ стремился, такъ какъ этотъ идеалъ продолжаетъ сохранять свое вліяніе и послѣ его смерти на слѣдующія поколѣнія. И намъ, такимъ образомъ, нужно попытаться освѣтить руководящія идеи св. Златоуста, до сихъ поръ представлявшіяся у насъ только въ разъединенномъ видѣ.

Св. Златоустъ не обладалъ умомъ, по природѣ склоннымъ къ метафизикѣ, и не трудился для разработки богословія, такъ что можно писать исторію догматовъ, даже не упомянувъ его имени. Онъ почерпаетъ свою вѣру въ евангеліяхъ, изъясняя ихъ по весьма мудрой для своего времени методѣ, скорѣе исторической, чѣмъ аллегорической. Впрочемъ, эта метода не исключительно принадлежитъ ему, но свойственна всей антіохійской школѣ, весьма отличной отъ школы александрійской. Онъ чтитъ христіанство потому, что быстрое распространеніе его кажется ему чудеснымъ и носитъ, по его мнѣнію, въ себѣ самомъ очевидный признакъ истины. Главнымъ же образомъ, онъ вѣритъ въ силу потребности сердца, въ силу преклоненія предъ возвышенною красотою ученія Іисуса Христа. Православіе онъ принимаетъ въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено на Никейскомъ соборѣ, и повторяетъ неизмѣнно тѣ положенія, которыя сдѣлались традиціонными со временъ Аѳанасія Великаго. Св. Іоаннъ оригиналенъ только въ области морали. Отсюда, повидимому слѣдуетъ, что профессіональные метафизики могли-бы быть отчасти недовольны имъ, но такое заключеніе будетъ несправедливо. Моралистъ стоитъ въ истинномъ центрѣ всѣхъ вещей, и съ этой точки зрѣнія, если его взглядъ правдивъ, то его мораль имѣетъ большую цѣну.

Главнымъ убѣжденіемъ, всегда вдохновлявшимъ св. Златоуста, является вѣра въ свободную волю человѣка. Необходимо, однако, высказаться относительно этого предмета съ нѣкоторою подробностью, такъ какъ вопросъ весьма ва-

женъ и не чуждъ трудностей. Извѣстно, что на св. Іоанна часто смотрѣли, (если не чистые пелагіане, то по крайней мѣрѣ полупелагіане) какъ на своего единомышленника и даже какъ на одного изъ своихъ предшественниковъ *). Юліанъ **) ссылался на него въ своей полемикѣ съ блаженнымъ Августиномъ, и послѣднему стоило многихъ трудовъ опровергнуть его. Кассіанъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полупелагіанъ, былъ прямымъ ученикомъ св. Златоуста и всегда считалъ честью, что получилъ образованіе у него. Пелагіанинъ Анніанъ перевелъ на латинскій языкъ, сообразно съ нуждами времени, нѣкоторыя изъ его бесѣдъ, на которыя смотрѣлъ, какъ на особенно знаменательныя и предпослалъ имъ даже довольно замѣчательное предисловіе, гдѣ очень хорошо и съ разумною симпатіей отмѣтилъ черты генія и характера св. Іоанна. Съ другой стороны, православные старались доказать полнѣйшее православіе св. Іоанна, начиная съ блаженнаго Августина и до XVII-го вѣка, когда возобновленіе споровъ о благодати возбудило живой интересъ къ разсужденію объ этомъ предметѣ. Тильмонъ, напримѣръ, не счелъ возможнымъ избѣжать этого разсужденія, хотя и обсудилъ его только на половину и не безъ нѣкотораго замѣшательства. Дѣйствительно, рѣшеніе довольно трудно, и въ особенности оно должно казаться такимъ для богослововъ, привыкшихъ очень строго взвѣшивать слова и слоги, и примѣнять, повидимому, весьма строгіе методы истолкованія. Не такъ затруднительно это дѣло для свободной критики, которая, впрочемъ, имѣетъ здѣсь преимущество совершеннаго безпристрастія.

Нужно, однако, прежде всего замѣтить, что главные мѣ-

---

*) Оригинальнѣйшій мыслитель антіохійской школы, Θеодоръ Мопсуестійскій, принялъ сторону противниковъ бл. Августина.

**) Юліанъ, епископъ Эклана, близь Беневента, сторонникъ Пелагіанскаго теченія. *Прим. перев.*

ста твореній св. Златоуста о свободѣ воли, крайне многочисленныя, довольно часто противорѣчивы. Онъ существенно стоялъ за идею нравственной свободы и, однако, не хотѣлъ пожертвовать для этого вѣрою въ нужду и силу благодати. Нѣкоторыя изъ этихъ очевидныхъ противорѣчій, равно какъ и нѣкоторыя, не совсѣмъ точныя выраженія его легко объясняются уже самымъ складомъ ума св. Іоанна, мало расположеннаго къ чистому философствованію. Другое основаніе часто было предлагаемо православными писателями, и оно, дѣйствительно, не лишено силы. Оно состоитъ въ томъ, что этотъ неясный вопросъ объ отношеніи благодати къ свободной волѣ, въ эпоху проповѣди св. Іоанна, не только не былъ рѣшенъ Церковью (такъ какъ онъ и никогда не былъ и не будетъ строго рѣшенъ) но даже ясно поставленъ. Великій богословскій споръ между Пелагіемъ и бл. Августиномъ до тѣхъ поръ еще не былъ поднятъ. Только въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ св. Златоуста находится бѣглый и неясный намекъ на нѣкоего Пелагія, заблужденіе котораго онъ оплакиваетъ; и нельзя утверждать со всею достовѣрностью, хотя намъ это и кажется правдоподобнымъ, что этотъ Пелагій дѣйствительно и есть ересіархъ. Какъ бы то ни было, православные не переставали увѣрять, что еслибы св. Златоустъ присутствовалъ при этомъ великомъ спорѣ, то онъ разсмотрѣлъ бы вопросъ ближе, не допустилъ бы нѣкоторыхъ отчасти двусмысленныхъ выраженій и, однимъ словомъ, энергически принялъ бы сторону, противную ереси. Съ своей стороны, мы думаемъ, что онъ дѣйствовалъ бы при этомъ именно такимъ образомъ, но нужно не забывать того, что, еслибы онъ былъ причастенъ этому спору, въ то время, когда православіе еще не высказалось по этому вопросу, то онъ способствовалъ бы созданію православнаго взгляда. И кто знаетъ, можетъ быть, его вліяніе уравновѣсило бы вліяніе бл. Августина. Безспорно, Церковь не могла допу-

стить чисто пелагіанскаго положенія, совершенно противнаго духу, уже издавна царившему въ Церкви, и непримиримаго съ религіей, имѣющею въ основѣ своей мысль объ искупленіи. И повторяемъ, св. Іоаннъ осудилъ бы пелагіанскій взглядъ, еслибы онъ былъ высказанъ въ его время. Но въ подобномъ вопросѣ огромное значеніе имѣютъ оттѣнки мысли. Бл. Августинъ всею силою своего пылкаго генія надолго увлекъ богословіе на путь мнѣнія объ исключительно дѣйствующей благодати. Умъ св. Златоуста наиболѣе сильно привлекала мысль объ участіи свободной воли въ дѣлѣ спасенія, и за нее онъ всегда твердо держался. Будущность ученія объ этомъ предметѣ значительно измѣнилась бы, если бы бл. Августинъ въ своей борьбѣ встрѣтился съ этимъ могущественнымъ борцомъ. По нашему мнѣнію, можно съ полною справедливостью сказать, что, хотя св. Златоустъ никогда не былъ пелагіанистомъ, но онъ былъ, дѣйствительно, довольно близокъ къ тому теченію, которое послѣ него называли полупелагіанствомъ. Онъ усвояетъ многое благодати, но, при строгомъ изслѣдованіи, всего чаще представляетъ ее только помощницею свободной воли, а не смотритъ на нее, какъ не необходимаго перводвижителя. И этого убѣжденія нельзя было отнять у него, потому что имъ онъ жилъ, оно было для него бытіемъ, и безъ него не имѣла бы смысла вся его проповѣдь.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что этотъ проповѣдникъ значенія свободной воли столь часто возвращался къ панегирику апостолу Павлу и по преимуществу представлялъ себя ученикомъ этого учителя. Но здѣсь нужно сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, слѣдуя своей исторической методѣ изъясненія, св. Златоустъ иногда лучше понимаетъ истинный смыслъ текстовъ ап. Павла, чѣмъ большинство его современниковъ, а нѣкоторые очень важные стихи изъясняетъ своеобразно и иногда въ

очень неожиданномъ смыслѣ. Во вторыхъ,—въ ап. Павлѣ онъ различаетъ двухъ людей: человѣка благодати и человѣка любви, и имѣетъ въ виду именно послѣдняго. Онъ дивится въ немъ апостолу, дѣятельность котораго была столь энергичною и плодотворною, что онъ обратилъ огромную часть міра, дивится въ немъ тому, кто написалъ извѣстный стихъ «аще не имамъ любви...» и вся его собственная проповѣдь была именно развитіемъ этого самаго стиха. И Неандеръ *) остроумно замѣтилъ, что даже, разсказывая объ обращеніи ап. Павла, св. Златоустъ не жертвуетъ свободной волей, но пытается показать, что и въ этотъ моментъ она была въ немъ существеннымъ элементомъ.

Въ связи съ теоріею св. Іоанна Златоуста о свободѣ воли стоитъ другое положеніе, часто имъ развиваемое и, какъ оказывается послѣ обстоятельнаго анализа, ведущее свое начало не изъ евангелій или посланій ап. Павла, но изъ той мірской философіи, къ которой и ап. Павелъ, и св. Златоустъ считали долгомъ относиться съ презрѣніемъ. Мы разумѣемъ положеніе стоиковъ, что ничто не можетъ вредить человѣку, кромѣ грѣха. Эту мысль св. Іоаннъ часто выражалъ въ своихъ поученіяхъ и, въ концѣ своей жизни, въ самыхъ нѣдрахъ изгнанія, обратился къ ней и сдѣлалъ ее предметомъ частнаго трактата.

Къ той-же самой теоріи приближаются и его взгляды на управленіе Провидѣнія. Мы уже видѣли, что христіанство съ трудомъ могло вселить въ умы вѣру въ воскресеніе, такъ какъ іудейскія и языческія предубѣжденія оказывали ему противодѣйствіе. Одни затруднялись допустить обновленіе тѣлъ и возстановленіе плоти; другіе думали, что милосердіе Божіе слишкомъ велико и потому отказывались вѣрить въ вѣчность мученій. Но почти весь міръ допускалъ безъ сомнѣній без-

*) Извѣстный церковный историкъ, авторъ книги „Св. Іоаннъ Златоустъ“ (Der heilige Iohannes Chrysostomus). *Прим. перев.*

смертіе души. Хотя такое вѣрованіе и оказывало большую помощь и имѣло необычайную силу, однако, многіе чувствовали смущеніе и безпокойство, видя вѣчное зрѣлище несправедливостей судьбы. Съ цѣлью дать отвѣтъ такимъ лицамъ, св. Златоустъ предложилъ весьма ясную теорію управленія Провидѣнія, относящуюся къ типу системъ мздовоздаянія. При своемъ огромномъ знаніи человѣческаго сердца, при своей весьма широкой и добросовѣстной опытности, онъ признавалъ, что на землѣ нѣтъ ни совершенно добраго, ни совершенно дурного человѣка. Онъ допускаетъ, что если злой человѣкъ бываетъ счастливъ здѣсь, то онъ вознаграждается за нѣкоторыя, неизвѣстныя людямъ, добрыя дѣла и будетъ наказанъ за свои пороки въ жизни будущей. Подобнымъ же образомъ, видя человѣка, страдающаго отъ великихъ, повидимому, незаслуженныхъ несчастій, мы не знаемъ, не допустилъ ли онъ какихъ-либо легкихъ грѣховъ, за которые и наказывается. А такъ какъ добродѣтель преобладаетъ въ его жизни надъ порокомъ, то по смерти онъ долженъ будетъ вкусить вѣчное блаженство. Въ частности, это положеніе развито съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ въ прекрасныхъ бесѣдахъ на притчу о Лазарѣ. Такой взглядъ можетъ показаться довольно поверхностнымъ, и, безспорно благоразумнѣе не пытаться рѣшать съ такою точностью столь затруднительный и темный вопрсcъ. Впрочемъ, мы не знаемъ, насколько твердо держался св. Златоустъ даннаго имъ рѣшенія. Не забудемъ, что онъ излагалъ его скорѣе какъ проповѣдникъ, чѣмъ какъ учитель, и мы поймемъ, что, при такомъ условіи, его изъясненіе могло достигать своей цѣли.

Итакъ, болѣе всего св. Златоустъ уважалъ въ человѣкѣ его свободную волю, на которой зиждется личная отвѣтственность, и всѣ его усилія клонились къ тому, чтобы воздѣйствовать на эту свободную волю. Ему хотѣлось, чтобы человѣкъ не только покорялся закону, но чтобы онъ понялъ

его и чувствовалъ къ нему влеченіе по свободной любви. Отсюда его ужасъ предъ рутиною, предъ всѣми чисто матеріальными формами набожности и узкою обрядностью. Сколько прекрасныхъ словъ его мы уже приводили по этому поводу и сколько еще могли бы привести! Сравнивая іудейскую синагогу съ христіанскою церковью, онъ восклицалъ: «у насъ нѣтъ дерева и огня, жертвенника и меча, но вся наша вѣра есть духъ!» Отсюда и тѣ ограниченія, какія въ концѣ концовъ онъ сдѣлалъ по отношенію къ аскетизму, когда ему показалось, что люди преувеличиваютъ значеніе послѣдняго. Отсюда же, наконецъ, его усилія оживотворить богослуженіе, съ цѣлью воспрепятствовать забвенію его смысла.

Идеаломъ св. Златоуста была истинно апостольская и евангельская церковь, гдѣ не было бы слишкомъ глубокаго отдѣленія клира отъ мірянъ, но всѣ вѣрующіе были бы одинаково проникнуты единымъ духомъ. «*И было у множества вѣрующихъ одно сердце и одна душа*»—таковъ поистинѣ былъ его девизъ, и это-то именно онъ хотѣлъ осуществить. Въ этомъ заключается смыслъ столь часто предлагаемыхъ имъ совѣтовъ—никогда не забывать ближняго и заботиться о спасеніи другого столько же, сколько и о своемъ собственномъ. Пусть каждый домъ будетъ церковью, пусть каждый отецъ семейства наблюдаетъ за воспитаніемъ своей жены, дѣтей и рабовъ, помогаетъ имъ и руководитъ ихъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія. Пусть вліяніе каждой семьи распространяется на сосѣднія семьи. Никто болѣе св. Златоуста не выказывалъ чувства взаимной отвѣтственности. Ему хотѣлось, чтобы всѣ взаимно наблюдали другъ за другомъ и дѣлали обоюдныя указанія; это было бы истиннымъ братствомъ. Единственной опасности,—опасности соблазна, легко избѣжать, умѣя соблюдать мѣру и необходимое благоразуміе. Опорою этихъ совѣтовъ св. Златоустъ выставлялъ своимъ слушателямъ дѣйствительно очень силь-

ное основаніе: вы, говорилъ онъ, знаете другъ друга лучше, чѣмъ мы, пресвитеры, мы же не имѣемъ возможности знать васъ.

Мы видимъ, что въ лицѣ св. Іоанна, въ тотъ вѣкъ богословія и политики, который имѣлъ великую задачу—установить главнѣйшіе догматы и опредѣлить надлежащій способъ отношеній между Церковью и государствомъ,—передъ нами возстаетъ человѣкъ, возвращающій насъ къ самымъ первымъ временамъ христіанства, къ той блаженной эпохѣ, когда міръ стремился почитать Бога въ духѣ и истинѣ, и люди воздавали кесарево кесарю, не испрашивая у него дозволенія воздать Божіе Богу. Неандеръ ярко освѣтилъ эту оригинальную сторону личности св. Златоуста, сравнивъ его съ великимъ его западнымъ соперникомъ, блаженнымъ Августиномъ, истиннымъ родоначальникомъ средневѣковаго богословія. Это сопоставленіе можно пополнить посредствомъ отличенія св. Іоанна отъ св. Амвросія,—истиннаго предка епископовъ-политиковъ. Прибавимъ еще одну оговорку: Неандеръ, слѣдуя историческому духу нѣмецкой науки, видитъ въ появленіи св. Златоуста отчасти необходимое явленіе, неизбѣжное послѣдствіе извѣстнаго періода IV-го вѣка. Онъ замѣчаетъ, что годы священства и епископства св. Іоанна падаютъ на относительно мирное время, смѣняющее аріанскіе споры и предшествующее пелагіанскимъ преніямъ, такъ сказать, на время богословскаго перемирія. Это замѣчаніе не лишено справедливости, но св. Златоуста создала прежде всего его собственная природа, его любвеобильная, проникнутая евангельскимъ духомъ душа. Мы должны быть благодарны не исторической необходимости, но его собственной свободной волѣ.

Мы видимъ въ св. Іоаннѣ перваго изъ тѣхъ великихъ людей, какихъ имѣла Церковь почти во всѣ вѣка своего существованія. Эти люди умѣли возвратиться къ духу первоначальныхъ временъ христіанства и, вслѣдствіе своего равнодушія къ внѣш-

нимъ формамъ, трудились только надъ исправленіемъ нравовъ. Начиная съ эпохи перваго христіанскаго поколѣнія и кончая вѣкомъ францисканскихъ началъ, мы не знаемъ никого, кто бы болѣе его употребилъ искреннихъ усилій, съ цѣлью провести во все общество,—отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ низшихъ его классовъ,—истинныя основы христіанства во всей ихъ силѣ и чистотѣ. Неандеръ справедливо сказалъ. что св. Златоустъ былъ одинаково почитаемъ всѣми христіанскими направленіями. Можно выразиться сильнѣе и сказать, что онъ одинаково достоинъ уваженія всѣхъ тѣхъ, кто, независимо отъ своего взгляда на догматы, смотритъ на евангельскую мораль, какъ на высочайшій идеалъ, какой когда-либо былъ предложенъ людямъ. Если тотъ духъ истины и любви и то милосердіе, которое его одушевляло, должны и въ будущемъ, каково бы оно ни было, внушать всѣ великія дѣла и всѣ великія мысли,—то св. Златоустъ останется всегда однимъ изъ прекраснѣйшихъ нравственныхъ примѣровъ, какіе только можетъ созерцать человѣчество. Онъ обладалъ тѣми двумя противоположными качествами, совмѣщать которыя можетъ только великая душа, и которыя были дивно соединены въ Божественномъ Учителѣ евангелія,—т. е. отвагою тѣхъ дерзновенныхъ людей, которые восхищаютъ небо, и святою кротостью смиренныхъ. Пользуясь опять выраженіемъ того, кто такъ прекрасно понялъ св. Іоанна, ибо много любилъ его,—разумѣемъ Неандера,—мы можемъ сказать, что «онъ былъ безжалостенъ ко грѣху, исполненъ милосердія къ грѣшнику».

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
13	10 св.	здѣсь,	здѣсь
18	7 св.	сохранившіеся	сохранившіяся
—	9 св.	онѣ	они
27	4 св	Беррійскаго	Берейскаго
46	17 св.	о сти	о шерсти
—	3 сн.	имъ Іоаннъ св.	имъ св. Іоаннъ
55	15 сн.	промежутокъ	промежутокъ времени
60	12 св.	можно—выразиться,— историческими	можно выразиться,— историческими,
96	8 св.	соединяясь	соединялась
121	10 сн.	болѣе гораздо	гораздо болѣе
—	2 сн.	онѣ	они
122	15 св.	зованныхъ	зованныхъ,
—	13 сн.	воспитаніе,	воспитаніе
140	18 св.	ровно	равно
182	4 сн.	питаемые	питаемыя
193	14 св.	Да	Да,
205	16 св.	не православными	неправославными
216	прим. 2 сн.	святой	страстной
232	16 св.	давала	давало
286	5 св.	возбуденныхъ	возбужденныхъ
303	10 сн.	послѣ,	послѣ
305	6 св	Порфирій.	Порфирій

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Антіохія и Константинополь.

ГЛАВА II.

Классы общества.

ГЛАВА III.

Семья.

ГЛАВА IV.

Религія.

ГЛАВА V.

Зрѣлища.

ГЛАВА VI.

Дворъ и государство.

Заключеніе.

